

Г.Р. ДЕРЖАВИН

Г.Р.
ДЕРЖАВИН
СОЧИНЕНИЯ

Talpinus g. f. f. f.

Г.Р.
ДЕРЖАВИН

СОЧИНЕНИЯ

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1987

Составление

В. П. СТЕПАНОВА и Г. П. МАКОГОНЕНКО

Вступительная статья

Г. П. МАКОГОНЕНКО

Примечания

В. П. СТЕПАНОВА

Оформление художника

Э. Х. НАСИБУЛИНА

*На вклейке: Г. Р. Державин. Гравюра И. Пожалостина
с портрета работы В. Л. Боровиковского 1812 года*

Д $\frac{4702010100-059}{028(01)-87}$ 29-87

© Состав, вступительная статья, комментарий, оформление. Издательство
«Художественная литература», 1987 г

ПОЭЗИЯ, ВОССОЗДАЮЩАЯ «ИСТИННУЮ КАРТИНУ НАТУРЫ»

Репутация поэта складывается при его жизни. Реальное же понимание его поэзии и ее места в литературном развитии определяет и обуславливает история. Яркой иллюстрацией этой закономерности является творчество Державина.

Слава пришла к Державину внезапно в 1783 году, когда в первом номере журнала «Собеседник любителей российского слова» была напечатана его ода «Фелица». Стихотворение, обращенное к Екатерине II, понравилось императрице, автор был награжден золотой табакеркой и 500 червонцами. В следующем году в «Собеседнике» была напечатана ода «Бог», имевшая шумный успех и даже переведенная на ряд европейских языков.

Происходило это в пору нараставшего кризиса классицизма, когда ода себя изживала. Правила нормативной поэтики обязывали следовать образцам (реально в России — подражать одам Ломоносова), но уже в 1770-е годы это следование неизбежно вело к эпигонству. Журналы были наводнены подражательными одами. Появились и пародии на этот жанр; «надутость слога» стала предметом осмеяния.

Современники полагали, что все дело не в пороках изживавшей себя поэтической системы, не в жанре, а в отсутствии таланта у новых поэтов. Опыты Державина как бы подтверждали подобное заключение — он писал глубоко оригинальные оды, им была чужда подражательность, потому что их автор высокоодаренный поэт. Так рождалась и в последующем закреплялась репутация Державина-лирика, основным жанром которого была ода.

В действительности же Державин выступил дерзким разрушителем эстетической системы классицизма, смелым новатором, открывшим русской поэзии новые пути. Его новаторство понимали немногие, но были и понимавшие. Прежде всего стоит назвать поэта Ермила Кострова, сына государственного крестьянина. Получив журнал «Собеседник» и прочтя «Фелицу», он счел необходимым публично оценить подвиг нового поэта. Так появилось «Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы, царевны киргиз-кайсацкой». Поэт-демократ констатировал, что недостойная лесть царям заполняла современные эпигонские оды:

Наш слух оглох от громких лирных тонов,
И полно, кажется, за облака летать...

Что же сделал Державин? «Путь непротоштаный и новый ты избрал». И на этом пути проявилась его оригинальность: сохраняя высокую тему — воспевая «добродетели» императрицы, — он отказался от риторики и простым слогом выразил свое личное отношение к Екатерине II и ее окружению. «Ты простотой умел себя средь нас вознестъ».

Случай с Костровым примечательный, но это была редкость. Непонимание истинной сущности и новизны державинской поэзии большинством публики определили желание поэта самому сформулировать программное своеобразие своих од. В 1795 году, следуя примеру Горация, он пишет стихотворение «Памятник», в котором так определяет свое право на бессмертие:

Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,
Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истины царям с улыбкой говорить.

Главной особенностью эстетической позиции Державина была искренность. Когда он хвалил императрицу — он не льстил, но писал правду, веря, что приписываемые добродетели действительно были ей свойственны. В стихах он наиболее точно определял свои поэтические принципы. «Памятник» — в этом смысле важнейший эстетический документ. Опираясь на традицию, поэт открывал существо своего художественного новаторства, которое и должно было обеспечить «бессмертие».

Постараемся исторически понять смысл державинских слов-определений, гарантирующих это бессмертие. «Первый я дерзнул в забавном русском слоге...» В чем «дерзость» Державина? В отступлении от знаменитых «правил» классицизма. Правила эти требовали, чтобы поэт «вещал», провозглашал в виде вечных истин те абстрактные добродетели, которые «положены» императорскому сану и выражались общим для од слогом. Державин же создал «забавный русский слог», помогавший ему раскрывать во всем, о чем бы он ни писал, свою личность. Шутка выявляла индивидуальный склад ума, манеру понимать вещи и взгляд на мир, свойственный именно данному поэту, его личное отношение к Екатерине II — человеку, с характерными для нее привычками, делами, заботами.

Еще большая дерзость проявилась в оде «Бог». Господствующая христианская религия, унижая человека, бросала его под ноги «высшему существу», внушала, что он «ничто», «раб божий», заставляла его говорить с богом, лишь стоя на коленях. Да и не говорить, а молить и униженно просить милостей. Державин бунтарски провозглашает возрожденческую истину — человек величием своим равен богу:

«Ты есть, — и я уж не ничто!»
Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества.

При этом свою программную мысль поэт не декларирует, а доверительно раскрывает как глубоко личное убеждение. Отсюда и это определение — «В сердечной простоте беседовал о божестве».

Итак — главным открытием Державина было открытие личности. В его стихах создан образ живого, реального человека, раскрытого в своих многообразных связях с окружающим его миром русской жизни. Тем самым поэт отвечал на великий запрос своего времени, поставленный еще в эпоху Возрождения, а в России XVIII века — антифеодальной идеологией Просвещения. Г. А. Гуковский, крупнейший ученый нашего времени, писал о Державине: «Ведь идея личности человека, требующего прав на внимание к себе именно потому и только потому, что он человек, а не потому, что он дворянин или сановник, была выражением прогрессивного требования «прав человека и гражданина». Ведь культ человеческого в человеке рвал в искусстве и идеологии путы феодального и церковного угнетения личности, путы, сковывавшие земные стремления человека...» «Ничего дворянского, ничего сословного нет в человеческом идеале, созданном Державиным и воплощенном образно в герое-авторе его поэзии...»¹

Классицизм требовал от поэтов анализа действительности. Они должны были «аналогическими определениями указывать логическую сущность» не предмета, но понятия. Державин отвергает этот принцип и утверждает новый метод изображения действительности как раскрытие сущности видимого, чувствами познаваемого предмета в его конкретных формах, цвете и т. д. Именно потому, указывал Г. А. Гуковский, «Державин открыл для русской литературы природу, пейзаж; до Державина природа давалась в эклогах, песнях, поэмах совершенно условно, не конкретно»².

Свои произведения, разрушавшие эстетические каноны оды, Державин называл одами, и не только следовал традиции, но и оказывался вынужденным иногда повторять то, что одновременно отвергал. Отсюда — вторжение риторики в его стихи, отсюда знаменитая «невывержанность» Державина, которую отмечали и Пушкин, и Белинский. Но путь новатора в реальных исторических условиях не был легким.

«До Державина, — писал Г. А. Гуковский, — все элементы художественного произведения подчинялись принципу согласованности друг с другом по закону искусства и жанра: «высокая» тема сочеталась с «вы-

¹ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939. С. 416—417.

² Там же. С. 410.

сокой» лексикой и т. д. Державин выдвинул новый принцип искусства, новый критерий отбора его средств — принцип индивидуальной выразительности. Он берет те слова, те образы, которые соответствуют его личному, человеческому, конкретному намерению воздействия. «Высокое» и «низкое» у него сливаются. Он отменяет жанровую классификацию. Его стихи — не проявление жанрового закона, а документы его жизни»¹.

Реальный анализ художественной системы Державина привел Г. А. Гуковского к определению основы художественного метода поэта. Для исследователя ясно, что «поэтическая система классицизма оказалась радикально разрушенной Державиным». Но разрушая старую систему, поэт создал новую. «В самой сущности своего поэтического метода Державин тяготеет к реализму. Он впервые в русской поэзии воспринимает и выражает в слове мир зримый, слышимый, плотский мир отдельных, неповторимых вещей. Радость обретения внешнего мира звучит в его стихах»².

Этот исторически и эстетически точный вывод серьезного ученого не получил полного признания и развития у историков литературы XVIII века. По-прежнему многие современные литературоведы продолжают гальванизировать старую репутацию Державина-классициста. Выводы Г. А. Гуковского игнорировались прежде всего потому, что примитивно понимался реализм. Реализм Пушкина — это программно новый этап исторического развития данного направления. В дальнейшем он будет обогащаться, приобретать все более сложный характер. Ему же, естественно, предшествовал начальный этап. И стоял у истоков развития реалистического направления в поэзии Державин. Мощный гений поэта обусловил возможность совершенного им переворота³.

Изображая реального человека в окружении подлинных событий и обстоятельств жизни, быта, природы и вещей, Державин оказался способным раскрыть национальную обусловленность характера своего героя. Это чутко уловил и понял Белинский, который первым заговорил о народности поэзии Державина, его умении раскрыть в стихах «русский ум». В Державине, по Белинскому, «мы имеем... великого, гениального русского поэта, который был верным эхом жизни русского народа, верным отголоском века Екатерины II».

Народность — категория историческая; термин этот не был известен писателям XVIII века. И не случайно — господствовавшим двум литературным направлениям — классицизму, а потом сентиментализму — понятие «народность» как критерий литературы не было ведомо.

Для писателей-реалистов первой половины XIX века Пушкина и Гоголя, критика Белинского народность была важнейшим мерилom

¹ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. С. 411.

² Там же. С. 409—410.

³ Подробнее об этом см. в моей книге: От Фонвизина до Пушкина. М., 1969. С. 336—508.

литературного произведения. Ее изначальная сущность была определена Белинским уже в «Литературных мечтаниях»: «Наша народность состоит в верном изображении картин русской жизни»¹. Эстетический же кодекс классицизма и сентиментализма лишил писателей возможности быть в своих сочинениях верными действительности.

В то же время Пушкин и Гоголь находили высоко ими ценимую народность у своих предшественников — Державина и Фонвизина. Белинский, как мы только что видели, также видел и высоко оценивал народность и Державина, и Фонвизина. Подобная объективно точная оценка произведений этих двух писателей — убедительное свидетельство понимания новаторства Державина, его разрыва с классицизмом.

С чего же начинал свой творческий путь автор «Фелицы» и «Бога»? Ответ Державина на этот вопрос был записан поэтом Иваном Дмитриевым: «Кто бы мог ожидать, какой был первый опыт творца «Водопада»? Переложение в стихи, или, лучше сказать, на рифмы площадных прибаюток насчет гвардейского полка! Потом обратился он уже к высшему рифмованию и переложил в стихи несколько начальных страниц «Телемака» с русского перевода; когда же узнал правила поэзии, принял в образец Ломоносова»².

Биография поэта сложилась своеобразно. Родился он в 1743 году в семье бедного офицера, который имел небольшой участок земли и 10 крепостных. Отец служил в малых офицерских чинах по дальним гарнизонам, то под Казанью, то в Оренбурге. Жили так бедно, что не могли нанять мальчику учителей, а мать, полуграмотная женщина, и вечно занятый службой отец обучать сына не могли. Грамоте его начал учить дьячок сельской церкви. Затем дьячка сменил сосланный в Оренбург немец Розе; математике обучали сослуживцы отца. В одиннадцать лет Державин остался сиротой — умер отец. В 1759 году, когда в Казани открылась гимназия, мать поспешила отдать сына туда.

В гимназии, помимо занятий по общей программе, мальчики с интересом изучали литературу, преподаватели поощряли их увлечение театром. Державин учился усердно, проявляя способности к рисованию, музыке и поэзии. Стихи сочинял тайком, рисунки же показывал товарищам и педагогам. Однажды ему поручили на составленной гимназистами карте Казани нарисовать виды города. Директор гимназии, драматург Веревкин, эту карту с картинками повез в Петербург куратору Московского университета вельможе И. И. Шувалову. В награду Державина зачислили в гвардию, куда попадали только дети аристократов и богатых дворян. Записанные в полк в детском возрасте, они долгое время не служили, жи-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 1. С. 49, 50, 94. В дальнейшем ссылки на том и страницы будут даны в тексте.

² Дмитриев И. И. Сочинения. СПб., 1893. Т. 2. С. 43.

ля и учились дома, а чины им шли. Державина же в 1762 году отозвали из гимназии и заставили служить в Преображенском гвардейском полку солдатом. Десять лет тянул он тяжелую солдатскую лямку. Дни были заняты службой, на чтение книг, на любимую поэзию оставались только ночи.

Первые стихотворные опыты в казанской гимназии до нас не дошли. Следующий этап творчества — солдатчина. Поэт позже признавался, что служба в полку и жизнь в казарме были для него «академией нужд и терпения», что именно здесь он «образовал себя». Жизнь в полку подсказывала Державину и темы, и жанры. Он писал иронические и сатирические куплеты о солдатской жизни гвардейского полка, которые распевались гвардейцами. Сочинял песни, рассказывая о своих любовных чувствах и увлечениях своих сотоварищей.

В солдатской среде пользовалась успехом демократическая литература — произведения М. Чулкова, И. Баркова, рукописные песенники, популярны были злые пародии на высокие жанры классицизма и прежде всего на официальные оды (их писали и Чулков, и особенно озорно Барков).

Державин писал любовные песенки для себя и для товарищей. Некоторые хранил и складывал в сундучок — к 1770 году он наполнился рукописями. К сожалению, почти все это погибло: возвращаясь из Москвы в столицу, Державин был задержан на станции Тосно карантинной службой — в Москве была чума. Чтобы не ждать, он отдал все вещи, в том числе и сундучок с рукописями, которые и были сожжены.

По возвращении в Петербург Державин в середине 1770 годов записал по памяти в особую тетрадь 19 анакреонтических песен. Тетрадь эту он бережно хранил (она дошла до нас).

Таким образом, ясно, что Державин начинал свой путь как автор анакреонтических песен. Избрание жанра не случайно — именно анакреонтика, никак не связанная с эстетикой классицизма, помогала Державину обрести так нужную ему поэтическую свободу от утеснительных правил нормативной поэтики. После 1779 года, вооруженный опытом анакреонтики, он обратился к оде — ведущему в лирике жанру классицизма, реформируя этот жанр.

Что же представляют собой «песни», переписанные в заветную тетрадь? Поэтически еще не совершенные, в чем-то подражательные, например песням Сумарокова, песни эти, воспевавшие любовь, драгоценны тем, что запечатлели глубоко индивидуальное понимание любви как могучей человеческой страсти, сила и характер которой обуславливают и определяют достоинство и нравственное богатство личности. Державину чужд сумароковский рационализм, он не приемлет его изображение безличной, «разумно-нормативной» и «должной» страсти.

Державин стремится раскрыть индивидуальные чувства своих героев, зафиксировать неповторимость переживаний, красоту и душевную щедрость любящего и страдающего человека.

В ряде стихотворений и песен 1770-х годов Державин постоянно противопоставляет любовь всем мнимым ценностям бытия человека в словесном государстве: власти (обычно царской), богатству, славе — «Все: мудрость, скипетр и державу я отдал бы любви в залог», «там блаженства бесконечны лишь приличные богам», «Цари! Вы светом обладайте, мне незавидна ваша часть», и т. д.

Важно подчеркнуть, что подобная философия любви характерна для демократических поэтов, которым была чужда эстетика классицизма, например для Баркова. Державинское понимание любви как могучей и облагораживающей человека страсти, воплощенное в ранней анакреонтике и «Анакреонтических песнях», усиливалось Батюшковым и Денисовым.

К тому же раннему периоду относятся и переводы Державина с немецкого языка. Многие из них до нас не дошли. Но один перевод, возможно сделанный после возвращения поэта в Петербург в апреле 1770 года, был опубликован без имени автора в 1773 году во второй части журнала В. Рубана «Старина и новизна» под названием «Ироида, или Письмо Библиды к Кавну». Источник перевода указал, видимо, издатель: «Из Овидиевых «Превращений», кн. IX, басня XI». Указание неверное. Жанр произведения, переведенного Державиным, иной: «Героиды» — это письма мифологических героинь к своим мужьям и возлюбленным. Овидий тоже писал «ироиды» — у него есть сборник «Героиды», но там нет письма Библиды. Неизвестный немецкий автор воспользовался сюжетом, изложенным в «Метаморфозах», и рассказал историю Библиды (Вивлиды) в форме ее письма к брату по образцу «Героид» Овидия.

Миф о Библиде — это история ее страсти к брату.

В «басне» Овидий изложил миф, сосредоточившись на истории несчастной девушки. Сюжет «ироиды» о Вивлиде тот же, но в нем изменен акцент: немецкого автора интересуют не внешние события, но психологическое состояние героини. Автор «ироиды» делает свою героиню мятежной, она не погибает в тоске и печали, но, отстаивая свое право на счастье, бросает дерзкий вызов богам и людям.

Выбор Державиным «ироиды» о Вивлиде для перевода носит принципиальный характер. Он свидетельствует о том, что поэт был отлично знаком с просветительской литературой руссоистского типа, что ему близок идеал свободной личности. Правда, эта свобода рассматривается лишь с нравственной точки зрения, как свобода чувств. Но уже здесь отчетливо выражен мотив противопоставления сердца разуму. «Языком сердца» будет он говорить в пору своей зрелости, но к этой зрелости поэт придет через трудные испытания. И путь этот будет долгим.

Заслуживает внимания в этой связи переключки между Державиным и Карамзиным. Мотив преступной страсти и протеста против законов разума, противостоящих законам природы, развернутый в державинском

переводе, через двадцать лет получит новое художественное воплощение в рассказе Карамзина «Остров Борнгольм». Трудно сказать, читал ли Карамзин державинскую «Ироиду» или оригинал, с которого она переведена, но несомненно одно: коллизия в «Острове Борнгольме» навяжена этой «Ироидой».

Для нас важно, что ситуация, раскрытая в «Ироиде» и принципиально чуждая классицизму с его культом рационализма, оказывается органически свойственна сентиментализму. Державин даже в первых своих опытах приготавливал будущее литературы.

В основе убеждений поэта Державина, сложившихся к 1774 году, лежала идея «великости» человека, которую он осуществлял в деятельности на благо отечества и народа. «Великость» личности поэта — в исполнении своего гражданского долга. Поэтому предметом поэзии должна стать не частная жизнь личности, но судьба родины. Традиция подсказывала пригодный для того жанр — оду. В 1774 году Державин написал четыре оды, которые издал через два года вместе с переводами с немецкого отдельной книжкой под названием «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае». К этому времени кончилась солдатская служба — в 1772 году он был произведен в офицеры.

В самый ранний период Державин категорически отвергал стилистику оды и писал, как мы знаем, «песни». Даже в первой своей оде — «Оде Екатерине II» он дерзко полемизировал с авторами од, высмеивал традиционный «витийский гром», иронизировал над ломоносовскими стилистическими приемами и образами. Теперь же, воодушевленный идеей создания высокой гражданской поэзии, Державин решил следовать за Ломоносовым.

Но следование обернулось прямым подражанием, повторением чужих стилистических фигур и образов. Поэт остро ощущал утрату своей поэтической индивидуальности. Неудача выпущенных од убеждал, что выбранный путь оказался ошибочным. Позже Державин так определил свои противоречивые искания: «Правила поэзии почерпал из сочинений г. Тредиаковского, а в выражении и штиле старался подражать г. Ломоносову, но, не имея такого таланту, как он, в том не успел... Хотев парить, не мог выдерживать постоянным красивым набором слов свойственного единственно российскому Пиндару великолепия и пышности»¹.

Собственный опыт подсказывал, что истинной поэзию делает неповторимость слова, передающего индивидуальность поэта. Правила и подражания образцам мешали Державину. В их преодолении откры-

¹ Державин Г. Р. Сочинения. Т. VI. СПб., 1871. С. 443.

вался путь к самобытной, оригинальной поэзии. Потому, вспоминал Державин, «с 1779 года избрал... совсем особый путь». Державин объявил 1779 год рубежом в своем творчестве — тогда в журнале «Санкт-Петербургский вестник» он напечатал оды нового типа: «На смерть князя Мещерского», «Ключ», «На рождение в Севере порфиородного отрока».

«Ода на смерть князя Мещерского» сохраняла все внешние формы и черты оды. Посвящена памяти знатного человека (князя!), написана четырехстопным ямбом. Содержание — философское размышление о бренности и скоротечности жизни — вызывало в памяти множество других од, написанных на ту же тему. Ее слог подчеркивал строгость и высоту дум поэта. Но ода была превращена в исповедь: человек, осознающий себя личностью, столкнулся с трагизмом бытия: чем острее осознавались свои духовные богатства, неповторимость индивидуальной жизни, тем трагичнее воспринимал он смерть, беспощадно уничтожающую высшую ценность бытия. Ода в напряженном, исполненном экспрессии слогe раскрывала смятенное состояние духа поэта.

Традиционные размышления о смерти утратили риторичность, отвлеченность и рассудочность, они были согреты живым теплом сердца поэта, они передавали его тревожные и горькие мысли и думы.

Глагол времен! Металла звон!
Твой страшный глас меня смущает.

Все в оде точно и конкретно: умер Мещерский, друг поэта. Горем поэт делится со своим приятелем Перфильевым. Державин стоит в доме Мещерского, у гроба, в котором лежит хозяин, еще совсем недавно принимавший у себя своих друзей:

Где стол был яств, там гроб стоит.

Ставить гроб с покойником на стол — бытовой обычай. В стихах быт и бытие сливаются воедино. Потому и бытовое явление — бой часов в комнате, где лежит умерший, — превращается в голос судьбы.

Лирика Державина лишена субъективизма. Она автобиографична, но жизнь человека и поэта Державина раскрыта объективно: он часть мира, его чувства, представления, желания действительны и конкретны, как окружающая его природа, как другие люди, они обусловлены временем и обстоятельствами жизни.

Смерть, трепет, естества и страх!
Мы — гордость с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах...

Убеждения Державина в божественной природе человека — выношенная и выстраданная философия жизни. Через несколько лет она будет с потрясающей силой раскрыта в оде «Бог».

Новаторство проявилось и в стихотворении, написанном по случаю рождения в 1777 году первенца Павла — Александра. Сначала Державин, как и другие поэты, откликнулся на событие традиционной одой, но не напечатал ее, так как она, по словам поэта, была написана «в несвойственном дару автора вкусе». Через два года он создал и напечатал новое произведение, и это была не торжественная ода, а легкое, шутливое стихотворение, и вместо традиционного в оде ямба оно было написано хореем, как писались тогда анакреонтические песни. Принципиально и заглавие: «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока декабря во второй на десять день, в который солнце начинает возврат свой от зимы на лето». Не ода, а «стихи»! Такого жанра поэтика классицизма не знала.

В оде обязательно действовали мифологические боги. Хвала монарху облекалась с помощью мифологии в аллегорические образы. В стихах Державина тоже действуют мифологические боги. Но в соответствии с уже сложившейся русской бурлескной традицией (Барков, Чулков, Майков), поэт слижает образы мифологических богов, отказывается от пародии, стремясь изобразить реальную русскую зиму, одических богов он превращает в сказочных героев. Его Борей — «седобородый», «лихой старик» — русский Дед Мороз. Поэт рисовал знакомые картины: Борей «Сыпал иinei пухисты и метели воздымал», «Убегали звери в норы», «Пчелы прятались в дуплах», «Согревать сатиры руки собирались вокруг огней».

В «Стихах на рождение...» поэт отказывается от обязательного в одах и всеобщего для поэтов классицизма правила уподоблять будущего императора мифологическому или историческому герою. Уподобление он заменяет советом, искренним, идущим от сердца пожеланием: «Будь на троне человек».

Характерно, что в те же годы (1776—1778), когда происходила выработка нового слога и осуществлялась реформа оды, Державин продолжал сочинять и в прежнем роде, написав три песни: «Пикники», «Кружка» и «Песенка отсутствующего мужа». Все эти «песенки» включены в третий том «Сочинений», где была объединена вся анакреонтика Державина. Предметом изображения в них были избраны события собственной жизни. Веселый пикник на мельгуновской даче на Петербургском острове, хвала кружке, «красе пирующих друзей, забав и радостей подружке», печаль разлуки с милой сердцу молодой женой. Стихи становились летописью жизни реального человека.

Включение в «Сочинения» ранних стихотворений — свидетельство глубокой поэтической чуткости Державина: он отлично понимал, что эти анакреонтические опыты нужны новым молодым поэтам в начале XIX века в их стремлении сблизить поэзию с действительностью. Характерный пример с песней «Кружка» — она привлекла внимание юноши Пушкина и надолго запомнилась ему.

Для Белинского важнейшей особенностью Пушкина-реалиста явля-

ется его способность извлекать поэзию из прозы жизни, делать поэтичными самые прозаические предметы. Прочитывая стихотворение Пушкина-лицеиста:

Устрой гостям пирушку:
На столик вощаной
Поставь пивную кружку
И кубок пуншевой...

критик писал: «За исключением Державина, поэтической натуре которого никакой предмет не казался низким, у поэтов прежнего времени никто не решился бы говорить в стихах о пивной кружке, и самый пуншевый кубок каждому из них показался бы прозаическим: в стихах тогда говорилось не о кружках, а о фиалах, не о пиве, а об амброзии и других благородных, но не существующих на белом свете напитках» (7, 337, 291—292).

В этом замечании важно указание на преемственность связи Пушкина с Державиным в способности видеть поэзию в обыкновенной жизни, находить поэтическое в том, что рационалистическая поэтика считала «низкой природой», а романтизм — презренной «прозой».

О сладкий дружества союз,
С grenками пивом пенна кружка!
Где ты наш улаждаешь вкус,
Мила там, весела пирушка.

В 1825 году, в пору работы над трагедией «Борис Годунов» и утверждения реалистической системы, Пушкин считает нужным подчеркнуть важность для него опыта Державина. В лирическом стихотворении «Зимний вечер» поэт, воссоздавая свою жизнь в изгнании, еще раз вспоминает полюбившуюся ему «Кружку» и, чтобы нагляднее проявить преемственность с «благословившим» его поэтом, сознательно использует державинскую рифму «подружка-кружка», как раньше, в лицейском стихотворении, рифмовал по-державински «пирушка-кружка».

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей.

С одой «Фелица» связан трагический провал замысла Державина стать советодателем Екатерины II. Искреннее чувство уважения и любви к императрице было согрето теплом живого сердца умного и талантливого поэта. Екатерина не только любила похвалу, но и знала, как редко можно услышать похвалу искреннюю. Потому она наградила Державина. Успех взволновал поэта. Казалось, открывалась возможность приблизиться к императрице. Державин решил сразу же объяснить с ней — он не мог, не имел права упустить возможность занять место советодателя при монархе. Изложением его программы должна была стать ода «Видение мурзы».

Прием был назначен на 9 мая 1783 года. Программную оду поэт не успел написать, но в бумагах его сохранился прозаический подробный план этой оды.

Поэт начинает с толкования обещаний Екатерины II быть просвещенной монархиней. Он напоминает об уроках пугачевского восстания. Если его послушают и изменят политику, то монархи «будут мерзить тиранством и при их владении не прольется кровь человеческая, как река, не будут торчать трупы на колах и головы на эшафотах, и виселицы не поплывут реками» (3, 606, 607). Это уже был прямой намек на царскую расправу с участниками восстания.

Вдохновленный концепцией просвещенного абсолютизма, Державин подробно объяснял необходимость установления договорных отношений между поэтом и императрицей. Он утверждал, что ему чуждо ласкательство, что он обязуется всегда говорить правду. Используя любимую им легенду об Александре Македонском, который, доверяя своему врачу, смело пил предлагаемое им лекарство и отвергал клевету придворных, уверявших, что врач налил ему в чашку яд, — поэт дерзко высказывал желание быть таким «врачом» при Екатерине. Он убеждал ее верить ему. Предлагаемый им «напиток» будет целительным, он облегчит страдания, поможет увидеть все в истинном свете. И тогда он воспоеет заслуги императрицы: верь, что моя песня «ободрит тебя к подвигам добродетелей и усугубит твою к ним ревность», — говорит он Екатерине.

План оды содержал перечень политических, общественных и социальных мероприятий, которые должна осуществить русская императрица. Они и составляют существо начертанной Державиным программы русского просвещенного абсолютизма.

«Видение мурзы» могло стать одним из лучших произведений русской гражданской поэзии. Но не стало. Намеченный план получил иное поэтическое воплощение.

Представленный императрице, поэт надеялся, что они останутся вдвоем и он получит возможность рассказать ей о своих замыслах... Все вышло иначе... Екатерина II преподала урок послушания, она холодно приветствовала его при всех. Поэт был ошеломлен и подавлен. Рушились все планы и надежды. Нечего было и думать о том, чтобы Екатерина согласилась приблизить его к себе в качестве «врача». Более того, закрадывалась тревога — не грозит ли ему опала. Державин написал «Благодарность „Фелице“». В оде он пытался объяснить, что смелость его в оде «Фелица» порождена искренностью, что его «сердце благодарно» императрице «и усердием горит». «Объяснительные» стихи утратили силу, энергию, жар чувства. Правда, в конце оды поэт осторожно и деликатно намекнул, что вряд ли скоро окажется способным вновь воспеть «богоподобную царевну».

Державин не ошибся в своем предположении: «небесный огонь» не возгорелся в его душе, и он не писал больше стихов, подобных «Фелице». Ода «Фелица» осталась одинокой.

Правда, Екатерине посвящена ода «Изображение Фелицы» (1789). «Изображение Фелицы» — в самом деле хвалебная ода. Безудержно превознося в очень длинной, без нужды растянутой оде достоинства Екатерины, Державин демонстративно угождал ее вкусу. Ей нужна хвала, а не державинское личное чувство. Лесть входила в замысел Державина — святыи с поста тамбовского губернатора, он был отдан под суд по ложным обвинениям. Пришлось ехать в Петербург искать защиты у Екатерины. В автобиографических «Записках» поэт так объясняет причину написания оды: «Не оставалось другого средства, как прибегнуть к своему таланту. Вследствие чего написал... оду „Изображение Фелицы“». Ода была доставлена императрице, понравилась ей, преследование Державина было прекращено. В этой оде Державина-поэта победил Державин-чиновник, связанный с двором.

Большое место в творческом наследии Державина занимают гражданские стихи. Их можно условно разделить на две группы — патриотические и сатирические. Державин был патриотом; по словам Белинского, «патриотизм был его господствующим чувством». Поэт жил в эпоху великих военных побед России. Когда ему исполнилось 17 лет, русские войска разгромили крупнейшего европейского полководца Фридриха II и заняли Берлин. В конце века русские войска, руководимые Суворовым, прославили себя беспримерным походом в Италию, во время которого наполеоновским легионам было нанесено сокрушительное поражение. На закате своей жизни Державин был свидетелем славной победы народа над наполеоновской Францией в годы Отечественной войны.

Победы, укреплявшие европейский авторитет России и ее славу, были завоеваны героическим народом и его талантливыми полководцами. Оттого Державин в своих торжественных, патриотических одах рисовал грандиозные образы сражений, прославлял русских солдат («Русски храбрые солдаты. В свете первые бойцы»), создавал величественные образы полководцев. В этих одах запечатлелся русский XVIII век, героизм народа. Высоко оценивая героическое прошлое родины, Державин славил человека, когда он того заслуживал, поэтому героями его стихов были или Суворов («На взятие Измаила», «На победы в Италий», «На переход Альпийских гор», «Снигирь»), или солдат-герой, или Румянцов («Водопад»), или простая крестьянская девушка («Русские девушки»). Он славил дела человека, а не знатность, не «породу». Державин поэтизировал мораль деятельной жизни, подвига, мужества. В то же время он обличал зло и с особой беспощадностью тех, кто отступал от высоких обязанностей человека и гражданина. Пророческий дух Библии свободно входил в поэтическое сознание поэта. Слова библейского песнопевца наполнялись у него новым содержанием, выражая русский взгляд и русские чувства живой личности поэта. Державин становится пророком и судьей, выходит в большой мир на бой за правду: переложение 81-го псалма «Властителям и судиям». Знакомство с этим переложением вы-

звало гнев и испуг в придворных кругах. Державина обвинили в якобинстве.

Ода «Вельможа» была написана в 1794 году. С 1791 по 1793 год поэт был секретарем Екатерины II. Служба эта открыла ему произвол вельмож, безнаказанность их преступлений, покровительство императрицы своим фаворитам и любимцам. Обобщенный сатирический портрет вельможи строился поэтом на реальном материале: в действиях вельмож узнавали черты всесильных в империи фаворитов и сановников — Потемкина, Зубова, Безбородко. Обличая их, Державин не снимал вины и с императрицы, прощавшей своим любимцам все преступления.

Поэзия была той высокой трибуной, с которой Державин-поэт обращался к россиянам с пламенной речью. Он писал о том, что хорошо знал, что видел, что возмущало его, рисовал портреты «с подлинников» — оттого стихотворная речь поэта исполнена энергии, страсти, она выражала глубоко личные, выстраданные убеждения.

Кончалось стихотворение выражением веры в народ («О русский бодрственный народ, Отчески хранящий правы») и созданием образов истинных вельмож — славных сынов отечества, патриотов, героев мира и войны. Из деятелей эпохи Петра Великого Державин называет Якова Долгорукова, бесстрашно говорившего правду грозному царю, не желавшего «змеей сгибаться перед троном»; из современников — честного мужа и крупнейшего полководца Румянцева.

Естественно, при жизни Екатерины ода «Вельможа» не могла быть напечатана (она распространялась в списках). Впервые ее опубликовали в 1798 году, уже после смерти Екатерины.

Пушкин в «Послании цензору», горячо и гневно обличая царскую цензуру, с гордостью назвал имена писателей, безбоязненно говоривших правду: Радищева («рабства враг»), Фонвизина («Старик превосходный»), Державина — автора «Вельможи» («бич вельмож», «их горделивые разоблачал кумиры»). Декабрист Рылеев высоко ценил талант Державина-сатирика, называл его сатиры «огненными стихами».

В 1790-е годы Державин, так смело проводивший реформу оды, так ревниво и упорно шедший по своему пути самобытности, переживал кризис. Эстетический кодекс классицизма, который он отважно преодолевал, все же оказывал на него влияние. Державин не мог полностью отказаться от канонов оды, от условных и риторических образов, вырваться из плена устойчивой жанровой и стилистической системы. И тогда новое, оригинальное сочеталось в стихах с традиционным. «Невыдержанность» Державина, по-разному проявлявшаяся и в начале, и в конце творчества, никогда не была так сильна, как в одах конца 1780-х и первой половины 1790-х годов. Имея в виду прежде всего такие произведения, Пушкин констатировал: «Кумир Державина $\frac{1}{4}$ золотой $\frac{3}{4}$ свинцовый...» Белинский об оде «Водопад» писал: «Превосходнейшие стихи перемешаны

у него с самыми прозаическими, пленительнейшие образы с самыми грубыми и уродливыми».

Кризис, который переживал Державин, усугублялся и общественными обстоятельствами. Главное из них — остро осознаваемая необходимость определения своего места — места поэта в обществе. Выдвинув тему личности, ее свободы, Державин естественно подошел к вопросу о свободе поэта от царской власти. Он помнил, что первый шумный успех ему принесла ода «Фелица». Так вопрос о месте поэта в обществе оказался связанным с вопросом о предмете поэзии. Оригинальное, самобытное, гражданское начало в творчестве Державина толкало его в сторону от двора, а обстоятельства жизни Державина-чиновника все крепче связывали с властью, с Екатериной.

Замечательным свидетельством борьбы поэта за свою свободу является послание Храповицкому (1793) — приятелю Державина (он был тоже секретарем Екатерины). Отказываясь писать по заказу и отвечая, в частности, на предложения (почти официальные) Храповицкого написать оду в честь императрицы, Державин высказывает важную мысль: поэт, зависимый от власти, ласкаемый двором, получающий «мониеты, гривны, ожерелья, бесценны перстни, камешки», напишет обязательно «средственные стишки». На истинного же поэта, говорит Державин, «наложен долг» «от судеб и вышины трона». И потому его обязанность не царей воспевать, а говорить правду:

Ты сам со временем осудишь
Меня за мгlistый фимиами;
За правду ж чтить меня ты будешь,
Она любезна всем векам.

Последним звеном этой закрепленной в стихах борьбы за независимость поэта является «Памятник» (1795). В нем развернуто глубокое понимание общественной роли поэта, его долга перед отечеством, который он может исполнить только будучи свободным. Державин верил, что его мужественные обличения вельмож и царских фаворитов, провозглашение им истины царям будут оценены потомством. Оттого он ставил себе в заслугу, что «истину царям с улыбкой говорил».

Эта формула — «с улыбкой» — объясняется и мировоззрением Державина (он не был радикальным мыслителем и верил в возможность прихода «просвещенного монарха»), и обстоятельствами его жизни. Он сам так объяснял свое положение: «Будучи поэт по вдохновению, я должен был говорить правду; политик или царедворец по служению моему при дворе, я принужден был закрывать истину вносказаниями и намеками» (I, 625).

Поэт победил царедворца — Державин говорил правду и истину царям, в том числе Екатерине II. Эта позиция была оценена по справедливости последующими поколениями, и в частности, Пушкиным и Чернышевским.

После ухода с поста статс-секретаря Екатерины II Державин обращается вновь к Анакреону. Этот интерес к Анакреону совпал с началом широкого пересмотра в Европе поэзии древнегреческого лирика. Наибольшим успехом пользовалась обновленная с позиций просветительской философии анакреонтика Эвариста Парни, ученика Вольтера.

В этих обстоятельствах друг Державина поэт Николай Львов издает в 1794 году свой перевод сборника од Анакреона. К книге он приложил статью, в которой освобождал образ прославленного поэта от того искажения, которому он подвергался на Западе и в России. Его слава, утверждал Львов, не в том, что он писал только «любовные и пьянственные песни» как думал, например, Сумароков. Анакреон — философ, учитель жизни, в его стихах рассеяна «приятная философия, каждого человека состояния улаждающая». Он не только участвовал в забавах двора тирана Поликрата, но и «смел советовать ему в делах государственных». Так Львов поднимал образ Анакреона до уровня просветительского идеала писателя, советодателя монарха.

Выход сборника «Стихотворения Анакреона Тийского» — важная веха в развитии русской поэзии, в становлении русской анакреонтики. Он способствовал и расцвету могучего таланта Державина, ставшего с 1795 года писать только анакреонтические стихотворения, названные им «песнями». Долгое время он не печатал своих «песен», а в 1804 году издал их отдельной книгой, назвав «Анакреонтические песни».

Обратившись к анакреонтике, Державин новаторски изменил старый жанр и в стихи, утверждавшие право человека на счастье, радость и наслаждение, вдохнул новую жизнь. Автобиографическая тема получила новые и более выразительные возможности для своего поэтического воплощения. Воспевая право человека на счастье и радость, он утверждал еще и его право на независимость от власти. А так как этим человеком был поэт, то анакреонтика Державина изменилась кардинально — ее героем сделался не частный жаждущий наслаждения человек, но свободный независимый поэт. Державинская анакреонтика стала гражданской поэзией («Дар», «Свобода», «Венец бессмертия», «Желание», «О удовольствии»). Это открытие Державина было немедленно освоено и Батюшковым, и Пушкиным-лиценстом.

В «Анакреонтических песнях» мы видим две тенденции освоения греческой поэзии. Одна из них — переводы и переделки стихов Анакреона, Сафо и других поэтов; задачей таких стихов было создание античного колорита («Старик», «Анакреоново удовольствие» и др.), проникновение в дух эпохи и создание образа поэта, передача его поэтической манеры. Так закладывались основы русского антологического стихотворения.

Но главным в «Анакреонтических песнях» был изображенный Державиным русский мир, русская жизнь, русские обычаи и нравы, русский

характер, переданный живописно и пластично. При этом Державин сохранял свойственную ему «шуточную» манеру рассказа, свободно обращался к фольклору, черпая из него образы, поэтическую лексику, лукавую манеру изъяснять свою мысль («Охотник», «Шуточное желание», «Русские девушки» и др.). Дальнейшим, после выхода сборника «Анакреонтические песни», развитием державинских принципов поэтического изображения окружающего его мира явились такие шедевры лирики, как «Цыганская пляска», «Лебедь» и дружеское послание «Евгению. Жизнь Званская».

В описаниях русской жизни Державин сознательно использует античные и фольклорные мотивы, римскую и русскую мифологию (Амур и Лель). Это сочетание античного и русского получает свое теоретическое объяснение и в авторских комментариях к анакреонтическим песням — подобным сближением поэт стремился подчеркнуть общее народное, фольклорное начало каждой национальной поэзии (в духе Гердера, которого хорошо знал Державин).

Автобиографизм определяет содержание многих анакреонтических песен. Державин рассказывает не только о своем понимании долга поэта и его места в обществе, но и о своих друзьях, о своей жене, о своих повседневных заботах и делах. В подобных стихах он настойчиво утверждает право поэта писать о самом обыкновенном в жизни, находить поэтическое в повседневной жизни, в обыкновенных людях, в бытовом укладе жизни русского человека. Такая поэзия прокладывала дорогу будущим поэтам.

Разрушая каноны классицизма, отступая от правил, он отказался от общего стиля и создал новый — индивидуальный стиль. Уже в 1780-х годах он изображал реальный мир, отказываясь от идеализации реальности, открывая индивидуальные особенности, которые ей присущи. Пишется ода в честь русских войск, осаждающих крепость Очаков. События происходят осенью. Отказываясь от традиционной аллегории, он и изображает русскую осень во всем ее неповторимом своеобразии («Уже румяна осень носит снопы златые на гумно» и т. д.). Наступившую вслед за осенью зиму Державин изображает так, как она никогда не изображалась в русской поэзии («Идет седая чародейка, косматым машет рукавом»).

В анакреонтической песне «К самому себе» поэт признается, что он «горяч и в правде черт». Стих этот возможен только в художественной системе Державина. Он пример внутреннего единства темы и ее стилистического выражения. Речь идет не об отвлеченной добродетели — правдивости, а о свойстве именно характера Державина; отсюда и выражение его в индивидуальной поэтической форме — «в правде черт», несущей точную информацию о духовном облике поэта.

Индивидуальность стиля рождала поразительную смелость многих образов Державина, так привлекавшую поэтов XIX и XX веков. Поэтичность слова у Державина возникала каждый раз заново в зависимости от объекта изображения и личности поэта. Гоголь, высоко ценя своеобразный слог, называл его «крупным», так как «это происходит от необыкновенного соединения самых высоких слов с самыми низкими и простыми» (что запрещалось классицизмом). В качестве примера он приводил из стихотворения «Аристипова баня» (органически близкого «Анакреонтическим песням») строки о «величественном муже», который, «исполнив все, что нужно, на земле, — И смерть, как гостью, ожидает, Крутя, задумавшись, усы».

В анакреонтической песне «Зима» (1804), написанной в форме диалога поэта с музой, она предстает перед читателем в необычном виде:

Что ты, муза, так печальна,
Пригорюнившись сидишь?
Сквозь окошечка хрустальна,
Склоча волосы, глядишь...

Наивысшего успеха в создании объективного образа конкретно-исторической личности Державин добился в стихотворении «Снигирь» (1800), посвященном памяти Суворова. Суворов, нарисован в единстве черт и свойств великого мужа и конкретной личности. Общее и частное сливается воедино, гениальный полководец и обаятельный характер самобытного русского человека — вот что такое державинский Суворов, созданный по законам индивидуального «крупного слога», основанного смещением высоких и низких слов.

Художественное новаторство Державина в изображении реального человека в окружении подлинных обстоятельств и событий его жизни, быта, природы, вещей создало условия для открытия «тайны национальности» человека, сделало поэта способным раскрыть национальную обусловленность характера, прежде всего своего лирического героя.

Поняв, что люди отличаются друг от друга не только индивидуальностью своей личности, но и национальным характером, он и в анакреонтике стал искать пути воплощения в слове этого своеобразия. И здесь поэт счастливо обратил внимание на фольклор. Душа всякого народа запечатлена в том искусстве, которое он сам творит — в песне, пословице, сказке, танце. Через танец Державин раскрывал русский характер в стихотворении «Русские девушки», цыганский — в «Цыганской пляске».

Поэт ставил перед своей поэзией не предусмотренную никакими эстетическими кодексами художественную задачу — раскрыть национальные грани характера. И не традиция, а сама жизнь, народное искусство подсказывали средства ее решения. В исполнении танца проявля-

ется темперамент и психологический склад человека. Увиденные и запечатленные поэтом движения, жесты, пластика человеческого тела передавали душевное состояние, выявляя натуру. «Исполняя сладострастную жару», цыганка пляшет, и все в ней — иступление, страсть, огонь.

А вот как танцуют русские девушки:

...склонясь главами, ходят,
Башмачками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят...

Художественно решить задачу раскрытия «тайны национальности» мог только новый, созданный Державиным индивидуальный стиль.

В «Песнях» Державина читатель встречался с неожиданными, казалось, удивительно прозаическими словами: «Как сквозь жилки голубые льется розовая кровь», «Неистово, роскошно чувство, нерв трепет, мление любви». Кульминация напряженного яростного чувства и страсти пляшущей цыганки были выражены такими словами:

Да вопль твой *эвоа!* ужасный,
Вдали мешаясь с воем псов,
Льет повсюду гулы страшны,
А сластолюбю — любовь.

Все эти слова — «жилки голубые», «нerv трепет», «воплъ», «вой псов» и многие другие — поэтическими становятся только в контексте данных стихотворений, приобретают поэтическое значение только в системе индивидуального стиля Державина.

Блистательным итогом поэтической деятельности Державина начала XIX века явилось стихотворение «Евгению. Жизнь Званская» (1807). Жанр во свободное, оно опирается на открытия, совершенные в реформированной оде; не являясь собственно анакреонтической «песней», оно обобщало накопленный в анакреонтике опыт изображения человека, обнаружения поэзии жизни действительной, живописания картин русской северной природы.

В «Жизни Званской» Державин еще и еще раз демонстративно утверждает свободу творчества поэта, его независимость от двора, власти царя и вельмож. Первоначально стихотворение называлось «Жизнь моя на Званке» — поэт подчеркивал свою независимость, блаженство жизни того, «кто менее зависит от людей», живет вдали от столицы, предаваясь творчеству и «покою». «Возможно ли сравнить что с вольностью златой, с уединением и тишиной на Званке»?

«Жизнь Званская» — это первая в русской поэзии смелая попытка

создания романа в стихах. Предметом поэзии у Державина стала жизнь обыкновенного человека, его интересы, мысли и занятия, описанные за один день — с утра до позднего вечера. Точное и красочное описание быта не делало поэзию низкой. По Державину, человек — хозяин мира. Его стремление к независимости, к счастью, труду, наслаждениям, покою естественно, и все в земном мире должно служить этому.

«Жизнь Званская» явилась и программой для русской поэзии в понимании и изображении поэта и его творчества. В стихотворении «Лебедь» Державин писал о себе, что он в «двояком образе нетленный» «Двоякий» образ раскрывался во многих стихотворениях, но раздельно: в одних говорилось об эмпирическом Державине-человеке, в других — о Державине-поэте и его творчестве.

В «Жизни Званской» наметилось стремление к созданию в одном стихотворении единого образа человека эмпирического и творческого. Здесь Державин раскрыт и как частный человек со своими вкусами и привычками, со своим бытом, и как поэт, занятый творчеством в условиях и обстоятельствах обыкновенной жизни в своем имении.

Удивительна и воистину чудесна судьба этого стихотворения — оно оказало огромное влияние на многих поэтов начала века и особенно сильное на Батюшкова (написавшего вслед за Державиным «Мои пенаты») и Пушкина. Трижды на протяжении двадцати лет Пушкин обращался к «Жизни Званской», и на каждом новом этапе творчества это послание оказывалось ему нужным.

Державинскую силу Пушкин черпал уже в лицее, самостоятельно обращаясь к анакреонтике Державина, к его стихам последних лет. Осваивая его опыт, он написал: «Красавице, которая нюхает табак» (1814), «Городок» и «Послание к Юдину» (1815). Вступавшего на поэтическую стезю лицеиста Пушкина привлекали программные идеалы Державина — независимость поэта, автобиографичность, точность в передаче окружающего мира.

В «Жизни Званской» Державин писал:

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол...

.....

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!

Увидеть и выразить поэзию действительности, даже поэзию буднично-прозаического обряда обеда было по плечу только гениальному поэту

Это и привлекало и зачаровывало Пушкина. Он учился идти по только что проложенной тропе, а когда не хватало собственного жизненного опыта, считал себя вправе воспользоваться достижением Державина. Потому он написал:

Но вот уж полдень. В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерти лежит...

В этом описании соседствуют собственные воспоминания об обедах в Захарове, и заимствованное — щука в скатерти обеденного стола — державинская! Ученик отдал дань учителю.

В годы южной ссылки Пушкин-романтик решительно пересматривает свои эстетические убеждения, опираясь на открытия Державина и на свой опыт освоения этих открытий в лицейскую пору. Вершинным итогом этого процесса явилось рождение замысла реалистического романа в стихах, который окончательно сформировался в мае 1823 года.

И здесь на помощь Пушкину и его новаторской задаче вновь пришел Державин, и прежде всего «Жизнь Званская». Открытия Державина исторически были так важны, что Пушкин, вступивший на самостоятельный путь реализма, не мог не воспользоваться его художественным опытом при написании первого русского реалистического романа. И в дальнейшем чем полнее и ярче проявлялся гениальный дар Пушкина-поэта, чем значительнее оказывалась его роль в формировании русского реализма, тем острее ощущал он свою связь с предшественниками, тем настойчивее говорил в своих произведениях о торжестве закона преемственного развития литературы. И вновь на первом месте был Державин.

В 1833 году, осенью, Пушкин прибыл в Болдино. Любимая пора творчества способствовала и на этот раз успешной работе. Одновременно с многими крупными произведениями («Медный всадник», «Пиковая дама» и др.) в октябре было написано гениальное стихотворение «Осень». Внутренне связанное с ними, стихотворение оказалось своеобразным лирическим дневником, запечатлевшим творческое воодушевление поэта, характер работы, душевное состояние и тревожные думы, так мучившие его в ту осень.

«Осень» — одно из вершинных созданий Пушкина-лирика, важнейшая веха в развитии реалистической лирики. Но в то же время у него были корни в предшествовавшей традиции. Пушкин сознательно подчеркнул это, взяв эпиграфом стих из державинской «Жизни Званской»: «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?» «Жизнь Званская» — первый опыт в новом, идущем в русле «поэзии действительности» решении темы творчества и поэта. Именно здесь поэт раскрыт в своей биографической конкретности и бытовом окружении. Здесь истоки

пушкинской способности, неоднократно подчеркивавшейся Белинским, делать поэтическими самые прозаические предметы, вещи, явления.

В литературном наследии Державина особое место занимают «Записки» — воспоминания о его жизни от рождения до 1812 года. Подготовив собрание своих стихотворений в пяти томах (четыре тома вышли в 1808 году, пятый — позже, в год смерти поэта — в 1816 году), Державин решил написать воспоминания. В стихах он запечатлел свой поэтический образ — «Записки» призваны были рассказать о судьбе Державина-человека, государственного чиновника. С гордостью он писал о своей жизни: «Без всякой подпокры и покровительства, начав со звания рядового солдата и отправляя через двенадцать лет самые нижние должности, дошел сам собой до самых высочайших». В самом деле: в 1803 году он вышел в отставку с поста министра юстиции, будучи сенатором и действительным тайным советником.

Воспоминания писались с 1811 по 1813 год. Впервые опубликованы в 1859 году в журнале «Русская беседа». В следующем году они вышли отдельной книгой.

«Записки» рассказывали о головокружительной карьере в сословном государстве. Но подлинное их содержание — раскрытие духовного развития Державина, оказавшегося свидетелем и участником крупнейших событий политической истории России (переворот 1762 года, в результате которого власть захватила жена убитого императора Петра III Екатерина Алексеевна, пугачевское восстание, царствование Павла и Александра, приблизивших к себе поэта). Оттого своей рукой он озаглавил воспоминания так: «Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина». Для большей объективности повествования оно ведется от третьего лица, Державин как бы смотрит на себя со стороны.

Особенностью «Записок» является их информативность, они богаты историческими и биографическими фактами.

Обращение Державина к жанру мемуаров исторически закономерно. Интенсивно развивавшаяся на протяжении века идея личности (начиная с Петровской эпохи) породила у многих самого различного положения людей желание написать в конце жизни воспоминания о прожитом и увиденном. Мемуары писались и известными деятелями — Дашковой, Фон-визинным, — и простыми чиновниками типа Винского, озаглавившего их многозначительно — «Мое время». О своем времени и о себе и рассказывал в «Записках» Державин.

Судя по рукописи «Записок», Державин успел создать только черновой вариант воспоминаний. В последующие годы поэт не возвращался к «Запискам», они не были отредактированы, стилистически и композиционно не выправлены. Отсюда неоправданные длинноты в описании некоторых событий, повторы, смешение серьезных и важных исторических фактов с мелочными, случайными замечаниями. Чтение «Записок»

убеждает, что Державин был плохой прозаик, талант весь был отдан поэзии. И все же, как справедливо писал Чернышевский в рецензии на отдельное издание «Записок», по многочисленным «происшествиям», «как неудовлетворительно ни были рассказаны, как бы неискусно они ни были подобраны автором мемуаров, все-таки знакомишься с нравами того века, с тем, что и как делалось тогда на белом свете»¹.

Более того, те же «происшествия» отлично характеризуют службу Державина — его исполнительность, требовательность к окружающим и к самому себе, постоянную борьбу с взяточниками и нарушителями законов, борьбу за справедливость, за честное выполнение обязанностей гражданина. Так было и когда он служил у Вяземского в Сенате, и исполнял должности Олонецкого и Тамбовского правителя, и был назначен секретарем по принятию «челобитен» при Екатерине II. Нередко в этой борьбе Державин проявлял мужество, смелость, не уступая перед авторитетом вельмож и фаворитов, в отстаивании правды и справедливости.

«Записки» писались для потомства. В конечном счете Державин свою задачу выполнил — рассказал о своей жизни, о своей службе, обогатив читателя множеством биографических и общеполитических фактов. «Записки» дополнили представление о его личности, блистательно запечатленной в его стихах.

В творчестве Державина, как в фокусе, сосредоточились итоги поэтического развития XVIII века. История свидетельствует, что именно поэзия Державина последнего анакреонтического периода обусловила его место в литературном движении 1800—1810-х годов, Державин оказывал влияние на многих поэтов. Рылеев, например, начинал свой путь анакреонтикой, следуя открыто за Державиным. Естествен был его выход к гражданским стихотворениям. В думе «Державин» дана не только высокая оценка гражданской поэзии великого поэта — в ней запечатлелось личное чувство поэта-декабриста к своему учителю.

К сожалению, историко-литературная наука до сих пор не дает должной оценки новаторству державинской анакреонтики, его творчеству 1800-х годов, то есть зрелого периода. Старая традиция — видеть в Державине певца Фелицы, известного одописца — гипнотически действует на ученых. Оттого место и роль Державина в литературном процессе начала века оказываются непонятными и невыясненными. Об «Анакреонтических песнях» в современных историях русской литературы (первой половины XIX в.), как правило, не упоминается даже в обзорах, посвященных именно литературе 1800-х годов! «Жизнь Званская» или замалчивается, или об этом стихотворении пишут как об образце «бытописи

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 7. С. 326.

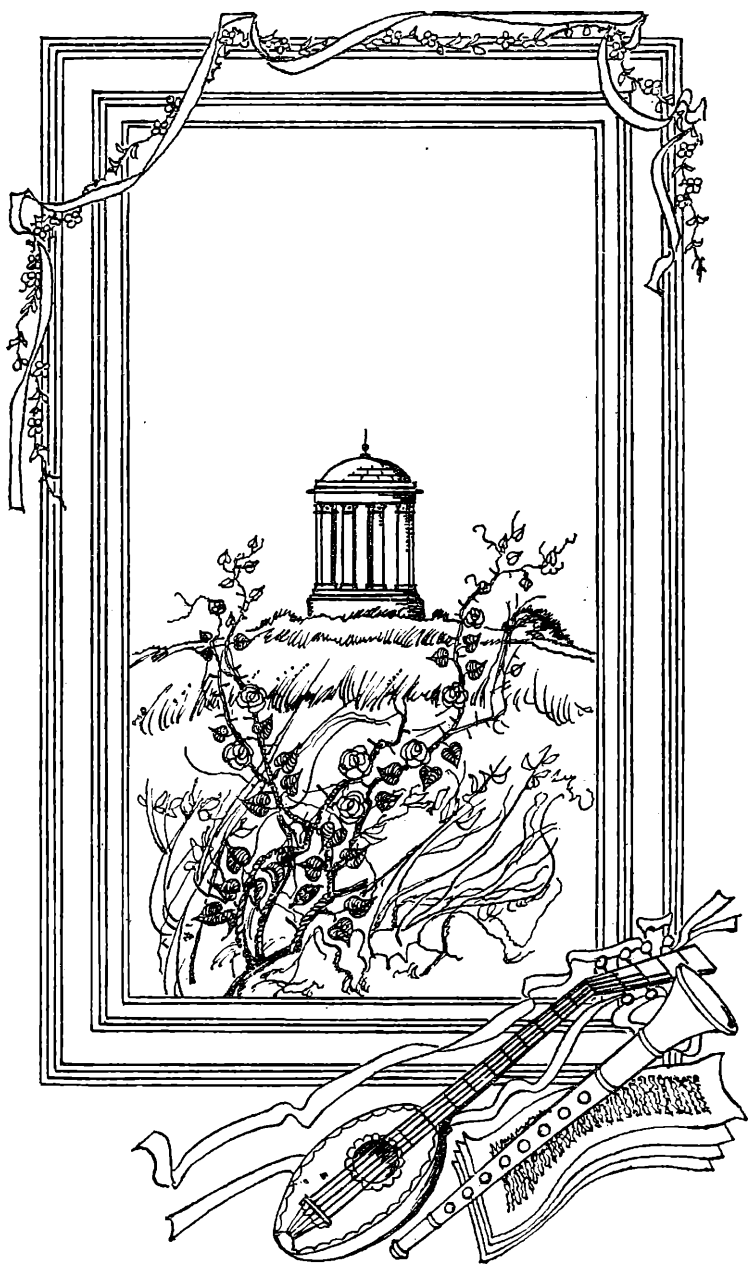
и пейзажа». Державина хвалят за то, что он первым в русской поэзии дал «описание помещичьей жизни»!

Державин, как мы видели, сопровождал Пушкина в течение всей его творческой жизни. И Белинский постоянно подчеркивал преемственность Пушкина по отношению к Державину. В частности, он писал: «Поэзия Державина есть безвременно явившаяся... поэзия пушкинская, а поэзия пушкинская есть вовремя явившаяся... поэзия державинская».

Г. П. Макогоненко

СТИХОТВОРЕНИЯ

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.*

6 июля 1816

БОГ

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движении вещества,
Теченьем времени прсвечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем — Бог!

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий,—
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает,—
В твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал, .
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,

Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый всё единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, ты есть, ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнца от тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют, —
Так звезды в безднах под тобой.

Светил возжженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед тобой — как ночь пред днем.

Как капля в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, — и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною:
А я перед тобой — ничто.

Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;

Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чаёт,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно есть и ты!

Ты есть! — Природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где начал тварей ты телесных,
Где кончил ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайняя степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое создание я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие твое.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей

Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почитать,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

1780—1784

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! — видят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодейства землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! — Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья, —
Но вы, как я, подобно страстны
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

Ок. 1780—1787

ПРАВЕДНЫЙ СУДИЯ

Я милость воспою и суд
И возглашу хвалу я богу;
Законы, поученье, труд,
Премудрость, добродетель строго
И непорочность возлюблю.

В моем я доме буду жить
В согласьи, в правде, в преподобьи;
Как чад, рабов моих любить,
И сердца моего в незлобии
Одни пороки истреблю.

И мысленным очам моим
Не предложу я дел преступных;
Ничем не приобщуся к злым,
Возненавижу и распутных
И отвращуся от льстецов.

От своенравных уклонюсь,
Не прилеплюсь в совет коварных,
От порицаний устранюсь,
Наветов, наущений тайных,
И изгоню клеветников.

За стол с собою не пущу
Надменных, злых, неблагодарных;
Моей трапезой угощу
Правдивых, честных, благонравных,
К благим и добрым буду добр.

И где со мною ни сойдутся
Лжецы, мздоимцы, гордецы, —
Отвсюду мною изженутся
В дальнейшие земны концы,
Иль казнь повергнет их во гроб.

1789

ФЕЛИЦА

Богородица царица
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокую гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает:
Она мой дух и ум пленяет,
Поддай, найти ее совет.

Поддай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мягся житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,
А в клуб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнаска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток,—
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезных дней проводишь ток.

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к шортному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и златом,
Где тысячи различных блюд:
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят, —
Шампанским вафли запиваю
И всё на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где всё мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь,
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом
В карете английской, златой,
С собакой, шутом, или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.

Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над Невскими берегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой,
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки рѣзвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашел,— но лъзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесь живет;
Пашей всех роскошь угнетает.
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия — согласие
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветер ревущий,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхождением правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, —
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь,
И воздаешь достойным честь;
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава —
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад:
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух идет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах, и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорят неложно,
Что будто всегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирной,
Скрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здоровье царей не пить.

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князья наседками не клохчут,
Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.

Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков, и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь».

Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтиса мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?

Фелицы слава — слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить.

Которого закон, десница
Дают и милости и суд. —
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличён от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют? —
У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде? Смирне? Кашемире? —
Послушай, где ты ни живешь:
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья насладусь!
Небесные прошу я силы,
Да их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

1782

БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦЕ

Предшественница дня златого,
Весення утрення заря,
Когда из понта голубого
Ведет к нам звездного царя,
Румяный взор свой ослабляет
На чела гор, на лоно вод,
Багряным златом покрывает
Поля, леса и неба свод.

Крылаты кони по эфиру
Летят и рассекают мрак,
Любезное светило миру
Пресветлый свой возносит зрак,
Бегут толпами тени черны:
Какое зрелище очам!
Там блещет брег в реке зеленый,
Там светят перлы по лугам.

Там степи, как моря, струятся,
Седым волнуясь ковылем;
Там тучи журавлей стадаются,
Валторн с высот пуская гром;
Там небо, всюду лучезарно,
Янтарным пламенем блестит, —
Мое так сердце благодарно
К тебе усердием горит.

К тебе усердием, Фелица,
О кроткий ангел во плоти!
Которой разум и десница
Нам кажут к счастью пути.
Когда тебе в нелицемерном
Угодна слоге простота,
Внемли. — Но в чувствии безмерном
Мои безмолвствуют уста.

Когда поверх струистой влаги
Благоприятный дунет ветер,
Попутны вострепещут флаги
И ляжет между водных недр
За кораблем серебро грядю, —
Тогда испустят глас пловцы
И с восхищенной душою
Вселенной полетят в концы.

Когда небесный возгорится
В пиите огонь, он будет петь;
Когда от бремя дел случится
И мне свободный час иметь, —
Я праздности оставлю узы,
Игры, беседы, суеты;
Тогда ко мне придут музы,
И лирой возгласишься ты.

1783

ВИДЕНИЕ МУРЗЫ

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала

И палевым своим лучом.
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал;
Кропя забвения росю,
Моих домашних усыплял.
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал;
Природа, в тишину глубоко
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры,
Прохладу чувствам принося.
Я не спал — и, со звоном лиры
Мой тихий голос соглася,
«Блажен, — воспел я, — кто доволен
В сем свете жребием своим,
Обилен, здрав, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;
Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый прав хранит в свой век
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек;
Что карлой он и великаном
И дивом света не рожден
И что не создан истуканом
И оных чтить не принужден;
Что все сего блаженствы мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его Пленира
И верных несколько друзей
С ним могут в час уединенный
Делить и скуку и труды! —
Блажен и тот, кому царевны
Какой бы ни было орды
Из теремов своих янтарных
И серебро-розовых светлиц,
Как будто из улусов дальних,
Украдкой от придворных лиц,
За рассказы, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь

Исподтишка драгие дары
И в досканцах червонцы шлют;
Блажен!» — Но с речью сей незапно
Мое всё зданье потряслось,
Раздвиглись стены, и стократно
Ярчее молний пролилось
Сиянье вокруг меня небесно;
Сокрылась, побледнев, луна.
Виденье я узрел чудесно:
Сошла со облаков жена, —
Сошла — и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда белая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главе корона,
Сиял при персях пояс злат;
Из черно-огненна виссона,
Подобный радуге, наряд
С плеча десного половою
Висел на левую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенном она жару
Сжигая маки благовонны
Служила вышню божеству.
Орел полунощный, огромный,
Сопутник молний торжеству,
Геройской провозвестник славы,
Сидя пред ней на груди книг,
Священны блюл ее уставы;
Потухший гром в когтях своих
И лавр с оливными ветвями
Держал, как будто бы уснув.
Сафиро-светлыми очами,
Как в гнѣве иль в жару, блеснув,
Богиня на меня воззрела.
Пребудет образ вѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла!
«Мурза! — она вещала мнѣ, —
Ты быть себя счастливым чаешь,
Когда по дням и по ночам
На лире ты своей играешь
И песни лишь поешь царям.
Вострепещи, Мурза несчастный!
И страшны истины внемли,
Которым стихотворцы страстны

Едва ли верят на земли;
Одно к тебе лишь доброхотство
Мне их открыть велит. — Когда
Поэзия не сумасбродство,
Но вышний дар богов, — тогда
Сей дар богов лишь к чести
И к поученью их путей
Быть должен обращен, не к лести
И тленной похвале людей.
Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже, —
А где поэты не льстецы?
И ты сирен поющих грому
В вред добродетели не строй;
Благотворителю прямому
В хвале нет нужды никакой.
Хранящий муж честные нравы,
Творяй свой долг, свои дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех пиитов похвала.
Оставь нектаром наполненну
Опасну чашу, где скрыт яд».
«Кого я зрю столь дерзновенну
И чьи уста меня разят?
Кто ты? Богиня или жрица?» —
Мечту стоящу я спросил.
Она рекла мне: «Я Фелица!»
Рекла — и светлый облак скрыл
От глаз моих ненасыщенных
Божественны ее черты;
Курение мастик бесценных
Мой дом, и место то цветы
Покрыли, где она явилась.
Мой бог! мой ангел во плоти!..
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не мог идти.
Подобно громом оглушенный,
Бесчувствен я, безгласен был.
Но, током слезным орошенный,
Пришел в себя и возгласил:
«Возможно ль, кроткая царица!
И ты к Мурзе чтоб своему
Была сурова столь и гневна,
И стрелы к сердцу моему

И ты, и ты чтобы бросала,
 И пламени души моей
 К себе и ты не одобряла?
 Довольно без тебя людей,
 Довольно без тебя поэту
 За каждую мысль, за каждый стих
 Ответствовать лихому свету
 И от сатир считаться злых!
 Довольно золотых кумиров,
 Без чувств мои что песни чли;
 Довольно кадиев, факиров,
 Которы в зависти сочли
 Тебе их неприличной лестью;
 Довольно нажил я врагов!
 Иной отнес себе к бесчестию,
 Что не дерут его усов;
 Иному показалось больно,
 Что он наседкой не сидит;
 Иному — очень своевольно
 С тобой Мурза твой говорит;
 Иной вменял мне в преступленье,
 Что я посланницей с небес
 Тебя быть мыслил в восхищенье
 И лил в восторге токи слез.
 И словом: тот хотел арбуза,
 А тот соленых огурцов,—
 Но пусть им здесь докажет муза,
 Что я не из числа льстецов;
 Что сердца моего товаров
 За деньги я не продаю
 И что не из чужих анбаров
 Тебе наряды я крою.
 Но, венценосна добродетель!
 Не лесть я пел и не мечты,
 А то, чему весь мир свидетель,—
 Твои дела суть красоты.
 Я пел, пою и петь их буду
 И в шутках правду возвещу;
 Татарски песни из-под спуду,
 Как луч, потомству сообщу;
 Как солнце, как луну, поставлю
 Твой образ будущим векам;
 Превознесу тебя, прославлю;
 Тобой бессмертен буду сам».

1783—1784

НА ШВЕДСКИЙ МИР

Ты шествуешь в Петрополь с миром
И лавры на главе несешь;
Ты провождаешься зефиром
И россам пальмы раздаешь.
Ты шествуешь! Воззри, царица,
На радостные всюду лица,
На сонмы вокруг тебя людей!
Не так ли на тебя взирают,
Как нежную весну встречают
В одежде розовых зарей?

Ты шествуешь и осклабляешь
Твой взор на нас, как божество;
Одной улыбкой составляешь
Восторг ты наш и торжество;
Средь светлого вельможей строя
В тебе царя, вождя, героя
И мирносицу мы зрим;
Уж изумленны наши взгляды
В тебе читают те отрады,
Что миром мы получим сим.

Как царь ты наградишь заслуги;
Как мать призришь ты сирот;
Лишенные детей супруги
Воскреснут от твоих щедрот;
Освободишь ты заключенных,
Обогатишь ты разоренных,
Незлбно винных ты простишь.
По нужде ты лила ток крови:
Ты в мире будешь бог любви
И счастье наше obnovишь.

Продлишь златые наши годы,
Продлишь всеобщий наш покой,
Бесчисленны твои народы
Воздремлют под твоей рукой.
От хижин даже до престола,
На холме и в середине дола
Почиет бранный россов дух;
Все будут счастливы тобою:
Законов под одной чертою
Равен вельможа и пастух.

Прострешь ты животворны длани
На тяжкий земледельца труд;
Отпустишь неимущим дани,
Да нивы и луга цветут;
Дохнешь в ветрила корабельны,
Пошлешь избытки рукодельны,
И реки злата и сребра
От Орма до Невы прольются;
Народы чужды к нам сберутся
Вкусить покоя и добра.

И се уж возвещают громы
Событие блаженных дней;
По ветру трубный звук несомый
Сзывает тысячи людей;
Народ колеблется, как волны,
Течет везде, веселья полный,
Врагов целует и друзей;
По стогнам гласы раздаются,
В домах нежнейши слезы льются,
Объемлют жен, отцов, детей.

О вы, носящи душу львину,
Герои, любящие бой!
Воззрите на сию картину,
Сравните вы ее с войной.
Там всюду ужас, стон и крики —
Здесь всюду радость, плеск и лики;
Там смерть, болезнь — здесь жизнь, любовь.
Я вижу убиенных тени
И слышу вам их грозны пени:
Вы пролили невинну кровь!

Но, венценосна добродетель!
О ангел наших тихих дней,
Екатерина! мы свидетель:
Не ты виной была смертей;
Ты бранной не искала славы,
Ты наши просвещала нравы
И украшалась тишиной.
Слеза, щедротой извлеченна,
Тебе приятней, чем вселенна,
Приобретенная войной!

1790

НА ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

*О, коль монарх благополучен,
Кто знает россами владеть!
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь.*

Ода г. Ломоносова

Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит;
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударам вслед звучат удары;
Дрожит земля, дождь искр течет;
Клокочут реки рдяной лавы, —
О росс! таков твой образ славы,
Что зрел под Измаилом свет!

О росс! о род великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполин, царю послушный!
Когда и где ты досягнуть
Не мог тебя достойной славы?
Твои труды — тебе забавы;
Твои венцы — вокруг блеск громов:
В полях ли брань — ты тмишь свод звездный;
В морях ли бой — ты пенишь бездны, —
Везде ты страх твоих врагов!

На подвиг твой вождя веленьем
Ты идешь, как жених на брак.
Марс видит часто с изумленьем,
Что и в бедях твой весел зрак:
Где вокруг драконы медны ржали,
Из трехсот жерл огнем дышали,
Ты там прославился днесь вновь.
Вождь рек: «Се стены Измаила!
Да сокрушит твоя их сила!..»
И воскипела бранна кровь.

Как воды, с гор весной в долину
Низвержась, пенятся, ревут,
Волнами, льдом трясут плотину, —
К твердыням россы так текут.
Ничто им путь не воспящает;

Смертей ли бледных полк встречает
Иль ад скрежещет зевом к ним,—
Идут, как в тучах скрыты громы,
Как двигнуты, безмолвны холмы;
Под ними стон,— за ними дым.

Идут в молчании глубоком,
Во мрачной, страшной тишине,
Собой пренебрегают, роком;
Зарница только в вышине
По их оружию играет;
И только их душа сияет,
Когда на бой, на смерть идет.
Уж блещут молнии крылами,
Уж осыпаются громами;
Они молчат — идут вперед.

Не бард ли древний, иступленный
Волшебным их ведет жезлóm?
Нет! свыше пастырь вдохновенный
Пред ними идет со крестом;
Венцы нетленны обещает
И кровь пролить благословляет
За честь, за веру, за царя;
За ним вождей ряд пред полками,
Как бурных дней пред облаками
Идет огнистая заря.

Идут. — Искусство зрит заслугу
И, сколь их дух был тут велик,
Вещает слух земному кругу;
Но мне их раздаётся крик;
По лестницам на град, на стогны,
Как шумны волны через волны,
Они возносятся челом;
Как уголь их взоры раскаленны,—
Как львы на тигров устремленны,—
Бегут, стеснясь, на огонь, на гром.

О! что за зрелище предстало?
О пагубный, о страшный час!
Злодейство что ни вымышляло,
Поверглось, россы, все на вас!
Зрю камни, ядра, вар и бревны,—
Но чем герои уstraшены?

Чем может отражен быть росс? —
Тот лезет по бревну на стену;
А тот летит с стены в геенну;
Всяк Курций, Деций, Буароз!

Всяк помнит должность, честь и веру,
Всяк душу и живот кладет.
О россы! нет вам, нет примеру,
И смерть сама вам лавр дает.
Там в грудь, в сердца лежат пронзенны,
Без сил, без чувств, полмертвы, бледны;
Но мнят еще стерть вражий рог:
Иной движеньем ободрает,
А тот с победой восклицает:
«Екатерина! — с нами бог!»

Какая в войсках храбрость рьяна!
Какой великий дух в вождях!
В одних душа рассудком льдяна,
У тех пылает огонь в сердцах.
В зиме рожденны под снегами,
Под молниями, под громами,
Которых с самых юных дней
Питала слава, верность, вера, —
Где можно вам сыскать примера?
Не посреди ль стихийных прей?

Представь: по светлости лазуря,
По наклонению небес
Взошла черно-багрова буря
И грозно возлегла на лес;
Как страшна ночь, надулась чревом,
Дохнула с свистом, воем, ревом,
Помчала воздух, прах и лист;
Под тяжкими ее крылами
Упали кедры вверх корнями
И затрещал Ливан кремнист.

Представь последний день природы,
Что пролилася звезд река;
На огонь пошли стеною воды,
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи к тучам гнали,
Что мрак лишь молнии освещали,
Что гром потряс всемирну ось,

Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се вид, как вошел в Измаил росс!

Вошел! «Не бойся», — рек и всюду
Простер свой троегранный штык:
Поверглись тел кровавы груди,
Напрасно слышен жалоб крик;
Напрасно, бранны человеки!
Вы льете крови вашей реки,
Котору должно бы беречь, —
Но с самого веков начала
Война народы пожирала,
Священ стал долг: рубить и жечь!

Тот мыслит овладеть всем миром,
Тот не принять его оков;
Вселенной царь стал врану пиром,
Герои — снедию волков.
Увы! пал крин, и пали терны.
Почто ж? — Судьбы небесны темны:
Я здесь пою лишь браней честь.
Нас горсть — но полк лежит пред нами;
Нас полк — но с тысячами и тьмами
Мы низложили город в персть.

И се уже, шумя, стремится
Кровавой пены полн Дунай,
Пучина черная багрится,
Спершись от трупов, с краю в край;
Уже бледнеюща Мрамора
Дрожит плывуща к ней позора,
Костры тел видя за костром!
Луна полна на башнях крови,
Поникли гордой Мекки брови;
Стамбул склонился вниз челом.

О! ежели издревле миру
Побед славнейших звук гремит
И если приступ славен к Тиру, —
К Измаилу больше знаменит.
Там был вселенной покоритель,
Машин и башен сам строитель,
Горой он море запрудил, —
А здесь вождя одно веленье

Свершило храбрых россов рвенье;
Великий дух был вместо крыл.

Услышь, услышь, о ты, вселенна!
Победу смертных выше сил;
Внимай, Европа удивленна,
Каков сей россов подвиг был.
Языки, знайте, вразумляйтесь,
В надменных мыслях содрогайтесь;
Уверьтесь сим, что с нами бог;
Уверьтесь, что его рукою
Один попрет вас росс войною,
Коль встать из бездны зол возмог!

Я вижу страшную годину:
Его три века держит сон,
Простертую под ним долину
Покрыл везде колючий терн;
Лице туман подернул бледный,
Ослабли мышцы удрученны,
Скатилась в мрак глава его;
Разбойники вокруг суровы
Взложили тяжкие оковы,
Змея на сердце у него.

Он спит! — и несекомы гады
Румяный потемняют зрак,
Войны опустошают грады,
Раздоры пожирают злак;
Чуть зрится блеск его короны,
Страдает вера и законы,
И ты, к отечеству любовь!
Как зверь, его Батый рвет гладный,
Как змей, сосет лжецарь коварный:
Повсюду пролилася кровь!

Лежал он во своей печали,
Как темная в пустыне ночь;
Враги его рукоплескали,
Друзья не мыслили помочь,
Соседи грабежом алкали;
Князья, бояра в неге спали
И ползали в пыли, как червь,—
Но бог, но дух его великий
Сотряс с него беды толики,
Расторгнул лев железну вервь!

Восстал! как утром холм высокой
Встает, подъямляя челом
Из мглы широкой и глубокой,
Разлитой вокруг его, и, гром
Поверх главы в ничто вменяя,
Ногами волны попирая,
Пошел,— и кто возмог против?
От шлема молнии скользили,
И океаны уступили,
Стопам его пути открыв.

Он сильны брды пхнул ногою,
Края азийски потряслись;
Упали царствы под рукою,
Цари, царицы в плен влеклись;
И победителей разитель,
Монархий света разрушитель
Простерся под его пятой:
В Европе грады брал, тряс троны,
Свергал царей, давал короны
Могущею своей рукой.

Где есть народ в краях вселенны,
Кто б столько сил в себе имел:
Без помощи, от всех стесненный,
Ярем с себя низвергнуть смел
И, вырвав бы венцы лавровы,
Возверг на тех самих оковы,
Кто столько свету страшен был?
О росс! твоя лишь добродетель
Таких великих дел содетель;
Лишь твой орел луну затмил.

Лишь ты, простря твои победы,
Умел щедроты расточать:
Поляк, турк, перс, прусс, хин и шведы
Тому примеры могут дать.
На тех ты зришь спокойно стены,
Тем паки отдал грады пленны;
Там унял прю, тут бунт смирил;
И сколь ты был их победитель,
Не меньше друг, благотворитель,
Свое лишь только возвратил.

О кровь славян! Сын предков славных!
Несокрушаемый колосс!

Кому в величестве нет равных,
Взросший на полсвете росс!
Твои коль славны древни следы!
Громчай суть нынешни победы:
Зрю вкруг тебя лавровый лес;
Кавказ и Тавр ты преклоняешь,
Вселенной на среду ступаешь
И досягаешь до небес.

Уже в Эвксине с полунощи
Меж вод и звезд лежит туман,
Под ним плывут дремучи рощи;
Средь них как гор отломок льдян
Иль мужа нека тень седая
Сидит, очами озирая:
Как полный месяц щит его,
Как сосна, рында обожженна,
Глава до облак вознесенна, —
Орел над шлемом у него.

За ним золотая колесница
По розовым летит зарям;
Сидящая на ней царица,
Великим равная мужам,
Рукою держит крест одною,
Возжженный пламенник другою
И сыплет блески на Босфор;
Уже от северного света
Лице бледнеет Магомета,
И мрачный отвратил он взор.

Не вновь ли то Олег к Востоку
Под парусами флот ведет
И Ольга к древнему потоку
Занятый ею свет лиет?
Иль россов идет дух военный,
Христовой верой провожденный,
Ахеев спасти, агарян стерть? —
Я слышу, грома ударяют,
Пророки, камни возглашают:
«То будет ныне или впредь!»

О вы, что в мыслях суетитесь
Столь славный россу путь претить,
Помочь врагу Христову тщитесь

И вере вашей изменить!
Чем столько поступать неправо,
Сперва исследуйте вы здраво
Свой путь, цель росса, суд небес;
Исследуйте и заключите:
Вы с кем и на кого хотите?
И что ваш року перевес?

Ничто, коль росс рожден судьбою
От варварских хранить вас уз,
Темиров попираť ногою,
Блюсть ваших от Омаров муз,
Отмстить крестовые походы,
Очистить иордански воды,
Священный гроб освободить,
Афинам возвратить Афину,
Град Константинов Константину
И мир Афету водворить.

Афету мир? — О труд избранный!
Достойнейший его детей,
Великими людьми желанный,
Свершишься ль ты средь наших дней?..
Доколь, Европа просвещенна,
С перуном будешь устремленна
На кровных братьев своих?
Не лучше ль внутрь раздор оставить
И с россом грудь одну составить
На общих супостат твоих?

Дай руку! — и пожди спокойно;
Сие и росс один свершит,
За беспрепятствие достойно
Тебя трофеем наградит.
Дай руку! дай залог любви!
Не лей твоей и нашей крови,
Да месть всем в грудь нам не взойдет;
Пусть только ум Екатерины,
Как Архимед, создаст машины;
А росс вселенной потрясет.

Чего не может род сей славный,
Любя царей своих, свершить?
Умейте лишь, главы венчанны!
Его бесценну кровь щадить.

Умейте дать ему вы льготу,
К делам великим дух, охоту
И правотой сердца пленить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь мир себя заставить чтить.

Война — как северно сиянье,
Лишь удивляет чернь одну:
Как светлой радуги блистанье,
Всяк мудрый любит тишину.
Что благовонней аромата?
Что слаще меда, краше злата
И драгоценнее порфир?
Не ты ль — которого всем взгляды
Ликуют обилие, прохлады —
Прекрасный и полезный мир?

Приди, о кроткий житель неба,
Эдемский гражданин страны!
Приди! — и, как спутник Феба,
Дух теплотворный, бог весны,
Дохни везде твоей душою!
Дохни, — да расцветет тобою
Рой сладости в домах, в сердцах!
Под сению Екатерины
Венчанны лавром исполины
Возлягут на своих громах.

Премудрость царствы управляет;
Крепит их вера, правый суд;
Их труд и мир обогащает,
Любовию они цветут.
О пол прекрасный и почтенный,
Кем россы рождены, кем пленны!
И вам днесь предлежат венцы.
Плоды побед суть звуки славы,
Побед основа — тверды нравы,
А добрых нравов вы творцы!

Когда на брани вы предметов
Лишились любви своей,
Когда и без войны, наветов
Полна жизнь наша слез, скорбей, —
Утештесь! — Ветры в ветры дуют,

Стихии меж собой воюют;
Сей свет — училище терпеть.
И брань коль восстает судьбою,
Сын россиянки среди бою
Со славой должен умереть.

А слава тех не умирает,
Кто за отечество умрет;
Она так в вечности сияет,
Как в море ночью лунный свет.
Времен в глубоком отдаленьи
Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух.
С гробов их в души огонь польется,
Когда по рощам разнесется
Бессмертной лирой дел их звук.

1790—1791

ИЗОБРАЖЕНИЕ ФЕЛИЦЫ

Рафаэль! живописец славный,
Творец искусством естества!
Рафаэль чудный, бесприкладный,
Изобразитель божества!
Умел ты кистью свободной
Непостижимость написать —
Умей моей богоподобной
Царевны образ начертать.

Изобрази ее мне точно
Осанку, возраст и черты,
Чтоб в них я видел и заочно
Ее и сердца красоты,
И духа чувства возвышенны,
И разума ее дела:
Фелица, ангел воплощенный,
В твоей картине бы жила.

Небесно-голубые взоры
И по ланитам нежна тень
Сквозь мрак времен, стихиев споры
Блистали бы, как ясный день;
Как утрення заря весення,

Так улыбалась бы она;
Как пальма, в рае насажденна,
Так возвышалась бы стройна.

Как пальма клонит благовонну
Вершину и лице свое —
Так тиху, важну, благородну
Ты поступи напиши ее.
Коричными чело власами,
А перлом перси осенй;
Премудрость и любовь устами,
Как розы дышут, изъясни.

Представь в лице ее геройство,
В очах величие души;
Премилосердо, нежно свойство
И снисхождение напиши.
Не позабудь приятность в нраве
И кроткий глас ее речей;
Во всей изобрази ты славе
Владычицу души моей.

Одень в доспехи, в брони златы
И в мужество ее красы:
Чтоб шлем блистал на ней пернатый,
Зефиры веяли власы;
Чтоб конь под ней главой крутился
И бурно броды опеял;
Чтоб Норд седый ей удивился
И обладать собой избрал.

Избрал — и, падши на колена,
Поднес бы скиптр ей и венец;
Она, мольбой его смягченна
И став владычицей сердец,
Бесстрашно б узы разрешила
Издревле скованных цепями,
Свободой бы рабов пленила
И нарекла себе детьми.

Престол ее на Скандинавских,
Камчатских и Златых горах,
От стран Таймурских до Кубанских
Поставь на сорок двух столпах;
Как восемь бы зеркал стояли

Ее великие моря;
С полнеба звезды освещали,
Вокруг багряная заря.

Средь дивного сего чертога
И велепной высоты
В величестве, в сияньи бога,
Ее изобрази мне ты;
Чтоб, сшед с престола, подавала
Скрыжалъ заповедей святых;
Чтобы вселенна принимала
Глас божий, глас природы в них.

Чтоб дики люди отдаленны,
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатых перьем испещренны,
Одеты листьем и корою,
Сошедшия к ее престолу
И кротких вняв законов глас,
По желто-смуглым лицам долу
Струили токи слез из глаз.

Струили б слезы — и, блаженство
Своих проразумев дней,
Забыли бы свое равенство
И были все подвластны ей:
Финн в море, бледный, рыжевласый,
Не разбивал бы кораблей,
И узкоглазый гунн жал класы
Среди седых, сухих зыбей.

Припомни, чтоб она вещала
Бесчисленным ее ордам:
«Я счастья вашего искала,
И в вас его нашла я вам;
Став сами вы себе послушны,
Живите, славьтесь в мой век
И будьте столь благополучны,
Колико может человек.

Я вам даю свободу мыслить
И разуметь себя ценить,
Не в рабстве, а в подданстве числить
И в ноги мне челом не бить.
Даю вам право без препоны

Мне ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы
И в них ошибки замечать.

Даю вам право собираться
И в думах золото копить,
Ко мне послами отправляться
И не всегда меня хвалить.
Даю вам право беспристрастно
В судьи друг друга выбирать,
Самим дела свои всевластно
И начинать, и окончать.

Не воспрещу я стихотворцам
Писать и чепуху, и лесть;
Халдеям, новым чудотворцам,
Махать с духами, пить и есть;
Но я во всем, что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть,
Великолепно и спокойно
Мои благодаянья лить».

Рекла — и взор бы озарился
Величием ее души,
Хаос на сферы б разделился
Ее рукою, — напиши.
Чтоб солнца в путь свой покатались
И тысячи вокруг их планет;
Из праха грады возносились,
Восстали царствы, — и был свет.

Изобрази мне мир сей новый
В лице молодого летня дня;
Как рощи, холмы, башни, кровы,
От горнего златясь огня,
Из мрака встают, блистают
И смотрятся в зеркало вод;
Все новы чувства получают,
И движется всех смертных род.

Представь мне лучезарны храмы
И ангелов поющих лик,
И благовонны фимиамы
Как облака б носились в них;
И чтоб царевна, умиленна,

Вперя свой взор на небеса,
Слезам зрелась окропленна,
Блещающими как роса.

Как с синей крутизны эфира
Лучам случится ниспадать —
От вседержителя так мира,
Чтоб к ней сходила благодать
И в виде счастья земного
Чтоб сыпала пред ней цветы,
И купно века бы драгого
Катилися часы златы.

Чтоб видел я в рога зовущих
Там пастухов стада на луг;
На рощах липовых, цветущих
Рои жужжащих пчел вокруг;
Шумя, молодых бы класов волны
Переливались ветерком,
Граненых бриллиантов холмы
В след сыпались за кораблем.

Чтобы с ристалища мне громы
И плески доходили в слух,
И вихрем всадники несомы
Поспешно б натягали лук,
И стрелу, к облакам пущенну,
Пересекали бы другой;
И всю в стязаньи бы вселенну
Я пред Фелицей зрел молодой.

И зрел бы я ее на троне
Седящу в утварях царей:
В порфире, бармах и короне,
И взглядом вдруг одним очей
Объемлющу моря и сушу
Во всем владычестве своем,
Всему дающе жизнь и душу
И управляющую всем.

Чтоб свыше ею вдохновенны
Мурзы, паши и визирь,
Сединой мудрости почтенны,
В диване зрелись как цари;
Закон бы свято сохраняли

И по стезям бы правды шли,
Носить ей скипетр пособляли
И пользу общую блюли.

Она б пред ними председадала,
Как всемогущий царь царей,
Свои наказания подтверждала
Для благоденствия людей.
Рекла б: «Почто писать уставы,
Коль их в диванах не творят?
Развратные вельможей нравы —
Народа целого разврат.

Ваш долг монарху, богу, царству
Служить и клятвой не играть;
Неправде, злобе, мзде, коварству
Пути повсюду пресекать;
Пристрастный суд разбоя злея, —
Судьи — враги, где спит закон:
Пред вами гражданина шея
Протянута без оборон».

Представь, чтоб глас сей съетозарный,
Как луч с небес, проник сердца,
Извлек бы слезы благодарны
И все монарха, и отца,
И бога бы в Фелице зрели,
Который праведен и благ;
Из уст бы громы лишь гремели,
Которы у нее в руках.

Соделай, чтоб судебны храмы
Ее лугами обросли,
Весы бы в них стояли прямы
И редко к ним бы люди шли;
Чтоб совесть всюду председадала
И обнимался с ней закон,
Чтоб милость истину лобзала
И миру поставляла трон.

Представь, чтоб все царевна средства
В пособие себе брала
Предупреждать народа бедствы
И сохранять его от зла;
Чтоб отворила всем дороги

Чрез почту письма к ней писать,
Велела бы в свои чертоги
Для объяснения допускать.

Как молния, ее бы взоры
Сверкали быстро в небесах,
Проникнуть мысли были скоры
И в самых скрытнейших сердцах;
Чтоб издали познавала
Она невинного ни в чем,
Как ангел бы к нему блистала
Благоволения лицом.

Дерзни мне кистью волшебной
Святилище изобразить,
Где взора смертных удаленной
Благоволит Фелица быть;
Где тайна перстом помавает
И на уста кладет печать,
Где благочестье председатель
И долг велит страстям молчать.

Представь ее облокоченну
На Зороастров истукан,
Смотрящу там на всю вселенну,
На огнезвездный океан,
Вещающую: «О ты, превечный!
Который волею своей
Колеса движешь быстротечны
Вратящейся природы всей!

Когда ты есть душа едина
Движенью сих огромных тел,—
То ты ж, конечно, и причина
И нравственных народных дел;
Тобою царства возрастают,
Твое орудие — цари;
Тобой они и померцают,
Как блеск вечерняя зари.

Наставь меня, миров содетель!
Да воле следуя твоей,
Тебя люблю и добродетель
И зижду счастье людей;
Да век мой на дела полезен

И славу их я посвящу,
Самодержавства скиптр железный
Моей щедротой позлащу.

Да удостоенна любви,
Надзрения твоих очес,
Чтоб я за каждую каплю крови,
За всякую бы каплю слез
Народа моего пролитых
Тебе ответствовать могла
И чувств души моей сокрытых
Тебя свидетелем звала».

Представь, чтоб тут кидала взоры
Со отвращением она
На те ужасны приговоры,
Где смерть написана, война
Свинцова грифеля чертам,
И медленно б крепила их,—
И тут же горькими слезами
Смывала бы слова все с них.

Но милости б определяла
Она с смеющимся лицом,
Златая бы струя бежала
За скоропишущим пером
И проливалась бы с престола
В несчетных тысящах прохлад,
Как в ясный день с крутых гор долу
Лучистый с шумом водопад.

Чтоб сей рекой благоденний
Покрылась вся ее страна;
Я зрел бы цепь пространных зданий,
Где пользует больных она,
Где бедных пищей насыщает,
Где брошенных берет сирот,
Где их лелеет, возвращает,
Где просвещает свой народ.

Представь мне, в мысли восхищенной,
Сходила бы с небес она;
Как солнце грудь, в ткани зеленой,
Рукой метала семена;
Как искры огненны дождались

Златые б зерна в снедь птенцам;
Орлы молодые разбудились
И воскрилялись бы к лучам.

Яви искусством чудотворным,
Чтоб льды прияли вид лилей;
Весна дыханьем теплотворным
Звала бы с моря лебедей;
Летели б с криком вереницы,
Звучали б трубы с облаков,—
Так в царство бы текли Фелицы
Народы из чужих краев.

Не позабуди ее представить,
Как, вместо алтарей себе,
Царя великого поставить
Велела на мольбу Орде;
Как всюду раздался клики
И грома света по конец:
«Предстал нам Зороастр великий,
Воскрес отечества отец!»

Изобрази и то в картине,
Чтоб сей подобный грому клик
В безмерной времени долине,
Как будто бы катясь, затих;
Фелицы ж славою удвоен,
Громчай в потомстве возгласил:
«Велик, кто алтарей достоин,
Но их другому посвятил!»

Представь, сей славою возбужденны,
Чтоб зреть ее, цари пришли
И как бы древле, удивленны,
В ней Соломона вновь нашли;
Народ счастливый и блаженный
Великой бы ее нарек,
Поднес бы титулы ей священные;
Она б рекла: «Я человек».

Возвысь до облак лавр зеленый,
И чтоб он на полях стоял;
Под ним бы, тенью прохлажденный,
Спокойно Исполин дремал;
Как мрамор бела б грудь блистала,

Ланиты бы цвели зарей,—
Фелица так бы услаждала
Полсвета под своей рукой.

И, здравие его спасая,
Без ужаса пила бы яд;
От твердости ее смерть злая
Свой отвратила б смутный взгляд;
Коса ее дала бы звуки,
Преткнувшись о великий дух;
На небеса воздели б руки
Младенцев миллионы вдруг.

Супругов чувства благодарны
За оживленье их детей,
Как бы пылинки лучезарны,
Огнистой от стекла струей
Отпрянув, в воздухе сверкали,
Являли б пламень их сердец:
«Мы зрим в Фелице,— восклицали,—
Твое подобие, творец!»

Изобрази ты мне царевну
Еще и в подвигах других:
Стоглаву гидру разъяренну
И фуриев с земель своих
Чтобы гнала она геройски;
Как мать — своих спасала б чад;
Как царь — на гордость двигла войски;
Как бог — свергала злобу в ад.

На сребрелунно государство
Простри крылатый, сизый гром;
В железно-каменное царство
Брось молнии — и поставь вверх дном;
Орел царевнин бы ногою
Вверху рога луны сгибал,
Тогда ж бы на земле другою
У гладна льва он зев сжимал.

Чтобы ее бесстрашны войски
От колыбели до седин
Носили дух в себе геройский,
И отрок будто б исполин
Врагам в сражениях казался;

Их пленник бы сказал о них:
«Никто в бою им не равнялся,
Кроме души великой их».

Чтобы вселенныя владыки
И всяк ту истину узнал:
Где войски Зороастр великий
Образовал и учреждал
И где великую в них душу
Великая Фелица льет,—
Те войски горы, море, сушу
Пройдут — и им препоны нет.

Чтоб грозный полк их представлялся
Как страшна буря вдалеке,
И Мир в порфире приближался
Тогда б к царевниной руке.
Она б его облобызала
И ветвь его к себе взяла,
«Да будет тишина!» — сказала,
И к нам бы тишина пришла.

Как ангел в синеве эфира
И милосердия в лице,
Со кротостью в душе зефира,
С сияньем тихим звезд в венце,
Благолюбивая б царевна
В день зрелась мирна торжества;
Душа моя бы восхищенна
Была делами божества.

Из уст ее текла бы сладость
И утишала стон вдовиц;
Из глаз ее блистала б радость
И освещала мрак темниц;
Рука ее бы награждала
Прямых отечества сынов;
Душа ее в себе прощала
Неблагодарных и врагов.

Приятность бы сопровождала
Ее беседу, дружбу, власть;
Приветливость ее равняла
С монархом подданного часть.
Повсюду музы, в восхищенье,

Ей сыпали б цветы сердец,
И самое Недоуменье
Ей плесков поднесло б венец.

Черты одной — красот ей ложно
Блюдися приписать в твой век;
Представь, каков, коль только можно,
Богopodobный человек!
Исполнь ее величеств, власти,
Бессмертных мудрости даров,
Вдохни, вдохни ей также страсти:
Щедроту, славу и любовь.

И славу моему ты взору
Ее представь как бы в ночи
Возжженну бриллиантов гору,
От коей бы лились лучи
И живо в вечности играли;
На светлу оной крутизну
Калифы многие желали —
Ползли — скользили — пали в тьму.

Как огненн столп на понте, взорам
К горе сей колебался б путь;
Фелица бы внушала Хлорам:
«Там розы без шипов растут».
Мурза б, в восторге, в удивленье,
Под золотым ее щитом
В татарском упражнялся пенье
И восклицал открытым ртом:

«Бросай, кто хочет: остры стрелы
От чистой совести скользят;
Имея сердце, руки белы,
Мне стыдно мстить, стыднее лгать;
Того стыднее — в дни блаженны
За истину страшиться зла:
Моей царевной восхищенный,
Я лишь ее пою дела».

Но что, Рафаэль! что ты пишешь?
Кого ты, где изобразил?
Не на холсте, не в красках дышишь,
И не металл ты оживил;
Я в сердце зрю алмазну гору,

На нем божественны черты
Сияют иступленну взору:
На нем в лучах — Фелица, ты!

1789

НА НОВЫЙ ГОД

Рассекши огненной стезею
Небесный синеватый свод,
Багряной облечен зарею,
Сошел на землю Новый год;
Сошел — и гласы раздалися,
Мечты, надежды понеслися
Навстречу божеству сему.

Гряди, сын вечности прекрасный!
Гряди, часов и дней отец!
Зовет счастливый и несчастный:
Поддай желаниям венец!
И самого среди блаженства
Желаем блага совершенства,
И недовольны мы судьбой.

Еще вельможа возвышаться,
Еще сильнее хочет быть;
Богач богатством осыпаться
И горы злата накопить;
Герой бессмертной жаждет славы,
Корысти — льстец, Лукулл — забавы
И счастья — игрок в игре.

Мое желание: предаться
Всевышнего во всем судьбе,
За счастьем в свете не гоняться,
Искать его в самом себе.
Меня здоровье, совесть права,
Достаток нужный, добра слава
Творят счастливее царей.

А если милой и приятной
Любим Пленирой я моей
И в светской жизни коловратной
Имею искренних друзей,

Живу с моим соседом в мире,
Умею петь, играть на лире,—
То кто счастливее меня?

От должностей в часы свободны
Пою моих я радость дней;
Пою творцу хвалы духовны
И добрых я пою царей.
Приятней гласы становятся,
И слезы нежности катятся,
Как россов мать я пою.

Петры, и Генрихи, и Титы
В народных век живут сердцах
Екатерины не забыты
Пребудут в тысячи веках.
Уже я вижу монументы,
Которых свергнуть элементы
И время не имеют сил.

Конец 1780 или начало 1781

РЕШЕМЫСЛУ

Веселонравная, младая,
Нелицемерная, простая,
Подруга Флаккова и дочь
Природой данного мне смысла!
Приди ко мне, приди теперь,
О Муза! славить Решемысла.

Приди, иль в облаке спустися,
Или хоть в санках прикатися
На легких, резвых, шестерней,
Оленях белых, златорогих,
Как ездят барыни зимой
В странах сибирских, хладом строгих.

Приди, и на своей свиреле
Не оного пой мужа, древле
Служившего царице той,
Которая в здоровье малом
Блистала славой и красой
Под соболиным одеялом.

Но пой, ты пой здесь Решемысла,
Великого вельможу смысла,
Наперсника царицы сей,
Которая сама трудится
Для блага области своей
И спать в полудни не ложится;

Которая законы пишет,
Любовию к народу дышит,
Пленит соседей без оков,
Военны отвращая звуки;
Дарит и счастье, и покров
И не сидит поджавши руки.

Сея царицы всепочтенной,
Великой, дивной, несравненной,
Сотрудников достойно чтить;
Достойно честью и хвалами
Ее вельмож превозносить
И осыпать их вокруг цветами.

Ты, Муза! с самых древних веков
Великих, сильных человеков
Всегда умела поласкать;
Ты можешь в былях, небылицах
И в баснях правду представлять,—
Представь мне Решемысла в лицах.

Скажи, скажи о сем герое:
Каков в войне, каков в покое,
Каков умом, каков душой,
Каков и всякими делами?
Скажи, и ничего не скрой:
Не хочешь прозой, так стихами.

Бывали прежде дни такие,
Что люди самые честные
Страшились близ трона быть,
Любимцев царских убегали
И не могли тех змей любить,
Которые их кровь сосали.

А он, хоть выше всех главою,
Как лавр цветет над муравою,
Но всюду всем бросает тень:

Одним он мил, другим любезен;
Едва прохаживал ли день,
Кому бы ни был он полезен.

Иной ползет, как черепаха,
Другому мил топор да плаха,—
А он парит как бы орел
И всё с высот далече видит;
Он в сердце злобы не имел
И даже мухи не обидит.

Он сердцем царский трон объемлет,
Душой народным нуждам внемлет
И правду между их хранит;
Отечеству он верно служит,
Монаршу волю свято чтит,
А о себе никак не тужит.

Не ищет почестей лукавством,
Мздоимным не прельщен богатством,
Не жаждет тщетно сан носить;
Но тщится тем себя лишь славить,
Что любит он добро творить
И может счастье доставить.

Закону божью послушен,
Чувствителен, великодушен,
Не горд, не подл и не труслив,
К себе строжае, чем к другому,
К поступкам хитрым не ревнив,
Идет лишь по пути прямому.

Не празден, не ленив, а точен;
В делах и скор, и беспорочен,
И не кубарит кубарей;
Но столько же велик и дома,
В деревне, хижине своей,
Как был когда метатель грома.

Глубок, и быстр, и тих, и смётлив,
При всей он важности приветлив,
При всей он скромности шутив;
В миру он кажется роскошен;
Но в самой роскоши ретив,
И никогда он не оплошен.

Хотя бы возлежал на розах,
Но в бурях, зноях и морозах
Готов он с лона неги встать;
Готов среди своей забавы
Внимать, судить, повелевать
И молнией лететь в храм славы.

Друг честности и друг Минервы,
Восшед на степенъ к трону первый,
И без подпор собою тверд;
Ходить умеет по паркету
И, устремяся славе вслед,
Готовит мир и громы свету.

Без битв, без браней побеждает,
Искусство уловлять он знает;
Своих, чужих сердца пленит.
Я слышу плеск ему сугубый:
Он вольность пленникам дарит,
Героям шьет коты да шубы.

Но, Муза! вижу, ты лукава;
Ты хочешь быть пред светом права,
Ты Решемысловым лицом
Вельможей должность представляешь:
Конечно, ты своим пером
Хвалить достоинства лишь знаешь.

1783

ПАМЯТНИК ГЕРОЮ

Всегда разборчива, правдива,
Нигде и никому не льстива,
О! строгого Кунгдзея Муза,
Которая его вдыхала
Играть на нежном, звонком кине
И трогать поученьем сердце!

Приди и, зря текущи годы,
Обратность вечную природы,
Что всходит и заходит солнце,
Что лето, осень придут паки,
А только к нам не возвратятся
Дела, содеянные нами,—

Вождя при памятнике дивном
Воссядь и в пении унывном
Вещай: сей столп повергнет время,
Разрушит. Кто ж был полководец?
Куда его прошли победы?
Где меч его? где шлем? где образ?

Увы! и честь сия героев,
Приступов монументы, боев —
Не суть ли знаки их свирепства?
Развалины, могилы, пепел,
Черепья, кости им подобных —
Не суть ли их венец и слава?

Ах, нет! средь всех народов, веков,
Друзья герои человеков
Суть соль земли, во мраке звезды;
Через них известна добродетель;
Они великие зерцалы
Богopodobных слабых смертных.

Прямой герой страстями не движим,
Он строг к себе и благ ко ближним;
К богатствам, титулам, власти, славе
Внутри он сердца не привержен;
Сокровище его любезно —
Спокойный дух и чиста совесть.

В терпении тверд и мудр в напасти,
Не рабствует блестящей части;
Считает тем себя довольным,
Коль общих благ где был споспешник;
Блажен, блажен еще стократно,
Что страсти мог свои умерить!

Весами ль где, мечом ли правит,
Ни там, ни тут он не лукавит.
Его царь — долг; его бог — правда;
Лишь им он жертвует собою;
Искусен, осторожен, точен,
Рачителен, не быстр ко славе.

Делами — исполнитель веры,
Великодушия примеры
Его все мысли наполняют;

И бог его благословляет
Победою почти без крови,
Которой мир дарует царствам.

Такого мужа обелиски
Не тем славны, что к небу близки,
Не мрамором, не медью тверды;
Пускай их разрушает время,
Но вовсе истребить не может:
Живет в преданьях добродетель.

Строй, Муза, памятник герою,
Кто мужествен и щедр душою,
Кто больше разумом, чем силой,
Разбил Юсуфа за Дунаем,
Дал малой тратой много пользы.
Благословись, Репнин, потомством!

1791

КЛЮЧ

Седящ, увенчан осокою,
В тени развесистых древес,
На урну облегшись рукою,
Являющий лице небес
Прекрасный вижу я источник.

Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты,
Луга поящий, доли злачны,
Кропящий перлами цветы,
О, коль ты мне приятен зришься!

Ты чист — и восхищаешь взоры,
Ты быстр — и утешаешь слух;
Как серна скачуща на горы,
Так мой к тебе стремится дух,
Желаньем петь тебя горящий.

Когда в дуги твои сребристы
Глядится красная заря,
Какие пурпур огнисты
И розы пламенны, горя,
С паденьем вод твоих катятся!

Гора в день стадом покровенну
Себя в тебе, любуясь, зрит;
В твоих водах изображенну
Дуброву ветерок струит,
Волнует жатву золотую.

Багряным брег твой становится,
Как солнце катится с небес;
Лучом кристалл твой загорится,
В дали начнет синеться лес,
Туманов море разольется.

О! коль ночьюю темною
Приятен вид твой при луне,
Как бледны холмы над тобою
И рощи дремлют в тишине,
А ты один, шумя, сверкаешь!

Сгорая стихотворства страстью,
К тебе я прихожу, ручей:
Завидую пиита счастью,
Вкусившего воды твоей,
Парнасским лавром увенчанна.

Напой меня, напой тобою,
Да воспою подобно я,
И с чистою твоей струею
Сравнится в песнях мысль моя,
А лирный глас с твоим стремленьем.

Да честь твоя пройдет все грады,
Как эхо с гор сквозь лес дремуч:
Творца бессмертной «Россиады»,
Священный Гребеневский ключ,
Поил водой ты стихотворства.

1779

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,

Зовет — и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.

Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает:
Монарх и узник — снедь червей,
Гробницы злость стихий снedaет;
Зияет время славу стергъ:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глодает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости всё смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать,
И быть себя он вечным чает;
Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапно похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышинам.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерский! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там. — Где там? — Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
«О, горе нам, рожденным в свет!»

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь

И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы гордость, с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра — где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в чреду свою.
Подите счастья прочь возможны,
Вы все переменны здесь и ложны:
Я в двéрях вечности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно:
Почто ж терзаться и скорбеть,

Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

1779

ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА

Спустил седой Эол Борея
С цепей чугунных из пещер;
Ужасные крилѣ расширя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,
Давнул — и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел.

Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Кобыль сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листья
Расстлались всюду по тропам.

В опушке заяц быстронсгий,
Как колпик поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц лай и гул гремит.
Запасшись крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет;
Обогащенный щедрым небом,
Блаженство дней своих поет.

Борей на Осень хмурит брови
И Зиму с севера зовет:
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет
И воды претворяет в льды;

От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

Наместо радуг испещренных
Висит по небу мгла вокруг,
А на коврах полей зеленых
Лежит рассыпан белый пух.
Пустыни сетуют и доли,
Голодны волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.

Ушел олень на тундры мшисты,
И в логовище лег медведь;
По селам нимфы голосисты
Престали в хороводах петь;
Дымятся серым дымом дома,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть.

Российский только Марс, Потемкин,
Не ужасается зимы:
По развевающим знаменам
Полков, водимых им, орел
Над древним царством Митридата
Летает и темнит луну;
Под звучным крил его мельканьем
То черн, то бледн, то рдян Эвксин.

Огонь, в волнах неугасимый,
Очаковские стены жрет,
Пред нийи росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет;
Седые бури презирает,
На льды, на рвы, на гром летит,
В водах и в пламе помышляет:
Или умрет, иль победит.

Мужайся, твердый росс и верный,
Еще победой возблистать!
Ты не наемник — сын усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкин — вождь, бог — покровитель;
Твоя геройска грудь — твой щит,

Честь — мзда твоя, вселенна — зритель,
Потомство плесками гремит.

Мужайтесь, росски Ахиллесы,
Богини северной сыны!
Хотя вы в Стиксе не погружались,
Но вы бессмертны по делам.
На вас всех мысль, на вас всех взоры,
Дерзайте ваших вслед отцов!
И ты спеши скорей, Голицын!
Принести в твой дом с оливой лавр.

Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом;
Когда с горячностью обнимешь
Ты семерых твоих сынов,
На мать нежны взоры вскинешь
И в радости не сыщешь слов.

Когда обильными речами
Потом восторг свой изъявишь,
Бесценными побед венцами
Твою супругу удивишь;
Геройские дела расскажешь
Ее ты дяди и отца,
И дух и ум его докажешь
И как к себе он влек сердца.

Спеши, супруг, к супруге верной,
Обрадуй ты, утешь ее;
Она задумчива, печальна,
В простой одежде, и, волосы
Рассыпав по челу нестройно,
Сидит за столиком в софе;
И светло-голубые взоры
Ее всечасно слезы льют.

Она к тебе вседневно пишет:
Твердит то славу, то любовь,
То жалостью, то негой дышит,
То страх ее смущает кровь;
То дяде торжества желает,
То жаждет мужниной любви,

Мятется, борется, вещает:
«Коль долг велит, ты лавры рви!»

В чертоге вкруг ее безмолвном
Не смеют нимфы пошептать;
В восторге только музы томном
Осмелились сей стих бряцать. —
Румяна Осень! радость мира!
Умножь, умножь еще твой плод!
Приди; желанна весть! — и лира
Любовь и славу воспоет.

1788

НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ РУМЯНЦОВОЙ

Не беспрестанно дождь стремится
На класы с черных облаков,
И море не всегда струится
От прменяемых ветров;
Не круглый год во льду спят воды,
Не всякий день бурь слышен свист,
И с скучной не всегда природы
Падет на землю желтый лист.

Подобно и тебе крушиться
Не должно, Дашкова, всегда,
Готово ль солнце в бездну скрыться
Иль паки утру быть чреда;
Ты жизнь свою в тоске проводишь,
По англинским твоим коврам,
Уединясь, в смущеньи ходишь
И волю течь даешь слезам.

Престань! и равнодушным оком
Воззри на оный кипарис,
Который на берегу высоком
На Невские струи навис
И мрачной тени под покровом,
Во дремлющих своих ветвях,
Сокрыл недавно в гробе новом
Румянцовой почтенный прах.

Румянцовой! — Она блистала
Умом, породой, красотой
И в старости любовь снискала
У всех любезною душой;
Она со твердостью смежила
Супружний взор, друзей, детей;
Монархам осьмерым служила,
Носила знаки их честей.

И зрела в торжестве и славе
И в лаврах сына своего;
Не изменялась в сердце, нраве
Ни для кого, ни для чего;
А доброе и злое купно
Собою испытала всё,
И как вертится всеминутно
Людской фортуны колесо.

Воззри на памятник сей вечный
Ты современницы твоей,
В отраду горести сердечной,
К спокойствию души своей,
Прочти: «Сия гробница скрыла
Затмившего мать лунный свет;
Смерть добродетели щадила,
Она жила почти сто лет».

Как солнце тускло ниспускает
Последние свои лучи,
По небу, по водам блистает
Румяною зарей в ночи, —
Так с тихим вздохом, взором ясным
Она оставила сей свет;
Но именем своим прекрасным
Еще, еще она живет.

И ты, коль победила страсти,
Которы трудно победить;
Когда не ищешь вышней власти
И первую в вельможах быть;
Когда не мстишь, и совесть права,
Не алчешь злата и серебра,
Какого же, коль телом здрава,
Еще желаешь ты добра?

Одно лишь в нас добро прямое,
А прочее всё в свете тлен;
Почует чья душа в покое,
Поистине тот есть блажен.
Престань же ты умом крылатым
По треволнению летать;
С убогим грузом иль богатым
Всяк должен к вечности пристать.

Пожди — и сын твой с страшна бою
Иль на щите, иль со щитом,
С победой, с славой, с женою,
С трофеями приедет в дом;
И если знатности и злата
Невестка в дар не принесет,—
Благими нравами богата,
Прекрасных внúчат приведет.

Утешься — и в объятьи нежном
Облобызай своих ты чад;
В семействе мирном, безмятежном,
Фессальский насаждая сад,
Живи и распложай науки;
Живи и обессмерть себя,
Да громогласной лиры звуки
И музы воспоют тебя.

Седый собор Ареопага,
На истину смотря в очки,
На счет общественного блага
Нередко ей давал щелчки;
Но в век тот Аристиды жили,
Сносили ссылки, казни, смерть;
Когда судьбы благоволили,
Не должно ли и нам терпеть?

Терпи! — Самсон сотрет льву зубы,
А Навин потемнит луну;
Румянцов молнии дхнет сугубы,
Екатерина — тишину;
Меня ж ничто вредить не может,
Я злобу твердостью сотру;
Врагов моих червь кости сглохнет,
А я Пиит — и не умру.

ЛЮБИТЕЛЮ ХУДОЖЕСТВ

Сойди, любезная Эрата!
С горы зеленой, двухолмистой,
В одежде белой, серебристой,
Украшенная венцом и поясом из злата,
С твоею арфой сладкогласной!

Сойди, утех собор,
И брось к нам нежно-страстный
С улыбкою твой взор;
И царствуй вечно в доме сем
На берегах Невы прекрасных!
Любителю наук изящных
Мы песнь с тобою воспоем.

*Небеса, внимайте
Чистый сердца жар
И с высот пошлите
Песен сладкий дар.
О! мольба прилежна,
Как роса, взнесись:
К нам ты, муза нежна,
Как зефир спустись!*

Как легкая серна
Из дола в дол, с холма на холм
Перебегает;
Как белый голубок, она
То вниз, то вверх под облачком
Перелетает;
С небесных светлых гор дорогу голубую
Ко мне в минуту перешла
И арфу золотую
С собою принесла;
Резвилась вокруг меня, ласкалась, смотрела
И, будто ветерочек, села
На лоне у меня.
Тут вдруг, веселый вид на важный пременя,
Небесным жаром воспылала,
На арфе заиграла.

Ее бело-румяны персты
По звучным бегают струнам;
Взор черно-огненный, отверстый,
Как молния вослед громам,

Блится, жжет и поражает
Всю внутренность души моей,
Томит, мертвит и оживляет
Меня приятностью своей.

*Боги взор свой отвращают
От нелюбящего муз,
Фурии ему влагают
В сердце черство грубый вкус,
Жажду злата и серебра.
Враг он общего добра!*

*Ни слеза вдовиц не тронет,
Ни сирот несчастных стон;
Пусть в крови вселенна тонет,
Был бы счастлив только он;
Больше б собрал серебра.
Враг он общего добра!*

*Напротив того, взирают
Боги на любимца муз,
Сердце нежное влагают
И изящный нежный вкус;
Всем душа его щедра.
Друг он общего добра!*

*Оттирает токи слезны,
Унимает скорбный стон;
Сиротам отец любезный,
Покровитель музам он;
Всем душа его щедра.
Друг он общего добра!*

О день! о день благоприятный!
Несутся ветром голоса,
Курятся крины ароматны,
Склонились долу небеса;
Лазурны тучи, краезлаты,
Блещающи рубином сквозь,
Как испещренный флот богатый,
Стремятся по эфиру вкось;
И, плавая туда,
Сюда,
Спускаются пред нами.
На них сидит небесных муз собор,

Вкруг гениев крылатых хор,—
Летят, вслед тянутся цепями,
Как бы весной
Разноперыстых птичек рой
Вьет воздух за собою
Кристальною струею,
И провождает к нам дев горних красный лик!
Я слышу вдалеке там резкий трубный зык;
Там бубнов гром,
Там стон
Валторн
Созвучно в воздух ударяет;
Там глас свирелей
И звонких трелей
Сквозь их изредка пробегает,
Как соловьиный свист сквозь шум падающих вод.
От звука разных голосов,
Встречающих полубогов
На землю сход,
По рощам эхо как хохочет,
По мрачным горным дебрям ропчет,
И гул глухой в глуши гудет.
Я слышу, сонм небесных дев поет:

*Науки смертных просвещают,
Питают, облегчают труд;
Художества их украшают
И к вечной славе их ведут.
Благополучны те народы,
Которы красотам природы
Искусством могут подражать,
Как пчелы, мед с цветов собирать.
Блажен тот муж, блажен стократно,
Кто покровительствует им!
Вознаградят его обратно
Они бессмертием своим.*

Наполнил грудь восторг священный,
Благоговейный обнял страх,
Приятный ужас потаенный
Течет во всех моих костях;
В веселье сердце утопает,
Как будто бога ощущает,
Присутствующего со мной!
Я вижу, вижу Аполлона

В тот миг, как он сразил Тифона
Божественной своей стрелой:
Зубчата молния сверкает,
Звенит в руке спущенный лук;
Ужасная змия зияет
И вмиг свой испускает дух,
Чешуйчатым хвостом песок перегребая
И черну кровь ручьем из раны испуская.
Я зрю сие — и вмиг себе представить мог,
Что так невежество сражает света бог.

Полк бледных теней окружает
И ужасает дух того,
Кто кровью руки умывает
Для властолюбья своего;
И черный змей то сердце гложет,
В ком зависть, злость и лесь живет
И кто своим добром жить может,
Но для богатства мзду берет.
Порок спокоен не бывает;
Нрав варварский его мятет,
Наук, художеств не ласкает,
И света свет ему не льет.
Как зверь, он ищет места темна;
Как змей, он, ползая, шипит;
Душа, коварством напоенна,
Глазами прямо не глядит.

*Черные мраки,
Злые призраки
Ужасных страстей!
Бегите из града,
Сокройтесь в дно ада
От наших вы дней!
Света перуны,
Лирные струны,
Минервин эгид!
Сыпьте в злость стрелы,
Брань за пределы
От нас да бежит!*

Как солнце гонит ночи мрак
И от его червлена злата
Румянится природы зрак,
Весело-резвая Эрата!

Ты ходишь по лугам зеленым
И рвешь тогда себе цветы,
Свободным духом, восхищенным,
Поёшь свои утехи ты;
Вослед тебе забав собор,
Певииц приятных хор,
Наяды пляшут и фауны;
Составь же ты, прелестно божество!
И нам теперь торжество,
Да сладкогласной лиры струны,
Твоею подвижны рукой,
Манят нас к пляскам пред тобой.

*Радостно, весело в день сей
Вместе собирайтесь, други!
Бросьте свои недосуги,
Скачите, пляшите смелей:
Бейте в ладоши руками,
Щелкайте громко перстами,
Черны глаза поводите,
Станом вы всем говорите;
Фертиком руки вы в боки,
Делайте легкие скоки;
Чобот о чобот стучите,
С наступью смелой свищите,
Молвьте «спасибо» душою
Мужу тому, что снисходит
Лаской, любовью своею,
Всем нам веселье наводит.
Здравствуй же, муз днесь любитель!
Здравствуй, их всех покровитель!*

1791

МЕРКУРИЮ

Почто меня от Аполлона,
Меркурий! ты ведешь с собой,
Средь пышного торговли трона
Мне кажешь ворох золотой?
Сбирать, завидовать — измлада
Я не привык, и не хочу.
Богатство ль старику награда?
Давно с презреньем я топчу
Его всю прелесть равнодушно.

Коль я здоров, хлеб-соль имею,
И дар мне дан судьи, певца,
И челобитчиков я смею
Встречать с переднего крыльца,
И к небогатому богатый
За нѹждою ко мне идет,
За храм — мой просты палаты,
За золото — солому чтет, —
На что же мне твоя излишность?

Но ах! Когда я стал послушен
Тебе, мой вождь и бог златой, —
То будь и ты великодушен
И мой не отними покой:
Но хлопотать когда устану,
Весь день быв жертвой и игрой
Среброчешуйну океану, —
Позволь, как грянет гром, домой
Пришедшему обнять мне музу.

Да вместо виста и бостону
Я с ней на лире порезвлюсь.
Монаршу, божеску закону,
Суду и правде поучусь;
Не дам волкам овечки скушать;
А ты, коль хочешь одолжить,
Приди моей сей песни слушать,
Посеребрить, позолотить
Мою трубу Екатерине.

1794

НА СЧАСТИЕ

Всегда прехвально, предпочтенно,
Во всей вселенной обоженно
И вожденное от всех,
О ты, великомошно Счастье!
Источник наших бед, утех,
Кому и в вѣдро, и в ненастье
Мавр, лóпарь, пастыри, цари,
Моляся в кущах и на троне,
В воскликновениях и стоне,
В сердцах их зиждут алтари!

Сын время, случая, судьбины
Иль неведомой причины,
Бог сильный, резвый, добрый, злой!
На шаровидной колеснице,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Вослед блистающей деннице
Чрез горы, степь, моря, леса
Вседневно ты по свету скачешь,
Волшебною ширинок машешь
И производишь чудеса.

Куда хребет свой обращаешь,
Там в пепел грады претворяешь,
Приводишь в страх богатырей;
Султанов заключаешь в клетку,
На казнь выводимь королей;
Но если ты ж, хотя в издевку,
Осклабишь взор свой на кого —
Раба творишь владыкой миру,
Наместо рубища порфиру
Ты возлагаешь на него.

В те дни людского просвещенья,
Как нет кикиморов явленья,
Как ты лишь всем чудотворишь:
Девиз и дам магнизируешь,
Из камней золото варишь,
В глаза патриотизма плюешь,
Катаешь кубарем весь мир;
Как резвости твоей примеров,
Полна земля вся кавалеров,
И целый свет стал бригадир.

В те дни, как всюду скороходом
Пред русским ты бежишь народом
И лавры рвешь ему зимой,
Стамбулу бороду ерошишь,
На Тавре едешь чехардой,
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы,
А Темзу в фижмы наряжаешь,
Хохол Варшаве раздуваешь,
Коптишь голландцам колбасы.

В те дни, как Вену ободряешь,
Парижу пукли разбиваешь,
Мадриту поднимаешь нос,
На Копенгаген иней сеешь,
Пучок подносишь Гданску роз,
Венецьи, Мальте не радеешь,
А Греции велишь зевать,
И Риму, ноги чтоб не пухли,
Святые оставляя туфли,
Царям претишь их целовать.

В те дни, как всё везде в разгулье:
Политика и правосудье,
Ум, совесть, и закон святой,
И логика пиры пируют,
На карты ставят век златой,
Судьбами смертных пунтируют,
Вселенну в трантелево гнут;
Как полюсы, меридианы,
Науки, музы, боги — пьяны,
Все скачут, пляшут и поют.

В те дни, как всюду ерихонцы
Не сеют, но лишь жнут червонцы,
Их денег куры не клюют;
Как вкус и нравы распестрились,
Весь мир стал полосатый шут;
Мартышки в воздухе явились,
По свету светят фонари,
Витийствуют уранги в школах;
На пышных карточных престолах
Сидят мишурные цари.

В те дни, как мудрость среди тронов
Одна не месит макаронов,
Не ходит в кузницу ковать;
А разве временем лишь скучным
Изволит муз к себе пускать
И перышком своим искусным,
Не ссорясь никак, ни с кем,
Для общей и своей забавы,
Комедьи пишет, чистит нравы
И припевает *хем, хем, хем*.

В те дни, ни с кем как не сравненна,
Она с тобою сопряженна, —

Нельзя ни в сказках рассказать,
Ни написать пером красиво,—
Как милость любит проливать,
Как царствует она правдиво,
Не жжет, не рубит без суда;
А разве кое-как вельможи,
И так и сяк, нахмуря рожи,
Тузят иного иногда.

В те дни, как мечет всюду взоры
Она вселенной на рессоры
И весит скипетры царей,
Следы орлов парящих видит
И пресмыкающихся змей;
Разя врагов, не ненавидит,
А только пресекает зло;
Без лат богатырям и в латах
Претит давить лимоны в лапах:
А хочет, чтобы все цвело.

В те дни, как скипетром любезным
Она перун к странам железным
И гром за тридевять земель
Несет на лунно государство,
И бомбы сыплет, будто хмель;
Свое же ублажая царство,
Покоит, греет и живет;
В мороз каминны возжигает,
Дрова и сено запасаает,
Бояр и чернь благотворит.

В те дни и времена чудесны
Твой взор и на меня всеместный
Простри, о над царями цари!
Простри и удостой усмешкой
Презренную тобою тварь;
И если я не создан пешкой,
Валяться не рожден в пыли,
Прошу тебя моим быть другом;
Песчинка может быть жемчугом,
Погладь меня и потрепи.

Бывало, ты меня к боярам
В любовь введешь: беру всё даром,
На вексель, в долг без платежа;

Судьи, дьяки и прокуроры,
В передней про себя брюзжа,
Умильные мне мешут взоры
И жаждут слова моего, —
А я всех мимо по паркету
Бегу, нос вздернув, к кабинету
И в грош не ставлю никого.

Бывало, под чужим нарядом
С красоткой чернобровой рядом
Иль с беленькой, сидя со мной,
Ты в шашки, то в картеж играешь;
Прекрасною твоей рукой
Туза червонного вскрываешь,
Сердечный твой тем кажешь взгляд;
Я к крале короля бросаю,
И ферзь к ладье я придвигаю,
Даю марьяж, им шах и мат.

Бывало, милые науки
И музы, простирая руки,
Позавтракать ко мне придут
И всё мое усядут ложе;
А я, свирель настроя тут,
С их каждой лирой то же, то же
Играю, что вчера́сь играл.
Согласна трель! взаимны тоны!
Восторг всех чувств! За вас короны
Тогда бы взять не пожелал.

А ныне пятьдесят мне било;
Полет свой счастье пременило,
Без лат я горе-богатырь;
Прекрасный пол меня лишь бесит,
Амур — без перьев — нетопырь,
Едва вспорхнет — и нос повесит.
Сокрылся и в игре мой клад;
Не страстны мной, как прежде, музы;
Бояра понадули пузы,
И я у всех стал виноват.

Услышь, услышь меня, о Счастье!
И солнце как сквозь бурь, ненастье,
Так на меня и ты взгляни;
Прошу, молю тебя умильно,

Мою ты участь премени,
Ведь всемогуще ты и сильно
Творить добро из самых зол;
От божеской твоей десницы
Гудок гудит на тон скрыпницы
И вьется локоном хохол.

Но ах! как некая ты сфера
Иль легкий шар Монгольфьера,
Блистая в воздухе, летишь;
Вселенна длани простирает,
Зовет тебя — ты не глядишь;
Но шар твой часто упадет
По прихоти одной твоей
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилые воды;
А редко, редко на людей.

Слети ко мне, мое драгое,
Серебряное, золотое,
Сокровище и божество!
Слети, причти к твоим любимцам!
Я храм тебе и торжество
Устрою, и везде по крыльцам
Твоим рассыплю я цветы;
Возжгу куреньи благовонны
И буду ездить на поклоны,
Где только обитаешь ты.

Жить буду в тереме богатом,
Возвышусь в чин, и знатым браком
Горацню в родню причтусь;
Пером моим славно-школярным
Рассудка выше вознесусь
И, став тебе неблагодарным,
«*Beatus!* брат мой, на волах
Собою сам поля орющий
Или стада свои пасущий!» —
Я буду восклицать в пирах.

Увы! еще ты не внимаешь,
О Счастье! моей мольбе,
Мои обеты презираешь;
Знать, неугоден я тебе.
Но на софах ли ты пуховых,

В тенях ли миртовых, лавровых,
Иль в золотой живешь стране,
Внемли,— шепни твоим любимцам,
Вельможам, королям и принцам:
Спокойствие мое во мне!

1789

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ МЕЦЕНАТА

Кровавая луна блистала
Чрез покровенный ночью лес,
На море мрачном простирала
Столбом багровый свет с небес.
По огненным зыбям мелькая,
Я видел, в лодке некто плыл;
Тут ветер, страшно завывая,
Ударил в лес — и лес завыл;
Из бездн восстали пенны горы,
Брега пустили томный стон;
Сквозь бурные стихиев споры
Зияла тьма со всех сторон.

Ко берегу лодка приплывала,
Приблизилась она ко мне;
Тень белая на ней мелькала,
Как образ мраморный, во тьме.
Утих шум рош, умолк рев водный,
Лишь стонут в тишине часы;
Стремится пот по мне холодный
И дыбом встают власы;
На брег из лодки вылезает
Старик угрюмый и седой
И, озираясь, подпирает
Себя ужасною косою.

Тогда по берегу раздалися
Надгробный плач и вой людей,
Отвсюду к старику сошлись
Бесчисленны толпы теней;
Прискорбны, бледны и безгласны,
Они, потупя взоры, шли;
Цепями фурии ужасны

К морскому берегу их вели.
Старик кровавыми когтями
К себе на лодку их влечет:
Богач и нищ, рабы с царями,
Все равню оставляют свет.

Уж в лодке многие мечтались
Знакомые и мне черты,
Другие к оной приближались;
Меж их, Шувалов! был и ты.
И ты, друг муз, друг смертных роду,
Фарос молодых вельмож и мой!
И ты Коцита зрел уж воду;
Коса смертельна над тобой,
Рассекши мрак густой, сверкала,
Подобно как перун с небес;
Эреба бездна уж зияла,
И ногу в вечность ты занес.

Болезнь и страх неизреченный
Тогда стеснили грудь мою:
«Кем добродетели почтенны,
Кто род, и сан, и жизнь свою
Старался тем единым славить,
Чтоб ближнему благотворить,
Потомству храм наук оставить,
Тому ли век толь краткий жить?
Ужель враг чести и пороку,
И злой и добрый человек,
Единому подвластны року?
О боже праведный!» — я рек.

Но вдруг средь облака златого,
На крыльях утренней зари,
Во зраке божества молодого,
Которого рабы, цари,
Все люди равномерно любят,
Но все не равно берегут,
Которого лень, роскошь губят,
Крепят умеренность и труд, —
Здоровье — дар небес бесценный —
Слетело в твой чертог и, взяв
В златом сосуде сок лечебный,
Кропя тебя, рекло: «Будь здрав!»

Ты здрав! Хор муз, тебе любезных,
Драгую жизнь твою любя,
Наместо кипарисов слезных
Венчают лаврами тебя.
Прияв одна трубу златую,
Другая строя лирный глас,
Та арфу, та свирель простую,
Воспели,— и воспел Парнас:
«Живи, наукам благодетель!
Твоя жизнь ввек цвести должна;
Не умирает добродетель,
Бессмертна музами она».

Бессмертны музами Периклы,
И Меценаты ввек живут.
Подобно память, слава, титулы
Твои, Шувалов, не умрут.
Великий Петр к нам ввел науки,
А дочь его ввела к нам вкус;
Ты, к знаниям простирая руки,
У ней предстателем был муз;
Досель гремит нам в *Илиаде*
О Несторах, Улиссах гром,—
Равно бессмертен в *Петриаде*
Ты Ломоносовым пером.

1781

НА УМЕРЕННОСТЬ

Благополучнее мы будем,
Коль не дерзнем в стремленье волн,
Ни в вихрь, робея, не принудим
Близ берега держать наш челн.
Завиден тот лишь состояньем,
Кто среднею стезей идет,
Ни благ не восхищен мечтаньем,
Ни тьмой не ужасаем бед;
Умерен в хижине, чертоге,
Равен в покое и тревоге.

Собрать не алчет миллионов,
Не скалится на жирный стол;
Не требует ничьих поклонов

И не лощит ничей сам пол;
Не вьется в душу к царску другу,
Не ловит тайнств и не льстит;
Готов на труд и на услугу
И добродетель токмо чтит.
Хотя и царь его ласкает,
Он носа вверх не поднимает.

Он видит, что и дубы мшисты
Кряхтят, падут с вершины гор,
Перун дробит бугры кремнисты
И пожигает влажный бор.
Он видит, с белыми горами
Вверх скачут с шумом корабли;
Ревут, и черными волнами
Внутрь погребаются земли;
Он видит — и, судьбе послушен,
В пременах света равнодушен.

Он видит — и, душой мужаясь,
В несчастьи надежды полн:
Под счастьем же, не утомляясь,
В беспечный не вдается сон;
Себя и ближнего покоя,
Чтит бога, веру и царей;
Царств метафизикой не строя,
Смеется, зря на пузырей,
Летащих флотом к небу с грузом,
И вольным быть не мнит французом.

Он ведает: доколе страсти
Волнуются в людских сердцах,
Нет вольности, нет равной части
Царю в венце, рабу в цепях;
Несет свое всяк в свете бремя,
Других всяк жертва и тиран,
Течет в свое природа стремя;
А сей закон коль в век ей дан,
Коль ввек мы под страстями стенаем,—
Каких же дней златых желаем?

Всяк долгу раб.— Я не мечтаю
На воздухе о городах;
Всем счастливых путей желаю
К фортуне по льду на коньках.

Пускай Язон с Колхиды древней
Златое сбрил себе руно,
Крез завладел чужой деревней,
Марс откуп взял, — мне все равно,
Я не завидлив на богатство
И царских сумм на святотатство.

Когда судьба качает в люльке,
Благословляю часть мою;
Нет дел — играю на бирюльке,
Средь муз с Горацием пою.
Но если б царь где доброй, редкой
Велел мне грамотки писать,
Я б душу не вертел рулеткой,
А стал бы пнем — и стал читать
Равно о людях, о болванах,
О добродетелях в карманах.

А ежели б когда и скушно
Меня изволил он принять,
Любя его, я равнодушно
И горесть стал бы ощущать,
И шел к нему опять со вздором
Суда и милости просить.
Равно когда б и светлым взором
Со мной он вздумал пошутить
И у меня просить прощенья, —
Не заплясал бы с восхищенья,

Но с рассужденьем удивлялся
Великодушию его,
Не вдруг на похвалы пускался;
А в жаре сердца моего
Воспел его бы без притворства
И в сказочке сказал подчас:
«Ты громок браньми — для потомства,
Ты мил щедротами — для нас,
Но славы и любви содетель
Тебе твоя лишь добродетель».

Смотри и всяк, хотя б чрез шашни
Фортуны стал кто впереди,
Не сплошь спускай златых змей с башни
И, глядя в небо, не пади;
Держися лучше середины

И ближнему добро твори;
Назавтра крепостей с судьбины
Бессильны сами взять цари.
Есть время — сей, оно превратно;
Прошедше не придет обратно.

Хоть чья душа честна, любезна,
Хоть бескорыстен кто, умен, —
Но коль умеренность полезна
И тем, кто славой пленен!
Умей быть без обиды скромн,
Осанист, тверд, но не гордец;
Решим без скорости, спокоен,
Без хитрости ловец сердец;
Вздув в ясном парусá лазуре,
Умей их не сронить и в буре.

1792

К ПЕРВОМУ СОСЕДУ

Кого роскошными пирами
На влажных Невских островах,
Между тенистыми древами,
На мураве и на цветах,
В шатрах персидских, златошвенных,
Из глин китайских драгоценных,
Из венских чистых хрусталей,
Кого толь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровищи казны твоей?

Гремит музýка, слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;
Сластей и ананасов горы,
И множество других плодов
Прельщают чувства и питают;
Младые девы угощают,
Подносят вина чередой,
И алиатико с шампанским,
И пиво русское с британским,
И мозель с зельцерской водой.

В вертепе мраморном, прохладном,
В котором льется водоскат,
На ложе роз благоуханном,
Средь лени, неги и отрад,
Любовью распаленный страстной,
С молодой, веселою, прекрасной
И нежной нимфой ты сидишь;
Она поет, ты страстью таешь,
То с ней в весельи утопаешь,
То, утомлен весельем, спишь.

Ты спишь — и сон тебе мечтает,
Что ввек благополучен ты,
Что само небо рассыпает
Блаженства вокруг тебя цветы,
Что парка дней твоих не косит,
Что откуп вновь тебе приносят
Сибирски горы серебра
И дождь златый к тебе лиется.
Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера!

Блажен, кто может веселиться
Бесперерывно в жизни сей!
Но редкому пловцу случится
Безбедно плавать средь морей:
Там бурны дышут непогоды,
Горам подобны гонят воды
И с пеною песок мутят.
Петрополь сосны осеняли, —
Но вихрем пораженны пали,
Теперь корнями вверх лежат.

Непостоянство — доля смертных,
В прменах вкуса счастье их;
Среди утех своих несметных
Желаем мы утех иных.
Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанут грации трепать;
И, может быть, с тобой в разлуке
Твоя уж Пенелопа в скуке
Ковер не будет распускать.

Не будет, может быть, лелеять
Судьба уж более тебя
И ветер благоприятный вейть
В твой парус: береги себя!
Доколь текут часы златые
И не приспели скорби злые,
Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.

1780

К ЛИРЕ

Звонкоприятная лира!
В древни златые дни мира
Сладкою силой твоей
Ты и богов, и царей,
Ты и народы пленяла.

Глас тихострунный твой, звоны,
Сердце прельщающи тоны
С дебрей, вертепов, степеней
Птиц созывали, зверей,
Холмы и дубы склоняли.

Ныне железные ль веки?
Тверже ль кремней человеки?
Сами не знаясь с тобой,
Свет не пленяют игрой,
Чужды красот доброгласья.

Доблестью чужды пленяться,
К злату, к серебру лишь стремятся.
Помнят себя лишь одних;
Слезы не трогают их,
Вопли сердец не доходят.

Души все льда холоднее.
В ком же я вижу Орфея?
Кто Аристон сей молодой?
Нежен лицом и душой,
Нравов благих преисполнен?

Кто сей любитель согласья?
Скрытый зиждитель ли счастья?
Скромный смиритель ли злых?
Дней гражданин золотых,
Истый любимец Астреи!

1794.

ВЕЛЬМОЖА

Не украшение одежд
Моя днесь муза прославляет,
Которое, в очах невежд,
Шутов в вельможи наряжает;
Не пышности я песнь пою;
Не истуканы за кристаллом,
В кивотах блещущи металлом,
Услышат похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
Которые собою сами
Умели титулы заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастье не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждán.

Кумир, поставленный в позор,
Несмысленную чернь прельщает;
Но коль художников в нем взор
Прямых красот не ощущает,—
Се образ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благости душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?

Не перлы перские на вас
И не бразильски звезды ясны,—
Для возлюбивших правду глаз
Лишь добродетели прекрасны,
Они суть смертных похвала.
Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела.

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастья рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака.

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.
Когда не сверг в боях, в судах,
В советах царских супостатов,—
Всяк думает, что я Чупятов
В мароккских лентах и звездах.

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле
И не на царском бы престоле
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обаяла б ум надменный,—
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь — коль мой сияет дух;
Владелец — коль страстьми владею;
Болярин — коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданашал!
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
Чтоб пурпур, злато всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Мусия, мрамор и фарфор?

На то ль тебе пространный свет,
Простерши раболепны длани,
На прихотливый твой обед
Вкуснейших яств приносят дани,
Токай — густое льет вино,
Левант — с звездами кофе жирный,
Чтоб не хотел за труд всемирный
Мгновенье бросить ты одно?

Там воды в просеках текут
И, с шумом вверх стремясь, сверкают;
Там розы средь зимы цветут
И в рощах нимфы воспевают
На то ль, чтобы на всё взирал
Ты оком мрачным, равнодушным,
Средь радостей казался скучным
И в пресыщении зевал?

Орел, по высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных, —
Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завес червленых;
Едва по зыблющим грудям
С тобой лежащая Цирцей
Блистают розы и лилеи,
Ты с ней покойно спишь, — а там?

А там израненный герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой, —
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твой приказ, —
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лавровой главою,
Сидит и ждет тебя уж час!

А там — вдова стоит в сенях
И горьки слезы пролизает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
В тебе его зная прежде друга,
Пришла мольбу свою принести.

А там — на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти:
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.

А там, — где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами, —
Займодавцев полк стоит,
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, сибарит! — Ты спишь
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внимлешь
И в развращенном сердце мнишь:

«Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть — слабым душ тревога!
Нет добродетели! нет бога!» —
Злодей, увы! — И грянул гром.

Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строгу
Наследным перлом жен, детей,
В единодушии — блаженство,
Во правосудии — равенство,
Свободу — во узде страстей!

Блажен народ! — где царь главой,
Вельможи — здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает, —
Повелевает же сама.

Сим твердым у́злом естества
Коль царство лишь живет счастливым, —
Вельможи! — славы, торжества
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться;
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О русский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!
Когда расслаб весь смертных род,
Какой ты не причастен славы?
Каких в тебе вельможей нет?
Тот храбрым был среди бранных звуков;
Здесь дал бесстрашный Долгоруков
Монарху грозному ответ.

И в наши вижу времена
Того я славного Камилла,
Которого труды, война
И старость дух не утомила.
От грома звучных он побед
Сошел в шалаш свой равнодушно,
И от сохи опять послушно
Он в поле Марсовом живет.

Тебе, герой! желаний муж!
Не роскошью вельможа славный;
Кумир сердец, пленитель душ,
Вождь, лавром, маслиной венчанный!
Я праведну здесь песнь воспел.
Ты ею славься, утешайся,
Борись вновь с бурями, мужайся,
Как юный возносись орел.

Пари — и с высоты твоей
По мракам смутного эфира
Громовой пролети струей
И, опочив на лоне мира,
Возвесели еще царя.—
Простри твой поздний блеск в народе,
Как отдает свой долг природе
Румяна вечера заря.

1794

К Н. А. ЛЬВОВУ

Стократ благословен тот смертный,
Кого не тяготит печаль,
Ни зависть потаенным вздохом,
Ни гордость громогласным смехом
Не жмут, не гонят от двора.

Сокрыта жизнь твоя в деревне
Течет теперь, о милый Львов!
Как светлый меж цветов источник
В лесу дремучем. Пусть другие,
Взмостясь, из терема глядят,

Как на златые колесницы
Зевают чернь, как ратный строй
В глаза ей мечет блеск от ружей,
И как она, волнам подобно,
От бурь, от всадников бежит;

Как витязи в веках позднейших
В меди иль в мраморе себя
Со удивленьем созерцают
И плещут уж заране в длани,
Что их народ боготворит.

Но ты умен — ты постигаешь,
Что тот любимец лишь небес,
Который под шумком потока
Иль сладко спит, иль воспеваает
О боге, дружбе и любви.

Восток и запад расстилают
Ему свой пурпур по путям;
Ему благоухают травы,
Древесны помавают ветви
И свищет громко соловей.

За ним раскаянье не ходит
Ни между нив, ни по садам,
Ни по холмам, покрытым стадом,
Ни меж озер и кущ приятных,—
Но всюду радость и восторг.

Труды крепят его здоровье;
Как воздух, кровь его легка;
Поутру, как зефир, летает
Веселы обозреть работы,
А завтракать спешит в свой дом.

Тут нежна, милая супруга —
Как лен пушист ее власы,—
Снегоподобною рукою
Взяв шито, брано полотенце,
Стирает пот с его чела.

Целуя раскрасневши щеки,
На пяльца посмотреть велит,
Где по соломе разной шерстью
Луга, цветы, пруды и рощи
Градской своей подруге шьет.

«О! если бы,— она вещает,—
Могло искусство, как природа,
Вливать в сердца свою приятность —
Сии картины наши сельски
К нам наших созвали б друзей!

Моя подруга черноброва,
Любезна, мила горожанка,
На нивах златом здесь пленившись,
Престала б наряжать в шумиху
Свой в граде храмовидный дом».

«Ах, милая! — он отвечает
С улыбкой и со вздохом ей,—

Ужель тебе то неизвестно,
Что ослепленным жизнью дворской
Природа самая мертва!»

1792

ВОДОПАД

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит — и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по берегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Стук слышен млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоём жерле
Все утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны пораженны? —
Ломаются в тебе в куски;
Громами ль камни отторженны? —
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? —
Как пыль стеклянна ниспадают.

Волк рыщет вокруг тебя и, страх
В ничто вмения, становится;
Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нем щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Он воет согласясь с тобой.

Лань идет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падающих рев,

Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж дерев;
Ее страшит вокруг шум, бурь свист
И хрупкий под ногами лист.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, к тебе порой идет;
Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прядет;
И подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится.

Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу — некий муж седой
Склонился на руку главой.

Копье, и меч, и щит великой,
Стена отечества всего,
И шлем, обвитый повиликой,
Лежат во мху у ног его.
В броне блистая злато-рдяной,
Как вечер во заре румяной,—

Сидит — и, взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает? —
Он также блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.

Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?

Не зрим ли всякий день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?
Не слышим ли в бою часов
Глас смерти, двери скрип подземной?
Не упадет ли в сей зев
С престола царь и друг царев?

Падут — и вождь непобедимый,
В Сенате Цезарь средь похвал,
В тот миг, желал как диадимы,
Закрыв лицо плащом, упал;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны к трону вежды.

Падут — и несравненный муж
Торжеств несметных с колесницы,
Пример великих в свете душ,
Презревший прелесть багряницы,
Пленивший Велизар царей
В темнице пал, лишен очей.

Падут. — И не мечты прельщали,
Когда меня, в цветущий век,
Давно ли города встречали,
Как в лаврах я, в оливах тек?
Давно ль? — Но ах! теперь во брани
Мои не мешут молний длани!

Ослабли силы, буря вдруг
Копье из рук моих схватила;
Хотя и бодр еще мой дух,
Судьба побед меня лишила».
Он рек — и тихим смолкнул сном.
Морфей покрыл его крылом.

Сошла октябрьска ночь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигде я ничего не внемлю,
Кроме ревуция волны,
О камни с высоты дробимой
И снежною горою зримой.

Пустыня, взор насупя свой,
Утесы и скалы дремали;
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробегали,
Из коих трепетна, бледна
Проглядывала вниз луна.

Глядела, и едва блистала,
Пред старцем преклонив рога,
Как бы с почтеньем познавала

В нем своего того врага,
Которого она страшилась,
Кому вселенная дивилась.

Он спал, — и чудотворный сон
Мечты ему являл геройски:
Казалось ему, что он
Непобедимы водит войски;
Что вокруг его перун молчит,
Его лишь мановенья зрит;

Что огнедышущи за перстом
Ограды вслед его идут;
Что в поле гладком, вокруг отверстом,
По слову одному растут
Полки его из скрытых станов,
Как холмы в море из туманов;

Что только по траве росистой
Ночные знать его шаги;
Что утром пыль, под твердью чистой,
Уж поздно зрят его враги;
Что остротой своих зениц
Блюдет он их, как ястреб птиц;

Что, положя чертеж и меры,
Как волхв невидимый, в шатре,
Тем кажет он в долу химеры,
Тем в тиграх агнцев на горе
И вдруг решительным умом
На тысячи бросает гром;

Что орлю дерзость, гордость лунну,
У черных и янтарных волн,
Смирил Колхиду златорунну
И белого царя урон
Рая вечерня пред границей
Отмстил победами сторицей;

Что, как румяной луч зари,
Страну его покрыла слава;
Чужие вóжди и цари,
Своя владычица, держава,
И все везде его почли,
Триумфами превознесли;

Что образ, имя и дела
Цветут его средь разных глянец;
Что верх сребристого чела
В венце из молненных румянцев
Блится в будущих родах,
Отсвечивая в сердцах;

Что зависть, от его сиянья
Свой бледный потупляя взор,
Среди безмолвного стенанья
Ползет и ищет токмо нор,
Куда бы от него сокрыться,
И что никто с ним не сравнится.

Он спит — и в сих мечтах веселых
Внимает завыванье псов,
Рев ветров, скрип дерев. дебелых,
Стенанье филинов и сов,
И вещих глас вдали животных,
И тихий шорох вокруг бесплотных.

Он слышит: сокрушилась ель,
Станица вранов встрепетала,
Кремнистый холм дал страшну щель,
Гора с богатствами упала;
Грохочет эхо по горам,
Как гром гремящий по громам.

Он зрит одету в ризы черны
Крылату некую жену,
Власы имевшу распущенны,
Как смертну весть, или войну,
С косою в руках, с трубой стоящу,
И слышит он: «проснись!» гласящу.

На шлеме у нее орел
Сидел с перуном помраченным,
В нем герб отечества он зрел;
И, быв мечтой сей возбужденным,
Вздыхнул и, испустя слез дождь,
Вещал: «Знать, умер некий вождь!

Блажен, когда, стремясь за славой,
Он пользу общую хранил,
Был милосерд в войне кровавой

И самых жизнь врагов щадил:
Благословен средь поздних веков
Да будет друг сей человек!

Благословенна похвала
Надгробная его да будет,
Когда всяк жизнь его, дела
По пользам только помнить будет;
Когда не блеск его прельщал
И славы ложной не искал!

О слава, слава в свете сильных!
Ты точно есть сей водопад.
Он вод стремлением обильных
И шумом льющихся прохлад
Великолепен, светл, прекрасен,
Чудесен, силен, громок, ясен;

Дивиться вокруг себя людей
Всегда толпами собирает,—
Но если он водой своей
Удобно всех не напоет,
Коль рвет берега и в быстротáх
Его нет выгод смертным,— ах!

Не лучше ль менее известным,
А более полезным быть;
Подобясь ручейкам прелестным,
Поля, луга, сады кропить
И тихим вдалеке журчаньем
Потомство привлекать с вниманьем?

Пусть на обросший дерном холм
Приидет путник и воссядет
И, наклонясь своим челом
На подписанье гроба, скажет:
«Не только славный лишь войной,
Здесь скрыт великий муж душой».

О! будь бессмертен, витязь бранный,
Когда ты весь соблюл свой долг!» —
Вещал сединой муж венчанный
И, в небеса возрев, умолк.
Умолк — и глас его промчался,
Глас мудрый всюду раздавался.

Но кто там идет по холмам,
Глядясь, как месяц, в воды черны?
Чья тень спешит по облакам
В воздушные жилища горны?
На темном взоре и челе
Сидит глубока дума в мгле!

Какой чудесный дух крылами
От севера парит на юг?
Ветр медлен течь его стезями,
Обозревает царствы вдруг;
Шумит, и как звезда блистает,
И искры в след свой рассыпает.

Чей труп, как на распутьи мгла,
Лежит на темном лоне ночи?
Простое рубище — чресла,
Два лепта покрывают очи,
Прижаты к хладной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!

Чей одр — земля, кров — воздух синь,
Чертоги — вокруг пустынные виды?
Не ты ли, счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды?
Не ты ли с высоты честей
Незапно пал среди степей?

Не ты ль наперсником близ трона
У северной Минервы был;
Во храме муз друг Аполлона;
На поле Марса вождем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
Могущ — хотя и не в порфире?

Не ты ль, который взвесить смел
Мощь росса, дух Екатерины
И, опершись на них, хотел
Вознести твой гром на те стремнины,
Но коих древний Рим стоял
И всей вселенной колебал?

Не ты ль, который орды сильны
Соседей хищных истребил,
Пространны области пустыни

Во грады, в нивы обратил,
Покрыл понт Черный кораблями,
Потряс среду земли громами?

Не ты ль, который знал избрать
Достойный подвиг русской силе,
Стихии самые пожать
В Очакове и в Измаиле
И твердой дерзостью такой
Быть дивом храбрости самой?

Се ты, отважнейший из смертных!
Палящий замыслами ум!
Не шел ты средь путей известных,
Но проложил их сам — и шум
Оставил по себе в потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкин!

Се ты, которому врата
Торжественные созидали;
Искусство, разум, красота
Недавно лавр и мирт сплетали;
Забавы, роскошь вокруг цвели,
И счастье с славой следом шли.

Се ты, небесного плод дара
Кому едва я посвятил,
В созвучность громкого Пиндара
Мою настроить лиру мнил,
Воспел победу Измаила,
Воспел, — но смерть тебя скосила!

Увы! и хоров сладкий звук
Моих в стенанье превратился;
Свалилась лира с слабых рук,
И я там в слезы погрузился,
Где бездны разноцветных звезд
Чертог являли райских мест.

Увы! — и грома онемели,
Ревущие тебя вокруг;
Полки твои осиротели,
Наполнили рыданьем слух;
И всё, что близ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потух лавровый твой венок,
Гранена булава упала,
Меч в полножны войти чуть мог.
Екатерина возрыдала!
Полсвета потряслось за ней
Незапной смертью твоей!

Оливы свежи и зелены
Принес и бросил Мир из рук,
Родства и дружбы вопли, стоны
И муз ахейских жалкий звук
Вокруг Перикла раздается:
Марон по Мекенате рвется,

Который почестей в лучах,
Как некий царь, как бы на троне,
На серебро-розовых конях,
На златозарном фаэтоне,
Во сонме всадников блистал
И в смертный черный одр упал!

Где слава? Где великолепье?
Где ты, о сильный человек?
Мафусаила долголетье
Лишь было б сон, лишь тень наш век;
Вся наша жизнь не что иное,
Как лишь мечтание пустое.

Иль нет! — тяжелый некий шар,
На нежном волоске висающий,
В который бурь, громов удар
И молнии небес ярящи
Отвсюду беспрестанно бьют,
И ах! зефиры легки рвут.

Единый час, одно мгновенье
Удобны царствы поразить,
Одно стихиев дуповенье
Гигантов в прах преобразить;
Их ищут места — и не знают:
В пыли героев попирают!

Героев? — Нет! Но их дела
Из мрака и веков блистают;
Нетленна память, похвала

И из развалин вылетают,
Как холмы, гробы их цветут;
Напишется Потемкин труд.

Театр его — был край Эвксина,
Сердца обязанные — храм;
Рука с венцом — Екатерина;
Гремяща слава — фимиам;
Жизнь — жертвенник торжеств и крови,
Гробница ужаса, любви.

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистает темной нощи,
Дуная мрачная волна
Сверкает кровью, и сквозь рощи
Вкруг Измаила ветр шумит,
И слышен стон, — что турок мнит?

Дрожит — и во очах сокрытых
Еще ему штыки блестят,
Где сорок тысяч вдруг убитых
Вкруг гроба Вейсмана лежат.
Мечтаются ему их тени
И росс в крови их по колени!

Дрожит — и обращает взгляд
Он робко на окрестны виды;
Столпы на небесах горят
По суше, по морям Тавриды!
И мнит, в Очакове что вновь
Течет его и мерзнет кровь.

Но в ясный день, средь светлой влаги,
Как ходят рыбы в небесах
И вьются полосаты флаги,
Наш флот на вздутых парусах
Вдали белеет на лиманах, —
Какое чувство в россиянах?

Восторг, восторг они, — а страх
И ужас турки ощущают;
Им мох и терны во очах,
Нам лавр и розы расцветают
На мавзолеях у вождей,
Властителей земель, морей.

Под древом, при заре вечерней,
Задумчиво Любовь сидит,
От цитры ветерок весенний
Ее повсюду голос мчит;
Перлова грудь ее вздыхает,
Геройский образ оживляет.

Поутру солнечным лучом
Как монумент златый зажжется,
Лежат объаты серны сном
И пар вокруг холмов вьется,
Пришедши, старец надпись зрит:
«Здесь труп Потемкина сокрыт!»

Алцибиадов прах! — И смеет
Червь ползать вокруг его главы?
Взять шлем Ахиллов не робеет,
Нашедши в поле, Фирс? — Увы!
И плоть, и труд коль истлевает,
Что ж нашу славу составляет?

Лишь истина дает венцы
Заслугам, кои не увянут;
Лишь истину поют певцы,
Которых вечно не престанут
Греметь перуны сладких лир;
Лишь праведника свят кумир.

Услышьте ж, водопады мира!
О славой шумные главы!
Ваш светел меч, цветна порфира,
Коль правду возлюбили вы,
Когда имели только мету,
Чтоб счастье доставить свету.

Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увеселяй и слух, и взгляд
Твоим стремленьем светлым, звучным
И в поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи! — и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,
В умах тебя не затмевали

Разжженный гром и черный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.

И ты, о водопадов мать!
Река, на Севере гремяща,
О Суна! коль с высот блистать
Ты можешь — и, от зарь горяща,
Кипишь и сеешь дождем
Сафирным, пурпурным огнем; —

То тихое твое течение —
Где ты сама себе равна,
Мила, быстра и не в стремление,
И в глубине твоей ясна,
Важна без пены, без порыву,
Полна, велика без разливу,

И без примеса чуждых вод
Поя златые в нивах бреги,
Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги —
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.

1791—1794

НА СМЕРТЬ БИБИКОВА

Тебя ль оплакивать я должен,
О Бибигов! Какой удар!
Тебе ли кипарисны лозы
И миро я на гроб несу?
Едва успел тобой быть знаем,
Лишен тебя я роком лютым,
Погиб с печали разум мой!
Твои достоинства лишь вспомню,
Сердечны разверзаю раны
И вновь терплю твою я смерть.

Твои заслуги и почтенье
От всей к тебе твоей страны
Уже столь громки и велики,
Что время их не может скрыть.

У всех, кто любит добродетель,
В сердцах твой образ будет вечен.
Внемли! Там Муз несется стон;
На щит облегшись Беллона,
На лаврах росс, Минерва плачут,
На блеклых миртах Гименей.

Не показать мое искусство
Я здесь тебе стихи пою,
И рифм здесь нет в печальном слоге,
Но благодарности лишь знак.
Усердное мое почтение
И вздыханий чувство нежно.
Я здесь изобразить хочу:
Пусть о том и все узнают,
Что вместо мавзолея вечна,
Я пролил слезы над тобой.

Иные чтут одну фортуну,
Смотря на выгоды свои,
И дар поэзии священной
Приносят только ей одной;
Но я пред сей царицей мира
Моих цветов не рассыпаю,
А сыплю их на пенел твой;
Желаю только, чтоб сказали:
«Он, верно, любит добродетель,
Что пишет ей свои стихи».

Но чтоб мне смерть твою прехвальну,
Герой, печальнее воспеть,
Оттоль я собрал черны тени,
Где в подвиге погас твой век.
Не лавр истогши у пруссаков,
Не побеждаючи сармат;
Но став отечества питом,
Крамолу ты разя скончался.
О коль такой конец прекрасен!
Он всех других славней побед.

Ты, зря на предстоящих слезных,
Рек: «Жаль отца, жену и чад;
Но награждающа заслуги
Екатерина призрит их;
Отечество жалею больше!»

И с словом сим сомкнул вздыханье;
Но твой и мертвый вскрытый взор
Еще показывал героя
И молнией грозил ехидне —
И тут раздался страшный гул!

Пустыни вretiщем покрылись,
Весна уныла на цветах;
Казань вострепетала в сердце;
Потух горящий воев дух;
Спешат писать увещеванья:
«Мужайтесь, бодрствуйте!» — вещают,
Но тщетно!.. Нет уже тебя!
Расстроилось побед начало,
Сильнее разлилася язва,
Скрепился в злобе лютый тигр.

Тогда цена твоя позналась
Рыданьем сограждан твоих,
Успехом бунта и крамолы,
Паденьем скорым многих стран.
«Блажен! — рекли российски вожди.—
Он в лучшие дни живот оставил,
Когда о нем жалеют все».
Славнейший стран опустошитель
Ведет проклятье за собою,
Защитник — славу и любовь.

О ты, отечества ревнитель,
Ему до гроба верный сын!
Прости, прости, что оставляю
Воспеть тебе я россам гимн.
Они, пролив потоки слезны,
Поставят в честь того трофей,
Кого желали зреть цари.
Их некогда потомок поздний
Прочтет на мраморной гробнице
Сии нелестные слова:

«Он был искусный вождь во бранях,
Совета муж, любитель муз,
Отечества подпора тверда,
Блюститель веры, правде друг;
Екатериной чтим за службу,
За здравый ум, за добродетель,

За искренность души его.
Он умер, трон обороняя.
Стой, путник! стой благоговейно!
Здесь Бибикова прах сокрыт!»

1774

ПРОГУЛКА
В САРСКОМ СЕЛЕ

В прекрасный майский день,
В час ясных погоды,
Как всюду длинна тень,
Ложась в стеклянные воды,
В их зеркале брегов
Изображала виды,
И как между столпов
И зданий Фемиды,
Сооруженных ей
Героев русских в славу,
При глазе лебедей,
В прохладу и забаву,
Вечернею порой
От всех уединяясь,
С Пленирою молодой
Мы, в лодочке катаясь,
Гуляли в озерке;
Она в корме сидела,
А посредине я.
За нами вслед летела
Жемчужная струя,
Кристалл шумел от весел;
О, сколько с нею я
В прогулке сей был весел!
Любезная моя! —
Я тут сказал, — Пленира!
Тобой пленен мой дух,
Ты дар всего мне мира.
Взгляни, взгляни вокруг
И виждь, красы природы
Как бы стеклись к нам вдруг:
Сребром сверкают воды,
Рубином облака,
Багряным златом кривы;
Как огненна река,

Свет ясный, пурпуровый
Объял все воды вокруг;
Смотри в них рыб плесканье,
Плывущих птиц на луг
И крыл их трепетанье.

Весна во всех местах
Нам взор свой осклабляет,
В зеленых муравах
Ковры нам подстиляет;
Послушай рога рев,
Там эха хохотанье,
Тут шепоты ручьев,
Здесь розы воздыханье!
Се ветер помавал
Крылами тихо слуху.

Какая пища духу! —
В восторге я сказал, —
Коль красен взор природы
И памятников вид,
Они где зрятся в воды
И соловей сидит
Где близ и воспевает,
Зря розу иль зарю!
Он будто изъясняет
И богу и царю
Свое благодаренье:
Царю — за память слуг;
Творцу — что влил стремленье
К любви всем тварям в дух.
И ты, сидя при розе,
Так, дней весенних сын,
Пой, Карамзин! — И в прозе
Глас слышен соловьиный.

1791

МОЙ ИСТУКАН

Готов кумир, желанный мною,
Рашет его изобразил!
Он хитрою своей рукою
Меня и в камне оживил.

Готов кумир! — И будет чтиться
Искусство Праксителя в нем, —
Но мне какую честью льститься
В бессмертном истукане сем?
Без славных дел, гремящих в мире,
Ничто и царь в своем кумире.

Ничто! и не живет тот смертный,
О ком ни малой нет молвы,
Ни злом, ни благом не приметный,
Во гробе погребен живой.
Но ты, о зверских душ забава!
Убийство! я не льщусь тобой,
Батыев и Маратов слава
Во ужас дух приводит мой;
Не лучше ли мне быть забвенну,
Чем узами сковать вселенну?

Злодейства малого мне мало,
Большого делать не хочу;
Мне скиптра небо не вручало,
И я на небо не ропчу.
Готов я управляться властью;
А если ею и стеснюсь
Чрез зло, — моей я низкой частью
С престолом света не сменяю.
Та мысль всех казней мне страшнее:
Представить в вечности злодея!

Злодей, который самолюбью
И тайной гордости своей
Всем жертвует; его орудью
Преграды нет, алчбе — цепей;
Внутрь совестью своей размучен,
Вне — с радостью губит других;
Пусть дерзостью, удачей звучен,
Но не велик в глазах моих.
Хотя бы богом был он злобным,
Быть не хочу ему подобным.

Легко злом мир греметь заставить,
До Герострата только шаг;
Но трудно доблестью прославить
И воцарить себя в сердцах.
Век должно добрым быть нам тщиться,

И плод нам время даст одно;
На зло лишь только бы решиться,
И вмиг соделано оно.
Редка на свете добродетель,
И редок благ прямых содетель.

Он редок! — Но какая разность
Меж славой доброй и худой?
Чтоб имя приобрести нам, знатность
И той греметь или другой,
Не все ль равно? — Когда лишь будет
Потомство наши знать дела
И злых и добрых не забудет.
Ах, нет! природа в нас влила
С душой и отвращенье к злобе,
Любовь к добру — и сущим в гробе.

Мне добрая приятна слава,
Хочу я человеком быть,
Которого страстей отравя
Бессильна сердце развратить;
Кого ни мзда не ослепляет,
Ни сан, ни месть, ни блеск порфир;
Кого лишь правда научает,
Любя себя, любить весь мир
Любовью мудрой, просвещённой,
По добродетели священной.

По ней, которая составляет
Вождей любезных и царей;
По ней, которая извлекает
Сладчайши слезы из очей.
Эпаминонд ли защититель
Или благотворитель Тит,
Сократ ли, истины учитель,
Или правдивый Аристид, —
Мне все их имена почтенны
И истуканы их священные.

Священ мне паче зрак героев,
Моих любезных сограждан,
Пред троном, на суде, средь боев
Душой великих россиян.
Священ! — Но если здесь я чести
Современных не возведу,

Бояся подозренья в лести, —
То вас ли, вас ли умолчу,
О праотцы! делами славны,
Которых вижу истуканы?

А если древности покровом
Кто предо мной из вас и скрыт,
В венце оливном и лавровом
Великий Петр как жив стоит;
Монархи мудры, милосерды,
За ним отец его и дед;
Отечества подпоры тверды,
Пожарский, Минин, Филарет,
И ты, друг правды, Долгоруков!
Достойны вечной славы звуков.

Достойны вы! — Но мне ли права
Желать — быть с вами на ряду?
Что обо мне расскажет слава,
Коль я безвестну жизнь веду?
Не спас от гибели я царства,
Царей на трон не возводил,
Не стер терпением коварства,
Богатств моих не приносил
На жертву, в подкрепленье трона,
И защитить не мог закона.

Увы! — Почто ж сему болвану
На свете место занимать?
Дурную, лысу обезьяну
На смех ли детям представлять,
Чтоб видели меня потомки
Под паутиною в пыли,
Рабы ступали на обломки
Мои, лежащи на земли?
Нет! лучше быть от всех забвенным,
Чем брошенным и ввек презренным.

Разбей же, мой второй создатель,
Разбей мой истукан, Рашет!
Румянцова лица ваятель
Себе мной чести не найдет;
Разбей! — Или постой немного;
Поищем, нет ли дел каких,
По коим бы, хотя не строго

Судя о качествах моих,
Ты мог ответствовать вселенной
За труд, над мною понесенный.

Поищем! — Нет. — Мои безделки
Безумно столько уважать,
Дела обыкновенны мелки,
Чтоб нас заставить обожать;
Хотя б я с пленных снял железы,
Закон и правду сохранил,
Отер сиротски, вдовьи слезы,
Невинных оправдатель был,
Орган монарших благ и мира, —
Не стоил бы и тут кумира.

Не стоил бы: все знаки чести,
Дозволенны самим себе,
Плоды тщеславия и лести,
Монарх! постыдны и тебе.
Желает хвал, благодаренья
Лишь низкая себе душа,
Живущая из награжденья, —
По смерти слава хороша;
Заслуги в гробе созревают,
Герои в вечности сияют.

Но если дел и не имею,
За что б кумир мне посвятить, —
В достоинство вменить я смею,
Что знал достоинства я чтить,
Что мог изобразить Фелицу,
Небесну благодать во плоти,
Что пел я россов ту царицу,
Какой другой нам не найти
Ни днесь, ни впредь в пространстве мира:
Хвались моя, хвались тем, лира!

Хвались! и образ мой скудельной
В храм славы возноси с собой;
Ты можешь быть столь дерзновенной,
Коль тихой некогда слезой,
Кропящей взор Екатерины,
Могла приятно ей быть;
Вznосись, и достигай вершины,
Чтобы на ней меня вместить,

Завистников моих к досаде,
В ее прекрасной колоннаде.

На твердом мраморном помосте,
На мшистых сводах меж столпов,
В меди, в величественном росте,
Под сенью райских вокруг дерев,
Поставь со славными мужами!
Я стану с важностью стоять;
Как от зарей, всяк день лучами,
От светлых царских лиц блистать,
Не движим вихрями, ни громом,
Под их божественным покровом.

Прострется облак благовонный,
Коврами вокруг меня цветы. —
Постой, пиит, восторга полный!
Высоко залетел уж ты;
В пыли валялись и Омиры.
Потомство — грозный судия:
Оно рассматривает лиры,
Услышит глас и твоея,
И пальмы взвесит и перуны,
Кому твои гремели струны.

Увы! легко случиться может,
Поставят и тебя льстецом;
Кого днесь тайно злоба гложет,
Тот будет завтра въявь врагом;
Трясут и троны люди злые:
То, может быть, и твой кумир
Через решетки золотые
Слетит и рассмешит весь мир,
Стуча с крыльца, ступень с ступени,
И скатится в древесны тени.

Почто ж позора ждать такого?
Разбей, Рашет, мои черты!
Разбей! — Нет, нет; еще полслова
Позволь сказать себе мне ты.
Пусть тот, кто с большим дарованьем
Мог добродетель прославлять,
С усерднейшим, чем я, стараньем
Желать добра и исполнять,
Пусть тот немедля и решится, —
И мой кумир им сокрушится.

Я рад отечества блаженству;
Дай больше, небо, таковых,
Российской силы к совершенству,
Сынов ей верных и прямых!
Определения судьбины
Тогда исполнятся во всем;
Доступим мира мы средины,
С Гангеса злато соберем;
Гордыню усмирим Китая,
Как кедр, наш корень утверждая.

Тогда, каменосечец хитрый!
Кумиры твоего резца
Живой струей испустят искры
И в вни́чатах возжгут сердца.
Смотря на образ Марафона,
Зальется Фемистокл слезой,
Отдаст Арману Петр полтрона,
Чтоб править научил другой;
В их урнах фениксы взродятся
И вслед их славы воскрылятся.

А ты, любезная супруга!
Меж тем возьми сей истукан;
Спрячь для себя, родни и друга
Его в серпняный твой диван;
И с бюстом там своим, мне милым,
Пред зеркалом их в ряд поставь,
Во знак, что с сердцем справедливым
Не скрыт наш всем и виден нрав.
Что слава! — Счастье нам прямое
Жить с нашей совестью в покое.

1794

ЛАСТОЧКА

О домовитая Ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя, поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,

Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху выешься,
В нем смелые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль в небе, простряся, плывешь.
Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы; —
Но видишь там всю ты вселенну,
Как будто с высот на ковре:
Там башню, как жар, позлащенну,
В чешуйчатом флот там серебре;
Там рощи в одежде зеленой,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, синий лес отдаленный,
Там мошки толкутся столпом;
Там гнутся с утеса в понт воды,
Там ластятся струи к берегам.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного храм;
Но видишь и бури ты черны,
И осени скучной приход;
И прячешься в бездны подземны,
Хладея зимою, как лед.
Во мраке лежишь бездыханна, —
Но только лишь придет весна
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;
Встанешь, откроешь зеницы
И новый луч жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостя ты мира:
Не ты ли перната сия? —
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я,
Восстану, — и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?

1792; 1794

ФЛОТ

Он, белыми взмахнув крылами
По зыблущей равнине волн,
Пошел,— и следом пена рвами
И с страшным шумом искры, огонь
Под ним в пучине загорелись,
С ним рядом тень его бежит;
Ширинки с племев распростерлись,
Горé пред ним орел парит.

Водим Екатерины духом,
Побед и славы громкий сын,
Ступай еще, и землю слухом
Наполнь, о русский исполин!
Ты смело Сциллы и Харибды
И свет весь прежде проходил:
То днесь препятств какие виды?
И кто тебе их положил?

Ступай — и стань средь океана,
И брось твоих гортаней гром:
Европа, злобой обуянна,
И гидр лилейных бледный сонм
От гроз твоих да потрясется,
Проснется Людвиг звуком лир!
Та дочерью божьей наречется,
Кто даст смущенным царствам мир.

1795

ПРИГЛАШЕНИЕ К ОБЕДУ

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В крафинах вина, пунш, блистая
Те льдом, те искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги идохнуть,
Тебя стола вокруг ожидая;
Хозяйка статная, младая
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодетель давний,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди — и дом, хоть не нарядный,
Без резьбы, злата и серебра,
Мой посети; его богатство —
Приятный только вкус, опрятство
И твердый мой, нелыбчивый нрав;
Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться,
Без вредных здравью приправ.

Не чин, не случай и не знатность
На русский мой простой обед
Я звал — одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты, ангел мой, благотворитель!
Приди — и насладися благ;
А вражий дух да отженется,
Моих порогов не коснется
Ничей недоброхотный шаг!

Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю
И знаю то, что век наш тень;
Что лишь младенчество проводим —
Уже ко старости приходим,
И смерть к нам смотрит чрез забор.
Увы! — то как не умудриться
Хоть раз цветами не увиться
И не оставить мрачный взор?

Слышал, слышал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покойна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но, ах! — и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотах?
Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!

Итак, доколь еще ненастье
Не помрачает красных дней,
И приголубливает счастье,
И гладит нас рукой своей;
Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешим их обонять.
Так! будем жизнью наслаждаться
И тем, чем можем, утешаться,
По платью ноги протягать.

А если ты иль кто другие
Из званых милых мне гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яствы сахарны царей,
Ко мне не срядитесь откусать, —
Извольте мой вы толк прослушать:
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха,
Но в здравьи и спокойстве духа, —
Умеренность есть лучший пир.

1795

СОЛОВЕЙ

На хóлме, сквозь зеленой рощи,
При блеске светлого ручья,
Под кровом тихой майской ночи,
Вдали я слышу соловья.
По вéтрам легким, благовонным
То свист его, то звон летит,
То, шумом заглушаем водным,
Вздыханьем сладостным томит.

Певец весенних дней пернатый,
Любви, свободы и утех!
Твой глас отрывный, перекаты
От грома к нежности, от нег
Ко плескам, трескам и перунам,
Средь поздних, ранних красных зарь,
Раздавшись неба по лазурям,
В безмолвие приводят тварь.

Молчит пустыня, изумленна,
И ловит гром твой жадный слух
На крыльях эха раздробленна
Пленяет песнь твоя всех дух.
Тобой цветущий дол смеется;
Дремучий лес пускает гул;
Река бегущая чуть льется,
Стоящий холм чело нагнул.

И, свесясь со скалы кремнистой,
Густокудрява мрачна ель
Напев твой яркий, голосистый
И рассыпную звонку трель,
Как очарованна, внимает.
Не смеет двинуться луна
И свет свой слабо ниспускает;
Восторга мысль моя полна!

Какая громкость, живость, ясность
В созвучном пении твоём,
Стремительность, приятность, каткость
Между колен и перемен!
Ты щелкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь в голосах;
В забвенье души ты приводишь
И отзываешься в сердцах.

О! если бы одну природу
С тобою взял я в образец,
Воспел богов, любовь, свободу, —
Какой бы славный был певец!
В моих бы песнях жар и сила
И чувства были вместо слов;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармония моих стихов.

Тогда б, подобно Тимофею,
В шатре персидском я возлег
И сладкой лирою моею
Царево сердце двигать мог:
То, вспламеня любовной страстью,
К Таисе бы его склонял;
То, возбуждая грозой, напастью,
Копье ему на брань вручал.

Тогда бы я между прудами
На мягку мураву воссел
И арфы с тихими струнами
Приятность сельской жизни пел;
Тогда бы нимфа мне внимала,
Боясь в зеркало вод взглянуть;
Сквозь дымку бы едва дышала
Ее высока, нежна грудь.

Иль храбрых россиян делами
Пленясь бы, духом возлетал,
Героев полк над облаками
В сиянье звезд я созерцал;
О! коль бы их воспел я сладко,
Гремя поэзией моей
Отважно, быстро, плавно, кратко,
Как ты, о дивный соловей!

1794

ПАВЛИН

Какое гордое творенье,
Хвост пышно расширяя свой,
Черно-зелены в искрах перья
Со рассыпною бахромой
Позадь чешуйной груди кажет,
Как некий круглый, дивный щит?

Лазурно-сизы-бирюзовы
На каждого конце пера,
Тенисты круги, волны новы
Струиста злата и серебра:
Наклонит — изумруды блещут!
Повérнет — яхонты горят!

Не то ли славный царь пернатый?
Не то ли райска птица *Жар*,
Которой столь убор богатый
Приводит в удивленье тварь?
Где ступит — радуги играют!
Где станет — там лучи вокруг!

Конечно, сила и паренье
Орлиные в ее крылах,
Глас трубный, лебедино пенье
В ее пресладостных устах;
А пелыкана добродетель
В ее и сердце и душе!

Но что за чудное явление?
Я слышу некий странный визг!
Сей Феникс опустил вдруг перья,
Увидя гнусность ног своих. —
О пышность! как ты ослепляешь!
И барин без ума — павлин.

1795

ГОРЕЛКИ

На поприще сей жизни склизком
Все люди бегатели суть:
В течение дальном или близком
Они к мете своей бегут.

И сильный тамо упадает,
Свой кончить бег где не желал:
Лежит; но спорника, мечтает,
Коль не споткнулся бы, — догнал.

Надеждой, самолюбья дочерью,
Весь возбуждается сей свет;
Всяк рвенье прилагает к рвенью,
Чтоб у передних взять перед.

Хоть детской сей игре, забаве
И насмехается мудрец,
Но гордый дух летит ко славе,
И свят ему ее венец.

Сие ристалище отличий,
Соревнование честей —
Источник и творец величий
И обожения людей;

Оно изящного содетель,
Великолепен им сей свет:
Превозможенъе, добродетель
Лишь им крепится и растет.

О! вы, рожденные судьбою
Вождями росским вождам быть,
Примеры подавать собою
И плески мира заслужить!

Дерзайте! рвение полезно,
Где предстоит вам славы вид;
Но больше праведно, любезно,
Кто милосердем знаменит.

Екатерине подражая,
Ее стяжайте вы венец;
Она, добротами пленяя,
Царица подданных сердец.

1793

НА РОЖДЕНИЕ ЦАРИЦЫ ГРЕМИСЛАВЫ

Л. А. Нарышкину

Живи и жить давай другим,
Но только не на счет другого;
Всегда доволен будь своим,
Не трогай ничего чужого,—
Вот правило, стезя прямая
Для счастья каждого и всех!

Нарышкин! коль и ты приветством
К веселью всем твой дом открыл,
Таким любезным, скромным средством
Богатых с бедными сравнил,—
Прехвальна жизнь твоя такая,
Блажен творец людских утех!

Пускай богач там, по расчету
Назнача день, зовет гостей,
Златой родни, клиентов роту

Прибавит к пышности своей;
Пускай они, пред ним став строем,
Кады, вздыхают — и молчат.

Но мне приятно там откушать,
Где дружеский незванный стол;
Где можно говорить и слушать
Тара-бара про хлеб и соль;
Где гость хозяина покоем,
Хозяин гостем дорожат;

Где скука и тоска забыта,
Семья учтива, не шумна;
Важна хозяйка, домовита,
Досужа, ласкова, умна;
Где лишь приязню, хлебосольством
И взором ищут угождать.

Что нужды мне, кто по паркету
Подчас и кубари спускал;
Смотрел в толкучем рынке свету,
Народны мысли замечал
И мог при случае посольством,
Пером и шпагою блистать!

Что нужды мне, кто всё, зефиром
С цветка лишь на цветок летя,
Доволен был собою, миром,
Шутил, резвился, как дитя,
Но если он с толь легким нравом
Всегда был добрый человек!

Всегда жил весело, приятно
И не гонялся за мечтой,
Жалел о тех, кто жил развратно,
Плясал и сам под тон чужой.
Хвалю тебя, ты в смысле здоровом
Пресчастливо провел свой век.

Какой театр! как всю вселенну,
Ядущих и ядому тварь,
За твой я вижу стол вмещенну,
И ты сидишь, как сирский царь
В соборе целыя природы!
В семье твоей — как Авраам!

Оставя короли престолы
И ханы у тебя гостят:
Киргизцы, немчики, моголы
Салму и соусы едят, —
Какие разные народы,
Язык, одежда, лица, стан!

Какой предмет! как на качелях
Пред дом твой соберется чернь
На светлых праздничных неделях!
Вертится в воздухе весь день,
Покрыта площадь пестротою,
Чепцов и шапок миллион!

Какой восторг! Как всё играет!
Всё скачет, пляшет и поет,
Всё в улице твоей гуляет,
Кричит, смеется, ест и пьет!
И ты народной сей толпою
Так весел, горд, как Соломон!

Блажен и мудр, кто в ближних ставит
Блаженство купно и свое,
Свою по ветру лодку правит,
И непорочно житие
О камень зол не разбивает,
И к пристани без бурь плывет!

Лев именем — звериный царь;
Ты родом — богатырь, сын барский;
Ты сердцем — стольник, хлебодарь;
Ты должностью — конюший царский;
Твой дом утехой расцветает,
И всяк под тень его идет.

Идут прохладой насладиться,
Музыкой душу напитать;
То тем, то сем повеселиться,
В бостон и в шашки поиграть;
И словом: радость всю, забаву
Столицы ты к себе вмести.

Бывало, даже сами боги,
Наскуча жить в своем раю,
Оставя радужны чертоги,

Заходят в храмину твою:
О, если б ты и Гремиславу
К себе царицу заманил!

И ей в забаву, хоть тихонько,
Осмелился в ушко сказать:
Кто век провел столь славно, громко,
Тот может в праздник погулять
И зреть людей блаженных чувство
В ее пресветло рождество.

В цветах другой нет розы в мире:
Такой царицы мир не зрит!
Любовь и власть в ее порфире
Благоухает и страшит.
Так знает царствовать искусство
Лишь в Гремиславе — божество.

1796

ХРАПОВИЦКОМУ

Товарищ давний, вновь сосед,
Приятный, острый Храповицкой!
Ты умный мне даешь совет,
Чтобы владычице киргизской
Я песни цел
И лирой ей хвалы гремел.

Так, так, — за средственны стишки
Монисты, гривны, ожерелья,
Бесценны перстни, камешки
Я брал с нее бы за безделья
И был — гудком —
Давно Мурза с большим усом.

Но ежели наложен долг
Мне от судеб и вышня трона,
Чтоб не лучистый милый бог
С высот лазурна Геликона
Меня внушал,
Но я экстракты б сочинял,

Был чтец и пономарь Фемиды
И ей служил пред алтарем;
Как омофором от обиды
Одних покрыв, других мечом
Своим страшит
И счастье всем она дарит, —

То как Я〈кобия〉 оставить,
Которого весь мир теснит?
Как Л〈огинова〉 дать оправить,
Который золотом гремит?
Богов певец
Не будет никогда подлец.

Ты сам со временем осудишь
Меня за мглистый фимиам;
За правду ж чтить меня ты будешь,
Она любезна всем векам;
В ее венце
Светлее царское лице.

1793

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру; но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И прѣзрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей бессмертiя венчай.

1795

НА ТЩЕТУ ЗЕМНОЙ СЛАВЫ

Услышьте все, живущи в мире,
Убогих и богатых сонм,
Ходящи в рубище, в порфире,
Склонитесь ко мне челом!
Язык мой истину вещает,
Премудрость сердце говорит,
Что свыше дух святой внушает,
Моя то лира днесь звучит.

Не убоюсь во дни я злые,
Коль сильный гнать меня начнет,
Опершись на столпы златые,
Богатств пятой меня поѣрет;
В день лют — брат брату не спасенье,
Не заменит души душой;
У смерти тщетно искупленье,
Цены нет жизни никакой.

Пускай же князи процветают,
Не чая гибели своей;
Но коль и мудры умирают
И погребаются землей
Равно с безумцами вседневно,
За гробом должен всяк своим
Свой сан, сокровище бесценно,
Оставить по себе другим.

Ах, тщетно смертны мнят в надменье,
Что ввек их зданья не падут;
Что титул и славы расширение
Потомки в надписях почтут.
Увы! вся власть и честь земная
Минует с нами, будто тень:
Затмит лишь солнце тьма ночная,
Где звук? где блеск? где светлый день?

Где скиптр,— коль только добродетель
Не освещала жизни путь,
И хвал тщеславье лишь содетель,
По нас которые поют?
Ах! глупому равны мы стаду,
Косой что гонит к гробу смерть:
В ней праведник один в награду
Удобен утро жизни зреть.

Не вечно бедна дух обымет,
Но он ее переживет.
Господь мою как душу примет
И облечет бессмертья в свет,
Воззрит она на долгоденство
Тогда, без зависти, того,
Кто честь, богатство, благоденство
Умножил дому своего.

По смерти не возьмет с собою
Никто вещей своих драгих;
Блаженный жизнью здесь святою
Блажится меж духов благих;
А если здесь не осветятся
И в злобе век свой проведет,
Между благими не вселится,
Его не облистает свет.

От нашей воли то зависит,
Чтоб здесь и там блаженным быть,
Себя унизить иль возвысить,
Погребсть во тьме иль осветить.
На вышней степени мы власти
Свою теряем высоту:
В порочные упавший страсти
Подобен человек скоту.

1796

РАДОСТЬ О ПРАВОСУДИИ

Хвала всевышнему владыке!
Великость он явил свою,
Вельмож меня поставил в лике,
Да чудеса его пою.

Пришли, пришли те дни святые,
Да правый суд я покажу,
Колеблемы столпы земные
Законом божьим утвержу.

Скажу я грешным: не грешите;
Надменным: не вздымайте рог,
В безумии не клеветайте,
Несправедлив что будто бог.

От запада и от востока,
От гор, пустыней и морей
Нет человека без порока,
Без слабостей и без страстей.

Но бог есть судия единый,
Владыка и правитель всех;
Он сих возводит на вершины,
А понижает долу тех.

Вина багряна чаша цельна,
Из коей сладки перлы бьют,
В его руке всем растворенна;
Но дрожжи грешники пият.

От арфы радость да прольется
В хваление тебе, мой бог!
Неправых выя да согнется,
А правых вознесется рог!

1794 <?>

УРНА

Сраженного косою Сатурна,
Кого средь воющих здесь рощ-
Печальная сокрыла урна
Во мрачну, непробудну ночь?
Кому на ней чудес картина
Во мраморе изображена?
Крылатый жезл, котурн, личина,
Резец и с лирой кисть видна!

Над кем сей мавзолей священный
Вкруг отеняет кипарис

И лира гласы шлет плачевны?
Кто, Меценат иль Медицис,
Тут орошается слезами?
Чьи бледные лица черты
Луной блистают меж ветвями?
Кто зрится мне? — Шувалов, ты!

Ах, ты! могу ль тебя оставить
Без благодарной песни я?
Тебя ли мне, тебя ль не славить?
Я твой питомец и — судья.
О нет! уж муза возлетает
Моя ко облакам златым,
Вслед выпренных певцов дерзает
Воспеть тебе надгробный гимн.

Смерть мужа праведна — прекрасна!
Как умолкающий орган,
Как луч последний солнца ясна
Блится, тонет в океан, —
Подобно в неизмерны бездны,
От мира тленного спеша,
Летит сквозь мириады звездны
Блаженная твоя душа.

Или как странник, путь опасный
Прощедший меж стремнин и гор,
Змей слыша свист, львов рев ужасный
Позадь себя во тьме и взор
От зуб их отвратя, избегает
С весельем на высокий холм, —
От мира дух твой возлетает
Так вечности в прекрасный дом.

Коль тень и прообразование
Небесного — сей дольний мир,
С высот лазурных восклицанье
И сладкое согласие лир
Я слышу, — вижу, душ блаженных
Полки встречать тебя идут!
В эфирных ризах, позлащенных,
Торжественную песнь поют:

«Гряди к нам, новый неба житель!
И отрясая прах земной,
Войди в нетленную обитель

И с высоты ее святой
Воззри на дол твой смертный, слезный,
На жизнь твою и наконец
За подвиги твои полезны
Прими возмездия венец!

Ты бедных был благотворитель —
И вечных насладися благ.
Ты просвещения был любитель —
И божества сияй в лучах.
Ты поощрял петь славу россов,
Ты чтил Петра, Елисавет —
Внимай, как звучно Ломоносов
Здесь славу вечную поет!»

Поэзии бессмертно ценье
На небесах и на земли;
Тот будет гроб у всех в почтенье,
Над коим лавры расцвели.
Науки сеял благотворной
Рукой и возвращал любя, —
Свет от лампы благовопной
Возблещет вечно чрез тебя.

Планета ты, — что с солнца мира
Лучи бросала на других:
Ты в славе не являл кумира,
Ты видел смертных, слышал их.
Картина ты, — которой тени
Не рама в золоте — хвала;
Великолепие — для черни;
Для благородных душ — дела.

Но мрачен, темен сердца свиток,
В нем скрыты наших чувств черты:
Осенок честности — прибыток;
На нем блистал, как злато, ты.
Как полное мастик кадило,
Горя, другим ты запах дал;
Как полное лучей светило,
Ты дарованья озарял.

О! сколько юношей тобою
Познания прияли свет!
Какою пламенной струею
Сей свет в потомство протечет!

Над царедворцовой могилой,
Над вóждем молненосных гроз,
Когда раздастся вздох унылой,
Сверкнет здесь искра нежных слез.

Стой, урна, вечно невредима,
Шувалова являя вид!
Будь лирами пиитов чтима,
В тебе предстатель их сокрыт.
Внуши, тверди его доброты
Сей надписью вельможам в слух:
«Он жил для всенародной льготы
И покровительства наук».

1797

О УДОВОЛЬСТВИИ

Прочь буйна чернь, непросвещенна
И презираемая мной!
Прострись вокруг тишина священна!
Пленил меня восторг святой!
Высоку песнь и дерзновенну,
Неслыханну и не внушенну,
Я слабым смертным днесь пою:
Всяк преклони главу свою.

Сидят на тронах возвышенны
Над всей вселенною цари,
Ужасной стражей окруженны,
Подъемля скиптры, судят при;
Но бог есть вышний и над ними:
Блистая молниями своими,
Он сверг гигантов с горних мест
И перстом водит хоры звезд.

Пусть занял юными древами
Тот область целую под сад;
Тот горд породю, чинами;
Пред тем полки рабов стоят;
А сей звучит трубой военной.
Но в урне рока неизмерной
Кто мал и кто велик забвен:
Своим всяк жребьем наделен.

Когда меч острый, обнаженный
Злодея над головой висит,
Обилием отягощенный
Его стол вкусный не прельстит;
Ни нежной цитры глас звенящий,
Ни птиц весенних хор гремющий
Уж чувств его не усадят
И крепка сна не возвратят.

Сон сладостный не презирает
Ни хижин бедных поселян,
Ниже дубрав не убегает,
Ни низменных, ни тихих стран,
На коих по колосьям нивы
Под тенью облаков игривый
Перебирается зефир,
Где царствует покой и мир.

Кто хочет только, что лишь нужно,
Тот не заботится никак,
Что море взволновалось бурно;
Что, огненный вращая зрак,
Медведица нисходит в бездны;
Что Лев, на свод несяся звездный,
От гривы сыплет вокруг лучи;
Что блещет молния в ночи.

Не беспокоится, что градом
На холмах виноград побит;
Что проливных дождей упадом
Надежда цвет полей не льстит;
Что жрет и мраз и зной жестокий
Поля, леса; а там в глубоки
Моря отломки гор валят
И рыб в жилищах их теснят.

Здесь тонут зыждущих плотину
Работников и зодчих тьма,
Затем что стали властелину
На суше скучны терема,—
Но и средь волн в чертоги входит
Страх; грусть и там вельмож находит;
Рой сук за кораблем жужжит
И вслед за всадником летит.

Когда ни мраморы прекрасны
Не утоляют скорби мне,
Ни пурпур, что, как облак ясный,
На светлой блещет вышине;
Ни грозды, соком наполненны,
Ни вина, вкусом драгоценны,
Ни благовонья аромат
Минуты жизни не продлят, —

Почто ж великолепьем пышным,
Удобным зависть возрождать,
По новым чертежам отличным
Огромны зданья созидать?
Почто спокойну жизнь, свободну,
Мне всем приятну, всем довольну,
И сельский домик мой — желать
На светлый блеск двора менять?

1798

НА ВОРОЖБУ

Не любопытствуй запрещенным
Халдейским мудрованьем знать,
Какая есть судьба рожденным
И сколь нам долго проживать?
Полезнее о том не ведать
И не гадать, что будет впредь;
Ни лиха, ни добра не бегать.
А принимать, что ни придет.

Пусть боги свыше посылают
Жестокий зной иль лютый мраз;
Пусть бури грозы повторяют
Иль грянет гром в последний раз, —
Что нужды? — Будь мудрей, чем прежде,
Впрок вин не запасай драгих;
Обрезывай крыле надежде
По краткости ты дней своих.

Так! — Время злое быстротечно,
Летит меж тем, как говорим;
Щипли ж веселие сердечно
С тех роз, на кои мы глядим;
Красуйся дня сего благими,

Пей чашу радости теперь;
Не льстись горами золотыми
И будущему дню не верь.

1798

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Блажен! кто, удалясь от дел,
Подобно смертным первородным,
Орет отеческий удел
Не откупным трудом, свободным,
На собственных своих волах.

Кого ужасный глас, от сна
На брань, трубы не возбуждает,
Морская не страшит волна,
В суд ябеда не призывает;
И господам не бьет челом,

Но садит он в саду своем
Кусты и овощи цветущи;
Иль диких древ, кривым ножом
Обрезав пни, и плод дающи
Черенья прививает к ним.

Иль зрит вдали ходящий скот,
Рычащий в вьющихся долинах;
Иль перечищенную льет
И прячет патоку в кувшинах,
Или стрижет своих овец.

Но осень как главу в полях,
Гордясь, с плодами возвышает,—
Как рад, что рвет их на ветвях,
Привитых им,— и посвящает
Дар богу, пурпура красней.

На бреге ли в траве густой,
Под дуб ли древний он ложится,—
В лесу гам птиц, с скалы крутой,
Журча, к нему ручей стремится,
И всё наводит сладкий сон.

Когда ж гремящий в тучах бог
Покроет землю всю снегами,
Зверей он ищет след и лог;
Там зайца гонит, травит псами,
Здесь ловит волка в тенета.

Иль тонкие в гумнах силки
На куро́пато́к расставляет,
На рябчиков в кустах пружки, —
О, коль приятно получает
Награду за свои труды!

Но будет ли любовь при том
Со прелестями ее забыта,
Когда прекрасная лицом
Хозяйка мила, домовита,
Печется о его детях?

Как ею, русских честных жен
По древнему обыкновенью,
Весь быт хозяйский снаряжен:
Дом тепл, чист, светл, и к возвращенью
С охоты мужа стол накрыт.

Бутылка доброго вина,
Впрок пива русского варена,
С grenками коновка полна,
Из коей клубом лезет пена,
Сыр, хлеб и соль — обед готов.

Горшок горячих, добрых щей,
Копченый окорок под дымом;
Обсаженный семьей моей,
Средь коей сам я господином,
И тут-то вкусен мне обед!

А как жаркой еще баран
Младой, к Петрову дню блюденный,
Капусты сочные кочан,
Пирог, груздями начиненный,
И несколько молочных блюд, —

Тогда-то устрицы го-гу,
Всех мушелей заморских грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу,

Чем окормляют нас французы,
И уж ничто не вкусно мне.

Меж тем приятно из окна
Зреть карду с тучными волами:
Кобыл, коров, овец полна;
Двор резвыми кишит рабами —
Как весел. таковый обед!

Так откупщик вчерась судил,
Сбираясь быть поселянином, —
Но правежом долги лишь сбрил,
Остался паки мещанином,
А ныне деньги отдал в рост.

1798

АФИНЕЙСКОМУ ВИТЯЗЮ

Сидевша об руку царя
Чрез поприще на колеснице,
Державшего в своей деснице
С оливой гром, иль чрез моря
Протекшего в венце Нептуна,
Или с улыбкою Фортуна
Кому жемчужный нектар свой
Носила в чаше золотой —
Блажен! кто путь устлал цветами,
И окурил алоем вкруг,
И лиры громкими струнами
Утешил, бранный славя дух.

Испытывал своих я сил
И пел могущих человеков;
А чтоб в дали грядущих веков
Ярчей их в мраке блеск светил.
И я не осуждался б в лести,
Для прочности, к их громкой чести
Примешивал я правды глас;
Звучал моей трубой Парнас.
Но ах! познал, познал я смертных,
Что и великие из них
Не могут снесть лучей небесных:
Мрачит бог света очи их.

Так пусть Фортуны чада,
Возлегши на цветах,
Среди обилий сада,
Курений в облаках,
Наместо чиста злата
Шумихи любят блеск;
Пусть лира торовата
Их умножает плеск, —
Я руки умываю
И лести не коснусь,
Власть сильных почитаю,
Богов в них чтить боюсь.

Я славить мужа днесь избрал,
Который сшел с театра славы,
Который удержал те нравы,
Какими древний век блистал;
Не город — и жизнь ведет простую,
Не лжив — и истину святую,
Внимая, исполняет сам;
Почтен от всех не по чинам.
Честь, в службе снисканну, свободой
Не расточил, а приобрел;
Он взглядом, мужеством, породой,
Заслугой, силою — орел.

Снискать я от него
Не льщусь ни хвал, ни уваженья;
Из одного благодаренья,
По чувству сердца моего,
Я песнь ему пою простую,
Ту вспоминая быль святую,
В его как богатырски дни,
Лет несколько назад, в тени
Премудрой той жены небесной,
Которой бодрый дух молодой
Садил в Афинах сад прелестной,
И век катился золотой,

Как мысль моя, подобно
Пчеле, полна отрад,
Шумливо, но не злобно
Облетывала сад
Предметов ей любезных
И, взяв с них сок и цвет,

Искусством струн священных
Преображала в мед, —
Текли восторгов реки
Из чувств души моей,
Все были человеки
В стране счастливы сей.

На бурном видел я коне
В ристаньи моего героя;
С ним брат его, вся Троя,
Полк витязей являлись мне!
Их брони, шлемы позлащенные,
Как лесом, перьем осененны,
Мне тмили взор; а с копий их, с мечей
Сквозь пыль сверкал пожар лучей;
Прекрасных вслед Пентезилее
Строй дев их украшали чин;
Венцы Ахилла мой бодрее
Низал на дротик исполин.

Я зрел, как жилистой рукой
Он шесть коней на ипподроме
Вмиг осаждал в бегу; как в громе
Он, колесницы с гор бедрой
Своей препнув склоненье,
Минерву удержал в паденье;
Я зрел, как в дыме пред полком
Он в ранах светел, бодр лицом,
В единоборстве хитр, проворен,
На огнескачущих волнах
Был в мрачной буре тих, спокоен,
Горела молния в очах.

Его покой — движенье,
Игра — борьба и бег;
Забавы — пляска, пенье
И сельских тьма утех
Для укрепления тела.
Его был дом — друзей.
Кто приходил для дела —
Не запирал дверей;
Душа и сердца пища
Его — несчастным щит;
Не пышные жилища —
В них он был знаменит.

Я зрел в ареопаге сонм
Богатырей, ему подобных,
Седых, правдивых, благородных,
Весы державших, пальму, гром.
Они, восседши за зеркалом,
В великом деле или малом,
Не зря на власть, богатств покров,
Произрекали суд богов;
А где рукой и руку мыли,
Желая сильному помочь, —
Дьяки, взяв шапку, выходили
С поклоном от неправды прочь.

Тогда не прихоть чли — закон,
Лишь благу общему радели;
Той подлой мысли не имели,
Чтоб только свой набить мамон.
Венцы стяжали, звуки славы,
А деньги берегли и нравы,
И всякую свою ступень
Не оценили всякий день;
Хоть был и недруг кто друг другу,
Усердие вело, не месть:
Умели чтить в врагах заслугу
И отдавать достойным честь.

Тогда по счетам знали,
Что́ десять и что́ ноль;
Пиявиц унимали,
На них посыпав соль;
В день ясный не сердились,
Зря на небе пятно,
С лады лишь торопились
Снять вздуто полотно;
Кубарить не любили
День со дня на другой;
Что можно, вмиг творили,
Оставя свой покой.

Тогда кулибинский фонарь,
Что светел издали, близ темен,
Был не во всех местах потребен;
Горел кристалл, горел от зарь;
Стоял в столпах гранит средь дома:
Опрись на них — и не солома.

В спартанской коже персов дух
Не обаял сердца и слух;
Не по опушке добродетель,
Не по ходулям великан:
Так мой герой был благодетель
Не по улыбке — по делам.

О ты, что правишь небесами
И манием колеблешь мир,
Подъемлешь скиптр на злых с громами,
А добрым припасает пир,
Юпитер! О Нептун, что бурным,
Как скатертям, морям лазурным
Разлиться по земле велел,
Брега поставив им в предел!
И ты, Вулкан, что пред горнами
В дне ада молнию куешь!
И ты, о Феб, что нам стрелами
Златыми свет и жизнь лиешь!

Внемлите все молитву,
О боги! вы мою:
Зверей, рыб, птиц ловитву
И благодать свою
На нивы там пошлите,
Где отставной герой
Мой будет жить. — Продлите
Век, здоровье и покой
Ему вы безмятежный.
И ты, о милый Вакх!
Подчас у нимфы нежной
Позволь спать на грудях,

1796

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГРАФА ЗУБОВА ИЗ ПЕРСИИ

Цель нашей жизни — цель к покою:
Проходим для того сей путь,
Чтобы от мразу иль от зною
Под кровом ночи отдохнуть.
Здесь нам встречаются стремнины,
Там терны, там ручьи в тени;

Там мягкие луга, равнины,
Там пасмурны, там ясны дни;
Сей с холма в пропасть упадает,
А тот взойти спешит на холм.

Кого же разум почитает
Из всех, идущих сим путем,
По самой истине счастливым?
Не тех ли, что, челом к звездам
Превознесая горделивым,
Мечтают быть равны богам;
Что в пурпуре и на престоле
Превыше смертных восседят?
Иль тех, что в хижине, в юдоле,
Смирненно на соломе спят?

Ах, нет! не те и не другие
Любимцы прямо суть небес,
Которых мучат страхи злые,
Прельщают сны приятных грез,—
Но тот блажен, кто не боится
Фортуны потерять своей,
За ней на высоту не мчится,
Идет середнею стезей,
И след во всяком состояньи
Цветами усыпает свой;

Кто при конце своих ристаний
Вдали зреть может за собой
Аллею подвигов прекрасных;
Дав совести своей отчет
В минутах светлых и ненастных,
С улыбкою часы те чтет,
Как сам благими наслаждался,
Как спас других от бед, от нужд,
Как быть всем добрым торопился,
Раскаянья и вздохов чужд.

О юный вождь! сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как, с ребр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;

Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рождение молний и громов.

Ты зрел, как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов,
Средь вод, играя, отражаясь,
Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеаясь
Там брызгах, тонкий дождь горит;
Как глыба там сизо-янтарна,
Навеса, смотрит в темный бор;
А там заря злато-багряна
Сквозь лес увеселяет взор.

Ты видел: Каспий, протягаясь,
Как в камышах, в песках лежит,
Лицом веселым осклабясь,
Пловцов ко плаванью манит;
И вдруг как, бурей рассердясь,
Встает в упор ее крылам,
То скачет в твердь, то, в ад стремясь,
Трезубцем бьет по кораблям;
Столбом власы седые вьются,
И глас его гремит в горах.

Ты видел, как во тьме секутся
С громами громы в облаках,
Как бездны пламень извергают,
Как в тучах роет огонь бразды,
Как в воздухе пары сгорают,
Как светят свеч в лесах ряды.
Ты видел, как в степи средь зною
Огромных змей стога кишат,
Как блещут пестрой чешуею
И льют, шипя, друг в друга яд.

Ты дома зрел царей, вселенну —
Внизу, вверху, ты видел всё;
Упадшу спицу, вознесенну,
Вертяще мира колесо.
Ты зрел — и как в Вратах Железных
(О! вспомни ты о сем часе!)
По духу войск, тобой веденных,
По младости твоей, красе,

По быстром персов покорены
В тебе я Александра чтил!

О! вспомни, как в том восхищеньи,
Пророча, я тебя хвалил:
«Смотри, — я рек, — триумф минуто,
А добродетель век живет».
Сбылось! Игру днесь счастья люту
И как оно к тебе хребет
Свой с грозным смехом повернуло,
Ты видишь, — видишь, как мечты
Сиянье вокруг тебя заснуло,
Прошло, — остался только ты.

Остался ты! — и та прекрасна
Душа почтенна будет ввек,
С которой ты внимал несчастна
И был в вельможе человек,
Который с сердцем откровенным
Своих и чуждых принимал,
Старейших вокруг себя надменным
Воззрением не огорчал.
Ты был что есть, — и не страшися
Объятия друзей своих.

Приди ты к ним! Иль уклонися
Познать премудрость царств иных.
Учиться никогда не поздно,
Исправь проступки юных лет;
То сердце прямо благородно,
Что ищет над собой побед.
Смотри, как в ясный день, как в буре
Суворов тверд, велик всегда!
Ступай за ним! — небес в лазуре
Еще горит его звезда.

Кто был на тысяще сраженьях
Не победим, а победил,
Нет нужды в блесках, в украшеньях
Тому, кто царство покорил!
Умей лишь сделаться известным
По добродетелям своим
И не тужи по снам прелестным,
Мечтавшимся очам твоим:
Они прошли — и возвратятся;
Пройти вновь могут — и прийти.

Как страннику в пути встречаться
Со многим должно, и идти,
И на горах и под горами,
Роскошничать и глад терпеть,—
Бывает так со всеми нами,
Премены рока долг наш зреть.
Но кто был мужествен душою,
Шел равнодушной сим путем,
Тот ближе был к тому покою,
К которому мы все идем.

1797

КАПНИСТУ

Спокойства просит от небес
Застыженный в Каспийском море,
Жоль скоро ни луны, ни звезд
За тучами не зрит, и вскоре
Ждет корабельщик бед от бурь.
Спокойства просит перс пугливый,
Турк гордый, росс властолюбивый
И в ризе шелковой манжур.

Покою, мой Капнист! покою,
Которого нельзя купить
Казной серебряной, златою
И багрянницей заменить.
Сокровищами всея вселенной
Не может от души смятенной
И самый царь отгнать забот,
Толпящихся вокруг ворот.

Счастли́в тот, у кого на стол,
Хоть не роскошный, но опрятный,
Родительские хлеб и соль
Поставлены, и сон приятный,
Когда не отнят у кого
Ни страхом, ни стяжаньем подлым:
Кто малым может быть довольным,
Богаче Креза самого.

Так для чего ж в толь краткой жизни
Метаться нам туды, сюды,

В другие земли из отчизны
Скакать от скук или беды
И чуждым солнцем согреваться?
От пепелища удаляться,
От родины своей кто мнит —
Тот самого себя бежит.

Заботы наши и беды
Везде последуют за нами,
На кораблях чрез волны, льды
И конницы за тороками;
Быстрее оленей и погод,
Стадами облаки женущих,
Летят они, и всюду сущих
Терзают человекав род.

О! будь судьбе твоей послушным,
Престань о будущем вздыхать;
Веселым нравом, равнодушным
Умей и горесть услаждать.
Довольным быть, неприхотливым,
Сие то есть, что быть счастливым;
А совершенных благ в сей век
Вкушать не может человек.

Век Задунайского увял,
Достойный в памяти остаться!
Рымникского печален стал;
Сей муж, рожденный прославляться,
Проводит ныне мрачны дни,—
Чего ж не приключится с нами?
Что мне предписано судьбами,
Тебе откажут в том они.

Когда в Обуховке стремятся
Твоей стада, блея, на луг,
С зеленого холма глядятся
В текущий стекляный Псёл вокруг,
Когда волы и кобылицы,
Четвероместной колесницы
Твоей краса и честь плугов,
Блестят, и сад твой — тьмой плодов;

Когда тебя в темно-зелену,
Подругу в пурпурову шаль

Твою я вижу облеченну,
И прочь бежит от вас печаль;
Как вкруг вас радости и смехи,
Невинны сельские утехи,
И хоры дев поют весну,—
То скука вас не шлет ко сну.

А мне Петрополь населять
Когда велит судьба с Миленой,
К отраде дом дала и сад
Сей жизни скучной, развлеченной,
И некую поэта тень,
Да правду возглашу святую.
Умей презреть и ты златую,
Злословну, площадную чернь.

1797

НА ПОБЕДЫ В ИТАЛИИ

Ударь во серебряный, священный,
Далекозвонкий, Валка, щит!
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище бардов воспумит.
Встают.— Сто арф звучат струнами,
Пред ними сто дубов горят,
От чаши круговой зарями
Седые чéла в тьме блестят.

Но кто там белых волн туманом
Покрыт по персям, по плечам,
В стальном доспехе светит рдяном,
Подобно синя моря льдам?
Кто, на копье склонясь главою,
Событие слушает времен?
Не тот ли, древле что войною
Потряс парижских твердость стен?

Так; он пленяется певцами,
Поющими его дела,
Смотря, как блещет битв лучами
Сквозь тьму времен его хвала.
Так, он! — Се Рюрик торжествует
В Валкале звук своих побед

И перстом долу показывает
На росса, что по нем идет.

«Се мой,— гласит он,— воевода!
Воспитанный в огнях, во льдах,
Вождь бурь полночного народа,
Десятый вал в морских волнах,
Звезда, прешедша мира тропы,
Которой след — огня черты;
Меч Павлов, щит царей Европы,
Князь славы!» — Се, Суворов, ты!

Се ты, веков явленье чуда!
Сбылось пророчество, сбылось!
Луч, воссиявший из-под спуда,
Герой мой, вновь свой лавр вознёс!
Уже вступил он в славны слёды
Что древний витязь проложил;
Уж водит за собой победы
И лики сладкогласных лир.

1799.

НА ПЕРЕХОД АЛЬПИЙСКИХ ГОР

Сквозь тучи вокруг лежащи, чёрны,
Твой горный кроющ: полет,
Носящи страх нам, скорби зельны,
Ты грянул наконец! — И свет,
От молнии твоей горящий,
Сердца Альпийских гор потрясший,
Струей вселенну пролетел;
Чрез неприступны переправы
На высоте ты новой славы
Явился, северный орел!

О радость! Муза! дай мне лиру,
Да вновь Суворова пою!
Как слышен гром за громом миру,
Да слышит всяк так песнь мою!
Побед его плененный слухом,
Лечу моим за ним я духом
Чрез доли, холмы и леса;

Зрю, близ меня зияют ады,
Над мной — шумящи водопады,
Как бы склонились небеса.

Идет в веселии геройском
И тихим манием руки,
Повелевая сильным войском,
Сзывает вкруг себя полки.
«Друзья! — он говорит, — известно,
Что россам мужество совместно;
Но нет теперь надежды вам.
Кто вере, чести друг неложно,
Умереть иль победить здесь должно». —
«Умрем!» — клик вторит по горам.

Идет, — о, зрелище прекрасно,
Где прямо, верностью горя,
Готово войско в брань бесстрашно!
Встает меж их любезна пряха:
Все движутся на смерть послушно,
Но не хотят великодушно
Идти за вождем назади;
Сверкают копьями, мечами.
Как холм, объемлемый волнами,
Идет он с шумом — впереди.

Ведет в пути непроходимом
По темным дебрям, по тропам,
Под заревом, от молнии зримом,
И по бегущим облакам;
День — ночь ему среди туманов,
Ночь — день от громовых пожаров;
Несется в бездну по вервям,
По камням лезет вверх из бездны,
Мосты ему — дубы зажженны,
Плывет по скачущим волнам.

Ведет под снегом, вихрем, градом,
Под ужасом природы всей;
Встречается спреди и рядом
На каждом шаге с тьмой смертей;
Отсюду окружен врагами:
Водой, горами, небесами
И воинством противных сил.
Вблизи падут со треском холмы,

Вдали там гулы ропчут, громы,
Скрежещет бледный голод в тыл.

Ведет — и некая громада,
Гигант пред ним восстал в пути,
Главой небес, ногами ада
Касаяся, претит идти.
Со ребр его шумят вниз реки,
Пред ним мелькают дни и веки,
Как вокруг волнующийся пар;
Ничто его не потрясает,
Он гром и бури презирает —
Нахмурясь смотрит Сен-Готар.

А там волшебница седая
Лежит на высоте холмов,
Дыханьем солнце отражая,
Блестит вдали огнями льдов,
Которыми одета зрится:
Она на всю природу злится
И в страшных инистых скалах,
Нависнутых снегов слоями,
Готова задавить горами
Иль в хладных задушить когтях.

А там, невидимой рукою
Простертое с холма на холм,
Чудовище, как мост длиною,
Рыгая дым и пламень ртом,
Бездонну челюсть разверзает,
В единый миг полки глотает;
А там — пещера черна спит
И смертным мраком взоры кроет,
Как бурю, гортанью воеет:
Пред ней Отчаянье сидит.

Пришедши к чудам сим природы,
Что б славный учинил Язон?
Составила б Медея воды,
А он на них навел бы сон.
Но в россе нет коварств примера;
Крыле его суть должность, вера
И исполинской славы труд.
Корабль на парусах как в бурю
По черному средь волн лазурю,
Так он летит в опасный путь.

Уж тучи супостат засели
По высотам, в ущельях гор,
Уж глыбы, громы полетели
И осветили молнии взор;
Власы у храбрых встали дыбом,
И к сей отваге, страшной дивом,
Склонился в помощь свод небес.
С него зря бедствия толики,
Трепещет в скорби Петр Великий:
«Где росс мой?» — след и слух исчез.

Но что! не дух ли Оссиана,
Певца туманов и морей,
Мне кажется под луной Морана,
Как шел он на царя царей?
Нет, зрю, Массена под землею
С Рымникским в тьме сошлись к бою:
Чело с челом, глаза горят —
Не громы ль с громами дерутся?
Мечами о мечи секутся,
Вкруг сыплют огонь, — хохочет ад.

Ведет туда, где ветер не дышит
И в высотах, и в глубинах,
Где ухо льдов лишь гулы слышит,
Катящихся на крутизнах.
Ведет — и скрыт уж в мраке гроба,
Уж с хладным смехом шепчет злоба:
«Погиб средь дерзких он путей!»
Но россу где и что преграда?
С тобою бог! — И гор громада
Раздвиглась силою твоей.

Как лев могущий, отлученный
Ловцов коварством от детей,
Забрал препятством раздраженный,
Бросая пламя из очей,
Вздымая страшну гриву гневом,
Крутя хвостом, рыкая зевом
И прёскача преграды, вдруг
Ломаёт копья, луки, стрелы, —
Чрез непроходны так пределы
Тебя, герой! провел твой дух.

Или Везувия в утробе
Как, споря, океан с огнем

Спирают в непрерывной злобе
Горящу лаву с вечным льдом,
Клокочут глухо в мраке бездны;
Но хлад прорвет как свод железный,
На воздух льется пламень, дым, —
Таков и росс средь горных споров;
На галла стал ногой Суворов,
И горы треснули под ним.

Дадите ль веру вы, потомки,
Толь страшных одоленью сил?
Дела героев древних громки,
До волн Средьземных доходил
Алкид и знак свой там поставил
На то, чтоб смертный труд оставил
И дал не дерзал бы взор, —
Но, сильный Геркулес российский!
Тебе столпы его, знать, низки;
Шагаешь ты чрез цепи гор.

Идет — одет седым туманом —
По безднам страшный исполин;
За ним летит в доспехе рдяном
Вослед младый птенец орлин.
Кто витязь сей багрянородный,
Соименитый и подобный
Владыке византийских стран?
Еще росс выше вознесется,
Когда и впредь не отречется
Несть Константин воинский сан.

Уж сыплются со скал безмерных
Полки сквозь облаков, как дождь!
Уж мечутся в врагов надменных:
В душах их слава, бог и вождь;
К отечеству, к царю любовью,
Или врожденной бранной кровью,
Иль к вере верой всяк крылат.
Не могут счесть мой их взоры,
Ни всех наречь: как молнии скоры,
Вокруг я блеском их объят.

Не Гозанó ль там, богом данный,
Еще с чудовищем в реке
На смертный бой, самоизбранный,

Плывет со знаменем в руке?
Копье и меч из твердой стали,
О чешую преломшись, пали:
Стал безоружен и один.
Но, не уважа лютым жалом,
Разит он зверя в грудь кинжалом —
Нет, нет, се ты, россиянин!

О, сколько храбрости российской
Примеров видел уже свет!
Европа и предел азийской
Тому свидетельствы дает.
Кто хочет, стань на холм высоко
И кинь со мной в долину око
На птиц, на сей парящих стан.
Виждь: в воздухе склубясь волнистом,
Как грудью бьет сокол их с свистом, —
Стремглав падет сраженный вран.

Так козни зла все упадают,
О Павел, под твоей рукой!
Народы длани простирают,
От бед спасенные тобой.
Но были б счастливей стократно,
Коль знали бы ценить обратно
Твою к ним милость, святость крыл;
Во храме ж славы письменами
Златыми, чтимыми веками,
Всем правда скажет: «Царь ты сил!»

Из мраков восстают стигийских
Евгений, Цесарь, Ганнибал,
Проход чрез Альпы войск российских
Их души славой обуял.
«Кто, кто, — вещают с удивленьем, —
С такою смелостью, стремленьем,
Прешел против природы сил
И вражьих тьмы поправ затворов?
Кто больше нас?» — Твой блеск, Суворов!
Главы их долу преклонил.

Возьми кто летопись вселенной,
Геройские дела читай,
Цня их истиной священной,
С Суворовым соображай;

Ты зришь: тех слабость, сих пороки
Поколебали дух высокий, —
Но он из младости спешил
Ко доблести простерть лишь длани;
Куда ни послан был на брани —
Пришел, увидел, победил.

О ты, страна, где были нравы,
В руках оружие, в сердце бог!
На поприще которой славы
Могущий Леопольд не мог
Сил капли поглотить сил морем,
Где жизнь он кончил бедством, горем!
Скажи, скажи вселенной ты,
Гельвеция! быв наш свидетель:
Чья россом тверже добродетель?
Где больше духа высоты?

Промчи ж, о Русса! ты Секване,
Скорей дух русский, Павла мочь,
Цареубийц в вертепе, в стане
Ближайшу возвещая ночь.
Скажи: в руках с перуном Павел
Или хранитель мира, ангел,
Гремит, являя власть свою;
Престаньте нарушать законы
И не трясите больше троны,
Внемлите истину сию:

Днесь зверство ваше стало наго,
Вы рветесь за прибыток свой —
Воюет росс за обще благо,
За свой, за ваш, за всех покой.
Вы жертва лжи и своевольства —
Он жертва долга и геройства;
В вас равенства мечта — в нем чин;
Суля вы вольность — взяли дани;
В защиту царств простер он длани;
Вы чада тьмы — он света сын.

Вам видим бег светил небесных,
Не правит ли их ум один?
В словесных тварях, бессловесных
У всех есть вождь иль господин;
Стихий разность — разнотрастье,

Верховный ум — их всех согласие;
Монарша цепь есть цепь сердец.
Царь — мнений связь, всех действий причина,
И кротка власть отца едина —
Живого бога образец.

Где ж скрыта к правде сей дорога,
Где в вольнодумном сердце мнят:
«Нет царской степени, нет бога», —
Быть тщетно счастливы хотят.
Ищай себе в народе власти,
Попри свои всех прежде страсти,
А быв глава, будь всем слугой.
Но где ж, где ваши Цинциннаты?
Вы мните только быть богаты;
Корысти чужд прямой герой.

О, доблесть воинов избранных,
Собравших лавры с тьмы побед,
Бессмертной славой осиянных,
Какой не видывал сей свет!
Вам предоставлено судьбами
Решить спор ада с небесами:
Собицать ли солнцу блеск звездám,
Законам естества ль встать новым,
Стоять ли алтарям Христовым
И быть или не быть царям?

По доблести — царям сокровный;
По верности — престолов щит;
По вере — камень царств угольный;
Вождь — знаньем бранным знаменит,
В котором мудрость с добротою,
Терпенье, храбрость с быстротою
Вместились всех изящных душ!
Сражаясь веры со врагами
И небо поддерживав плечами,
Дерзай! великий богом муж.

Дерзайте! — вижу, с вами ходит
Тот об руку во всех путях,
Что перстом круги звездны водит
И молнию на небесах.
Он рек — и тучи удалились;
Велел — и холмы уклонились;

Блеснул на ваших луч челах.
Приятна смерть Христа в любви,
И капли вашей святы крови:
Еще удар — и где наш враг?

Услышьте! — вам соплещут други,
Поет Христова церковь гимн:
За ваши для царей заслуги
Цари вам данники отнынь.
Доколь течет прозрачна Рона,
Потомство поздно без урона
Узрит в ней ваших битв зари;
Отныне горы ввек Альпийски
Пребудут россов обелиски,
Дымящи холмы — алтари.

1799

СНИГИРЬ

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый Снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гроба лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов,
С горстью россиян всё побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом;
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом;
Скиптры давая, зваться рабом;
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, Снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,

Слышен отсюда томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! — что воевать?

1800

БУРЯ

Судно, по морю носимо,
Реет между черных волн;
Белы горы идут мимо,
В шуме их — надежд я полн.

Кто из туч бегущий пламень
Гасит над моей главой?
Чья рука за твердый камень
Малый челн заводит мой?

Ты, Творец, господь всесильный,
Без которого и влас
Не погибнет мой единый,
Ты меня от смерти спас!

Ты мне жизнь мою пробавил,
Весь мой дух тебе открыт;
В сонм вельмож меня поставил, —
Будь среди них мой вождь и щит.

1794

ХРАПОВИЦКОМУ

Храповицкий! дружбы знаки
Вижу я к себе твои;
Ты ошибки, лесть и враки
Кажешь праведно мои, —
Но с тобой не соглашуся
Я лишь в том, что я орел.

А по-твоему коль станет,
Ты мне путы развяжи;
Где свободно гром мой грянет,
Ты мне небо покажи;

Где я в поприще пушуся
И препон бы не имел?

Где чертог найду я правды?
Где увижу солнце в тьме?
Покажи мне те ограды,
Хоть близ трона в вышине,
Чтоб где правду допускали
И любили бы ее.

Страха связанным цепями
И рожденным под жезлом,
Можно ль орлими крылами
К солнцу нам парить умом?
А хотя б и возлетали —
Чувствуем ярмо свое.

Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильным угождать,
Их любимцам поклоняться,
Словом, взглядом их ласкать.
Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить.

Извини ж, мой друг, коль лестно
Я кого где воспевал;
Днесь скрывать мне тех бесчестно,
Раз кого я похвалял.
За слова — меня пусть гложет,
За дела — сатирик чтит.

1797

КОЛЕСНИЦА

Течет золотая колесница
По расцветающим полям;
Седящий, правящий возница,
По конским натянув хребтам
Блестящи вожжи, держит стройно,
Искусством сравнивая их,
И в дальнем поприще спокойно
Осаживая скок одних,
Других же, к бегу побуждая,

Прилежно взорами блюдет;
К одной мете их направляя,
Грозит бичом иль им их бьет.

Животные, отважны, горды,
Под хитрой ездока уздой
Лишенны дикия свободы
И сопряженны меж собой,
Едину волю составляют,
Взаимной силою везут;
Хоть под ярмом себя считают,
Но, ставя славой общий труд,
Дугой нагнув волнисты гривы,
Бодрятся, рэзвятся, бегут,
Великолепный и красивый
Вид колеснице придают.

Возница вожжи ослабляет,
Смиренством коней убедясь,
Вздремал.— И тут врасплох мелькает
Над ними черна тень, виясь,
Коварных вранов, своевольных:
Кричат — и, потемняя путь,
Пужают кóней толь покойных:
Дрожат, храпят, ушми прядут
И, стиснув сталь во рту зубами,
Из рук возницы вожжи рвут,
Бросятся, и прах ногами
Как вихорь под собою вьют;
Как стрелы, из лука пущенны,
Летят они во весь опор.
От сна возница возбужденный
Поспешно открывает взор.
Уже колеса позлащенны
Как огонь, сквозь пыль кружась, гремят:
Ездок, их шумом уstraшенный,
Вращая побледнелый взгляд,
Хватает вожжи, но уж поздно;
Зовет по именам коней,
Кричит и их смиряет грозно;
Но уж они его речей
Не слушают, не понимают,
Не знают голоса того,
Кто их любил, кормил,— пыхают
И зверски взоры на него

Бросают страшными огнями.
Уж дым с их жарких морд валит,
Со ребр лиется пот реками,
Со спин пар облаком летит,
Со брозд кровава пена клубом
И волны от копыт текут.

Уже, в жару ярясь сугубом,
Друг друга жмут, кусают, бьют
И, по распутьям мчась в расстройстве,
Как бы волшебством обуяв,
Рвут сбрую в злобном своевольстве
И, цели своя не зная,
Крушат подножье, ось, колеса;
Возница падает под них.
Без управленья, перевеса,
И колесница вмиг,
Как лодка, бурей устремленна,
Без кормщика, снастей, средь волн,
Разломанна и раздробленна
В ров мрачный вернется вверх дном.

Рассбруенные Буцефалы,
Томясь от жажды, от алчбы,
Чрез камни, пни, бугры, забрали
Несутся, скачут на дыбы, —
И что ни встретят, сокрушают.
Отсюду слышен вопль и стон,
Кровавы реки протекают,
По стогнам — мертвых миллион!
И в толь остервененьи лютом,
Все силы сами потеряв,
Падут стремглав смердящим трупом,
Безумной воли жертвой став.

Народ устроенный, блаженный
Под царским некогда венцом,
Чей вкус и разум просвещенный
Европе были образцом;
По легкости своей известный,
По остроте своей любим,
Быв добрый, верный, нежный, честный
И преданный царям своим, —
Не ты ли в страшной сей картине

Мне представляешься теперь?
Химер опутан в паутине,
Из человека — лютей зверь!
Так, ты! о Франция несчастна,
Пример безверья, безначальств,
Вертеп убийства преужасна,
Гнездо безнравья и пахальств.
Так, ты, на коей тяжку руку
Мы зрим разгневанных небес,
Урок печальный и науку,
Свет изумляющие весь,
От философов просвещения,
От лишней царской доброты,
Ты пала в хаос развращения
И в бездну вечной срамоты.

Увы! доколе слышны стоны
И во крови земля кипит,
Ревут пожара страшны волны
Или предел их небом скрыт?

1793; 1804

ФОНАРЬ

Гремит орган на стогне трубный,
Пронзает ночь и тишину;
Очаровательный огонь чудный
Малюет на стене луну.
В ней ходят тени разнородны:
Волшебник мудрый, чудотворный
Жезла движеньем, уст, очес
То их творит, то истребляет;
Народ толпами поспешает
Смотреть к нему таких чудес.

Явись!

И бысть.

Пещеры обитатель дикий,
Из тьмы ужасной превеликий
Выходит лев.

Стоит, — по гриве лапой кудри
Златые чешет, вьет хвостом;

И рев
И взор его, как в мраке бури,
Как яры молнии, как гром,
Сверкая, по лесам грохочет.
Он рыщет, скачет, пищи хочет
И, меж деревьев
Озетя агницу смиренну,
Прыгнул, разверз уж челюсть гневну.
Исчезнь! Исчез.

Явись!
И бысть.
Средь гладких океана сткляных,
Зарею утренней румяных,
Спокойных недр
Голубо-сизый, солнцеекой
Усатый, тучный, рыбий князь,
Осетр,
Из влаги появясь глубокой,
Пернатой лыстью вокруг струясь,
Сквозь водну дверь глядит, гуляет,—
Но тут ужасный зверь всплывает
К нему из бездн,
Стремит в свои вод реки трубы
И как серпы занес уж зубы...
Исчезнь! Исчез.

Явись!
И бысть.
С долины мирная, зелены
В полудни лебедь, вознесенный
Под облака,
Веселый глас свой ниспускает;
Его долина, роща, холм,
Река
Стократно эхом повторяет,—
Но тут, как быстрый с свистом гром,
На рамена его сребристы
Орел прожорливый, когтистый
Упал с небес.
Клюет, терзает, бьет крылами,
И пух летит, как снег, полями...
Исчезнь! Исчез.

Явись!

И бысть.

Спустилось солнце, вечер темный

Открыл на небе миллионы

Горящих звезд.

Огнисты, легки метеоры

Слетают блещущим клубком

От мест

Превыспренных — и в мраке взоры,

Как искры, веселят огнем;

Одна на дом тут упадает,

Раздута ветром, зажигает,

И в пламе город весь!

Столбом дым, жупел в воздух вьется,

Пожар, как рданы волны, льется...

Исчезнь! Исчез.

Явись!

И бысть.

Торговый гость, смотря на 'счеты,

От жажды к злату и заботы

Хотя дрожит

Товарищей над барышами,

В паи деля товары их;

Но бдит

И ползает над чертежами

Всечасно странствий морских.

В очках его всезряще око

Уж судно зрит в морях далеко

Сквозь сладких слез;

На нем вздут парус, флаг, дым, пламень,

Близ пристани подводный камень...

Исчезнь! Исчез.

Явись!

И бысть.

Оратай нив трудолюбивый,

Богобоязный, терпеливый,

Пролив свой пот,

Ходя под зноем за сохою

И туком угобзя бразды,

Ждет год

От брошенных его рукою

Семян собрать себе плоды.

Златым колосья соком полны,

Уже колеблются, как волны,
И тень небес
Его труд правый осеняет,—
Но град из тучи упадает...
Исчезнь! Исчез.

Явись!
И бысть.
Чета младая новобрачных —
В златых, блистающих, безмрачных
Цепях своих —
Любви в блаженстве утопает;
Преодолев препятства все,
Жених
От радости в восторге тает
И, в плен отдавшись красе,
Забыв на ложе прежни скуки,
В уста ее целует, в руки
И средь завес
Коснулся уж забав рукою,—
Но блещет смерть над ним косою...
Исчезнь! Исчез.

Явись!
И бысть.
Отважный, дерзкий вождь, счастливый,
Чрез свой пронырливый, кичливый
И твердый дух
Противны разметав знамены,
И на чело свое собрав
Вокруг
С народов многих лавр зеленый,
И царские права поправ,
В чаду властолюбивой страсти
У всей народной силы, власти
Взял перевес;
Граждан не внемлет добрых стону,
Простер десницу на корону...
Исчезнь! Исчез.

Не обавательный ль, волшебный,
Магический сей мир фонарь?
Где видны тени переменны,
Где, веселяся ими, царь
Иль маг какой, волхв непостижный,

В своих намереньях обширный,
Планет круг тайно с высоты
Единым перстом обращает
И земнородных призывает
Мечтами быть иль зреть мечты!

Почто ж, о смертный дерзновенный,
Невежда средь своих наук!
Летая мыслями надменный
Иль ползая в пыли, как жук,
Бежишь ты счастья за мечтами,
Толь преходящими пред нами,
Быв гостем, позванным на пир?
Не лучше ль блеском их не льститься,
Но зодчему тому дивиться,
Кто создал столь прекрасный мир?

Так будем, будем равнодушно
Мы зрителями его чудес;
Что рок велит, творить послушно,
Забавой быв других очес;
Пускай тот управляет нами,
Кто движет солнцами, звездами;
Он знает их и наш конец!
Велит — я возвышаюсь.
Речет — я понижаюсь.
Сей мир — мечты; их бог творец!

1804

ОЛЕНИНУ

Обычьев русских, вида, чувства,
Моей поэзии изограф,
Чьего и славный бритт искусства
Не снес, красе возревновав;
В чьем рашкуле, мелу, чернилах
Видна так жизнь, как в пантоминах,
Оленин милый! вспомани
Твое мне слово — и черкни.

Представь мне воина, идуща
С прямым бесстрашием души
На явну смерть и смерть несуща,

И, словом, росса напиши:
Как ржет пред ним Везувий ярый,
Над ним дождь искр, громов удары,
За ним — скрыл мрак его стопы —
Лежат Иракловы столпы!

Тебе — так россу только можно
Отечества представить дух —
Услуги верной ждать не должно
От иностранных слабых рук.
И впрямь: огромность исполина
Кто облечет, кроме сына
Его, и телом и душой?
Нам тесен всех других покрой.

Когда наука иль природа
Дадут и дух, и ум, и вкус,
Ни чин, ни должность, ни порода
Быть не претят друзьями муз.
И только ль в поле на сраженье
И за зеркалом дел в вершение
Сыновий нужен царству жар? —
Нет! — проклят всяк, сокрывший дар.

Три дщери своего рожденья
Судили небеса послать,
Чтоб свет, красу и утешенье
На землю мрачну проливать;
Схватясь красавицы руками,
С улыбкой тихими стопами
Проходят мир — и се в наш век
Пришли в полночь, как Петр предрек.

Пусть дух поэта сотворяет,
Вливает живописец жизнь,
А чувства музыкант вдыхает
К образованию их отчизн;
И нас коль гении вдыхают,
От сна с зарею возбуждают.
Не стыдно ль негу обнимать?
Пойдем Сатурна побеждать!

1804

К СКОПИХИНУ

Не блещет серебро, в скупой
Земле лежаще сокровенным.
Скопихин! враг его ты злой,
Употреблением полезным
Пока твоим не оценишь,
Сияющим не учинишь.

Бессмертно Минин будет жить,
Решившийся своим именем
Москву от плена свободить,
И тот Демидов, что с терпением
Свой век казну копил и вдруг
Дал миллионы для наук.

О! если Шереметев к дням
Своим еще прибавил веку,
То не по тем своим пирам,
Что были дивом человеку,
Где тысячи расточены,
Народ, цари угощены!

Где, как в волшебных неких снах,
Зимой в мороз, против природы,
Цветущую весну в садах,
Шумящие с утесов воды
И звезд рассыпав миллион,
Свой дом представил раем он.

Нет! Нет! — не роскошью такой
Его днесь в свете прославляют;
Столы прошли, как сон пустой,
Их гости скоро забывают;
Но тем обрел он всех любовь,
Что бедным дал, больным покров.

Сии щедроты в род и род,
Как солнечны лучи, не умрут;
Их блеск с дня на день потечет;
От Бельга до Амура будут
С почтением все зреть на них,
По сущность учреждений их.

Престань и ты жить в погребях,
Как крот в ущельях подземельных,

И на чугунных там цепях
Стеречь, при блеске искр елейных,
Висящи бочки серебра
Иль лаять псом вокруг двора.

Томимый скорбью водяной
Чем больше пьет, тем больше жаждет;
Вредом вред умножая свой,
Сугубой слабостию страждет,
Доколь причину он беды
Не выгонит из жил — воды.

Лишаясь неких польз своих,
Держа Владимиров равенство
В торгу противу стран чужих,
Стяжал и честь и благоденство;
Хоть часто чернь и злобный свет
И добродетель злом зовет.

Но нет! она в себе одной
Все блага смертных заключает;
Уча их оценивать собой,
Тем лавр и пальму доставляет,
Кто мог без зависти терпеть
На злато равнодушно зреть.

1803

КО ВТОРОМУ СОСЕДУ

Не кость резная Колмогор,
Не мрамор Тифды и Рифея,
Не Невски зеркала, фарфор
Не шелк Баки, не глазумея
Благоуханные пары
Вельможей делают известность,
Но некий твердый дух и честность,
А паче — муз дары.

Почто же, мой второй сосед,
Столь зданьем пышным, столь отличным
Мне солища застения свет,
Двором межуешь безграничным
Ты дому моего забор?
Ужель полей, прудов и речек,

Тьмы скупленных тобой местечек
Твой не насытят взор?

В тот миг, как с пошвы до конька
И около, презренным взглядом,
Мое строение слегка
С своим обозревая рядом,
Ты в гордости своей с высот
На низменны мой мнишь кровы
Навесить темный сад кедровый
И шумны токи вод,—

Кто весть, что рок готовит нам?
Быть может, что сии чертоги,
Назначенны тобой царям,
Жестоки времена и строги
Во стойлы конски обратят.
За счастье поруки нету,
И чтоб твой Феб светил век свету,
Не бейся об заклад.

Так, так! — но примечай, как день,
Увы! ночь темна затмевает;
Луну скрывает облак, тень;
Она растет иль убывает,—
С сумой не ссорься и тюрьмой.
Хоть днесь к звездам ты высишь стены,
Но знай: ты прах одушевленный
И скроешься землей.

Надежней гроба дома нет,
Богатым он отверст и бедным;
И царь и раб в него придет.
К чему ж с столь рвением ты безмерным
Свой постоянный строишь двор,
И ах! сокровищи Тавриды
На барках свозишь в пирамиды
Средь полицейских ссор?

Любовь граждан и слава нам
Лишь воздвигают прочны дома;
Они, подобно небесам,
Стоят и презирают громы.
Зри, хижина Петра до днесь,
Как храм, нетленна средь столицы!

Свят дом, под кой народ гробницы
Матвееву принес!

Рабочих в шуме голосов,
Машин во скрыше, во стенаньи,
Средь громких песен и пиров
Трудись, сосед, и строй ты зданьи;
Но мой не отнимай лишь свет.
А то оставь молве правдивой
Решить: чей дом скорей крапивой
Иль плющем зарастет?

1791; 1798(?)

ЗИМА

П о э т

Что ты, Муза, так печальна,
Пригорюнившись сидишь?
Сквозь окошечка хрустальна,
Склоча волосы, глядишь;
Цитры, флейты и скрипицы
В белы руки не берешь;
Ни божественной Фелицы,
Ни Плениры не поешь?

М у з а

Что мне петь? — Ах! где хариты?
И друзей моих уж нет!
Львов, Хемницер в гробе скрыты,
За Днепром Капнист живет.
Вельяминов, муз любитель,
Богатырь, певец в кругу,
Беззаботный света житель,
Согнут скорбями в дугу.

П о э т

Да! Фелицы нет, Плениры,
Нет харит, и нет друзей:
Звук торжественных лиры
Посвятишь кому твоей?
Посвятишь ли в честь ты Хлору
Иль Добrade в славе ты?

Труб у них не слышно хору,
Дни их тихи, как листы.

Муза

Тот сидит всегда за делом,
Та покоит вдов, сирот, —
В покрывале скромном, белом
Так зима готовит плод.
Не видать ее работы,
Не слышать ее машин;
Но по скуке зрятся льготы,
И земля цветет, как крин.

Поэт

Между тем к нам, Вельяминов,
Ты приходи хотя согбен,
Огонь разложим средь каминов,
Милых сердцу соберем;
И под арфой тихогласной,
Наливая алый сок,
Воспоем наш хлад прекрасный:
Дай зиме здоровье бог!

1803—1804

ВРЕМЯ

О Дьяков! Дьяков! Как время
Быстро в вечность нас несет!
Будто море смертных племя:
За волной волна течет.
Ни поклонов счет молебных,
Ни посты, ни тяжкий труд
Старостью напечатленных
Лба морщин уж не сотрут,
Не удержат дней летящих,
Люту смерть не воспятят.

Так, мой друг! Хотя адепты
Пьют бессмертья элексир,
В ризы воздуха одеты,
Ангельский составят мир,
Но до одного мы время
Все под плотию живем,

Носим разрушенья бремя
И конечно все померем;
Лишь божественная искра
Вечно будет жить — наш дух.

Дух! И те дела не умрут,
Производят что добро,
Жить они за гробом будут,
Лавром нам увьют чело.
Что ж в сей жизни потеряем,
Что нам сделают беды,
Если мы награды чаем
Там за здешние труды?
Только нужно запастися
Котомою добрых дел.

Так, едина добродетель
Здесь и там счастливит нас!
Если совесть наш свидетель —
Не ужасен смертный час,
Не ужасен рев гоенья,
И коварство не хитро.
Длинно время для терпенья,
Для веселия быстро;
Но премудрый проживает
Равнодушно весь свой век.

Им и время не владеет,
Ниже злато, ни серебро;
Он порядку дел радуется,
Любит общее добро;
Убегая пышных вздоров
И блестящих мелочей,
Он во сане прокуроров,
Всех вельмож, судей, царей
Чтит лишь только человека
И желает сам им быть.

Коль с невинных снял железы,
Ускорил коль правый суд,
Коль отер сиротски слезы,
Не брал лихвы, не был плут,
Делал то, что делать должно:
И без чина ты почтен.
Напротив, живя безбожно,

Всеми временщик презрен:
Утесняя добродетель,
Сам он тмит свой светлый сан.

1805

ВЕСНА

Тает зима дыханьем Фавона,
Взгляда бежит прекрасной весны;
Мчится Нева к Бельту на лоно,
С берега суда спущены.

Снегом леса не блещут, ни горы,
Стогнов согреть не пышет огонь,
Ломят стада, играя, затворы,
Рыща, ржет на поле конь.

Нимфы в лугу под лунным сияньем,
Став в хоровод, вечерней зарей,
В песнях поют весну с восклицаньем,
Пляшут, топочут стопой.

Солнце лучом лиловым на взморье
Бросит как огонь, Петрополь вкушать
Свежий зефир валит в лукоморье;
Едешь и ты там гулять.

Едешь — и зришь знак, небо, лес, воды,
Милу жену, вокруг рощу сынов;
Прелесть всю зришь с собой ты природы,
Счастлив сим, счастлив ты, Львов!

Что ж ты стоишь так мало утешен?
Плюнь на твоих лихих супостат!
Если прибыток оный безгрешен,
Ревель что дал и Кронштадт?

Выкати, дай, ты дай непременно
Бочку скорей нам устриц на стол;
Портер, вино, что искрами пенно,
Каплет что златом, как смоль;

В толстом стекле что выжимки силы,
В свертках травы что слаще сога,
Сок нам подай, что молнией в жилы,
Быстро летит что в уста!

Выставь нам всё. Так время приятно,
Должно твоих друзей угощать.
Дышат пока сады ароматно,
Розы спеши собирать.

Видишь, мой друг, и сам ты вседневно,
Миг что один не сходен с другим;
В мире земном все, видишь, временно:
Гладкий понт часто холмим.

Самый твой торг — империй цвет, слава —
Первый к вреду, растлению шаг;
Блага лишь суть: здоровье, забава,
Честность, — всё прочее прах.

1804

ПАМЯТЬ ДРУГУ

Плакующие березы воют,
На черну наклоняся тень;
Унылы ветры воздух роют;
Встает туман по всякий день —
Над кем? Кого сия могила,
Обросши повиликой вкруг,
Под медною доской сокрыла?
Кто тут? Не муз ли, вкуса друг?

Друг мой! Увы! озлобясь, время
Его спешило в гроб сокрыть,
Что сея он познаний семя
Мнил веки пользой пережить;
Воздвигнув из земли громады
И зодчества блестя челом,
Трудился, чтоб полнощи чады
Искусств покрылися венцом.

Встань, дух поэзии русской древней,
С кем, вторя, он Добрыню пел,

Меж заутреней и меж обедней,
Взмахнув крыла, в свирель гремел;
И лебедь солнца как при восходе,
Под красный вечер на водах,
Раздавшись кликами в природе,
Вещай, тверди: тут Львова прах.

Довольны ль эхом сим, хариты,
Чтоб персть вам милую найти?
Таланты редки знамениты,
Вокруг пестреют их цветы,—
Облаговоньте ж возлияньем
Сердец вы друга своего,
Изящным, легким дарованьем
Теките, музы! в след его.

Но кто ж моей гитары струны
На нежный будет тон спущать,
Фивейски молнии и перуны
Росой тиисской упоять?
Кто памятник над мной поставит,
Под дубом тот сумрачный свод,
В котором мог меня бы славить,
Играя с громами, Эрот?

Уж нет тебя! уж нет! — Придите
Сюда вы, дружба и любовь!
Печаль и вздохи съедините,
Где скрыт под пеленою Львов.
Ах! плачьте, чада, плачьте, други!
Целуй последний раз, краса!
Уж слезы Лизы и супруги
Как пламенна горят роса.

1804

ЛЕТО

Знойное лето весна увенчала
Розовым, алым по кудрям венцом;
Линова роща, как жар, возблистала
Вкруг меда листом.

Желтые грозды, сквозь лист продираясь,
Запахом, рдянцем нимф сельских манят;
Травы и нивы, косою озаряясь,
Как волны шумят.

Сткляные реки лучом полудневым,
Жидкому злату подобно, текут;
Кравы и овцы с млеком накопленным
Под кущи бегут.

Сизые враны, орлы быстропарны,
Крылья спустивши, под хвостом сидят;
Тучная роскошь в тени сок прохладный
Пьет, ищет отрад.

Видишь ли, Дмитрев! всего изобилье,
Самое благо быть может нам злом;
Счастье и нега разума крылья
Сплошь дают ярмом.

В доме жив летом, в раю ты небесном,
В славном поместье сызранском с отцом,
Мышлю, ленишься петь в хоре прелестном,
Цвесь муз под венцом.

1804

ОСЕНЬ

На скирдах молодых сидючи, Осень,
И в полях зря вокруг год плодоносен,
С улыбкой свои всем дары дает,
Пестротой по лесам живо цветет.
Взор мой дивит!

Разных птиц голоса, вьющихся тучи,
Шум снопов, бег телег, оси скрипучи,
Стук цепов по токам, в рощах лай псов,
Жниц с знамен идущих гул голосов
Слух мой пленит.

Как мил сей природы радостный образ!
Как тварей довольных сладостен возглас,
Где Осень обилье рукою ведет,

Царям и червям всем пищу дает
Общий Отец!

Но что же вдруг, Ярцов! черные бури,
Грохоча так, кроют неба лазури?
Здесь тихий ток с ревом роет волна,
Там в бледных туманах ржет нам война:
Благ ли Творец?

«Ах! благ всех зиждитель,— я слышу, ты рек,—
Невежда продерзкий лишь ты, человек,
Не видишь, не знаешь пользы своей;
Сам часто своих ты ищешь сетей:
Хранит только Бог».

О! правда то, правда! Смирим же пред ним
Наш глупый мы ропот и волю дадим
Всемогущей деснице солнце водить;
Бег мира превратна станем сносить,
Чтящи свой рок.

Так если с Урала златые ключи
В царский лил кладезь, их сам не пьючи,
Я дни мнил Астреи, мир и покой
Ввесть распрей в вертеп,— и с чистой душой
Благ всем желал;

Но то коль не надо,— оставим судьбам
Премудрый дать лучший здесь жребий людям;
Сев, сами прикажем в нашем гнезде
Осени доброй нам дать по труде
Счастья покая.

1805

ОБЛАКО

Из тонкой влаги и паров
Исшед невидимо, сгущенно,
Помалу, тихо вознесенно
Лучом над высотой холмов,
Отливом света осветяся,
По бездне голубой носяся,
Гордится облако собой,
Блистая солнца красотой.

Или прозрачностью сквозясь
И в разны виды пременяясь,
Рубином, златом испещряясь
И багряницею стелясь,
Струясь, собираясь в сизы тучи
И вдруг схолмясь в холм плавучий,
Застенивает солнца зрак;
Забыв свой долг и благодарность,
Его любезну светозарность
Сокрыв от всех,— наводит мрак.

Или не долго временщик
На светлой высоте бывает,
Но, вздувшись туком, исчезает
Скорей, чем сделался велик.
Под лучезнойной тяготою
Разорван молнии стрелою,
Обрушась, каплями падет,—
И уж его на небе нет!

Хотя ж он в чадах где своих,
Во мглах, в туманах возродится
И к выпренности вновь стремится,
Но редко достигает их:
Давленьем воздуха гнетомый
И влагой вниз своей влекомый,
На блаты, тундры опустясь,
Ложится в них,— и зрится грязь.

Не видим ли вельмож, царей
Живого здесь изображенья?
Одни — из праха, из презренья
Пренизких возводя людей
На степени первейших санов,
Творят богов в них, истуканов,
Им вверя власть и скипетр свой;
Не видя, их что ослепляют,
Любезной доброты лишают,
Темня своею чернотой.

Другие — счастья быв рабы,
Его рукою вознесенны,
Сияньем ложным украшенны,
Страстей не выдержав борьбы
И доблестей путь презря, правды,

Превесясь злом, как водопады
Падут стремглав на низ во мглах:
Быв идола — бывают прах.

Но добродетель красотой
Своею собственной сияет;
Пускай несчастье помрачает,
Светла она сама собой.
Как Антонины на престоле,
Так Эпиктиты и в неволе
Почтенны суть красой их душ.
Пускай чей злобой блеск затмится, —
Но днесь иль завтра прояснится
Бессмертной правды солнца луч.

О вы, имеющие богов
В руках всю власть и всю возможность,
В себе же смертного ничтожность,
Ввергающую бедствий в ров!
Цари! От вас ваш трон зависит
Унизить злом, добром возвысить;
Имейте вокруг себя людей,
Незлобьем, мудростью младенцев;
Но бойтесь счастья возведенцев,
Ползущих пестрых вокруг вас змей.

И вы, наперсники царей,
Друзья, цветущи их красою!
Их пишуци жизнь, смерть рукою
Поверх земель, поверх морей!
Познайте: с вашим всем собором
Вы с тем равны лишь метеором,
Который блещет от зари;
А сами по себе — пары.

И ты, кто потерял красу
Наружну мрачной клеветою!
Зри мудрой, твердою душою:
Подобен мир сей колесу.
Се спица вниз и вверх вратится,
Се капля мглой иль тучей зрится.
Так что ж снедаешься тоской?
В кругу творений обращаясь,
Той вниз, другою вверх вздымаясь, —
Умей и в прахе быть златой.

ЕВГЕНИЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, сирен под власть
И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен — дней в останке.

Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;
Мой утренюет дух правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши в ней,
Чтоб черная змия мне сердце угрызала,
О! коль доволен я, оставил что людей
И честолюбия избег от жала!

Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как вьют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом, луги.

Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,
Рев крав, гром жолн и коней ржанье.

На кровле ж зазвенит как ласточка, и пар
Повеет с дома мне манжурской иль левантской,
Иду за круглый стол: и тут-то раздобар
О снах, молве градской, крестьянской;

О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамках по стенам златых блистают лица.
Для воспоминанья их деяний, славных дней,
И для прикрас моей светлицы,

В которой поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в Вестнике, в газетах иль журналах,
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах!

В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфеток, скатертей,
Ковров, и кружев, и вязани.

Где с скотен, пчельников, и с птичников, прудов
То в масле, то в сотах зрю злато под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами.

В которой, обозрев больных в больнице, врач
Приходит доносить о их вреде, здоровье,
Проя на пищу им: тем с поливкой калач,
А тем лекарствица, в подспорье.

Где также иногда по биркам, по костям
Усастый староста иль скопидом брюхатый
Дает отчет казне, и хлебу, и вещам,
С улыбкой часто плутоватой.

И где, случается, художники млады
Работы кажут их на древе, на холстине
И получают в дар подачи за труды,
А в час и денег по полтине.

И где до ужина, чтобы прогнать как сон,
В задоре иногда в игры зело горячи
Играем в карты мы, в ерошки, в фараон,
По грошу в долг и без отдачи.

Оттуда прихожу в святилище я муз
И с Флакком, Пиндаром, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим иль к небу возношусь
Иль славлю сельску жизнь на лире;

Иль в зеркало времен, качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе и драки человеков.

«Всё суета сует! — я, воздыхая, мню;
Но, бросив взор на блеск светила полудневна: —
О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бремению?
Творцом содержится вселенна.

Да будет на земле и в небесах его
Единого во всем вседействующа воля!
Он видит глубину всю сердца моего,
И строится моя им доля».

Дворовых, между тем, крестьянских рой детей
Сбирается ко мне не для какой науки,
А взять по несколько баранок, кренделей,
Чтобы во мне не зрели буки.

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать, — хоть мыслей нет больших,
Блестят и жучки в епанечках.

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опрятно все и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здравый.

Когда же мы донских и крымских кубки вин,
И липца, воронка и чернопенна пива
Запустим несколько в румяный лоб хмелин, —
Беседа за сладьми шутива.

Но молча вдруг встаем — бьет, искрами горя,
Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен:
За здравье с громом пьем любезного царя,
Цариц, царевичей, царевен.

Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль из лука стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток
И тешусь разными играми.

Иль из кристальных вод, купален, между древ,
От солнца, от людей под скромным осененьем,
Там внемлю юношей, а здесь плесканье дев,
С душевным неким восхищеньем.

Иль в стекла оптики картинные места
Смотрю моих усадеб; на свитках грады, царства,
Моря, леса, — лежит вся мира красота
В глазах, искусств через коварства.

Иль в мрачном фонаре любуюсь, звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Так солнца в воздухе, я мню, текут, горя
Премудрости ко прославленью.

Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет
И, движа машину, древа на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет,
Клокоча, огонь, толчет и мелет.

Иль любопытны, как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу, льются
В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретен
Мариной рукой прядутся.

Иль как на лен, на шелк цвет, пестрота и лоск,
Все прелести, красы берутся с поль царицы;
Сталь жесткая, глядим, как мягкий, алый воск,
Куется в бердыши милицы.

И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремленьем в строй во рыцарском
убранстве,
«За веру, за царя мы, — говорят, — померем,
Чем у французов быть в поддданстве».

Иль в лодке вдоль реки, по берегу пеш, верхом
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу удами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей.

Иль стоя внемлем шум зеленых, черных волн,
Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами,
Серпами злато нив,— и, ароматов полн,
Порхает ветер меж нимф рядами.

Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По кóпнам, по снопам, коврам желто-зеленым
И сходит солнышко на нижнюю степень
К холмам и рощам сине-темным.

Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень:
На бреге Волхова разводим огонь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

Забавно! в тьме челнов с сетью как рыбаки,
Ленивым строем плыв, страшат тварь влаги стуком;
Как парусы суда и лямкой бурлаки
Влекут одним под песнью духом.

Прекрасно! тихие, отлогие берега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, луга,
Стоят над током струй безмолвны.

Приятно! как вдали сверкает луч с косы
И эхо за лесом под мглой гамит народа,
Жнецов поющих, жниц полк идет с полосы,
Когда мы едем из похода.

Стекл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет шумит лучей дождем,
Звучит музыка духовая.

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками.

Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутри дома тешимся столиц увеселеньем;
Велим талантами родных своих детѣм
Блистать: музыкой, пляской, пеньем.

Амурчиков, харит плетень иль хоровод,
Заняв у Талли игру и Терпсихоры,
Цветочные венки пастух пастушке вьет, —
А мы на них и пялим взоры.

Там с арфы звучныя порывный в дѹши гром,
Здесь *тихогрома* с струн смягченны, плавны тоны
Бегут, — и в естестве согласия во всем
Дают нам чувствовать законы.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гусях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношусь в мечтах умильных, —

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетающи суть все времени мечтанья:
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум
И всех зефиров повеванья.

Ах! где ж, ищу я вкруг, минувший красный день?
Победы слава где, лучи Екатерины?
Где Павловы дела? — Сокрылось солнце, — тень!..
Кто вѣсть и впредь полет орлиный?

Вид лета красного нам Александров век;
Он сердцем нежных лир удобен двигать струны;
Блаженствовал под ним в спокойстве человек,
Но мечет днесь и он перуны.

Умолкнули ли они? — Сие лишь знает тот,
Который к оному концу все правит сферы;
Он перстом их своим как строй какой ведет,
Ко благу общему склоняя меры.

Он корни помыслов, он зрит полет всех мечт
И поглумляется безумству человеков:
Тех освещает мрак, тех помрачает свет
И днешних, и грядущих веков.

Грудь россов утвердил, как стену, он в отпор
Темиру новому под Пультуском, Прейсш-Лау;
Младых вождей расцвел победами там взор
И скрыл орла седого славу.

Так самых светлых звезд блеск меркнет от ночей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прах спашнет моих костей
Сатурн крылами с тленна мира.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не вспомняется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд
И разве дым сверкнет с землянки.

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, взойдешь на холм тот страшный,
Который тощих недр и сводов внутрь своих
Вождя, волхва гроб кроет мрачный,

От коего, как гром катается над ним,
С булатных ржавых врат и сбруи медной гулы
Так слышны под землей, как грохотом глухим,
В лесах трясась, звучат стрел тулы.

Так, разве ты, отец! святым твоим жезлом
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вокруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь — бледну зависть — в бездны;

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на понижение счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Чрез Клии воскресишь согласи.

Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзвуки
От лиры моя шумящею рекой
Неслись чрез холмы, доли, нивы.

Ты слышал их,— и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ Севера столицы,
Шепнешь в слух страннику, в дали как тихий гром:
«Здесь Бога жил певец, Фелицы».

ЛЕБЕДЬ

Необычайным я пареньем
От тленна мира отделись,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.

В двояком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;
Над завистью превознесенный,
Оставляю под собой блеск царств.

Да, так! Хоть родом я не славен,
Но, будучи любимец муз,
Другим вельможам я не равен
И самой смертью предпочтусь.

Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах
Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.

И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебяжьей лоснюсь белизной.

Лечу, парю — и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он выситя главою,
Чтобы услышать богу песнь.

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод
Народы, света с полукруга,
Составившие россос род,

Со временем о мне узнают:
Славяне, гунны, скифы, чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом — и рекут:

«Вот тот летит, что, строя лиру,
Языком сердца говорил
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».

Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! Хор муз, не пой!
Супруга! облекись терпеньем!
Над мнимым мертвецом не вой.

1804

НА РОЖДЕНИЕ В СЕВЕРЕ ПОРФИРОРОДНОГО ОТРОКА

С белыми Борей власами
И с седой бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой;
Сыпал инеи пушисты
И метели воздымал,
Налагая цепи льдисты,
Быстры воды оковал.
Вся природа содрогала
От лихого старика;
Землю в камень претворяла
Хладная его рука;
Убегали звери в норы,
Рыбы крылись в глубинах,
Петь не смели птичек хоры,
Пчелы прятались в дуплах;
Засыпали нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,
Согревать сатиры руки
Собирались вокруг огней.
В это время столь холодно,
Как Борей был разъярен,
Отроча порфирородно
В царстве Северном рожден.
Родился — и в ту минуту
Перестал реветь Борей;
Ондохнул — и зиму люту
Удалил Зефир с полей;
Он воззрел — и солнце красно
Обратилось к весне;
Он вскричал — и лир согласно
Звук разнесся в сей стране;
Он простер лишь детски руки —
Уж порфиру в руки брал;

Раздались громовы звуки,
И весь Север воссиял.
Я увидел в восхищеньи
Растворен судеб чертог;
И подумал в изумленье:
«Знать, родился некий бог».
Гении к нему слетели
В светлом облаке с небес;
Каждый гений к колыбели
Дар рожденному принес:
Тот принес ему гром в руки
Для предбудущих побед;
Тот художества, науки,
Украшающие свет;
Тот обилие, богатство,
Тот сияние порфир;
Тот утех и приятство,
Тот спокойствие и мир;
Тот принес ему телесну,
Тот душевну красоту;
Прозорливость тот небесну,
Разум, духа высоту.
Словом: все ему блаженства
И таланты подаря,
Все влияли совершенства,
Составляючи царя;
Но последний, добродетель
Зарождаючи в нем, рек:
«Будь страстей твоих владетель,
Будь на троне человек!»
Все крылами всплескали,
Каждый гений восклицал:
«Се божественный, — вещали, —
Дар младенцу он избрал!
Дар, добротам всем венец!
Кто приемлет с ним порфиру,
Будет подданным отец!» —
«Будет, — и Судьбы гласили, —
Он монархам образец!»
Лес и горы повторили:
«Утешением сердец!» —
Сим Россия восхищенна
Токи слезны пролила,
На колени преклоненна,
В руки отрока взяла;

Восприяв его, лобзает
В перси, очи и уста;
В нем геройство возрастает,
Возрастает красота.
Все его уж любят страстно,
Всех сердца уж он возжѣг.
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, наш полубог!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителям во всем;
С их ты матерью равняясь,
Соравняйся с божеством.

1779

ХАРИТЫ

По следам Анакреона
Я хотел воспеть харит —
Феб во гневе с Геликона
Мне предстал и говорит:
«Как! и ты уже небесных
Дев желаешь воспевать? —
Столько прелестей бессмертных
Хочет смертный описать!
Но бывал ли на высоком
Ты Олимпе у богов?
Обнимал ли бренным оком
Ты веселье их пиров?
Видел ли харит пред ними,
Как, под звук приятных лир,
Плясками они своими
Восхищают горний мир;
Как с протяжным тихим тоном
Важно павами плывут;
Как с веселым быстрым звоном
Голубками воздух вьют;
Как вокруг они спокойно
Величавый мещут взгляд;
Как их всех движеньи стройно
Взору, сердцу говорят?
Как хитоны их эфирны,
Льну подобные власы,
Очи светлые, сафирны

Помрачают всех красы?
Как богини всем собором
Признают: им равных нет,
И Минерва важным взором
Улыбается им вслед?
Словом: видел ли картины,
Непостижные уму?» —
«Видел внук Екатерины», —
Я отвечивал ему.
Бог Парнаса усмехнулся,
Дав мне лиру, отлетел. —
Я струнам ее коснулся
И младых харит воспел.

1795

К МУЗЕ

Строй, Муза, арфу золотую
И юную весну воспой:
Как нежною она рукой
На небо, море — голубую,
На доли и вершины гор —
Зелену ризу надевает,
Вкруг ароматы разливает,
Всем осклабляет взор.

Смотри: как цепью птиц станицы
Летят под небом и трубят;
Как жаворонки вверх парят;
Как гусли тихи иль цевницы,
Звенят их гласы с облаков;
Как ключ шумит, свирель зовет
И между всех их пробегает,
Свист громкий соловьев.

Смотри: в проталинах желтеют,
Как звезды, меж снегов цветы;
Как, распутившись, роз кусты
Смеются в люльках и алеют;
Сквозь мглу восходит злак челом,
Леса ветвями помахают,
По рдню вод стеклу мелькают
Вверх рыбы серебром.

Смотри: как солнце золотое
Днесь лучезарнее горит;
Небесное лицо глядит
На всех, веселое, младое;
И будто вся играет тварь,
Природа блещет, восклицает:
Или какой себя венчает
Короной мира царь?

1797

ПРИШЕСТВИЕ ФЕБА

Тише, тише, ветры, вейте,
Благовонием дыша;
Пурпуровым златом рдейте,
Воды, доли; и душа,
Спящая в лесах зеленых,
Гласов, эхов сокровенных,
Пробудится светлым днем:
Встань ты выше, выше, холм!

В лучезарной колеснице
От востока Феб идет,
Вниз с рамен по багрянице
В кудрях золото течет;
А от лиры сладкострунной
Божий тихий глас перунный
Так реками в дол падет,
Как с небес лазурных свет.

Утренней зари прекрасной,
Дней веселых светлый царь!
Ты, который дланью властной
Сыплешь свет и жизнь на тварь,
Правя легкими вожжами,
Искрометными конями
Обтекаешь мир кругом, —
Стань пред нас своим лицом!

Воссияй в твоей короне,
Дав луне и лику звезд,
На твоём отдельном троне,
Твой лучистый, милый свет!
Стань скорей пред жадны взоры,

Да поют и наши хоры
Радостных отца сынов
Славу, счастье и любовь!

1797

РАЗВАЛИНЫ

Вот здесь, на острове, Киприды
Великолепный храм стоял:
Столпы, подзоры, пирамиды
И купол золотом сиял.
Вот здесь, дубами осененна,
Резная дверь в него была,
Зеленым свесом покровенна,
Вовнутрь святилища вела.
Вот здесь хранились кумиры,
Дымились жертвой алтари,
Сбирались на молитву миры
И били ей челом цари.
Вот тут была уединенной
Поутру каждый день с зарей,
Писала, как владеть вселенной
И как сердца пленить людей.
Тут поставлялася трапéза,
Круг юных дев и сонм жрецов;
Богатство разливалось Креза,
Сребро и золото средь столов.
Тут арфы звучные гремели
И повторял их хор певцов;
Особо тут сирены пели
И гласов сладостью, стихов
Сердца и ум обворожали.
Тут нéктар из сосудов бил,
Курильницы благоухали,
Зной летний проведал зефир;
А тут крылатые служили
Полки прекрасных метких слуг
И от богининой носили
Руки амброзию вокруг.
Она, тут сидя, обращалась
И всех к себе влекла сердца;
Восставши, тихо поклонялась,
Блистая щедростью лица.

Здесь в полдень уходила в гроты,
Покоилась прохлад в тени;
А тут амурь и эроты
Уединялись с ней одни;
Тут был Эдем ее прелестный
Наполнен меж купин цветов,
Здесь тек под синий свод небесный
В купальню скрытый шум ручьев;
Здесь был театр, а тут качели,
Тут азиатских домик нег;
Тут на Парнасе музы пели,
Тут звери жили для утех.
Здесь в разны игры забавлялась,
А тут прекрасных нимф с полком
Под вечер красный собиралась
В прогулку с легким посошком;
Ходила по лугам, долинам,
По мягкой мураве близ вод,
По желтым среди роз тропинам;
А тут, затея хоровод,
Велела нимфам, купидонам
Играть, плясать между собой
По слышимым приятным тонам
Вдали музыки роговой.
Они, кружась, резвясь, летали,
Шумели, говорили вздор;
В зеркале вод себя казали,
Всем тешили богинин взор.
А тут, оставя хороводы,
Верхом скакали на коньках;
Иль в лодках, рассекая воды,
В жемчужных плавали струях.
Киприда тут средь мирт сидела,
Смеялась, глядя на детей,
На восклицающих смотрела
Поднявших крылья лебедей;
Иль на станицу сребробоких
Ей милых сизых голубков;
Или на пестрых, краснооких
Ходящих рыб среди прудов;
Иль на собачек, ей любимых,
Хвосты несущих вверх кольцом,
Друг другом с лаяньем гонимых,
Мелькающих между леском.
А здесь, исполнясь важна вида,

На памятник своих побед
Она смотрела: на Алкида,
Как гидру палицей он бьет;
Как прочие ее герои,
По манию ее очес,
В ужасные вступали бои
И тьмы поделали чудес:
Пристúпом грады тверды брали,
Сжигали флоты средь морей,
Престолы, царства покоряли
И в плен водили к ней царей.
Здесь в внутренни она чертоги
По лестнице отлогой шла,
Куда гостить ходили боги
И где она всегда стрегла
Тот пояс, в небе ей истканый,
На коем меж харит с ней жил
Тот хитрый гений, изваянный,
Который счастье ей дарил,
Во всех ее делах успехи,
Трофеи мира и войны,
Здоровье, радости и смехи
И легкие приятны сны.
В сем тереме, Олимпу равном,
Из яшм прозрачных, перлов гнёзд,
Художеством различным славном,
Горели ночью тучи звезд,
Красу богини умножали;
И так средь сих блаженных мест
Ее как солнце представляли.

Но здесь ее уж ныне нет,
Померк красот волшебных свет,
Все тьмой покрылось, заустело;
Все в прах упало, помертвело;
От ужаса вся стынет кровь, —
Лишь плачет сирая любовь.

1797

К АНЖЕЛИКЕ КАУФМАН

Живописица преславна,
Кауфман! подруга муз!
Если в кисть твою влиянна

Свыше живость, чувство, вкус,
И, списав данаев древних
Нам богинь и красных жен,
Пережить в твоих бесценных
Ты могла картинах тлен, —
Напиши мою Милену
Белокурую лицом,
Стройну станом, возвышенну,
С гордым несколько челом;
Чтоб похожа на Минерву
С голубых была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги в душе у ней;
Чтоб, на всех взирая хладно,
Полюбила лишь меня;
Чтобы сердце безотрадно
В гроб с Пленирой схороня,
Я нашел бы в ней обратно
И, пленясь ее красой,
Оживился бы стократно
Молодой моей душой.

1795

К ЛИРЕ

Петь Румянцова сбирался,
Петь Суворова хотел;
Гром от лиры раздавался,
И со струн огонь летел;
Но завистливой судьбою
Задунайский кончил век,
А Рымникский скрылся тьмою,
Как неславный человек.
Что ж? Приятна ли им будет,
Лира! днесь твоя хвала?
Мир без нас не позабудет
Их бессмертные дела.
Так не надо звучных строев,
Переладим струны вновь;
Петь откажемся героев,
А начнем мы петь любовь.

1797

К САМОМУ СЕБЕ

Что́ мне, что́ мне суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если мир за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другие работа́ют,
Много мудрых есть господ:
И себя не забывают,
И царям сулят доход.
Но я тем коль бесполезен,
Что горяч и в правде чѣрт, —
Музам, женщинам любезен
Может пылкий быть Эрот.
Стану ныне с ним водиться,
Сладко есть, и пить, и спать;
Лучше, лучше мне лениться,
Чем злодеев наживать.
Полно быть в делах горячим,
Буду лишь у правды гость;
Тонким сделаюсь подьячим,
Растворю пошире горсть.
Утром раза три в неделю
С милой музой порезвлюсь;
Там опять пойду в постелю
И с женою обоймусь.

1798

ПОТОПЛЕНИЕ

Из-за облак месяц красный
Встал и смотрится в реке,
Сквозь туман и мрак ужасный
Путник едет в челноке.

Блеск луны пред ним сверкает,
Он гребет сквозь волн и тьму;
Мысль веселье воображает,
Берег видится ему.

Но челнок вдруг погрузился,
Путник мрачну пьет волну;
Сколь ни силился, ни бился,
Камнем вниз пошел ко дну.

Се вид жизни скоротечной!
Сколь надежда нам ни льсти,
Все потонем в бездне вечной,
Дружба и любовь, прости!

1796

КРЕЗОВ ЭРОТ

Я у Креза зрел Эрота:
Он, расплакавшись, сидел
Среди мраморного грота,
Окруженный лесом стрел.

Пуст колчан был, лук изломан,
Опущенна тетива,
Факел хладом околдован,
Чуть струилась синева.

Что, сказал я, так слезами
Льется сей крылатый бог?
Иль толикими стрелами
В сердце чье попасть не мог?

Иль его бессилен пламень?
Тщетен ток опасных слез?
Ах! Нашла коса на камень,
Знать, любить не может Крез.

1796

К ЭВТЕРПЕ

Пой, Эвтерпа дорогая!
В струны арфы ударяй,
Ты, поколь весна младая,
Пой, пляши и восклицай.
Ласточкой порхает радость,
Кратко соловей поет:
Красота, приятность, младость —
Не увидишь, как пройдет.

Бранным шлемом покровенный
Марс своей пусть жертвы ждет;
Рано ль, поздно ль, побежденный
Голиаф пред ним падет;
Вскинет тусклый и багровый
С скрежетом к нему свой взгляд
И венец ему лавровый
Хоть не хочет, да отдаст.

Пусть придворный суетится
За фортуною своей,
Если быть ему случится
И наперсником у ней,
Рано ль, поздно ль, он наскучит
Кубариться кубарем;
Нас фортуна часто учит
Горем быть богатырем.

Время все переменяет:
Птиц умолк весенних свист,
Лето знойно пробегает,
Трав зеленых вянет лист;
Идет осень златовласа,
Спелые несет плоды;
Красно-желта ее ряса
Превратится скоро в льды.

Марс устанет — и любимец
Счастья возьмет свой покой;
У твоих ворот и крылец
Царедворец и герой
Брякнут в кольца золотые:
Ты с согласия отца
Бросишь взоры голубые
И зажжешь у них сердца.

С сыном неги Марс заспорит
О любви твоей к себе,
Сына неги он поборет
И понравится тебе;
Качества твои любезны
Всей душою полюбя,
Опершись на щит железный,
Он воздремлет близ тебя.

Пой, Эвтерпа молодая!
Прелестью своей плени;
Бога браней усыпляя,
Гром из рук его возьми.
Лавром голова нагбенна
К персям склонится твоим,
И должна тебе вселенна
Будет веком золотым.

1789

ПЧЕЛКА

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Всё вокруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
В желтых власах,
Розы ль огнисты
В алых устах,
Сахар ли белый
Грудь у нее?

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
«К меду прилипнув,
С ним и умру».

1794

ГЕРКУЛЕС

Геркулес пришел Данаю
Мимоходом навестить.
«Я, — сказал, — тобой пылаю»
(Он хотел с ней пошутить).
С важным взором и умильным,
Пламени в лице полна,

Вздумала с героем сильным
Также пошутить она.
Начала с ним разговоры,
Речь за речь и он повел;
Как-то встретились их взоры,
Нечувствительно он сел;
И меж тем как занялися
Так они шутя собой,
Где откуда ни взялися
Мальчиков крылатых строй;
Вкруг летали, шурмовали,
Над главами их паря,
И, подкравшись тихо, крали
Всё вокруг богатыря:
Тот унес, кряхтя, дубину,
Тот сайдак, тот страшный меч;
Стеребили кожу львиную
Те с его могущих плеч.
Не могла не улыбнуться
Красота, как шлем сняла:
Не успел он оглянуться —
В шлеме страсть гнездо свила.

1798

КУПИДОН

Под Медведицей небесной,
Средь ночныя темноты,
Как на мир сей сон всеместный
Сыпал маковы цветы;
Как спокойно все уж спали
Отягченные трудом,
Слышу, в двери застучали
Кто-то громко вдруг кольцом.
«Кто, — спросил я, — в дверь стучится
И тревожит сладкий сон?»
«Отвори: чего страшиться? —
Отвечал мне Купидон. —
Я ребенок, как-то сбился
В ночь безлунную с пути,
Весь дождем я замочился,
Не найду, куда идти».
Жаль его мне очень стало,
Встал и высек я огня;

Отворил лишь двери мало —
Прыг дитя перед меня.
В туле лук на нем и стрелы;
Я к огню с ним поспешил,
Тер руками руки мерзлы,
Кудри влажные сушил.
Он успел лишь обогреться,
«Ну, посмотрим-ка, — сказал, —
Хорошо ли лук мой гнется?
Не испорчен ли чем стал?»
Молвил, и стрелу мгновенно
Острую в меня пустил,
Ранил сердце мне смертельно.
И, смеясь, говорил:
«Не тужи, мой лук годится,
Тетива еще цела».
С тех пор начал я крушиться,
Как любви во мне стрела.

1797

СОЛОВЕЙ ВО СНЕ

Я на холме спал высоким,
Слышал глас твой, соловей,
Даже в самом сне глубоком
Внятен был душе моей:
То звучал, то отдавался,
То стонал, то усмехался
В слухе издалече он;
И в объятиях Калисты
Песни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкий сон.

Если по моей кончине,
В скучном, бесконечном сне,
Ах! не будут так, как ныне,
Эти песни слышны мне,
И веселья, и забавы,
Плясок, ликов, звуков славы
Не услышу больше я, —
Стану ж жизнью наслаждаться,
Чаще с милой целоваться,
Слушать песни соловья.

1797

РОЖДЕНИЕ КРАСОТЫ

Сотворя Зевес вселенну,
Звал богов всех на обед.
Вкруг нектара чашу пенну
Разносил им Ганимед;
Мед, амброзия блистала
В их устах, по лицам огонь,
Благовоний мгла летала,
И Олимп был света полн;
Раздавались песен хоры,
И звучал весельем пир;
Но незапно как-то взоры
Опустил Зевес на мир
И, увидя царствы, грады,
Что погибли от боев,
Что богини мещут взгляды
На беднейших пастухов,
Распалился столько гневом,
Что, курчавой головой
Покачав, шатнул всем небом,
Адом, морем и землей.
Вмиг сокрылся блеск лазури:
Тьма с бровей, огонь с очес,
Вихорь с риз его, и буря
Восшумела от небес;
Разразились всюду громы,
Мрак во пламени горел,
Яры волны — будто холмы,
Понт стремился и ревел;
В растворенны бездн утробы
Тартар искры извергал;
В тучи Феб, как в черны гробы,
Погруженный трепетал;
И средь страшной сей тревоги
Коль еще бы грянул гром, —
Мир, Олимп, богов чертоги
Повернулись бы вверх дном.
Но Зевес вдруг умилился:
Стало, знать, красавиц жаль;
А как с ними не смирился,
Новую тотчас создал.
Ввил в власы пески златые,
Пламя — в щеки и уста,
Небо — в очи голубые,

Пену — в грудь, — и Красота
Вмиг из волн морских родилась.
А взглянула лишь она,
Тотчас буря укротилась
И настала тишина.
Сизы юные дельфины,
Облелея табуном,
На свои ее взяв спины,
Мчали по пучине волн.
Белы голуби станицей,
Где откуда ни взялись,
Под жемчужной колесницей
С ней на воздух поднялись;
И, летя под облаками,
Вознесли на звездный холм:
Зевс объял ее лучами
С улыбнувшимся лицом.
Боги молча удивлялись,
На Красу разинув рот,
И согласно в том признались:
Мир и брани — от красот.

1797

ДАР

«Вот, — сказал мне Аполлон, —
Я даю тебе ту лиру,
Коей нежный, звучный тон
Может быть приятен миру.

Пой вельможей и царей,
Коль захочешь быть им нравен;
Лирою чрез них ты сей
Можешь быть богат и славен.

Если ж пышность, сан, богатство
Не по склонностям твоим,
Пой любовь, покой, приятство:
Будешь красотой любим».

Взял я лиру и запел, —
Струны правду зазвучали.
Кто внимать мне захотел?
Лишь красавицы внимали.

Я доволен, света бог!
Даром сим твоим небесным.
Я богатым быть не мог,
Но я мил женам прелестным.

1797

ЖЕЛАНИЕ

К богам земным сближаться
Ничуть я не ищу,
И больше возвышаться
Никак я не хочу.

Души моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

1797

ГОСТЮ

Сядь, милый гость! здесь на пуховом
Диване мягком, отдохни;
В сем тонком пологу перловом
И в зеркалах вокруг, усни;
Вздремли, после стола немножко
Приятно часик похрапеть;
Златой кузнечик, сера мошка
Сюда не могут залететь.

Случится, что из снов прелестных
Приснится здесь тебе какой;
Хоть клад из облаков небесных
Златой посыплется рекой,
Хоть девушки мои домашни
Рукой тебе махнут, — я рад:
Любовные приятны шашни,
И поцелуй в сей жизни — клад.

Ок. 1795

ДРУГУ

Пойдем сегодня благовонный
Мы черпать воздух, друг мой! в сад,
Где вяза светлы, сосны темны
Густыми купами стоят,
Который с милыми друзьями,
С подругами сердец своих
Сажали мы, растили сами;
Уж ныне тень приятна в них.

Пусть Даша статна, черноока
И круглолицая, своим
Взмахнув челом, там у потока,
А белокурая живым
Нам Лиза, как зефир, порханьем
Пропляшут вместе казачка
И нектар с пламенным сверканьем
Их розова подаст рука.

Мы, сидя там в тени древесной,
За здоровье выпьем всех людей;
Сперва за женский пол прелестной,
За искренних своих друзей;
Потом за тех, кто нам злодеи:
С одними нам приятно быть;
Другие же, как скрыты змеи,
Нас учат осторожно жить.

1796

БОГАТСТВО

Когда бы было нам богатством
Возможно кратку жизнь продлить,
Не ставя ничего препятством,
Я стал бы золото копить.
Копил бы для того я злато,
Чтобы, как придет смерть сражать,
Тряхнуть карманом торогато
И жизнь у ней на откуп взять.
Но ежели нельзя казною
Купить минуты ни одной,
Почто же злата нам алчбою

Так много наш смущать покой?
Не лучше ль в пиршествах приятных
С друзьями время проводить;
На ложах мягких, ароматных
Младым красавицам служить?

1798

МЕЛЬНИК

Вечор мне красные девицы
Мешок пшеницы принесли:
«Вить расклюют же даром птицы,
Возьми, старинушка, смели».
Бела пшеница и румяна,
И так полна была зерном,
Что вмиг пришла охота рьяна:
Я ну молотъ всем животом.
Молол я пристально, трудился,
Ночь целую провел без сна.
Но что ж? Как ни потел, ни бился,
Не расколол я ни зерна.
Смеясь, мне девушки в назолу
Пеняли: что ж не мелешь, дед?
«А вы, — сказал я, — для помолу
Пришли, как жернов не берет».

1799

СТРЕЛОК

Я охотник был измлада
За дичиною гулять:
Меду сладкого не надо,
Лишь бы в поле пострелять.

На лету я птиц пернатых
Где завидел, тут стрелял;
В нехохлатых и хохлатых
Лишь прицелил — попадал.

Но вечор вдруг повстречалась
Лебедь белая со мной,
Вмиг крылами размахалась
И пошла ко мне на бой.

Хвать в колчан, ан стрел уж нету,
Лук опущен; стал я в пень.
Ах! беречь было монету
Белую на черный день.

1799

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зрел ли ты, певец Тиисский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчугами драгими
Грудь нежные дышат?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколиный взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

1799

АРФА

Не в летний ль знойный день прохладный ветерок
В легчайшем сне на грудь мою приятно дует?
Не в злаке ли журчит хрустальный ручеек?
Иль милая в тени древес меня целует?

Нет! арфу слышу я: ее волшебный звук,
На розах дремлющий, согласьем тихострунным,
Как эхо, мне вдали щекочет нежно слух
Иль шумом будит вдруг вблизи меня перунным.

Так ты, подруга муз! лиешь мне твой восторг
Под быстрою рукой играющей хариты,
Когда ее чело венчает вкуса бог
И улыбаются любовию ланиты.

Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про родину, отечество драгое,
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!

О колыбель моих первоначальных дней!
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освещусь опять твоей зарей
И твой по-прежнему всегдашний буду житель?

Когда наследственны стада я буду зреть,
Вас, дубы камские, от времени почтенны!
По Волге между сел на парусах лететь
И гробы обнимать родителей священные?

Звучи, о арфа! ты всё о Казани мне!
Звучи, как Павел в ней явился благодатен!
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.

1798

НА РАЗЛУКУ

Не раздаются больше звуки
Уже в диване мне тобой;
Бегу всяк час, бегу от скуки,
А скука следует за мной.
Когда ж назад ты возвратишься,
Весельем мой наполнишь дом?
Иль с арфою навек простишься,
С Мурзой, Милордом и котом?
Пожалуй, возвратись скорее,

Приятны возврати часы,
И Дашу сделай веселее;
И почеши Мурзе усы.

1801

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА

Возьми, египтянка, гитару,
Ударь по струнам, восклицай;
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всех пляской восхищай.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Неистово, роскошно чувство,
Нерв трепет, мление любви,
Волшебное зараз искусство
Вакханок древних оживи.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Как ночь — с ланит сверкай зарями,
Как вихорь — прах плащом сметай,
Как птица — подлётай крылами
И в длани с визгом ударяй.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Под лесом нощию сосновым,
При блеске бледная луны,
Топоча по доскам гробовым,
Буди сон мертвой тишины.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Да вопль твой эоа! ужасный,
Вдали мешаясь с воем псов,
Льет повсюду гулы страшны,
А сластолюбью — любовь.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Нет, стой, прелестница! довольно,
Муз скромных больше не страши;

Но плавно; важно, благородно,
Как русска дева, пропляши.
Жги души, огонь бросай в сердца
И в нежного певца.

1805

ЦЕПИ

Не сетуй, милая, со груди что твоей
Сронила невзначай ты цепи дорогие:
Милее вольности нет в свете для людей;
Оковы тягостны, хотя они золотые.

Так наслаждайся ж здесь ты вольностью святой,
Свободною живя, как ветерок в полянке;
По рощам пролетай, кропись вод струей,
И, чем в Петрополе, будь счастливей на Званке.

А если и тебе под бремя чьих оков
Подвергнуться велит когда-либо природа,—
Смотри, чтоб их плела любовь лишь из цветов;
Приятней этот плен, чем самая свобода.

1798

ПРИЗЫВАНИЕ И ЯВЛЕНИЕ ПЛЕНИРЫ

Приди ко мне, Пленира,
В блистании луны,
В дыхании зефира,
Во мраке тишины!
Приди в подобьи тени,
В мечте иль легком сне
И, седши на колени,
Прижмися к сердцу мне;
Движения исчисли,
Вздыхания измерь
И все мои ты мысли
Проникни и поверь,—
Хоть острый серп судьбины
Моих не косит дней,

Но нет уж половины
Во мне души моей.
Я вижу, ты в тумане
Течешь ко мне рекой,
Пленира! на диване
Простерлась надо мной,
И легким осязаньем
Уст сладостных твоих,
Как ветерок дыханьем,
В объятиях своих
Меня ты утешаешь
И шепчешь нежно в слух:
«Почто так сокрушаешь
Себя, мой милый друг?
Нельзя смягчить судьбину,
Ты сколько слез ни лей;
Милой половиною
Займи души твоей».

1794

ТОНЧИЮ

Бессмертный Тончи! ты мое
Лицо в том, слышу, пинешь виде,
В каком бы мастерство твое
В Омире древнем, Аристиде,
Сократе и Катоне ввек
Потомков поздних удивляло;
В седирах лысиной сияло,
И в нем бы зрелся человек.

Но лысина или парик,
Но тога иль мундир кургузый
Соделали, что ты велик?
Нет! философия и музы —
Они нас славными творят.
О! если б осенял дух правый
И освещал меня луч славы, —
Пристал бы всякий мне наряд.

Так, живописец-философ!
Пиши меня в уборах чудных,
Как знаешь ты; но лишь любовь

Увековечь ко мне премудрых
А если слабости самим
И величайшим людям сродны.
Не позабудь во мне подобны,
Чтоб зависть улыбалась им.

Иль нет, ты лучше напиши
Меня в натуре самой грубой:
В жестокий мраз с огнем души,
В косматой шапке, скутав шубой;
Чтоб шел, природой лишь водим,
Против погод, волн, гор кремнистых,
В знак, что рожден в странах я льдистых,
Что был прапращур мой Баграм.

Не испугай жены, друзей,
Придай мне нежности немного:
Чтоб был я ласков для детей,
Лишь в должности б судил всех строго;
Чтоб жар кипел в моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мне вздыхали
Хоть в платонической любви.

1801

ПИКНИКИ

Оставя беспокойство в граде
И всё, смущает что умы,
В простой приятельской прохладе
Свое проводим время мы.

Невинны красоты природы
По холмам, рощам, островам,
Кустарники, луга и воды —
Приятная забава нам.

Мы положили меж друзьями
Законы равенства хранить;
Богатством, властью и чинами
Себя отнюдь не возносить.

Но если весел кто, забавен,
Любезнее других тот нам;
А если скромн, благонравен,
Мы чтим того не по чинам.

Нас не касаются раздоры,
Обидам места не даем;
Но, души всех, сердца и взоры
Совокупя, веселье пьем.

У нас не стыдно и герою
Повиноваться красотам;
Всегда одной дышать войною
Прилично варварам, не нам.

У нас лишь для того собранье,
Чтоб в жизни сладость почерпнуть;
Любви и дружества желанье —
Между собой цветы срывать.

Кто ищет общества, соглася,
Приди повеселись у нас;
И то для человека счастье,
Когда один приятен час.

1776

РАЗНЫЕ ВИНА

Вот красно-розово вино,
За здравье выпьем жен румяных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст багряных!
Ты тож румяна, хороша —
Так поцелуй меня, душа!

Вот черно-тинтово вино,
За здравье выпьем чернобровых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст пунцовых!
Ты тож, смуглянка, хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

Вот злато-кипрское вино,
За здравье выпьем светловласых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст прекрасных!
Ты тож, белая, хороша —
Так поцелуй меня, душа!

Вот слезы ангельски вино,
За здравье выпьем жен мы нежных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст любезных!
Ты тож нежна и хороша —
Так поцелуй меня, душа!

1782

ФИЛОСОФЫ ПЬЯНЫЙ И ТРЕЗВЫЙ

Пьяный

Сосед! на свете все пустое:
Богатство, слава и чины;
А если за добро прямое
Мечты быть могут почтены —
То здорово и покойно жить,
С друзьями время проводить,
Красот любить, любимым быть
И с ними сладко есть и пить.

Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

Сосед! на свете не пустое
Богатство, слава и чины;
Блаженство сыщем в них прямое,
Когда мы будем лишь умны,
Привыкнем прямо честь любить,
Умеренно, в довольстве жить,
По самой нужде есть и пить, —
То можем все счастливы быть.

Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный

Гонялся я за звучной славой,
Встречал я смело ядры лбом;
Сей зверской упоен отравой,
Я был ужасным дураком.
Какая польза страшным быть,
Себя губить, других мертвить,
В убийстве время проводить?
Безумно на убой ходить.

Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

Гоняться на войне за славой
И с ядрами встречаться лбом
Велит тому рассудок здравой,
Кто лишь рожден не дураком:
Царю, отечеству служить,
Чад, жен, родителей хранить,
Себя от плена оборонить —
Священна должность храбрым быть!

Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный

Хотел я сделаться судьей,
Законы свято соблюдать —
Увидел, что кривят душою,
Где должно сильных осуждать.
Какая польза так судить?
Одних щадить, других казнить
И совестью своей шутить?
Смешно в тенета мух ловить.

Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Т р е з в ы й

Когда судьба тебе судьейю
В судах велела заседать —
Вертеться нүжды нет душою,
Когда не хочешь взятков брать.
Как можно так и сяк судить,
Законом правду тенетить
И подкупать себя пустить?
Судье злодеем страшно быть!

Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

1789

ХМЕЛЬ

Хмель как в голову залезет,
Все бегут заботы прочь;
Крез с богатствами исчезнет,
Пью! — и всем вам добра ночь.
Плющем лежа увенчанный,
Ни во что весь ставлю свет;
В бой идет пускай муж бранный,
У меня охоты нет.
Мальчик! чашу соком алым
Поспеши мне наливать;
Мне гораздо лучше пьяным,
Чем покойником, лежать.

1802

МОРЕХОДЕЦ

Что ветры мне и сине море?
Что гром, и шторм, и океан?
Где ужасы и где тут горе,

Когда в руках с вином стакан?
Спасет ли нас компас, руль, снасти?
Нет! сила в том, чтоб дух пылал.
Я пью! и не боюсь напасти,
Приди хотя девятый вал!
Приди, и волн зияй утроба!
Мне лучше пьяным утонуть,
Чем трезвым доживать до гроба
И с плачем плыть в толь дальний путь.

1802

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ

Что нужды мне до града?
В деревне я живу;
Мне лент и звезд не надо,
Вельможей не слышу;
О том лишь я стараюсь,
Чтоб счастливо прожить;
Со всеми обнимаюсь
И всех хочу любить.
Кто ведает, что будет?
Сегодня мой лишь день,
А завтра всяк забудет,
И все пройдет как тень.
Зачем же мне способну
Минуту потерять,
Печаль и скуку злобну
Пирушкой не прогнать?
Сокровищ мне не надо:
Богат, с женой коль лад;
Богат, коль Лель и Лада
Мне дружны, и Улад.
Богат, коль здрав, обилен,
Могу поесть, попить;
Подчас и не бессилен
С Миленой пошалить.

1802

ОХОТНИК

За охотой ты на Званку
Птиц приехал пострелять;
Но, белянку и смуглянку
Вдруг увидев, стал вздыхать.

Что такое это значит,
Миленький охотник мой?
Ты молчишь, а сердце плачет:
Птицы ль не убил какой?

Дев ли остренькие глазки
Понаделали хлопот?
С их ланит; из алой краски,
Зрел я, целился Эрот.

Как же быть? И чем лечиться?
Птичек ты багрил в крови —
И тебе пришлось томиться
От смертельных любви.

1802

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Хоть вся теперь природа дремлет,
Одна моя любовь не спит;
Твои движенья, вздохи внемлет
И только на тебя глядит.

Приметь мои ты разговоры,
Помысль о мне наедине;
Брось на меня приятны взоры
И нежностью ответствуй мне.

Единым отвечай воззреньем
И мысль свою мне сообщи:
Что с тем сравнится восхищеньем,
Как две сольются в нас души?

Представь в уме сие блаженство
И ускоряй его вкусить:
Любовь лишь с божеством равенство
Нам может в жизни подарить.

1770

ПЛАМИДЕ

Не сожигай меня, Пламида,
Ты тихим голубым огнем
Очей твоих; от их я вида
Не защищусь теперь ничем.

Хоть был бы я царем вселенной
Иль самым строгим мудрецом —
Приятностью, красой сраженный,
Твоим был узником, рабом.

Все: мудрость, скипетр и державу,
Я отдал бы любви в залог,
Принес тебе на жертву славу
И у твоих бы умер ног.

Но слышу, просишь ты, Пламида,
В задаток несколько рублей:
Гнушаюсь я торговли вида,
Погас огонь в душе моей.

1770; 1802

НИНЕ

Не лобызай меня так страстно,
Так часто, нежный, милый друг!
И не напештывай всечасно
Любовных ласк своих мне в слух;
Не падай мне на грудь в восторгах,
Обняв меня, не обмирай.

Нежнейшей страсти пламя скромно;
А ежели чрез меру жжет
И удовольствий чувство полно, —
Погаснет скоро и пройдет.
И, ах! тогда придет вмиг скука,
Остуда, отвращенье к нам.

Желаю ль целовать стократно,
Но ты целуй меня лишь раз,
И то пристойно, так, бесстрастно,

Без всяких сладостных зараз,
Как брат сестру свою целует:
То будет вечен наш союз.

1770

ТИШИНА

Не колыхнет Волхов темный,
Не шелохнет лес и холм,
Мещет на поля чуть бледный
Свет луна, и спит мой дом.

Как,— я мнил в уединеньи,—
В хижине быть славу мне?
Не живем, живя в забвенье:
Что в могиле, то во сне.

Нет! талант не увядает,
Вечного забвенья в тьме;
Из-под спуда он сияет:
Я блесну на вышине.

Так! пойду хотя в забаву
За певцом Тиисским вслед
И, снискать его чтоб славу,
Стану забавлять я свет.

Стану шуткою влюбляться,
На бумаге пить и пить,
К милым девушкам ласкаться
И в седирах молодеть.

Я пою,— Пинд стала Званка,
Совоспещут музы мне;
Возгремела балалайка,
И я славен в тишине!

1801

ГИТАРА

Шестиструнная гитара
У красавицы в руках,
Громы звучного Пиндара
Заглушая на устах,
Мне за гласом звонким, нежным
Петь велит любовь.

Я пою под миртой мирной,
На красы ее смотря,
Не завидуя обширной
Власти самого царя;
Взгляд один ее мне нежный
Всех милей чинов.

Пусть вожди в боях дерутся,
В думах баре брань ведут;
Алых уст ее коснуться —
Вся моя победа тут;
Поцелуй ее мне нежный
Выше всех даров.

Пусть герой свой блеск сугубит,
Ждет бессмертия отлик;
Милая меня коль любит,
Мне блаженной века миг;
И ее объятья нежны
Всех светлей венцов.

1800

ШУТОЧНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках, —
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девицам
На моих сидеть ветвях.

Пусть сидели бы и пели,
Вили гнезды и свистели,
Выводили и птенцов;

Никогда б я не сгибался,
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков.

1802

СТАРИК

Мне девушки шептали:
«Ты стар, и сед, и лыс;
Вот зеркало, — сказали, —
Возьми и посмотришь».

«Что нужды мне, не знаю,
Я стар, — сказал, — иль нет;
А только уверяю,
Что я душой не сед.

И старику нужнее
В веселии пожить,
Приходит чем скорее
Меня похоронить».

1802

СВОБОДА

Теплой осени дыханье,
Помавание дубов,
Тихое листов шептанье,
Восклицанье голосов
 Мне, лежащему в долине,
 Наводили сладкий сон.
Видел я себя стоящим
На высоком вдруг холму,
На плоды вдали глядящим,
На шумящу близ волну, —
 И как будто в важном чине
 Я носил на плечах холм.
Дальше: власти мне святыя
Иго то велели несть,
Все венцы суля земные,
Титла, золото и честь.

«Нет! — восстав от сна глубока,
Я сказал им, — не хочу,
Не хочу моей свободы,
Совесть на мечты менять:
Гладки воды, коль погоды
Их не могут колебать.
Власть тогда моя высока,
Коль я власти не ищу».

1803

НЕВЕСТЕ

Хотел бы похвалить, но чем начать, не знаю.
Как роза ты нежна, как ангел хороша,
Приятна как любовь, любезна как душа;
Ты лучше всех похвал; тебя я обожаю.

Нарядом мнят придать красавице приятно.
Но лъзя ль алмазами милей быть дурноте?
Прелестнее ты всех в невинной простоте:
Теряет на тебе сияние богатство.

Лилеи на холмах груди твоей блистают,
Зефиры кроткие во нрав тебе даны,
Долинки на щеках — улыбки зарь, весны;
На розах уст твоих — соты благоухают.

Как по челу власы ты рассыпаешь черны,
Румяная заря глядит из темных туч;
И донт как голубый пронзает звездный луч,
Так сердца глубину провидит взгляд твой скромный.

Но я ль, описывать красы твои дерзая,
Все прелести твои изобразить хочу?
Чем больше я прельщен, тем больше я молчу:
Собор в тебе утех, блаженство вижу рая!

Как счастлив смертный, кто с тобой проводит
время!

Счастливее того, кто нравится тебе.
В благополучии кого сравню себе,
Когда златых оков твоих несть буду бремя?

1778

ПРИЗНАНИЕ

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел, —
Не собой блистал я — богом;
Вне себя я бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моя царям —
Добродетельми казались
Мне они равны богам.
Если за победы громки
Я венцы сплетал вождям —
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть вслух —
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.
Если ж я и суетою
Сам был света обольщен —
Признаюсь, красотою
Быв плененным, пел и жен.
Словом, жег любви копь пламень,
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек.

1807

АЛЬБАУМ

Когда земны оставишь царствы,
Пойдешь в Эдем, иль Элизей,
Харон вопросит иль мытарствы
Из жизни подорожной сей, —

Поэтов можешь одобренья
В альбауме твоём явить,
Духам отдав их для прочтенья,
Пашпорт твой ими заменить.
По ним тебя узнают тени,
Кто ты и в свете как жила;
Твои все чувства, помышленья
Раскроются, как солнцем мгла.
Тогда ты можешь оправдаться,
И ах! — иль обвиненной быть,
В путь правый, левый провожаться,
Святой иль окаянной слыть.
Тогда черта, взгляд, вздох, цвет, слово
Сей книги записной в листах
Духовно примут тело ново
И обличат тебя в делах,
Во всех часах твоих, мгновеньях;
Ты станешь на суде нагой,
В поступках, мыслях и движеньях
Мрак самый будет послух твой.
Поэт, тебя превозносивший,
Прямым заговорит лицом,
Порок иль добродетель чтивший
Своим возопиет листом.
Лист желтый, например, надменность
Явит, что гордо ты жила;
На синем — скупость вскрикнет, ревность,
Что ты соперниц враг была;
На серебряном — вострубит богатство,
Что ты в свой век прельщалась им;
На темном — зашипит лукавство,
Что в грудь вилась друзьям твоим;
На алом — засмеется радость,
Что весело любила жить;
На розовом — воспляшет младость,
Что с ней хотела век свой длить;
На глянцеватом — самолюбье
Улыбкою своей даст знать,
Что было зеркало орудье
Красот твоих, дабы прельщать;
Надежда на листьях зеленых
Шепнет о всех твоих мечтах;
На сереньких листьях смиренных
Печаль завоюет во слезах.
Но гений, благ твоих свидетель,

На белых листьях в блеске слов
Покажет веру, добродетель
И беспорочную любовь.

1808

ЗАДУМЧИВОСТЬ

Задумчиво, один, широкими шагами
Хожу и меряю пустых пространство мест;
Очами мрачными смотрю перед ногами,
Не зрится ль на песке где человеческий след.

Увы! я помощи себе между людьми
Не вижу, не ищу, как лишь оставить свет;
Веселье коль прошло, грусть обладает нами,
Зол внутренних печать на взорах всякий чтет.

И мнится, мне кричат долины, реки, холмы,
Каким огнем мой дух и чувства жегомы
И от дражайших глаз что взор скрывает мой,
Но нет пустынь таких, ни дебрей мрачных,
дальных,
Куда любовь моя в мечтах моих печальных
Не приходила бы беседовать со мной.

1808

НАДЕЖДА

*К Федору Петровичу Львову, у когото
первая супруга была Надежда*

Луч, от света отделенный,
Льющего всем солнцам свет,
Прежде в дух мой впечатленный,
Чем он прахом стал одет,
Беспрестанно ввысь парящий
И с собой меня манящий
К океану своему, —
Хоть претит земли одежда,
Но несешь меня к нему
Ты желаний на крылах,
О бессмертная Надежда,
Обещательница благ!

Глупые мечтают смертны
О каких-то днях златых;
Суеты их неисчетны,
Ищет целей всяк своих.
Я премены вижу света,
Зрю зимы, весны дни, лета
И осенних дней возврат;
Стáреют, юнеют роды,
Зрю всему свой круг, свой ряд;
Но довольным не хочу
Быть теченьем сим природы, —
Всё чего-то вновь ищу.

Век меня Надежда льстила,
Утешала детски дни,
Храбрость мужеству дарила,
Умашала седины;
И, пред близкой днесь могилой
Укрепя своею силою,
Сыплет предо мной цветы;
Вечности на праге стоя,
Жизнь люблю и суеты;
Славы мною стяжать венец,
Беспокоюсь средь покоя, —
И еще ль я не глупец?

Так кажусь пусть я безумным,
Пусть Надежда — бред глупцов;
Но как морем жизни шумным
Утопаю средь валов,
Чем-то дух мой всё бодрится:
Должно, должно мне родиться
К лучшему чему ни есть.
Ах! коль чувство что внушает,
Ум дает и сердце весть —
Истины то знак для нас;
Дух никак не облыгает.
Глас Надежды — божий глас.

Глас Надежды — сердца сладость,
Восхищение ума,
О добре грядущем радость.
Хоть невидима сама,
Но везде со мною ходит,
Время весело проводит

И в забавах, и в бедах.
На нее зря, улыбаться
Буду в смертных я часах,
И как хлад польет в крови,
Буду риз ее держаться
До объятия любви.

Так надежды пресекает
Лишь одна любовь полет,
Как во солнце утопает
Лучезарном искры свет.
С богом как соединимся,
В свете вечном погрузимся
Пламенем любви своей,
Смертная спадет одежда,
Мы в блистании лучей
Жизнью будем жить духов.—
Верь, жива твоя Надежда,
Ты ее увидишь, Львов.

1810

АСПАЗИИ

Блещет Аттика женами —
Всех Аспазия милей;
Черными очей огнями,
Грудью пенною своей
Удивляючи Афины,
Превосходит всех собой;
Взоры орли, души львины
Жжет, как солнце, красотой.

Резвятся вокруг утех,
Улыбается любовь,
Неги, радости и смехи
Плетеницы из цветов
На героев налагают
И влекут сердца к ней в плен;
Мудрецы по ней вздыхают,
И Перикл в нее влюблен.

Угождают ей науки,
Дань художества дают,

Музыкальски сладки звуки
В взгляды томность ей лиют.
Она чувствует, вздыхает,
Нежная видна душа,
И сама того не знает,
Чем всех больше хороша.

Зависть с злобой содружася,
Смотрят косо на нее,
С черной клеветой свияся,
Уподобяся змее,
Тонкие кидают жалы
И винят в хуле богов;
Уж Перикла силы малы
Быть щитом ей от врагов.

Уж ведется всенародно
Пред судей она на суд,
Злы молвы о ней свободно
Уж не шепчут — вопиют;
Уж собранье заседало,
Уж архонты все в очках;
Но сняла лишь покрывало —
Пал пред ней Ареопаг!

1809

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

Царь жила-была девица, —
Шепчет русска старина, —
Будто солнце светлолица,
Будто тихая весна.

Очи светлы-голубые,
Брови черные дугой,
Огонь — уста, власы — златые,
Грудь — как лебедь белизной.

В жилках рук ее пуховых,
Как эфир, струилась кровь;
Между роз, зубов перловых,
Усмехалась любовь.

Родилась она в сорочке.
Самой счастливой порой, . .
Ни в полудни, ни в полночке —
Алой, утренней зарей.

Кочет хлопал на нашесте
Крыльями, крича сто раз:
Северной звезды на свете
Нет прекрасней, как у нас.

Маковка злата церковна.
Как горит средь красных дней,
Так священная корона
Мило теплилась на ней

И вливала чувство тайно
С страхом чтить ее, дивясь;
К ней прийти необычайно
Было, не перекрестясь.

На нее смотреть не смели
И великие цари;
За решеткою сидели
На часах богатыри.

И Полканы всюду чудны
Дом стрegli ее и трон;
С колоколен самогудный
Слышался и ночью звон.

Терем был ее украшен
В солнцах, в месяцах, в звездах;
Отливались блески с башен
Во осьми ее морях.

В рощах злачных, в лукоморье
Въявь гуляла и в саду,
Летом в лодочке на взморье,
На санках зимой по льду.

Конь под ней, как вихрь, крутился,
Чув девицу ездока;
Полк за нею нимф тащился
По следам издалека.

Коз и зайцев быстроногих
Страсть была ее гонять,
Гладить ланей златорогих
И дерев под сенью спать.

Ей ни мошки не мешали,
Ни кузнечики дремать;
Тихо ветерки порхали,
Чтоб ее лишь обвезать.

И по веткам птички райски,
Скакивал заморский кот,
Пели соловьи китайски
И жужукал водомет.

Статно стоя, няньки, мамки
Одаль смели чуть дышать,
И бояр к ней спозаранки
В спальню с делом допускать.

С ними так она вещала,
Как из облак божество;
Лежа царством управляла,
Их журия за шаловство.

Иногда же и тазала
Не одним уж язычком,
Если больно рассерчала,
То по кудрям башмачком.

Все они царя-девицы
Так боялись, как огня,
Крыли, прятали их лица .
От малейшего пятна.

И без памяти любили,
Что бесхитростна была;
Ей неправд не говорили,
Что сама им не лгала.

Шила ризы золотые,
Сплошь низала жемчугом,
Маслила брады седые
И не ссорилась с умом.

Жить давала всем в раздолье,
Плавали как в масле сыр;
Ездила на богомолье —
Божеством ее всяк чтит.

Все поля ее златились
И шумели под серпом,
Тучные стада водились,
Горы капали серебром.

Слава доброго правленья
Разливалась всюду в свет;
Все кричали с восхищенья,
Что ее мудрее нет.

Стихоеи ту ж бряцали
И на гусях милу ложь;
В царствах иных повторяли
О царе-девице то ж.

И от этого-то грому
Поднялися женихи
Вереницей к ее дому,
Как фазаньи петухи.

Царств за тридцать мудруя,
Вымышляли, как хвалить;
Вздохами любовь толкуя,
К ней боялись подступить.

На слонах и на верблюдах
Хан иной дары ей шлет,
Под ковром, на хинских блюдах,
Камень с гору самосвет.

Тот эдемского индея:
Гребень — звезд на нем парост,
Пурпур — крылья, яхонт — шея,
Изумрудный — зоб и хвост.

Колниц алы черевички
Нес — с бандорой тот плясать,
Горлиц нежные яички —
Нежно петь и воздыхать.

Но она им не склонялась,
Набожна была чресчур.
Только в шутках забавлялась,
Напущая на них дур.

Иль велела им трудиться:
Яблок райских ей искать,
Хохлик солнцев, чтоб светиться,
В тьме век радостью блистать.

Но они понадорвали
Свой живот — и стали в пень;
Что искали — не сыскали
И исчезли, будто тень.

Тут откуда ни явился
Царь-царевич, или круль,
Ни людям не поклонился,
Ни на Спаса не взглянул.

По бедру коня хлесть задню —
И в тот миг невидим стал,—
Шасть к царю-девице в спальню
И ее поцеловал.

Хоронилася платочком
И ворчала хоть в сердцах,
Но как вслед его окошком
Хлопнула — вскричала: ах!

Конь к тому ж в пути обратном
Тронул сеть садовых струн;
Град познал в сем звуке страшном,
Что был дерзок Маркобрун.

Вот и встал дым коромыслом
От маяков по горам;
В мрачном воздухе навислом
Рев завыл и по церквам.

Клич прокликали в столице,
И гонцы всем дали весть,
Чтоб скакать к царю-девице
И, служа ей, — мстить за честь.

Заскрипели двери ржавы
Оружейниц древних лет,
Воспряну́ли мужи славы
И среди пустынных мест.

Правят снасти боевые
И булат и сталь острят;
Старые орлы седые
С соколами в бой летят.

И свирепы кони в стойлах
Топают, храпят и ржут,
На холмах и на раздольях
Пыль вздымают, пену льют.

В слух пищали стенобойни,
Растворя чугуны рты,
Воят в час полночный, сонный,
Чтоб скорей в поход идти.

Идет в шкурах рать звериных,
С дубом, с пращей, с кистенем,
В перьях птичьих, в кожах рыбных,
И как холм течет чрез холм.

Занимает степи, луги,
И насадами моря,
И кричит: поремте, други,
За девицу и царя!

Не пленила золотом, сбойством
Нас она, ни серебром,
Но лишь девичьим геройством,
Здравым и простым умом.

И так сими вождь речами
Взбудоражил войнов дух,
Что, подняв бугры плечами,
Растрепали круля в пух.

И еще в его бы царстве
Только раз один шагнуть,
Света б не было в пространстве,
Чем его и вспомянуть.

Кровь народа Маркобруна
Уподобилась реке;
Он дрожал ее перуна
И в своем уж чердаке.

Но как он царя-девицы
Нежный нрав довольно знал,
Стал пастух — и глас цевницы
Часто ей своей внушал.

«Виноват, — пел, — пред тобою,
Что прекрасна ты, мила».
«Сердце тронь мое рукою.
Сядь со мной!» — она рекла...

Так и все красотки славны
Дерзостей не могут несть;
Все бывают своенравны,
Любят жены, девы честь.

1812

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПРИЖИЗНЕННОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ВЫВЕСКА

Терентий здесь живет Облаевич Цербер,
Который обругал подъячих выше мер,
Кошунствовать своим «Опекуном» стремился,
Отважился, дерзнул, зевнул — и подавился;
Хулил он, наконец, дела почтенна мужа,
Чтоб сей из моря стал ему подобна лужа.

1768

НА СОРОКУ В ЗАЩИЩЕНИЕ КУКУШЕК

Не будучи орлом сорока здесь довольна,
Кукушками всех птиц поносит своевольно;
Щекочет и кричит: чики-чики-чики,
В дубраве будто сей все птицы дураки.
Но мужество орла Диана почитает,
И весь пернатый свет его заслуги знает.
Сорока ж завсегда сорокою слывет,
И что сорока врет, то все сорочий бред.

1768

НА ГРОБ БОДРЯГИ

Бодряга капитан под камнем сим лежит.
В сраженьях он бывал — в трактире он убит.

1776 (?)

ПРАВИЛО ЖИТЬ

Утешь поклоном горделивца,
Уйми пощечиной сварливца,
Засаль подмазкой скрыш ворот,
Заткни собаке хлебом рот,—
Я бьюся об заклад,
Что все четыре замолчат.

Ок. 1777

НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ФЕОФАНА

Российской церкви столп, совета мудрый муж,
Философ, богослов, историк, пастырь душ.
Витийством слов его доднесь Россия блещет;
Петровым похвалам вселенна совосплещет.

1777

К ПОРТРЕТУ МИХАЙЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА

Се Пиндар, Цицерон, Вергилий — слава россов,
Неподражаемый, бессмертный Ломоносов.
В восторгах он своих где лишь черкнул пером,
От пламенных картин поныне слышен гром.

1777

КНЯЗЮ КАНТЕМИРУ, СОЧИНИТЕЛЮ САТИР

Старинный слог его достоинств не умалит.
Порек! не подходи: сей взор тебя ужалит.

1777

МОДНОЕ ОСТРОУМИЕ

Не мыслить ни о чем и презирать сомненье,
На все давать тотчас свободное решение,
Не много разуметь, о многом говорить;

Быть дерзку, но уметь продерзостями льстить;
Красивой пустошью плодиться в разговорах
И другу и врагу являть приятство в взорах;
Блистать учтивостью, но, чтя, пренебрегать,
Смеяться дуракам и им же потакать,
Любить по прибыли, по случаю дружиться,
Душою подличать, а внешностью гордиться;
Казаться богачом, а жить на счет других;
С осанкой важничать в безделицах самих;
Для острого словца шутить и над законом;
Не уважать отцом, ни матерью, ни троном;
И словом, лишь умом в поверхности блистать,
В познаниях одни цветы только срывать;
Тот узел рассекать, что развязать не знаем,—
Вот остроумием что часто мы считаем!

Ок. 1776; 1780

ЭПИТАФИЯ МУДРЕЦУ НЫНЕШНЕГО ВЕКА

Лежит здесь мудрый муж, что в карты век играл,
Стихи писал
И спал;
А сею жизнью потомственному взору
Живую начертал собой картину он,
Что счастья твердого, что разума без вздору
И наслажденья без сует
В сем мире нет;
Но вся людская жизнь — игра, мечта и сон.

1784

ЖЕЛАНИЕ ЗИМЫ

*Его милости разжалованному,
отставному сержанту,
дворянской думы копиисту,
архивариусу без архива, управителю без имения
и стихотворцу без вкуса
1787 года*

На кабаке Борей
Эол ударил в нюни;
От вяхи той бледнея,
Бог хлада слякоть, слюни

Из глотки источил,
Всю землю замочил.

Узря ту Осень шутку
Их вправду драться нудит,
Подняв пред ними юбку,
Дожди, как реки, прудит,
Плеща им в рожи грязь,
Как дуракам смеясь.

В убранстве козырбацком,
Со ямщиком-нахалом,
На иноходце хватском,
Под белым покрывалом
Бореева кума
Катит в саниях — Зима.

Кати, кума драгая,
В шубеночке атласной,
Чтоб Осень, баба злая,
На Астраханский Красный
Не шлендала кабак
И не кутила драк.

Кати к нам белоллика,
Кати, Зима младая,
И, лстя седого трыка
И страсть к нему являя,
Эола усмири,
С Бореем помири.

Спеши, и нашу музу,
Кабаккую певицу,
Наполнь хмельного грузу,
Наладь ее скрипицу, —
Строй пунш твоей рукой,
Захарьин! пей и пой.

Пой, только не стихеры,
И будь лишь в стойке дивен,
На разные манеры
Ори *ширень да вирень*,
Да *лист, братцы, трава*.
О, пьяна голова!

ЧЕЛОВИТНАЯ О ДОСТРОЙКЕ ДОМА

Воззри, монархиня! на дом, покрова не имущий,
В столице от крупниц царя Тавриды сущий.
Воззри! и украси сей хижиной твой трон:
Прибавь к украденным еще хоть миллион.

Ок. 1791

НА ПТИЧКУ

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой;
Пищит бедняжка вместо свисту —
А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»

1792—1793

НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ МИЛУШКИ,
КОТОРАЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ИЗВЕСТИЯ
О СМЕРТИ ЛЮДОВИКА XVI
УПАЛА С КОЛЕН ХОЗЯЙКИ
И УБИЛАСЬ ДО СМЕРТИ

Увы! Сей день с колен Милушка
И с трона Людвиг пал. — Смотри,
О смертный! не все ль судеб игрушка —
Собачки и цари?

1793

НА СМЕРТЬ
КАТЕРИНЫ ЯКОВЛЕВНЫ,
1794 ГОДУ ИЮЛЯ 15 ДНЯ
ПРИКЛЮЧИВШУЮСЯ

Уж не ласточка сладкогласная,
Домовитая со застрехи,
Ах! моя милая, прекрасная
Прочь отлетела — с ней утехи.

Не сияние луны бледное
Светит из облака в страшной тьме,
Ах! лежит ее тело мертвое,
Как ангел светлый во крепком сне.

Роят псы землю, вокруг завывают,
Воет и ветер, воет и дом;
Мою милую не пробуждают;
Сердце мое сокрушает гром!

О ты, ласточка сизокрылая!
Ты возвратишься в дом мой весной;
Но ты, моя супруга милая,
Не увидишься век уж со мной.

Уж нет моего друга верного,
Уж нет моей доброй жены,
Уж нет товарища бесценного,
Ах, все они с ней погребены.

Все опустело! Как жизнь мне снести?
Зельная меня съела тоска.
Сердца, души половина, прости,
Скрыла тебя гробовá доска.

1794

ОТРЫВОК

Не предавай себя печали,
Не сокращай стенаньями век:
Блаженны небеса создали
Тебя к блаженству, человек!
Умей сей жизнью наслаждаться,
Умей ты всем довольным быть;
Сколь много ни грустить, ни рваться,
Твоих судеб не пременить;
Летит Сатурн, стремятся годы,
Смерть ближится всечасно к нам...

1794 (?)

НАДГРОБИЕ ШЕЛЕХОВУ

Колумб здесь русский погребен:
Преплыл моря, открыл страны безвестны;
Но зря, что все на свете тлен,
Направил паруса во океан небесный.

1796

ВИД АВТОРУ «СУВОРОИДЫ»

Сей рифмотворческой, бессмысленной чухой
Геройский звук побед в потомство не промчится:
По имени творца в пыль тотчас завалится,
И вечно будет жить Суворов сам собой
Или достойною его гомеровой трубой.

Вот вид на эту книгу мой.

1796

АВТОРУ, ОСМЕЯВШЕМУ В КОМЕДИИ СТИХОТВОРЦЕВ И ПЕРЕВОДИВШЕМУ АНАКРЕОНА

Преславно подлинно и всех похвал достойно,
В комедьи рифмачей ты живо описал, —

Мольер, Анакреон ты стал.

Лишь день в твой век умел один провесть
пристойно!

1797

ЖУКОВСКОМУ И РОДЗЯНКЕ,

*приславшим с большими похвалами автору
перевод его оды «Бог»
на французском языке*

Не мне, друзья! идите вслед;
Ищите лучшего примеру.
Пиндару русскому, Гомеру
Последуйте — вот мой совет.

1799

К СИЛУЭТУ И. И. ХЕМНИЦЕРА

Эзоп лампадой освещал,
А Басня кистию тень с Истины снимала;
Лицом Хемницера незапно тень та стала,
Котору в баснях он столь живо описал.

1790-е гг.

К ПОРТРЕТУ В. В. КАПНИСТА

Надежды, и Любви, и Ябеды писец,—
Дай, Аристарх, ему и от Сатир венец.

1790-е гг.

НА ХОЛОДНОГО СТИХОТВОРЦА

Кто ни единой мысли мне
В душе огнем не впечатлеет
И так слова, как на гумне
Крестьянин в ветр мякину, веет,
Тот скучен, холоден поэт:
Блится пыль, а зерен нет.

1790-е гг.

НА ВЗДОРНОГО ПИСАТЕЛЯ

В твоих торжественных, высокопарных,
Похвальных одах, благодарных
Не блески в мраке зрю, не день,
Не звуки слышу громовые —
Текут потоки потовые
И от гремушек дребедень.

1790-е гг.

ЭПИТАФИЯ Н. Е. СТРУЙСКОМУ

«Средь мшистого сего и влажного толь грота,
Пожалуй, мне скажи, могила эта чья?»
«Поэт тут погребен: по имени — струя,
А по стихам — болото».

1790-е гг.

НА СКРЫПЛЕВА

Скрипит немазанна телега
В степи песчанистой без берега
И с золотом везет навоз.
Сидит кулик-крикун в болоте,
Трудится в тяжелой он работе:
То ноги увязит, то нос.
Из тинистой реки, раздрав зелены воды,
Таскают воротом коряги и колоды,
И тянут лямками суда.
Визжит свинья в околице, увязши,
Стучат песты на толчѐе, упавши,
И в вешник бьет с плотин вода.
Орет мужик в лесу дуброву,
Дерет медведь в долу корову,
И всюду раздается гул.
От рынку ходючи до рынку,
Дудит по праздникам в волынку
Докучну песню всем Федул.
Кричит, пустясь наудалую,
Одну весь век свой столповую
Из многих пономарь стихов.
Подобно так твоя приятна,
Легка поэзия и внятна,
О славный наш поэт, Скрыплев!

1790-е гг.

НА ХМЕЛЬНИНА

Весьма злоречив тот, неправеден и злобен,
Кто скажет, что Хмельнин Гомеру не подобен:
Пиита огнь везде и гром блистает в нем —
Лишь пахнет несколько вином.

1790-е гг.

НА СМЕРТЬ ГРАФА
АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА
СУВОРОВА-РЫМНИКСКОГО,
КНЯЗЯ ИТАЛИЙСКОГО,
В С.-ПЕТЕРБУРГЕ <1800> ГОДА

О вечность! Прекрати твоих шум вечных споров:
Кто превосходней всех героев в свете был?
В святилище твое от нас в сей день вступил
Суворов.

1800

* * *

Всторжествовал — и усмехнулся
Внутри души своей тиран,
Что гром его не промахнулся,
Что им удар последний дан
Непобедимому герою,
Который в тысячи боях
Боролся твердой с ним душою
И презирал угрозы страх..

Нет, не тиран, не лютый рок,
Не смерть Суворова сразила:
Венцедатель, славы бог
Архистратига Михаила
Послал, небесных вождя сил,
Да приведет к нему вождя земного,
Приять возмездия венец,
Как луч от свода голубого...

1800

НА ГРОБ N. N.

Сребра и злата не дал в лихву
И с неповинных не брал мзды,
Коварством не вводил в ловитву
И не ковал ничьей беды;
Но верой, правдой вержа злобу,
В долгу оставил трех царей.
Приди вздохнуть, прохожий, к гробу,
Покоищу его костей.

1804

Каша златая,
 Что ты стоишь?
 Пар испущая,
 Вкус мой манишь?
 Или ты любишь
 Пузу мою?
 Зерна ль златисты
 Полбы в крупах,
 Розы ль огнисты
 Гречи в горшках,
 Сахар ли белый
 Проса с млеком?
 Каша златая,
 Что ты стоишь?
 Слышу, вздыхая,
 Мне говоришь:
 К каше привыкнув,
 С ней и умрешь.

1804

НА ПОДЪЯЧЕГО,
 СВИСТАВШЕГО В КОМЕДИИ
 «КОВАРНЫЙ»

«Как ты «Коварного» решился освистать?» —
 Сказал дьяку так дьяк, быв хитрый сам пролаза.
 «Наш долг, — тот отвечал, — себя здесь защищать:
 И ворон ворону не выколет ведь глаза».

1804

НА ОППОЗИЦИЮ
 АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА
 О ТОРГЕ НЕВОЛЬНИКАМИ

Прекрасно, хорошо, и можно подтвердить,
 Чтоб дать невольникам от их работ свободу;
 Но прежде надобно две вещи разрешить:
 Лъзя ль просвещенный ум привить всему народу
 И в равенстве его во всей вселенной зреть?

Коль можно, то с зверьми должно в норах сидеть
И лес звать городом, а пить за кофе воду.

1805

НА НЕСПРАВЕДЛИВУЮ ХВАЛУ
РЕЦЕНЗЕНТОМ
НЕКОТОРЫХ МЕСТ
В ТРАГЕДИИ «БАРДЫ»

Оставя лучшие в трагедии места,
Где сердце чувствует и блещет мыслей свет,
Другие рецензент в их место выхваляет:
«Какая, — говорит, — в них сила, красота»,
Где их совсем и нет.
Скажите, автора он хвалит иль ругает?

1805

НА ЖУРНАЛ «ДРУГ ПРОСВЕЩЕНИЯ»,
ПЕРЕМЕНЕННЫЙ ИЗ АЛОГО ЦВЕТА
В ГОЛУБОЙ

В одежде красной был в год прошлый сей журнал,
И просвещение нам суриком блистало;
Но ныне голубым он стал:
Неужель нам вранье приятнее в нем стало?

1806

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПРАЗДНИК

Горшки не боги обжигают,
Не всё пьют пиво богачи:
Пусть, Муза! нас хоть осуждают,
Но ты днесь в кобас пробренчи
И, вшед на холм высокий, званский,
Прогаркни праздник сей крестьянский,
Который господа дают, —
Где все молодки с молодцами,
Под балалайками, гудками,
С парнями, с девками поют.

Поют под пляской в песнях сельских,
Что можно и крестьянам быть
По упражненьях деревенских
Счастливым, радостным — и пить.
Раздайтесь же, круги, пошире,
И на преславном этом пире
Гуляй, удела голова!
Ничто теперь уже не диво:
Коль есть в глазах вино и пиво,
Все, братцы, в свете трын-трава.

Гуляйте, бороды с усами,
Купайтесь по уши в чанах,
И вы, повойники с чепцами,
Не оставайтесь на дрожжах;
Но кто что хочет, то тяните,
Проказьте, вздорьте, курамшите;

Тут нет вины, где пир горой;
Но, в дома вшед, питьем не лейтесь;
С женой муж яйцами бейтесь
Или скачите чехардой.

Но только, встав поутру рано,
Перекрестите шумный лоб,
Умыв водой лицо багряно,
С похмелья чару водки троп —
Уж не влекитесь больше к пьянству,
Здоровью вредну, христианству
И разорительну всем вам;
А в руки взяв серп, соху, косу,
Пребудьте, не поднявши носу,
Любезны богу, господам.

Не зря на ветреных французов,
Что мнили ровны быть царям,
И, не подняв их вздорных грузов,
Спустились в навоз к скотам,
И днесь, как звери, с ревом, с воем
Пьют кровь немецкую разбоем,
Мечтав, и Русь что мишура;
Но вы не трусы ведь, ребята,
Штыками ваша грудь рогата;
В милицыи гаркнете: ура!

Ура, российские крестьяне,
В труде и в бое молодцы!
Когда вы в сердце христиане,
Не вероломцы, не страмцы,
То всех пред вами див явленье,
Бесов французских наважденье
Пред ветром убежит, как прах.
Вы все на свете в грязь попрете,
Вселенну кулаком тряхнете,
Жить славой будете в веках.

1807

НА ПРОГУЛКУ В ГРУЗИНСКОМ САДУ

О, как пленительно, умно там, мило все,
Где естества красы художеством сугубы,
И сеннолистны где Ижорска князя дубы
В ветр шепчут, преклонясь, про счастья колесо!

1807

ПРИВРАТНИКУ

Един есть бог, един Державин, —
Я в глупой гордости мечтал, —
Одна мне рифма — древний Навин,
Что солнца бег останавлиал.
Теперь другой Державин зрится,
И рифма та ж к нему годится.
Но тот Державин — поп, не я:
На мне парик — на нем скуфья.

Итак, чтоб врат моих приста́ву
В Державиных различье знать,
Пакетов, чести по уставу
Чужих мне в дом не принимать,
Не брать от *имреков* пасквилей,
Цидул, листов, не быть впредь филей,
Даю сей вратнику приказ:
Не выпускать сего из глаз.

На имя кто б мое пакеты
Какие, письма ни принес,
Вопросы должен на ответы
Тотчас он дать, бумаг тех в вес,
Сказать: отколь, к кому писанья?
И те все произнести признанья
Свободным, без запинок, ртом;
Подметны сплетни жги огнем.

А чтоб Державина со мною
Другого различал ты сам —
Вот знак: тот млад, но с бороною,
Я стар — юн духом по грехам.
Он в рясе длинной и широкой,
Мой фрак кургуз и полубокой.
Он в волосах, я гол главей;
Я подлинник — он список мой.

Он пел молебны, панихиды
И их поныне всё поет;
Слуга был Марса я, Фемиды,
А ныне — отставной поэт.
Он пастырь чад, отец духовный,
А я правитель был народный;
Он обер-поп, я ктитор муз,
И днесь пресвитер их зовусь.

Кропит водой, курит кадилом,
Он тянет руку дам к устам;
За честь я чту тянуться с рылом
И целовать их ручки сам.
Он молит небеса о мире,
Героев славлю я на лире.
Он тайны сердца исповесть,
Скрывать я шашни чту за честь.

Различен также и делами:
Он ест кутью, а я салму.
Он громок многими псалмами,
Я в день шепчу по одному.
Державин род с потопа влекся;
Он в семинарии им нарекся
Лишь сходством рифм моих и стоп.
Мой дед мурза — его дед поп.

И словом: он со мной не сходен
Ни видом, ростом, ни лицом;
Душой, быть может, благороден,
Но гербом — не Державин он!
В моем звезда рукой держима;
А им клюка иль трость носима.
Он может четки взнест в печать —
Я лирою златой блистать.

А потому почталионов,
Его носящих письма мне,
Отправя множеством поклонов,
Ни средь обедов, ни во сне
Не рушь ты моего покою;
Но позлащенной булавою
С двора их с честью провожай;
Державу с митрой различай.

1808

К ПРАВДЕ

Слуга, сударыня, покорный!
Пускай ты божеская дочь,
Я стал уж человек придворный
И различу, что день, что ночь.
Лет шестьдесят с тобой водился,
Лбом за тебя о стены бился,
Чтоб в верных слыть твоих слугах;
Но вижу, неба дочь прекрасна,
Что верность та моя напрасна:
С тобой я в чистых дураках!..

1808

НА ПАМЯТНИК ПРЕКРАСНОГО ПУДЕЛЯ

Под камнем сим Милорд, кудрявый пес прекрасный,
Почиет погребен, счастливейший из псов:
Он ел, он пил, он спал, он вел век сладострастный,
Дея жен множеству нежнейшую любовь;
А сверх того всегда не упускал резвиться

Между прекрасных дев, в диванах, по коврам.
Милорды роскошью! придите прослезиться
У гроба здесь его: он был подобен вам.

1808

* * *

Тебе в наследие, Жуковской!
Я ветху лиру отдаю;
А я над бездной гроба скользкой
Уж преклоня чело стою.

1808

* * *

Уж я стою при мрачном гробе,
И полно умницей мне слыть;
Дай в пищу зависти и злобе
Мои все глупости открыть.
Я разум подклонял под веру,
Любовью веру возрождал,
Всему брал совесть в вес и меру
И мог кого прощать — прощал.
Вот в чем грехи мои, недуги
Иль, лучше, пред людьми прослуги.

1800-е гг.

* * *

Враги нам лучшие друзья —
Они премудрости нас учат.
Но больше тех страшуся я,
Ласкательством меня кто мучат.

1800-е гг.

СУД О БАСЕЛЬНИКАХ

Эзоп, Хемницера зря, Дмитрева, Крылова,
Последнему сказал: ты тонок и умен;
Второму: ты хорош для модных, нежных жен;
С усмешкой первому сжал руку — и ни слова.

1800-е гг.

СУД О ТРАГИКАХ

Эсхила видючи, Софокла, Еврипида,
Корнелий и Расин, Вольтер и Кребийльон
С признаньем их покраж им сделали поклон;
Но сих дрожал Княжнин и Сумароков вида.
Богиня трагиков, подшед к ним величаво:
«Не бойтесь, — рекла, — друг друга вы, друзья;
Вы чувствовали все и рассуждали здраво.
Хоть лоскутки на вас чужие вижу я,
Но моего венца я никому не дам другому,
Как чувству собственну и гению прямому.

1800-е гг.

НА ГРОБЫ РОДА ДЕРЖАВИНЫХ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ И УЕЗДЕ, В СЕЛЕ ЕГОРЬЕВЕ

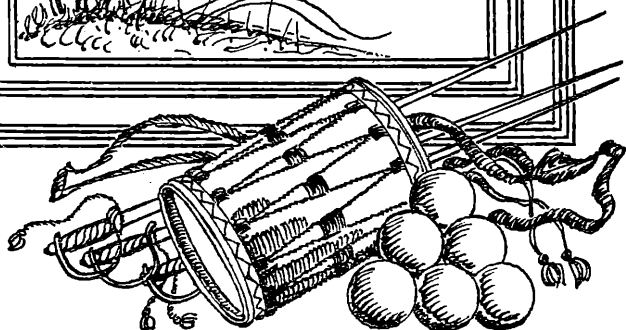
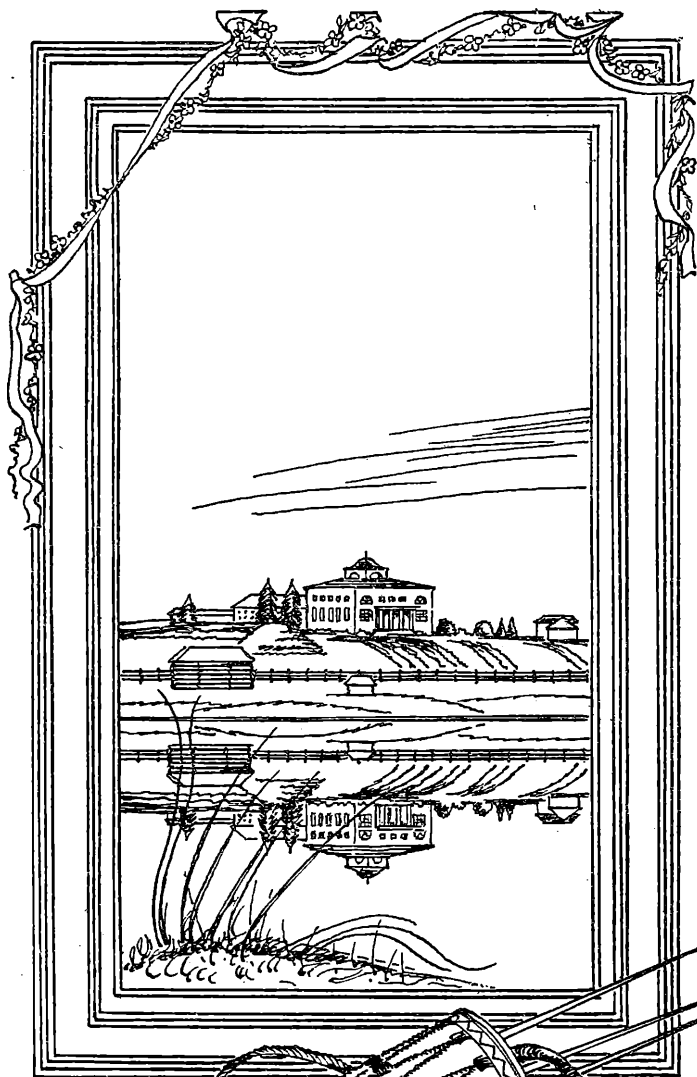
О праотцев моих и родших прах священный!
Я не принес на гроб вам золота и серебра
И не размножил ваш собою род почтенный;
Винюсь: я жил, сколь мог, для общего добра.

1810

ЗАПИСКИ

ЗАПИСКИ
ИЗ ИЗВЕСТНЫХ ВСЕМ ПРОИСШЕСТВИЕВ
И ПОДЛИННЫХ ДЕЛ,
ЗАКЛЮЧАЮЩИЕ В СЕБЕ ЖИЗНЬ
ГАВРИЛЫ РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА

ОТДЕЛЕНИЕ I

С рождения его и воспитания по вступление в службу

Бывший статс-секретарь при императрице Екатерине Второй, сенатор и Коммерц-коллегии президент, потом при императоре Павле член Верховного совета и государственный казначей, а при императоре Александре министр юстиции, действительный тайный советник и разных орденов кавалер Гавриил Романович Державин родился в Казани от благородных родителей в 1743 году июля 3 числа. Отец его служил в армии и, получив от конского удара чахотку, переведен в оренбургские полки премьер-майором; потом отставлен в 1754 году полковником. Мать его была из роду Козловых. Отец его имел за собою по разделу с пятерыми братьями крестьян только 10 душ, а мать 50. При всем сем недостатке были благонравные и добродетельные люди. Помянутый сын их был первым от их брака. В младенчестве был весьма мал, слаб и сух, так что по тогдашнему в том краю непросвещению и обычаю народному должно было его запекать в хлебе, дабы получил он сколько-нибудь живности. В том же году отец его по комиссии командирован был к следствию купцов Карякиных в город Яранск. Примечания достойно, что когда в 44-м году явилась большая, весьма известная ученому свету комета, то при первом на нее воззрении младенец, указывая на нее перстом, первое слово выговорил: «Бог!» Родители с взаимною нежностью старались его воспитывать; однако же, когда в последующем году родился у него брат, то мать любила более меньшего, а отец старшего, который на четвертом году уже умел читать. За неимением в тогдашнее время в том краю учителей, научен от церковников читать

и писать. Мать, однако, имея более времени быть дома, когда отец отлучался по должностям своим на службу, старалась прирастить к чтению книг духовных, поощряя к тому награждением игрушек и конфеток. Старший был острее и расторопнее, а меньшой глубокомысленнее и медлительнее. В младенческие годы проживали они под непрестанным присмотром родителей несколько в сказанном городе Яранске, потом в Ставрополе, что близ Волги, а наконец в Оренбурге, где старший при вступлении в отроческие лета, то есть по седьмому году, по тогдашним законам явлен был на первый смотр губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву и отдан для научения немецкого языка, за неимением там других учителей, сосланному за какую-то вину в каторжную работу некоторому Иосифу Розе, у которого дети лучших благородных людей, в Оренбурге при должностях находящихся, мужеска и женска полу, учились. Сей наставник, кроме того что нравов развращенных, жесток, наказывал своих учеников самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коих рассказывать здесь было бы отвратительно, был сам невежа, не знал даже грамматических правил, а для того и упражнял только детей тверждением наизусть вокабол и разговоров и списыванием оных, его, Розы, рукою прекрасно, однако, написанных. Чрез несколько лет посредством такового учения разумел уже здесь упомянутый питомец по-немецки читать, писать и говорить, и как имел чрезвычайную к наукам склонность, занимаясь между уроков денно и ночью рисованию, но как не имел хороших не токмо учителей, но и хороших рисунков, то довольствовался изображением богатырей, каковые деревянной печати в Москве на Спасском мосту продаются, раскрашивая их чернилами, простою и жженою вохрою, так что все стены его комнаты были оными убиты и уклеены. В течение сего времени отец имел комиссии быть при межевании некоторых владельческих земель, то от геодезиста, при нем находящегося, сын получил охоту к инженерству. Наконец, когда отец его в 754-м году получил отставку, для которой ездил в Москву, в бытность в оной государыни императрицы Елисаветы Петровны, то и сей любимый сын его был с ним с намерением, чтоб записать его в кадетский корпус или в артиллерию; но как для того надобно было ехать в Петербург, а дела отца его, которые он должен был кончить в Москве, паче же недостаток, что издержался деньгами, ехать ему в сию новую столицу не дозволили, то возвратился он в деревню с намерением в будущем году непременно записать сына в помя-

нутые места. Хотя ему и вызывались некоторые особы в Москве принять его в гвардию, но он по недостатку своему на то не мог согласиться; однако же по приезде в деревню в том же году в ноябре месяце скончался, и тем самым пресеклись желания отца и сына, чтоб быть последнему в таких командах, где бы чему-нибудь ему научиться можно было. И таким образом мать осталась с двумя сыновьями и с дочерью одного году в крайнем сиротстве и бедности; ибо по бытности в службе самомалейшие деревни, и те в разных губерниях разбросанные, будучи неустроенными, никакого дохода не приносили, что даже 15 рублей долгу, после отца оставшего, заплатить было нечем; притом соседи иные прикосновенные к ним земли отняли, а другие, построив мельницы, остальные луга потопили. Должно с ними было входить в тяжбу; но как не было у сирот ни достатку, ни защитника, то обыкновенно в приказах всегда сильная рука перемогала; а для того мать, чтоб какое где-нибудь отыскать правосудие, должна была с малыми своими сыновьями ходить по судьям, стоять у них в передних у дверей по несколько часов, дожидаясь их выхода; но когда выходили, то не хотел никто ее выслушать порядочно, но все с жестосердием ее проходили мимо, и она должна была ни с чем возвращаться домой со слезами в крайней горести и печали, и как не могла нигде найти защиты, то и принуждена была лучшие угоды отдать записью купцу Дрябову за 100 рублей в вечную кортому, на которых и построил он для суконной своей фабрики, в Казани находящейся, сукновальную мельницу, которая и теперь в деревне Комаровке существует и которую после, при межевании, старший сын, будучи уже один наследник, не хотя нарушить слова матери, за ним утвердил. Таковое страдание матери от неправосудия вечно осталось запечатленным на его сердце, и он, будучи потом в высоких достоинствах, не мог сносить равнодушно неправды и притеснения вдов и сирот. При таковых, однако, напастях мать никогда не забывала о воспитании детей своих, но прилагала всевозможное попечение, какое только возможно было им доставить; а для того отдала их в научение, за неимением лучших учителей арифметики и геометрии, сперва гарнизонному школьнику Лебедеву, а потом артиллерии штык-юнкеру Полетаеву; но как они и сами в сих науках были малосведущи, ибо как Роза немецкому языку учил без грамматики, так и они арифметике и геометрии без доказательств и правил, то и довольствовались в арифметике одними первыми пятью частями, а в геометрии черчением

фигур, не имея понятия, что и для чего надлежит. Когда же большому сыну настал 12-й год, то мать, дабы исполнить закон и явить герольдии в положенный срок детей своих, в 757-м году ездила в Москву, желая также по явке в оной и по получении доказательств на дворянство записать их в помянутые места, куда отец хотел; но как противу всякого чаяния в герольдии не могла она объяснить хорошенько роду Державиных, по которым городам и в которых годах предки их служили, то и произошло затруднение; а для того чтоб отвратить оное, должно было обратиться к некоему подполковнику Дятлову, живущему в Можайском уезде, происшедшему от сестры мужа ее, который, приехав в Москву, доказал истинное дворянское происхождение явленных недорослей от рода Багрима мурзы, выехавшего из Золотой Орды при царе Иване Васильевиче Темном, что явствует в Бархатной книге вообще с родами: Нарбековыми, Акинфиевыми, Кеглевыми и прочими; но как на таковое изыскание древности употреблено много времени, то зимнюю порою и не можно уже было доехать до Петербурга, а как летний путь по недостатку не был под силу, то и возвратились в Казань, с тем чтобы в будущем году совершить свое предположение.

Поелику же в 1758 году открылась в Казани гимназия, состоящая под главным ведомством Московского университета, то и отложена поездка, а записаны дети в сие училище, в котором преподавалось учение языкам: латынскому, французскому, немецкому, арифметике, геометрии, танцованию, музыке, рисованию и фехтованию, под дирекцию бывшего тогда асессором Михаила Ивановича Веревкина; однако же по недостатку хороших учителей едва ли с лучшими правилами, как и прежде. Более ж всего старались, чтоб научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматике, и быть обходительным, заставляя сказывать на кафедрах сочиненные учителем и выученные наизусть речи; также представлять на театре бывшие тогда в славе Сумарокова трагедии, танцовать и фехтовать в торжественных собраниях при случае экзаменов, что сделало питомцев хотя в науках неискусными, однако же доставило людскость и некоторую розвязь в обращении. Старший из Державиных оказал более способности к наукам, до воображения касающимся, а меньшей к математическим; однако же во всех классах старший своею расторопностью блистал поверхностью и брал пред меньшим преимущество, который казался туп и застенчив. Вследствие чего старший отличался в рисовании, а потому, когда директор в 759-м

году собирался главному куратору Ивану Ивановичу Шувалову дать отчет в успехах вверенного ему училища, то и приказал отличившимся ученикам начертить геометрию и скопировать карты Казанской губернии, украсив оные разными фигурами и ландшафтами, дабы тем дать блеск своему старанию о научении вверенного ему благородного юношества. В числе сих отличных был и старший Державин. Когда ж директор в 1760 году из Петербурга возвратился, то в вознаграждение учеников, трудившихся над геометрией, объявил каждого по желанию записанными в службу в полки лейб-гвардии солдатами, а Державина в инженерный корпус кондуктором; вследствие чего и надели все принадлежащие званию каждого мундиры. Почему Державин при бывших торжествах в гимназии и отправлял должность артиллериста, быв при артиллерии и при представлении фейерверков.

А когда нужно было по указу Сената в том же 1760 году снять с города Чебоксар план с различием домов, против повеления того правительства не по плану построенных, и отправлен для того сказанный директор Веревкин (ибо он в то же время был и член губернской канцелярии), то за неимением тогда в гимназии геодезии учителя, ибо бывший в той должности капитан Морозов умер, то и взял он старшего Державина вместо инженера с собою, подчиня ему некоторых из учеников для помощи. <...>

В 1761 году получил г. Веревкин от главного куратора Ивана Ивановича Шувалова повеление, чтоб описать развалины древнего татарского или Золотой Орды города, называемого Болгары, лежащего между рек Камы и Волги, от последней в 5-ти, а от первой в 50-ти или 60-ти верстах, и сыскать там каких только можно древностей, то есть монет, посуды и прочих вещей. Не имея способнейших к тому людей, выбрал он из учеников гимназии паки Державина и, присовокупя к нему несколько из его товарищей, отправился с ними в июне или в июле месяце в путь. Пробыв там несколько дней, наскучил, оставил Державина и, подчинив ему прочих, приказал доставить к себе в Казань план с описанием города и буде что найдется из древностей. Державин пробыл там до глубокой осени и что мог, не имея самонужнейших способов, исполнил. Описание, план и виды развалин некоторых строений, то есть ханского дворца, бани и каланчи с подземельными ходами, укрепленной железными обручами по повелению Петра Великого, когда он шествовал в Персию, и списки с надписей гробниц, также монету медную, несколько серебряной и золотой.

кольца ушные и наручные, вымытые из земли дождями, урны глиняные или кувшины, вырытые из земли с углями, собрал и по возвращении в Казань отдал г. Веревкину. Он монеты и вещи принял, а описание, план, виды и надписи приказал переписать и перерисовать начисто и принести к нему тогда, как он в начале наступающего года по обыкновению будет собираться в Петербург для отдания отчетов главному куратору об успехах в науках в гимназии; но как в начале 1762 года получено горестное известие о кончине государыни императрицы Елисаветы Петровны, то он наскоро отправился в столицу, приказав Державину сделанное им доставить к нему после.

Скоро потом Державин получил из канцелярии лейб-гвардии Преображенского полка паспорт 1760 года за подписанием лейб-гвардии майора князя Меншикова, в котором значилось, что он отпущен для окончания наук до 1762 года. А как сей срок прошел, ибо тогда уже был того года февраль месяц, то и должен он был немедленно отправиться к полку, тем паче что не имел уже никакой себе подпоры в Веревкине, на которого место в директоры Казанской гимназии прислан был некто профессор Савич.

ОТДЕЛЕНИЕ II

Воинская Державина служба до открывшегося в Империи возмущения

В помянутом 1762 году в марте месяце прибыл он в Петербург. Представил свой паспорт майору Текутьеву, бывшему тогда при полку дежурным. Сей чиновник был человек добрый, но великий крикун, строгий и взыскательный по службе. Он лишь взглянул на паспорт и увидел, что просрочен, захохотал и закричал: «О, брат! просрочил», — и приказал отвести вестовому на полковой двор. Привели в полковую канцелярию и сделали формальный допрос. Державин, хотя был тогда не более как 18-ти лет, однако нашелся и отвечал, что он не знает, почему присвоил его к себе Преображенский полк; ибо никогда желания его не было служить, по недостатку его, в гвардии, а было объявлено от него желание, чрез г. Веревкина, вступить в Артиллерийский или Инженерный корпус, из которых о принятии в последний кондуктором и был от него, Веревкина, удостоверен и носил инженерный мундир. По справке в канцелярии известно стало, что по списку с про-

чими, присланному при сообщении от Ивана Ивановича Шувалова, записан он в Преображенский полк за прилежность и способность к наукам и отпущен для окончания оных на два года. Но паспорт лежал в канцелярии до вступления на престол императора Петра Третьего, по повелению которого велено всем отпускным явиться к их полкам. И как по сему он, Державин, в просрочке оказался невинным, то и приказано его причислить в третью роту в рядовые, куды причислен; и как не было у него во всем городе ни одного человека знакомых, то поставлен в казарму с даточными солдатами, вместе с тремя женатыми и двумя холостыми, и приказано было флигельману учить ружейным приемам и фрунтовой службе; и как он платил флигельману за ученье некоторую сумму денег, то старанием его и собственною своею расторопностию и силою до того в экзерциции успел, что на случай требования пред императора изготовлен был с прочими на показ; ибо сей государь великий был охотник до экзерциции и сам почасту роты осматривал, как 3-ю, в которой князь Трубецкой, фельдмаршал, генерал-прокурор и подполковник гвардии, числился капитаном.

В таком положении быв несколько времени, Державин вздумал, что у него есть вышеписанные болгарские бумаги, которые приказано было ему представить по команде, то он, отыскав г. Веревкина, принес к нему оные, а сей представил его и с ними к главному куратору Ивану Ивановичу Шувалову. Сей, приняв его весьма благосклонно, отослал в Академию художеств к какому-то чиновнику оной Евграфу Петровичу Чемезову, который, как известно всем, был первый того времени славнейший гравирный в империи художник. Сие было в великий пост. Чемезов принял Державина весьма ласково, хвалил его рисунки, которые в самом деле были сущая дрянь, но может быть, для ободрения только молодого человека к искусствам были похваляемы, и приказал ему ходить к себе чаще, обещав ему чрез Ивана Ивановича найти средство и путь упражняться в науках. Но как были при Петре Третьем беспрестанно ротные и батальонные строи и никому никуды из роты отлучаться не позволяли, то и не имел времени Державин являться ни к Шувалову, ни к Чемезову; а покровителя, чтоб его кто у ротного командира выпрашивал, никого не имел. В рассуждение чего и должен был, хотя и не хотел, выкинуть из головы науки. Однако как сильную имел к ним склонность, то, не могши упражняться по тесноте комнаты ни в рисовании, ни в музыке, чтоб другим своим компанио-

нам не наскучить, по ночам, когда все улягутся, читал книги, какие где достать случалось, немецкие и русские, и марал стихи без всяких правил, которые никому не показывал, что, однако, сколько ни скрывал, но не мог утаить от companions, а паче от их жен; почему и начали они его просить о написании писем к их родственникам в деревни. Державин, писав просто, на крестьянский вкус, чрезвычайно им тем угодил, и как имел притом небольшие деньги, получив от матери в подарок при отъезде своем сто рублей, то и ссужал при их нуждах по рублю и по два, а чрез то пришел во всей роте в такую любовь, что когда Петр Третий объявил гвардии поход в Данию, то и выбрали они его себе артельщиком, препоручив ему все свои артельные деньги и заказку нужных вещей и припасов для похода. Таким образом проводил он свою жизнь между грубых своих сотоварищей, ходя беспрестанно не токмо в строй для обучения экзерциции, но и во все случающиеся в роте работы, как-то: для чищения каналов, для привозки из магазейна провианту, на вести к офицерам и на краулы в полковой двор и во дворцы. 9-го мая стоял в крауле в погребках в старом Зимнем дворце (что был деревянный на Мойке, где ныне музыкальный клуб) и сменен для смотра роты императором, а скоро после того и всего полка, на Царицыном лугу.

Около сего времени, то есть в июне или в начале июля месяца, увидев его в таком уничижительном состоянии, пастор Гельтергоф, который за какой-то неважный проступок при императрице Елисавете Петровне был сослан в Казань и находился в гимназии учителем, а тогда возвращен и императору был знаком; то он, сожалея о его, Державина, участи, что он находится без всякого призрения и обижен, что многие младшие его солдаты по рекомендации своих сродников и милостивцев произведены в капралы, а он оставался всегда обойденным, несмотря на то, что его ум, хорошее поведение и расторопность все начальники одобряли, то он, Гельтергоф, и обещал его, Державина, выпросить чрез своих патронов у императора как знающего немецкий язык в голштинские офицеры, которых полки или батальоны квартировали в Оранбауме. Но, благодаря providение, сего Гельтергоф не успел сделать по наступившей скоро, то есть 28-го июня, известной революции.

Накануне сего дня один пьяный из его сотоварищей солдат, вышед на галерею, зачал говорить, что когда выйдет полк в Ямскую (разумеется, в вышеказанный поход в Данию), то мы спросим, зачем и куда нас ведут, оставя нашу матушку государыню, которой мы ради служить. Таковых

речей, в пьянстве и сбивчиво выговоренных, Державин, не зная ни о каком заговоре, не мог выразуметь; тем паче что в то самое время бывшие у него деньжонки в подголовке, когда он был в строю, слугою солдата Лыкова, который к нему недавно в казарму поставлен был, украдены, то сей неприятный случай сделал его совсем невнимательным к вещам посторонним. Солдаты всей роты, любя Державина, бросились по всем дорогам и скоро поймали вора, который на покупку кибитки и лошадей успел несколько истратить денег. Между тем в полночь разнесся слух, что гранодерской роты капитана Пассека арестовали и посадили на полковом дворе под краул; то и собралась было рота во всем вооружении сама собою, без всякого начальничьего приказания, на ротный плац; но, постояв несколько во фрунте, разошлась. А поутру, часу по полуночи в 8-м, увидели скачущего из конной гвардии рейтара, который кричал, чтоб шли к матушке в Зимний каменный дворец, который тогда вновь был построен (в первый день святой недели император в него переехал). Рота тотчас выбежала на плац. В Измайловском полку был слышен барабанный бой, тревога, и в городе все суматошилось. Едва успели офицеры, запыхавшись, прибежать к роте, из которых, однако, были некоторые равнодушные, будто знали о причине тревоги. Однако все молчали; то рота вся без всякого от них приказания с великим устремлением, заряжая ружья, помчалась к полковому двору. На дороге в переулке, идущем близ полкового двора, встретился штабс-капитан Нилов, останавливал, но его не послушали и вошли на полковой двор. Тут нашли майора Текутьева, в великой задумчивости ходящего взад и вперед, не говорящего ни слова. Его спрашивали, куда прикажет идти, но он ничего не отвечал, и рота на несколько минут приостановилась. Но усмотря, что по Литейной идущая гранодерская, не взирая на воспреещение майора Воейкова, который, будучи верхом и вынув шпагу, бранил и рубил гранодер по ружьям и по шапкам, вдруг, рыкнув, бросилась на него с устремленными штыками, то и нашелся он принужденным скакать от них во всю мочь, а боясь, чтоб не захватили его на Семионовском мосту, повернул направо и въехал в Фонтанку по груди лошади. Тут гранодеры от него отстали. Таким образом третья рота, как и прочие Преображенского полка, по другим мостам бежали одна за одной к Зимнему дворцу. Там нашли Семеновский и Измайловский уже пришедшими, которые окружили дворец и выходы все заставили своими краулами. Преображенский полк,

по подозрению ли, что его любил более других государь, часто обучал сам военной экзерции, а особливо гранодерские роты, которых было две, жалую их нередко по чарке вина, или по старшинству его учреждения пред прочею гвардией, поставлен был внутри дворца. Все сие Державина, как молодого человека, весьма удивляло, и он потихоньку шел по следам полка, а пришед во дворец, сыскал свою роту и стал по ранжиру в назначенное ему место. Тут тотчас увидел митрополита новгородского и первенствующего члена Св. Синода с святым крестом в руках, который он всякому рядовому подносил для целования, и сие была присяга в верности службы императрице, которая уже во дворец приехала, будучи препровождена Измайловским полком; ибо из Петергофа привезена в оный была на одноколке графом Алексеем Григорьевичем Орловым, как опосле ему о том сказывали. День был самый ясный, и, побыв в сем дворце часу до третьего или четвертого пополудни, приведены пред вышесказанный деревянный дворец и поставлены от моста вдоль по Мойке. В сие время приходили пред сей дворец многие и армейские полки, примыкали по приведении полковников к присяге по порядку к полкам гвардии, занимая места по улицам Морским и прочим, даже до Коломны. А простояв тут часу до восьмого, девятого или десятого, тронулись в поход обыкновенным церемониальным маршем, повзводно, при барабанном бое, по петергофской дороге в Петергоф. Императрица сама преодительствовала в гвардейском Преображенском мундире на белом коне, держа в правой руке обнаженную шпагу. Княгиня Дашкова также была в гвардейском мундире. Таким образом маршировали всю ночь. На некотором урочище, не доходя до Стрельной, в полночь имели отдых. Потом двинулись паки в поход. Поутру очень рано стали подходить к Петергофу, где чрез весь зверинец по кособору увидели по разным местам расставленные заряженные пушки с зажженными фитилями, которые, как сказывали после, прикрыты были некоторыми армейскими полками и голстинскими батальонами; то все отдались государыне в плен, не сделав нигде ни единого выстрела. В Петергофе расположены были полки по саду, даны быки и хлеб, где, сварив кашу, и обедали. После обеда часу в 5-м увидели большую четырехместную карету, запряженную больше нежели в шесть лошадей, с завешанными гардинами, у которых на запятках, на козлах и по подножкам были гранодеры же во всем вооружении, а за ними несколько конного конвоя, которые, как после всем изве-

стно стало, отвезли отрекшегося императора от правления в Ропшу, местечко, лежащее от Петербурга в 30 верстах, к Выборгской стороне. Часу пополудни в седьмом полки из Петергофа тронулись в обратный путь в Петербург; шли всю ночь и часу пополудни в 12-м прибыли благополучно вслед императрицы в Летний деревянный дворец, который был на самом том месте, где ныне Михайловский. Простояв тут часа с два, приведены в полк и распущены по квартирам.

День был самый красный, жаркий, то с непривычки молодой мушкатер еле жив дотащил ноги. Кабаки, погреба и трактиры для солдат растворены, пошел пир на весь мир; солдаты и солдатки в неистовом восторге и радости носили ушатами вино, водку, пиво, мед, шампанское и всякие другие дорогие вина и лили все вместе без всякого разбору в кадки и бочонки, что у кого случилось. В полночь на другой день с пьянства Измайловский полк, обуяв от гордости и мечтательного своего превозношения, что императрица в него приехала и прежде других им препровождаема была в Зимний дворец, собравшись без сведения командующих, приступил к Летнему дворцу, требовал, чтоб императрица к нему вышла и уверила его персонально, что она здорова; ибо солдаты говорили, что дошел до них слух, что она увезена хитростями прусским королем, которого имя (по бывшей при императрице Елисавете с ним войне, несмотря на учиненный с ним Петром Третьим мир и что он ему был друг) всему российскому народу было ненавистно. Их уверяли дежурные придворные, Иван Иванович Шувалов и подполковник их граф Разумовский, также и господа Орловы, что государыня почивает и, слава богу, в вожденном здравии; но они не верили и непременно желали, чтоб она им показалась. Государыня принуждена встать, одеться в гвардейский мундир и проводить их до их полка. Поутру издан был манифест, в котором хотя с одной стороны похвалено их усердие, но с другой напоминалася воинская дисциплина и чтобы не верили они распускаемым злонамеренных людей мятежничьим слухам, которыми хотят возмутить их и общее спокойствие; в противном случае впредь за непослушание они своим начальникам и всякую подобную дерзость наказаны будут по законам. За всем тем с того самого дня приумножены пикеты, которые во многом числе с заряженными пушками и с зажженными фитилями по всем мостам, площадям и перекресткам расставлены были. В таковом военном положении находился Петербург, а особливо вокруг дворца, в котором государыня

пребывание свое имела дней с восемь, то есть по самую кончину императора.

По водворении таким образом совершенной тишины объявлен поход гвардии в Москву для коронации ее величества, и в августе месяце Державин по паспорту отпущен был с тем, чтоб явиться к полку в первых числах сентября, когда императрица к Москве приближаться будет. Снабдась кибитченкой и купя одну лошадь, потащился потихоньку.

В то время спознакомился он или, лучше сказать, сдружился своего же полка из дворян с солдатом Петром Алексеевичем Шишкиным, который у него последние деньги заимобразно почти все перебрал (которые едва ли заплатил). Однако с остальными приехал в Москву и, будучи в мундире Преображенском, на голстинский манер кургузом, с золотыми петлицами, с желтым камзолом и таковыми же штанами сделанном, с прусскою претолстою косою, дугою выгнутою, и пуклями, как грибы, подле ушей торчащими, из густой сальной помады слепленными, щеголял пред московскими жителями, которым такой необыкновенный или, лучше, странный наряд казался весьма чудесным, так что обращал на себя глаза глухих; но к прибытию императрицы построены старого покрою Преображенские мундиры. Подъезжая к Москве, <императрица> в селе Петровском графа Разумовского несколько дней отдыхала, где мушкатер Державин в числе прочих солдат, наряженных на краул, стоял в саду на ночном пикете и спознакомился с подпоручиком Протасовым, который после был ему приятелем и дядькою у великого князя Александра Павловича. Из села Петровского, ибо тогда еще подъезжаемого подмосковного Петровского дворца построено не было, ездила государыня несколько раз инкогнито в Кремль. Потом всенародно имела свой торжественный въезд, сквозь построенные парадом полки гвардейские и армейские, под пушечными с Кремля выстрелами и восклицаниями народа. 22 числа сентября в Успенском соборе по обрядам благочестивых предков своих и императоров российских короновалась. Тогда отправлен был обыкновенный народный пир. Выставлены были на Ивановской Красной площади жареные с начинкою и с живностью быки и пущены из ренского вина фонтаны. Вечеру город был иллюминирован. Государыня тогда часто присутствовала в Сенате, который был помещен в кремлевском дворце; проходя в оный всегда жаловала чиновных к руке, которого счастья, будучи рядовым, и Державин иногда достаивал.

вался, нимало не помышляя, что будет со временем ее штатс-секретарь и сенатор. На зиму государыня изволила переехать в Головинский дворец, что был в Немецкой слободе. Тут однажды, стоя в будке позадь дворца в поле на часах, ночью, в случившуюся жестокую стужу и метель чуть было не замерз; но пришедшая смена от того избавила. На масленице той зимы был тот славный народный маскерад, в котором на устроенном подвижном театре, едущем по всем улицам, представляемы были разные того времени страсти или осмеялись в стихах и песнях пьяницы, карточные игроки, подьячие и судьи-взяточники и тому подобные порочные люди — сочинение знаменитого по уму своему актера Федора Григорьевича Волкова и прочих забавных стихотворцев, как-то гг. Сумарокова и Майкова.

Стоял он, Державин, тогда также сперва с даточными солдатами на квартире во флигеле в доме гг. Киселевых, который был, помнится, на Никитской или Тверской улице. Таковая неприятная жизнь ему наскучила тем более, что не мог он удовлетворить склонности своей к наукам; а как слышно было тогда, что Иван Иванович Шувалов, бывший главный Московского университета и Казанской гимназии куратор, которому он известен был по поднесенным, как выше явствует, болгарским бумагам, то и решился идти к нему и просить, чтоб он его взял с собою в чужие края, дабы чему-нибудь там научиться. Вследствие чего, написав к нему письмо, действительно пошел и подал ему оное лично в прихожей комнате, где многие его бедные люди и челобитчики ожидали, когда он проходил их, дабы ехать во дворец. Он остановился, письмо прочел и сказал, чтоб он побывал к нему в другое время. Но как дошло сие до тетки его по матери двоюродной Феклы Савишны Блудовой, жившей тогда в Москве, в своем доме, бывшем на Арбатской улице, женщины по природе умной и благочестивой, но по тогдашнему веку непросвещенной, считающей появившихся тогда в Москве масонов отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют и тому подобные бредни, а Шувалова признавали за их главного начальника, то она ему как племяннику своему, порученному от матери, и дала страшную нагонку, запрета накрепко ходить к Шувалову под угрозой написать к матери, буде он ее не послушает. А как воспитан он был в страхе божием и родительском, то и было сие для него жестоким поражением, и он уже более не являлся к своему покрови-

телю, но отправлял, как выше явствует, наряду с прочими солдатами все возложенные низкие должности, а между прочим разносил нередко по офицерам отданные в полк с вечера приказы. А как они стояли почти по всей Москве с одного края на другом, то есть на Никитской, где рота стояла, на Тверской, на Арбате, на Пресне, на Ордынке за Москвой-рекой, то и должно было идти почти с полуночи, дабы успеть раздать приказы каждому по рукам до обедни. И как в Москве по пустырям зимнею порою, во время больших вьюг, бывают великие снежные наносы или сугробы, то в одну ночь, проходя на Прёсьню, потонул было в снегу, где напали собаки и едва не растерзали, от которых, вынуд тесак, насили оборонился. В одном из таковых путешествий случился примечательный и в нынешнем времени довольно смешной анекдот. Князь Козловский, живший тогда на Тверской улице, прапорщик третьей роты, известный того времени приятный стихотворец, у посещавшего его или нарочно приехавшего славного стихотворца Василия Ивановича Майкова читал сочиненную им какую-то трагедию, и как приходом вестового Державина чтение перервалось, который, отдав приказ, несколько у дверей остановился, желая послушать, то Козловский, приметя, что он не идет вон, сказал ему: «Поди, братец служивый, с богом; что тебе попусту зевать? ведь ты ничего не смыслишь», — и он принужден был выйти.

Наступила весна и лето, и хотя многие, как выше явствует, младшие произведены были не токмо в капралы, но и в унтер-офицеры по протекциям, а Державин без протектора всегда оставался рядовым; но как стало приближаться восшествие императрицы на престол, 1763 году июня 28-го дня, а в такие торжественные праздники обыкновенно производство по полку нижних чинов бывало, то и решился он прибегнуть под покровительство майора своего графа Алексея Григорьевича Орлова. Вследствие чего, сочинив к нему письмо с прописанием наук и службы своей, наименовав притом и обошедших его сверстников, пошел к нему и подал ему письмо, которое, прочетши, он сказал: «Хорошо, я рассмотрю». В самом деле и пожалован он в наступивший праздник в капралы.

Тогда отправился в годовой отпуск к матери в Казань, дабы показаться ей в новом чине. На дороге случилось приключение, ничего впрочем не значащее, но, однако, могущее в крайнее свергнуть его злополучие. Прекрасная молодая благородная девица, имевшая любовную связь с бывшим его гимназии директором господином Веревки-

ным, который тогда возвращен был паки на прежнее свое место, быв зачем-то в Москве, отправлялась в Казань к своему семейству, сговорила с ним и еще с одним гвардии же Преображенского полка капралом Аристовым вместе для компании ехать. В дороге, будучи непрестанно вместе и обходясь попросту, имел удачу живостью своею и разговорами ей понравиться так, что товарищ, сколь ни завидовал и из ревности сколь ни делал на всяком шагу и во всяком удобном случае возможные препятствия, но не мог воспретить соединению их пламени. Натурально, в таковых случаях более оказывается в любовниках храбрости и рвения угодить своей любезной. В селе Бунькове, что на Клязьме, владении г. Всеволожского, перевозчики подали паром, извозчики взвезли повозки и выпрягли лошадей; но первые не захотели перевозить без ряды, а как они запросили неумеренную цену, которая почти и не под силу капралскому кошельку была, то и не хотел он им требуемого количества денег дать, а они разбежались и скрылись в кусты. Прошло добрых полчаса, и никто из перевозчиков не являлся. Натурально, красавице скучилось; она стала роптать и плакать. Кого же слезы любимого предмета не тронут? Страстный капрал, обнажа тесак, бросился в кусты искать перевозчиков и, нашед их, то угрозами, то обещанием заплатить все, что они потребуют, вызвал их кое-как на паром. Но как пришли на оный, то и требовали наперед денег в превосходном числе, чем прежде просили. Тут молодой герой, будучи пылкого нрава, не вытерпел обману, вышел из себя и, схватя палку, ударил несколько раз кормщика. Он схватил свой багор и закричал прочим своим товарищам: «Ребята, не выдавай!» С словом сим все перевозчики, сколько их ни было, кто с веслами, кто с шестами, напали на рыцарствующего капрала, который как ни отмахивался тесаком, но принужден был, бросившись в повозку, схватить свое заряженное ружье, приложился и хотел выстрелить; но к счастью, что ружье было новое, пред выездом из Москвы купленное и неодержанное, курок крепок, то и не мог скоро спуститься. Мужики, увидя его ярость и убоявшись смерти, вмиг разбежались. Тогда он, отвязав маленький при берегу стоявший челнок, сел в него и переправился чрез Клязьму в помянутое село Буньково. Там, ходя по улице и по дворам, никого не находил; наконец вышел из приказной избы мужик довольно взрачный, осанистый, с большою бородою и, подпираясь посохом, с видом удивления спросил: «Что ты, барин, так воюешь, разве к басурманам ты заехал? чего тебе надобно?» Про-

езжий пересказал ему случившееся, жалуясь на притеснение перевозчиков. «Ну что же за беда? разве не можно было другим манером сыскать на них управы? Стыдно-ста, молодой господин, озорничать, бегать с голым палахом по улице и пужать мир крещеный. Меня не испугаешь, велю схватить да связать и отвезу в город, так и будешь утирать кулаком слезы, но не поворотишь. Барин наш нас не выдаст» (который был тогда обер-прокурором в Сенате и в случае при дворе). Таковым справедливым укором устыдил храбреца мужик. Это был бурмистр того селения. Насилу кое-как будучи убежден, приказал перевозить за сходную цену все повозки.

Приехав в Казань, желал с красавицей своей чаще видаться, но, будучи небольшого чина и небогат, не мог иметь свободного хода к ней в покой, ибо она жила в одном доме с г<осподином> директором, с супругою его вместе. А притом как должен был по приказанию матери ехать в Шацк для вывода оттуда некоторого небольшого числа крестьян, доставшихся ей на седьмую часть после первого ее мужа, г. Горина, то сии кратковременные любовные шашни тем и кончились; ибо более никогда уже не видал сего своего предмета.

Приехав из Шацка в оренбургскую деревню, куда приехала и мать его, прожил с нею там оставшее летнее время, а в исходе сентября отправила она его в Оренбург по некоторым случившимся деревенским делам. На дороге, не доезжая Сорочинской крепости верст за 30, случилось с ним приключение, которое едва не лишило его жизни. Спускаясь с небольшого пригорка, переломилась под коляскою передняя ось. В рассуждение обширного проезда степных мест берут дорожные всегда оси с собою запасные. Он приказал подделывать оную; надев патронташ и взяв ружье, пошел по речке, тут протекающей, смотреть дичины. Увидел пару уток, но они его не допустили: перелетев по той же самой речке, сели в луке. Он пошел за ними и, перешед маленький кустарник, увидел вдруг стадо диких свиней, или кабанов, с молодыми поросятами. Боров матерый, черношерстый, усмотря его, тотчас от табуна отделился. Глаза его как горящие угли заблестали, щетина на гриве дыбом поднялась, и из пасти белая пена потекла струею. Охотник, приметя опасность, хотел перескочнуть на другую сторону речки, ибо она была самая крошечная, но не успел он к ней подойти, как увидел кабана к себе бегущего, и в тот же миг почувствовал себя брошенным на несколько шагов; а вскоча в беспамятстве на ноги, усмотрел

мелькнувшую кровь на пене во рту у зверя, выпалил из ружья, имеющегося у него в руках со взведенным курком на поясовом прикладе. Вепрь пал, стремившийся к нему в другой раз, и как был уже очень близко, то заряд, хотя из мелкой утиной дробы, но, угодя ему прямо в сердце, поверг его бездыханна на землю. Победитель хотел подойти к врагу своему и осмотреть рану его; тогда же сам почувствовал слабость, упал и, взглянув на левую ногу, увидел икру почти совсем от берца оторванную и кровь ручьем текущую. Не могли далее идти к своей коляске, остался на месте, пока казаки, называемые в том краю гулёбщиками, или охотники, едущие по степям за кабанями, сайгаками и прочими зверьми, на него наехали и, узнав от него приключение, нашли людей с коляской, которые, подделав ось, давно дожидались и не знали, где найти. Нельзя в сем случае не признать чудесного покровительства божия. Первое в том, что свирепый зверь не пересек страшными своими клыками берца у ноги и жил сухих близ лодыжки, а отделил почти с самого подколена одну от кости икру, или мягкое мясо. Второе, что ружье, чрез которое был переброшен, упершись дулом в землю, не сделалось неспособным к выстрелу, ибо ложе хотя от ствола отломилось, но удержался приклад с замком по самые замочные винты на казенном шурупе; с затравки порох не ссыпался и произвел свое надлежащее действие. Третье, что без всякого прицеленья заряд попал в сердце зверя, иначе легкою раною он мог более рассвирепеть и довершить пагубу. Четвертое, что он не растерзал живота, а поразил только ногу. Но как бы то ни было, благодарение промыслу, спасся от смерти, и хотя был в Оренбурге недель с шесть болен, по пособиям губернатора князя Путятина вылечился; однако рана совершенно не затворялась целый год.

По наступлении срока отправился в Петербург к полку. Таким же образом вел свою жизнь, как прежде, упражняясь тихонько от товарищей в чтении книг и кропании стихов, стараясь научиться стихотворству из книги о поэзии, сочиненной г. Тредиаковским, и из прочих авторов, как-то: гг. Ломоносова и Сумарокова. Но более ему других нравился по легкости слога помянутый г. Козловский, из которого и научился цезуре, или разделению александрийского ямбического стиха на две половины. В сие время написал стансы, или песенку похвальную Наташе, одной прекрасной солдатской дочери, в соседстве в казармах жившей, и отважился показать служившему унтер-офицеру Сергею Васильевичу Неклюдову, которого чрез то

и брата его Петра Васильевича Неклюдова, бывшего бомбардирским сержантом, приобрел приязнь, а прочих своих собратий похвалу. Тогда же шуточные, непристойные, сочиненные им стихи насчет одного капрала, которого жену любил полковой секретарь, бывший тогда в великой силе у подполковника графа Бутурлина, наделали ему хлопот и были причиною ненависти того секретаря, хотя он прежде его любил за нарисование весьма искусно пером печати с его гербом. Ибо один из офицеров, имея в кармане те стихи, подал их вместо приказа гранодерскому капитану поручику Афремову, а тот рассказал другим офицерам, то и вышел из того по всему полку смех, за что г(осподин) полковой секретарь молодого стихотворца гнал и вычеркивал всегда из ротного списка, поданного к производству в чины, а по сей причине и служил он в капралах четыре года, ведя вышеописанную скромную жизнь. Он стоял уже с своими братьями дворянами, упражняющимися в карточной игре и прочих шалостях, молодым людям свойственных, то и начал уже помалу в нравах своих развращаться.

В сем промежутке времени едва не случилась с ним незапная страшная смерть. Ходил он обыкновенно в своем звании во все краулы, то в одном из оных в Зимнем каменном дворце, когда он еще внутри не весь был выстроен, и в той половине, где после был придворный театр, а ныне апартаменты вдовствующей императрицы Марии Федоровны, наверху в одном из самых верхних ярусов были двой двери: одни в покой, в котором был пол, а другие в другой, в котором был пролом до самых нижних погребов, наполненных каменными обломками. И как по лености не токмо офицеров, но и унтер-офицеров приказано было ему ночью обойти все притины дозором, то он пошел, взяв фонащика, или солдата, который нес фонарь, казанского дворянина, знакомого себе, по фамилии Потапова. Бегая по многим лестницам, не дожидаясь освещения проходов, пришел наконец к вышеописанному месту и хотел стремление свое продолжать далее, но вдруг услышал голос Потапова, далеко на низу лестницы от него отставшего, который кричал: «Постойте, куда вы так бежите?» Он остановился, и лишь только осветил фонарь, то и увидел себя на пороге или на краю самой той пропасти, о которой выше сказано. Один миг — и едва одни кости его остались бы на сем свете. Он перекрестился, воздал благодарение богу за спасение жизни и пошел, куда было должно.

В сих годах, то есть в 1765 и в 1766 году, были два славные в Петербурге позорища, учрежденные императри-

цею сколько для увеселения, столько и для славы народа. Первое — великолепный карусель, разделенный на четыре кадрили: на ассирийскую, турецкую, славянскую и римскую, где дамы на колесницах, а кавалеры на прекрасных конях, в блистательных уборах, показывали свое проворство метанием дротиков и стрельбою в цель из пистолетов. Подвигоположником был украшенный сединами фельд-маршал Миних, возвращенный тогда из ссылки. Другое — преузорочный под Красным Селом лагерь, в котором, как сказывали, около 50 тысяч конных и пеших было собрано войск для маневров пред государынею. Тогда в придворный театр допускаемы были без всякой платы одни классные обоего пола чины и гвардии унтер-офицеры; а низкие люди имели свой народный театр на Комисариатской площади, а потом из карусельного здания на месте, где ныне Большой театр, на котором играли всякие фарсы и переведенные из Мольера комедии.

В один из сих годов, но помнится только, что осенью, случилась поносная смертная казнь на Петербургской стороне известному Мировичу. Ему отрублена на эшафоте голова. Народ, стоявший на высотах домов и на мосту, не обыхший видеть смертной казни и ждавший почему-то милосердия государыни, когда увидел голову в руках палача, единогласно ахнул и так содрогся, что от сильного движения мост поколебался и перила обвалились. В то время, не знаю по какой надобности, государыня путешествовала по Остзейским городам в Лифляндии, как-то: в Ригу, в Ревель и в прочих. Зимой объявлен поход ее величества в Москву. Державин по рекомендации вышепомянутого Петра Васильевича Неклюдова, который пожалован около того времени в полковые секретари, пожалован в фурьеры и командирован под начальством поручика Алексея Ивановича Лутовинова на ямскую подставу для надзирания за исправностию наряженных с ямов лошадей, изготовленных для шествия императрицы и всего ее двора. Сей Лутовинов и старший его брат капитан-поручик Петр Иванович хотя были умные и весьма расторопные в своей должности люди, но старший весьма развращенных нравов, которому последую и младший нередко упражнялся в зазорных поступках и в неблагопристойной жизни, то есть в пьянстве, карточной игре и в обхождении с непотребными ямскими девками в известном по распутству селе, что ныне город, Валдаях; ибо младшего брата станция была в Яжелобиках, а старшего в Зимогорье, в соседстве с Валдаями. Там

проводили иногда целые ночи на кабаке, никого однако посторонних, кроме девок, не впуская. При всем том хотя целую зиму с ноября по последние числа марта в таком распутстве провели, однако Державина со всеми принуждениями довести до того не могли, чтоб он когда-либо напился пьяным, да и вовсе не токмо вина, но и пива и меда не пил; в карты же, однако, помалу играть начал, не оставляя упражняться, если только время позволяло, и в стихотворстве. Тут первые написал правильные ямбические экзаметры на проезд государыни чрез реку того селения Мохость, в которой иногда находят прекрасный жемчуг. По проезде всего двора проехал кабинет-министр Адам Васильевич Олсуфьев и велел, сняв станции, следовать всем гвардейским командам к их полкам в Москву. Ему были принесены жалобы, а особливо на старшего Лутовинова в разных бесчинствах, а особливо в неотдаче ямщикам прогонных денег, которые получаемы были из Кабинета и от проезжающих. Они были промотаны; но у меньшого Лутовинова, как возложено было получать и платить ямщикам те прогоны на унтер-офицера Державина, то он их, нимало не удерживая, всегда отдавал по рукам кому следовало и тем их сберег от постыдной растраты, а офицера своего от суда, которому старший брат подвергнут. Разжалован был наипаче за то, что когда спущены были со станций команды, то поскакали опрোметью в Москву, а особливо двое Лутовиновых. Приехав в село Подсолнечное, где стоял капитан Николай Алексеевич Булгаков, которого почитали не за весьма разумного человека, требовали от него, будучи в шумстве, наскоро лошадей, но как лошади были в разгоне, то они, ему не веря, приказали их сыскивать по дворам; а как и там оных не находили, то многие буяны из солдат, желая угодить командирам, перебили в избах окошки и разломали ворота, то и вышла от сего озорничества жалоба и шум. Булгаков вступился за свою команду. Он и Лутовиновы, наговоря друг другу обидных и бранных слов, называя Булгакова дураком, разгорячились, или, лучше сказать, вышли хмельные из рассудка, закричали своим командам: «К ружью!» Булгаков также своей. У каждого было по 25 человек, которые построились во фронт; им приказано было заряжать ружья, но Державин, бегая между ими будто для исполнения офицерских приказаний, запрещал тихонько, чтоб они только вид показывали, а в самом деле ружей не заряжали; и как было тогда ночное время, то офицеры того и не заметили, а между тем подоспели лошади и наехали другие

команды, именно из Крестец капитан Голохвастов, то и успокоилось сие вздорное междуусобие.

В сие время досталось Державину при производстве в полку чрез чин подпрапорщика в капитанармусы, а генваря первого числа 1767 года — в сержанты, ибо при покровительстве полкового секретаря Неклюдова его уже не обходили. С открытием весны государыня на судах по Волге шествовала в Казань. На сем пути в сообществе своих приближенных господ трудилась над переводом Мармонтелева «Велизария». Гвардия возвратилась в Петербург, а Державин на некоторое время отпросился для свидания с матерью и меньшим его братом, учившимся в гимназии при директорстве г. Каница, в Казань, где потом в оренбургской деревне оставшую часть лета и осень в семействе своем прожил. Возвращаясь из отпуска, взял с собою и меньшого его брата из гимназии, которая была тогда под ведомством директора г. Каница.

Но, приехав в Москву и имев от матери поручение купить у господ Таптыковых на Вятке небольшую деревнишку душ 30, остановился, и как за чем-то совершение крепости остановилось, то отправил в Петербург меньшого брата, просил записать его в службу помянутого благодетеля своего полкового секретаря Неклюдова и себе на два месяца отсрочку, которую и получил, а брат записан в тот же Преображенский полк, но только, по склонности его к математике, в бомбардирскую роту. И как стоял он тогда у двоюродного своего брата господина Блудова, который и его двоюродный брат господин подпоручик Максимов, живши в одном с ним доме, завели его сперва в маленькую, а потом и в большую карточную игру, так что он проигрывал данные ему от матери на покупку деревни деньги. Тогда забыл о сроке, хотел проигранные деньги возвратить; но как не мог, то, заняв у него, Блудова, купил деревню на свое имя и ему оную с присовокуплением материнского имения, хотя не имел на то и права, заложил. Попад в такую беду, ездил, так сказать, с отчаяния день и ночь по трактирам искать игры. Спознакомился с игроками, или, лучше, с прикрытыми благопристойными поступками и одеждою разбойниками; у них научился заговорам, как новичков заводить в игру, подборам карт, подделкам и всяким игрецким мошенничествам. Но благодарение богу, что совесть или, лучше сказать, молитвы матери никогда его до того не допускали, чтобы предался он в наглое воровство или в коварное предательство кого-либо из своих приятелей, как другие дельвали. Но когда и случалось быть

в сообществе с обманщиками и самому обыгрывать на хитрости, как и его подобным образом обыгрывали, но никогда таковой, да и никакой выигрыш не служил ему впрок; следственно, он и не мог сердечно прилепиться к игре, а играл по нужде. Когда же не имел денег, то никогда в долг не играл, не занимал оных и не старался какими-либо переворотами отыгрываться или обманами, лжами и пустыми о заплате уверениями доставать деньги, но всегда содержал слово свое свято, соблюдал при всяком случае верность, справедливость и приязнь. Если же и случалось, что не на что не токмо играть, но и жить, то, запершись дома, ел хлеб с водою и марал стихи при слабом иногда свете полушечной сальной свечки или при сиянии солнечном сквозь щелки затворенных ставней. Так тогда, да и всегда, проводил он несчастливые дни. А как он уже в такой распутной жизни просрочил более полугода, то помянутый его благодетель Неклюдов, отправляя еще секретарскую должность, хотя был уже и капитан-поручиком, видя, что он за сроком столь долго проживает в Москве, и слыша, что замотался, то опасаясь, чтоб не погиб, ибо разжалован бы был по суду в армейские солдаты, сжалился над ним и без всякой его просьбы в ордере между прочими полковыми делами к капитану-поручику московской команды Шишкову приписал, что когда сержант Державин явится, то причислить его к московской команде, который ордер (с сведениями или без сведения об сей отсрочке, то неизвестно) майор Маслов подписал и был спасителем погибающего мотарыги. Он, став сим средством обеспеченным от несчастья, пробыл несколько еще месяцев в Москве, вел жизнь не лучше, как и прежде, а поелику жил он в помянутом доме Блудова с сказанным же его родственником Максимовым, то и случилось с ним несколько замечательных происшествий.

Первое. Жаживала к ним в дом в соседстве живущего приходского дьякона дочь, и в один вечер, когда она вышла из своего дома, отец или мать, подозревая ее быть в гостях у соседей, упросили бутошников, чтоб ее подстерегли, когда от них выдет. Люди их и Блудова увидели, что бутошники позаугодно кого-то дожидаются, спросили их; они отвечали грубо, то вышла брань, а потом драка, а как с двора сбежалось людей более, нежели подзорщиков было, то первые последних и поколотили. С досады за таковую неудачу и чтоб отмстить залегли они в крапиве на ограде церковной, чрез которую должна была проходить несчастная грация. Ее подхватили отец и мать, мучили

плетью и, по научению полицейских, велели ей сказать, что была у сержанта Державина. Довольно сего было для крючков, чтобы прицепиться. На другой день, когда он часу пополудни в первом ехал из Вотчинной коллегии, где был по своим делам, в карете четвернею и лишь приблизился только к своим воротам, то вдруг ударили в трещотки, окружили карету бутлошники; схватив лошадей под уздцы и не объявля ничего, повезли чрез всю Москву в полицию. Там посадили его с прочими арестантами под краул. В таком положении провел он сутки. На другой день поутру ввели в судейскую. Судьи зачали спрашивать и домогаться, чтоб он признался в зазорном с девкою обхождении и на ней женился, но как никаких доказательств ни письменных, ни свидетельских не могли представить на взводимое на него преступление, то, проволочив, однако, с неделю, должны были с стыдом выпустить, сообщая, однако, за известие в полковую канцелярию, где таковому безумству и наглости алгвазилов дивились и смеялись. Вот каковы в то время были полиция и судьи!

Второе. Познакомился с ним в трактирах по игре некто, хотя по роду благородный, знатной фамилии, но по поступкам самый подлый человек, который содержался в юстиции за подделку векселей и закладных на весьма большую сумму и подставление по себе в поручительство подложной матери, который имел за собою в замужестве прекрасную иностранку, которая торговала своими прелестями. В нее влюбился некто приезжий пензенский молодой дворянин, слабый по уму, но довольно достаточный по имуществу. Она с ведома, как после открылося, мужа с ним коротко обращалась и его без милости обирала, так что он заложил свое и материнское имение и лишился самых необходимо нужных вещей. А как сей дворянин был с Державиным хороший приятель, то и сжалился он на его несчастье. Вследствие чего, будучи в один день в компании с мужем, слегка дал ему почувствовать поведение жены. Муж старался прикрыть ее и оправдать себя своим неведением, и хотя тогда прекратил разговор шутками, но запечатлел в сердце своем на него злобу за такое чистосердечное остережение. Он спустя некоторое время позвал его в гости к себе на квартиру жены и под вечер намерен был поколотить, а может быть, и убить; ибо когда Державин вошел в покой, то увидел за ширмами двух сидящих незнакомых, а третьего лежащего на постели офицера, которого раз видел в трактире игравшего несчастно на бильярде, ибо его на поддельные шары обыгрывали, что он шуткой и заметил

офицеру. Хозяин, приняв гостя сначала ласково, зачал его помалу в разговорах горячить противоречиями и потом привязываться к словам, напоминая прежде слышанные им, относя их к обиде его и жены; но как гость опровергал сильными возражениями свое невинное чистосердечие, то умышленник и начал кивать головой сидящим за ширмами и лежащему на постеле, давая им знать, чтоб они начинали свое дело. Против всякого чаяния лежащий сказал: «Нет, брат, он прав, а ты виноват, и ежели кто из вас тронет его волосом, то я вступлюсь за него и переломая вам руки и ноги»; ибо был он молодец, приземистый борец, всех проворнее и сильнее, и имел подле себя орясину, то хозяин и все прочие соумышленники удивились и опешили. Это был господин землемер, недавно приехавший из Саратова, поручик Петр Алексеевич Гасвицкий, который с того времени сделался Державину другом. <...>

Наконец, кратко сказать, он, проживая в Москве в знакомстве с такового разбора людьми, чрезвычайно наскучил, или, лучше сказать, возгнушавшись сам собою, взял у приятеля матери своей 50 рублей, который прошен был от нее ссудить в крайней его нужде, бросился опретью в сани и поскакал без оглядок в Петербург. Сие было в марте месяце 1770 года, когда уже начало открываться в Москве моровое поветрие. В Твери удержал было его некто из прежних его приятелей, человек распутной жизни, но кое-как от него отделался, издержав все свои деньжонки. На дороге занял у едущего из Астрахани садового ученика с виноградными к двору лозами 50 рублей и те в новгородском трактире проиграл. Остался у него только рубль один, крестовик, полученный им от матери, который он во все течение своей жизни сберег. Подъезжая к Петербургу в 1770 году, как уже тогда моровое поветрие распространялось, нашел на Игоре или Тосне заставу карантинную, на которой должно было прожить две недели. Это показалось долго, да и жить за неимением денег было нечем, то старался упросить карантинного начальника о скорейшем пропуске, доказывая, что он человек небогатый, платья у него никакого нет, которое бы окуривать и проветривать должно было; но как был у него один сундук с бумагами, то и находили его препятствием. Он, чтобы избавиться от оногo, сжег при краульных со всем тем, что в нем ни было, и, преобратя бумаги в пепел, принес на жертву Плутону все, что он во всю молодость свою чрез 20 почти лет намарал, как-то: переводы с немецкого языка и свои собственные сочинения в прозе и в стихах. Хороши ли они

или дурны были, того теперь сказать не можно; но из близких его приятелей кто читал, а особливо «Христианина в уединении» Захария, весьма хвалили.

Приехав, как выше сказано, в Петербург с одним рублем, благословением матери, занял на прожиток 80 рублей у Григорья Никифоровича Киселева, давнишнего своего приятеля, казанского помещика, с которым учились вместе в гимназии, служили в полку и гуляли на подставках. Тут брата своего застал уже бомбардиром или мушкетерским капралом, но больным в чахотке, что, быв на ученьи, от усиленного поворачивания пушки надорвался, вспотел и, пошед домой, простудился, отчего пришла сперва лихорадка, от которой лечился известным славным шарлатаном Ерофеичем, вылечившим графа Алексея Григорьевича Орлова от весьма опасной болезни, от которого все лучшие доктора отказались. Выпив несколько приемов настоящего с какими-то кореньями питья, стал кашлять кровью и получил выше объявленную неизлечимую болезнь. Видя его в весьма короткое время иссохнувшим, отпросил в отпуск к матери в Казань, где он под ее призором осенью, более 20 лет от рождения своего, кончил жизнь и погребен на Проломной улице, у церкви Вознесения Господня.

Оставшись после брата, на занятые у Киселева деньги выиграл сотни две рублей у помянутого выше господина Протасова, заплатил долг и пробавлялся кое-как, имея наиболее обхождение с ним, с Петром Васильевичем Неклюдовым и с капитаном Александром Васильевичем Толстым, у которого тогда и в 10-й роте находился. Сии трое честные и почтенные люди его крайне полюбили за некоторые его способности, что он изрядно рисовал или, лучше сказать, копировал пером с гравированных славнейших мастеров эстампов так искусно, что с печатными не можно было узнать рисованных им картин. Более же всего правился он им за некоторое искусство в составлении всякого рода писем. Писанные им к императрице для всякого рода людей притесненных, обиженных и бедных всегда имели желаемый успех и извлекали у нее щедроты. Случалось, обрабатывал он приказные и полковые дела, и доклады иногда к престолу, и любовные письма для Неклюдова, когда он влюблен был в девицу Ивашеву, на которой после и женился, хотя отец сперва тому и противился.

В 1771 году переведен в 16-ю роту, в которой отправлял фельдфебельскую должность в самой ее точности и исправности; так что когда назначен был в том лете лагерь под Красным Кабачком, то капитан Василий Васильевич Кор-

саков, никогда не служивший в армии и нисколько не сведущий военных движений, возложил все свое упование на фельдфебеля, ибо и офицеры были столько же сведущи в том, как и он, или по крайней мере люди изнеженные или ленивые, что не хотели заниматься своею должностью; такова была тогда служба. Но как и он ничего не знал, и не знали, как в лагерь вступить, то и принужден был у солдат, недавно написанных в гвардию из армейских полков, учиться, а чтоб не стыдно было, то, вставая на заре, собирал роту и, расставя колья, назначал им лагерные улицы и входы и вводил в них повзводно или пошереножно людей. А как лагерь благополучно состоялся и на полковом смотре никакого беспорядку не случилось, то и более заслужил уважения от всех офицеров и унтер-офицеров, которые избрали его в хозяина и препоручили сложенную ими компаньонскую сумму. По выходе из лагеря в сентябре, как надобно было к приближающемуся новому году аттестовать из унтер-офицеров в офицеры, что тогда происходило чрез собрание ротных командиров и прочих офицеров, то нельзя было не отдать справедливости по службе, по поведению и по честности фельдфебелю. Однако же полковой адъютант Желтухин, имея меньшого брата сержантом, младшим Державина, за которым ему не могло достаться в офицеры, и желая как можно натянуть, придирался всячески к фельдфебелю и в один раз, что минуту после его приезда на полковой двор пришел за приказом, поставил его под ружье, желая тем представить его неисправным в должности и обнести тем у майора Маслова, которого он был любимец и делал из него, что хотел, который уже был направлен, чтоб Державина за бедностью в гвардии офицеры не производить, а выпустить в армейские офицеры. Однако же как офицеры знали его способности, а особливо помянутые Неклюдов, Протасов и Толстой, которые были уже капитанами из лучших и майором уважаемы, наотрез в собрании сказали, что ежели Державин не аттестуется, то они никого других аттестовать не могут. Итак, он в начале 1772 года, генваря 1-го дня, произведен гвардии прапорщиком в ту же 16-ю роту, в которой служил фельдфебелем. В самом деле, бедность его великим была препятствием носить звание гвардии офицера с пристойностью; а особливо тогда более даже, нежели ныне, предпочитались блеск, и богатства, и знатность, нежели скромные достоинства и ревность к службе. Но как бы то ни было, ссудю из полку сукна, позументу и прочих вещей на счет жалованья (ибо тогда из полковой экономической суммы всегда комиссаром

запасалось оных довольно количество) обмундировался он; продал сержантский мундир, купил аглинские сапоги и, небольшую заняв сумму, и ветхую каретишку в долг у господ Окуневых, исправился всем нужным. Жил он тогда в маленьких деревянных покойчиках на Литейной в доме господина Удолова хотя бедно, однако же порядочно, устраняясь от всякого развратного сообщества; ибо имел любовную связь с одною хороших нравов и благородного поведения дамою, и как был очень к ней привязан, а она не отпускала его от себя уклоняться в дурное знакомство, то и исправил он помалу свое поведение, обращаясь между тем, где случай позволял, с честными людьми и в игре по необходимости для прожитку, но благопристойно. Из офицеров приязнь его была тогда наиболее с поручиком Алексеем Николаевичем Масловым, который также имел интригу с одною довольно чиновною дамою. Сей Маслов был человек довольно умный, честный и с нарочитыми в словесности, а особливо на французском языке, сведениями, но при всем том ветреный и мот, который ввел Державина в большие хлопоты, как о том ниже увидим.

В сем году около осени случилось замечательное происшествие. В один год, помнится в июле месяце, отдан приказ, чтобы выводить роты на большое парадное место в три часа поутру. Прапорщик Державин приехал на ротный плац в назначенное время. К удивлению, не нашел там не токмо капитана, но никого из офицеров, кроме рядовых и унтер-офицеров; фельдфебель отрапортовал ему, что все больны. Итак, когда пришла пора, он должен был вести один людей на полковое парадное место. Там нашел майора Маслова, и прочие роты начали собираться. Когда построились, сказано было: «К ноге положи», и ученья никакого не было. Таким образом прождали с 3-х часов до 9-го часа в великом безмолвии, недоумевая, что бы это значило. Наконец от стороны слобод, что на Песках, услышали звук цепей. Потом показался взвод солдат в синих мундирах. Это была сенатская рота. Приказано было полку сделать каре, в который, к ужасу всех, введен в изнуренном виде и бледный унтер-офицер Оловянишников и с ним 12 человек лучших гранодер. Прочтен указ императрицы и приговор преступников. Они умышляли на ее жизнь. Им учинена торговая казнь; одели в рогожное рубище и, тут же посажав в подвезенные кибитки, отвезли в ссылку в Сибирь. Жалко было и ужасно видеть терзание их катом, но ужаснее того мысль, как мог благородный человек навести на себя такое

бедствие. Однако же таковых умышлений на императрицу было не одно сие (окроме возмущения злодея Пугачева, которое будет ниже несколько обстоятельнее описано, потому что в усмирении оного участвовал и Державин), и именно гласные, не говоря о не вышедших наружу: скоро по коронации в Москве — хрущевский и жилинский, по возвращении в Петербург — озеровский и жилинский; первые ошельмованы на эшафоте переломлением шпaga и разосланы на житье по их деревням, вторые — в каторжную работу в Сибирь, а пугачевский успокоен с большим кровопролитием в междоусобной брани.

ОТДЕЛЕНИЕ III

С упомянутого возмущения по вступление Державина в статскую службу

Причины сего возмущения, крывшиеся в Яицком, или нынешнем Уральском, городке, здесь не описываются, потому что известны они будут по историческим известиям. Начну тем, что во время брачного торжества великого князя Павла Петровича с великою княжною Натальею Алексеевною в 1773 году, в сентябре, стали разноситься по народу слухи о появившемся в Оренбургской губернии разбойнике, для поимки коего того краю посланы гарнизонные и прочие команды; а как несколько молва замолкла, то и думали, что беспокойство утешено. Но вдруг во дворце на бале в Андреев день, то есть 30 ноября, государыня, подошед к генерал-аншефу, Измайловского полку майору Александру Ильичу Бибикову, которому пред тем наскоро было велено отправиться в главную армию под начальство графа Петра Александровича Румянцева (с которым тогда был он не весьма в приязни), объявила о возмущении, приказав ему ехать для восстановления спокойствия в упомянутой губернии. Бибиков был смел, остр и забавен, пропел ей русскую песнь: «Наш сарафан везде пригожается». Это значило то, что он туда и сюда был беспрестанно в важные дела употребляем без отличных каких-либо выгод, а напротив того от Румянцева и графа Чернышева, управляющего Военною коллегиею, иногда был притесняем. Вследствие чего на другой день были к нему наряжены в ассистенты или помощники многие гвардии офицеры по его выбору, ему знакомые, а именно: из Преображенского полку Кологривов, из Семеновского — Маврин и Горчаков,

из Измайловского — Лунии и Собакин, и дан в Военную коллегию указ об отряде в его команду войск.

Державин узнал сие, и, как имел всегда желание употреблен быть в войне или в каком-либо отличном поручении, даже повергался иногда в меланхолию, что не имел к тому средства и удобства, ибо во время посылки на флоте команд в Архипелаг не находился в Петербурге, а в армию ехать волонтером не имел достатку, ибо гвардию тогда обыкновенным порядком на войну, как прочие армейские полки, не употребляли, кроме вышеозначенной экспедиции на флоте; итак, вздумал открывшимся случаем воспользоваться. Вследствие чего, хотя ему генерал Бибиков нимало не был знаком, но он решился ехать к нему и без рекомендации, слыша, что он человек разумный и могущий скоро проникать людей. Приехав, открыл ему свое желание, сказав, что слышал по народному слуху о поездке его в какую-то секретную комиссию в Казань; а как он в сем городе родился и ту сторону довольно знает, то не может ли он быть с пользою в сем деле употребленным? Бибиков отвечал, что он уже взял гвардии офицеров, ему людей известных, и для того сожалеет он, что не может исполнить его просьбы. Но как Державин остался у него еще на несколько времени и не поехал скоро, то он, вступив в разговор с ним, был им доволен, однако же никакого не сделал обещания. Простясь, с огорчением от него поехал, но в приказе полковом ввечеру с удивлением увидел, что по высочайшему повелению велено ему явиться к генералу Бибикову. Он сие исполнил и получил приказание чрез три дни быть к отъезду готовым.

В сие время, как он стоял в доме помянутой госпожи, его приятельницы, к которой почасту приезжали из деревни с Ладожского канала ее люди, по которому каналу расположен был на зимних квартирах Володимерский гранодерский полк, то один из ее людей, проезжая рано поутру чрез селение, называемое Кибол, ночевал на постоялом дворе и слышал, когда укладывались гранодеры на ямские подводы для походу в Казань, что гранодеры ропщут, что вызвали их из армии для торжества при свадьбе великого князя Павла Петровича с великою княжною Натальею Алексеевной, как выше сказано, бывшей в сентябре месяце, и не дали им при таком торжестве ниже по чарке вина, а заставили бить сваи на реке Неве, как строилась дворцовая набережная; то они от такой худой жизни и положат ружья пред тем царем, который, как слышно, появился в низовых краях, кто бы таков он ни был. Таковая

болтовня низких людей хотя великого уважения не заслуживала, однако при обстоятельствах внутренней крамолы не должна была быть пропущена без замечания. Державин сие пересказал генералу Бибикову. Он сперва счел за вздор, но потом, одумавшись, велел к себе часу по полуночи во втором, когда все в городе уgomонятся, представить человека, который слышал те разговоры. Сие исполнено. Он спрошен был, знает ли он имена тех гранодер, которые вышесказанные речи говорили; а как слугитель отозвался, что он их не знает, а проездом слышал разговор, но в лицо их узнать может, то Бибиков и не знал, что делать; ибо уже полк с квартиры выступил несколько дней, и как отправлен на почтовых, то и возвращать его было неудобно, а по незнакомости имен заговорщиков одних их потребовать было не можно. В рассуждение чего был в недоумении, однако приказал Державину ввечеру к себе приехать. По приезде сказал, что он с полковником того полку князем Одоевским говорил, но он уверял, что гранодеры с крайним усердием, как ему от ротных командиров донесено было, в поход выступили. Державин возразил: весьма бы было от стороны полковника и офицеров оплошно, ежели б они, слыша намерение к измене, не взяли надлежащих мер и ему не донесли, разве и сами были умышленники, но этого предполагать не можно. Генерал замолчал, сказал, что хорошо: утро вечера мудренее. Опосле известно стало, что он тогда же писал секретно по дороге к губернаторам новгородскому, тверскому, московскому, володимерскому и нижегородскому, чтоб они во время проходу полков в Казань мимо их губерний, а особливо гранодерского Владимирского, по дорожным кабакам приставили надежных людей, которые бы подслушивали, что служивые между собою говорят во время попок. Сие распоряжение имело свой успех, ибо по приезде в Казань получил он донесение от нижегородского губернатора Ступишина, что действительно между рядовыми солдатами существует заговор положить во время сражения пред бунтовщиками ружья; из которых главные схвачены, суждены и тогда же жестоко наказаны. Сие подало повод генералу взять предосторожность, о которой ниже увидим. Но возвратимся в Петербург.

Хотя Державин весьма налегке, в нагольной овчинной шубе, купленной им за три рубли, отправился в Москву, но генерал Бибиков перегнал его. Пробыв несколько дней в Москве, приехал в Казань декабря 25-е число, то есть в самый день рождества Христова. Прочие офицеры, наперед уже приехавшие и открывшие по повелению генерала

заседания Секретной комиссии, по случаю тогда праздника как люди достаточные, имевшие знакомых множество, а иные и сродников, занялись разными увеселениями; но Державин, пробыв с матерью уединенно в доме, старался от крестьян приезжих из деревнишек своих, которые лежали по тракту к Оренбургу, узнать о движениях неприятельских или о колебании народном, ибо известно было, что до приезда Бибикова многие дворяне и граждане разъехались было из города, но с прибытием его паки возвратились. Собрав таковые сколь можно пообстоятельнее известия, 28-е число на вечер приехал к генералу, когда у него никого не было. Он, по обыкновению, спрашивал о новостях. Сей пересказал ему слышанное, что верстах уже в 60-ти разъезжают толпы вооруженных татар и всякая злодейская сволочь, присовокупя по чистосердечию и пылкости своей собственные рассуждения, что надобно делать какие-нибудь движения, ибо от бездействия город находится в унынии. Генерал с сердцем возразил: «Я знаю это; но что делать? Войски еще не пришли» (которые из Польши, из бывших против конфедератов, и прочих отдаленных мест ожидаемы были). Державин смело повторил: «Как бы то ни было, есть ли войски или нет, но надобно действовать». Генерал, не говоря ни слова, схватя его за руку, повел в кабинет и там показал ему от синбирского воеводы репорт, что 25-е число, то есть в рождество Христово, толпа злодейская под предводительством атамана Арапова взшла в город Самару и тамошними священнослужителями и гражданами встречена со крестами, со звоном, с хлебом и солью. Державин то же говорил: «Надобно действовать». Генерал, задумавшись, ходил взад и вперед и потом, не говоря ни слова, отпустил его домой. Поутру рано слышит от полиции повестку, чтоб собирались в собор все граждане, и потом часу в 10-м позыв в большой соборный колокол. При великом стечении народа и всего знаменитого общества читан был манифест, печатанный в московской типографии церковною печатью, в котором объявлялось о наименовавшемся императором Петром III Емельке Пугачеве и что генерал-аншефу Бибикову поручено истребление того бунта, и потому все команды, для того отправленные, военные и гражданские, и Секретная комиссия, составленная из гвардии офицеров, отданы в полную власть его. По отслужении молебна об успехе оружия, приглашены были в квартиру главнокомандующего преосвященный Веннамин и все благородное собрание. Тут Бибиков, подойдя к Державину, тихо сказал: «Вы отправляетесь в Самару;

возьмите сейчас в канцелярии бумаги и ступайте». Выговоря сие, смотрел пристально в глаза; может быть, хотел проникнуть, таков ли он рыян на деле, как на словах. Державин, сие приметя, сообразился, что неужели он его посылает прямо в руки злодеям, нашелся и отвечал: «Готов». Взял ту ж минуту из канцелярии запечатанные пакеты, которые надписаны: «По секрету», и велено было их открыть по удалении от Казани 30 верст. Простился с матерью, не сказав куда едет; поскакал. <...>

Проезжая по дороге, заметил в народе дух злоумышления, так что не хотели ему инде давать и лошадей; которых он, приставя иногда пистолет к горлу старосты, принужден был домогаться. Не доезжая до Синбирска верст пяти, заметил он поселян, с праздными повозками по продаже их продуктов из города едущих; желал от них узнать, не находится ли там каких команд наших или неприятельских, ибо легко и последние с 25-го по 30-е число по не весьма далекому расстоянию от Самары занять сей город могли, то и приказывал бывшему с ним и стоявшему на запятках человеку Блудова одного из мужиков остановить; но как он был человек весьма вялый и непроторный (ибо его собственные люди, скачучи из Петербурга, отбили ноги и занемогли), то и не мог сей разгильдяй исполнить ему повеленного. Для того он, положи человека в повозку на место свое, сам стал на запятки и, притворясь дремлющим, схватил незапно одного мужика, которому сделал расспросы, узнал, что в Синбирске есть военные люди, но того никак не мог добиться, наши или неприятельские, и, опасаясь, чтоб самому не въехать в руки последних, не знал, что делать, тем паче когда услышал, что войски не в обыкновенных солдатских мундирах, а в русском платье и собирали по городу шубы; но заключал только по тому, что не злодеи, когда узнал, что у всех солдат ружья с штыками, каковых у сволочи быть не могло, то и решился ехать в город. Это было уже часу в 10-м ночи. Воевода объявил, что подполковник Гринев с 22-й легкою полевой командою часа с два выступил из города по самарской дороге для соединения с майором Муфелем с 24-ю командою, который чаятельно близ или уже вступил в Самару. Соединясь с Гриневым следовали к сему городу. Нашли уже оный Муфелем занятым. Он имел с толпою Арапова, по большей части состоящую из ставропольских калмыков и отставных солдат, сражение. У него убито ядром из поставленных на берегу пушек драгун только три человека; но он побил множество, взял 9 городских чугунных пушек, выгнал из

Самары и прогнал в город Алексеевск, лежащий от Самары в 25-ти верстах, злодейскую толпу, которая была в нескольких тысячах. <...>

Приехав в Малыковку, нашел оную в крайнем беспокойстве по причине в ней причиненных злодеями бедствий. Когда он, будучи в Шафгаузене, получил от егеря известие, что, по завладении Саратова, отряжена толпа его сыскивать и уже приближалась, то он послал повеление в Малыковку к бывшему там экономическому казначею Тишину, дворцовому управителю Шишковскому и к унтер-офицеру саратовских артиллерийских рот с 20-ю фузилерами, бывшими у него на крауле, чтоб они, поелику уже Саратов злодеями занят и могут они свободно напасть и на Малыковку, то чтоб помянутые чиновники и унтер-офицер старались спасти дворцовую и экономическую казну и его секретные бумаги, удалясь на какой-либо на Волге близ находящийся островок, окопались и засели там, а в случае нападения оборонялись бы до прихода наших войск. Они точно то исполнили, взяв с собою жен и именитых надежных поселян; детей же своих малолетних экономическая казначейша Тишина,— опасаясь, что они будут в сокрытии на острове плакать и злодеи услышат,— нарядя в крестьянские замаранные рубашонки, оставила с их кормилицею и нянькою у надежных крестьян. На другой день рано, приехав из разбойников, двое объявили, что они из армии Батюшки; народ вмиг сбежался, принял их с радостью, и они так напились, что легли близ кружала вразяжку. Обыватели поставили вокруг их краул, и ночь прошла в глубокой тишине и спокойствии. Г-жа Тишина скучилась по детях и по великому в селе безмолвию подумала, что в оном из неприятелей никого нет; уговорила мужа на утренней заре съездить и посмотреть детей. Сели в лодку, заклались травой и с помощью двух гребцов и кормщика благополучно пристали к берегу. Тут кормщик, изменяя, сказал о них злодеям, едва с похмелья проснувшимся. Они тотчас схватили мужа и жену, мучили и, неистово наругавшись над нею, допросились о детях, которых едва сыскали и принесли, то, схватя за ноги, разможили об угол головы младенцев; казначея и казначейшу, раздев, повесили на мачтах и потом, расстреляв, уехали. А как после того никаких скопищ злодейских в Малыковку не приезжало, то унтер-офицер с солдатами из засады выехали, казну и письменные дела уложили в свои места. Но как слышно стало, что Державин от Голицына идет с командою, то обыватели, чувствуя свою вину, что двум пьяным бездель-

никам учинили предательство, схватили тех варваров, которые погубили с семейством Тишина, посадили под краул. Державин немедленно учинил им допрос и нашел, что четыре человека главные были из изменщиков, из коих один укрылся; то остальных по данной ему от генералитета власти определил на смерть. А чтоб больше устрашить колеблющуюся чернь и привести в повиновение, приказал на другой день в назначенном часу всем обывателям, мужескому и женскому полу, выходить на лежащую близ самого села Соколову гору; священнослужителям от всех церквей, которых было семь, облачиться в ризы; на злодеев, приговоренных к смерти, надеть саваны. Заряженную пушку картечами и фузилеров 20 человек при унтер-офицере поставил задом к крутому берегу Волги, на который взойти было трудно. Гусарам приказал с обнаженными саблями разъезжать около селения и не пускать никого из оногo, с приказанием, кто будет бежать, тех не щадя рубить. Учредя таким образом, повел с зажженными свечами и с колокольным звоном чрез все село преступников на место казни. Сие так сбежавшийся народ со всего села и из окружных деревень устранило, что хотя было их несколько тысяч, но такая была тишина, что не смел никто рта разинуть. Сим воспользуясь, сказанных главных злодеев, прочтя приговор, приказал повесить, а 200 человек, бывших на иргизском крауле, которые его хотели, поймав, отвести к Пугачеву, пересечь плетью. Сие все совершали, и самую должность палачей не иные кто, как те же поселяне, которые были обвиняемы в измене. Державин только расхаживал между ими и причитывал, чтоб они впредь верны были государыне, которой присягали. Народ весь, ставши на колени, кричал «виноваты» и «ради служить верою и правдою». (...)

После сего с некоторою частию вооруженных крестьян, которых у него в сем походе и всего было 500, учинил прикрытия в нужных местах колониям и, восстановив в них прежний порядок, хотел было еще идти для поисков хищнических киргизских партий и отнять у них оставшихся еще несколько колонистов, которых они, в первых набегах схватя, увезли в свои кочевьи. Но будучи как ордером генерала князя Голицына, так и чрез яицкого старшину майора Бородина, прибывшего к нему <Державину>, уведомлен, что Пугачев по разбитии его под Черным Яром Михельсоном бросился на луговую сторону Волги и пробирается на Узень, коего он с своею командою послан преследовать, для того, когда Державин не имел еще известия, что

князь с своим detaшментом пришел на Ирғиз, то, чтоб занять сей проход, учредив, как выше сказано, в пристойных местах по колониям посты, отправился на реку оную, а там и нашел сего генерала. Поелику же наступило самое то время, где ему, Державину, надлежало исправлять порученную ему г. Бибиковым комиссию, потому что Пугачев находился бессильным и в самых тех областях, которые наблюдению Державина вверены, то и не нашел он другого средства, как, выбрав понадежнее из бывших с ним вооруженных малыковских крестьян сто человек, взяв у них жен и детей для верности в залог, обещав награждение и дав самым делом каждому по пяти рублей, послал под тем видом, что якобы ездят они за киргизцами, а в самом деле, если можно будет, присоединясь к злодейской скитающейся толпе, поймать самозванца. Сие его предприятие апробовал и князь Голицын. Крестьяне наряжены. Но дабы придать более отряду важности и вперенным в мысли их ужасом отвратить от малейшего покушения к измене, приказал он собраться им в полночь в лесу на назначенном месте, где, поставя их вокруг священника с евангелием на налое, привел к присяге и повесил из тех убийц казначея Тишина, который укрылся было от казни, над прочими совершенной в Малыковке; дал наставление, чтоб они живого или мертвого привезли к нему Пугачева, за что они все единогласно взялись и в том присягали. По окончании сего обряда они тотчас отправились в степь под начальством одного выбранного из них же старшины. Между тем князь с своим detaшментом пошел от Ирғиза ближе к Яицкой крепости, а Державин с остальными крестьянами на сей реке остался.

Несколько дней спустя возвратился отряд его и привез с собою заводского служителя Мельникова, бывшего в толпе злодейской полковником, находившегося при Пугачеве. Сей в допросе показал, что убежал от него, когда его сообщник Творогов и прочие на ночлеге при речках Узеньях схватили и увезли в Яицкий город к находящемуся там в Секретной комиссии гвардии офицеру Маврину; что посланные крестьяне днем одним только не успели к тому ночлегу, так что разведенный на нем огонь еще совсем не погас и несколько головней курилось. Державин в тот же час отправил его под крепким краулом к Голицыну, яко близ его находящемуся генералу, и донес также о поимке самозванца в Казань генералу Потемкину; сам же на несколько дней остался на месте, пока не получил от разных от него разосланных повсюду лазутчиков подтвердитель-

ных о том же известий. Князь Голицын, расспрося присланного от Державина бродягу Мельникова, послал тогда же с сим радостным известием о поимке самозванца полковника Пушкина в Пензу к находившемуся там, принявшему тогда полную команду над всеми войсками, посланными на истребление бунта, к генерал-аншефу графу Петру Ивановичу Панину. Сей Пушкин по повелению князя просил Державина сказать ему чистосердечно, не дали ли он о сей поимке злодея известия ему, главнокомандующему, прежде его или кому другому из генералов. Державин сказал, что он репортовал только тех, кого должно по команде, а именно: по воинской его, Голицына, а по секретной генерала Потемкина, предоставляя к главному начальству дать сведения им самим, чем и был он доволен, полагая, что посланный к Потемкину курьер в Казань, сделав крюк несколько сот верст направо, не мог достигнуть прежде в Петербург, чем прямою дорогою чрез Пензу от графа Панина. Но как Державин, послав своего курьера в Казань, «чрез Сызрань», написал в его подорожной для ободрения селений, пребывавших от возмущения в ужасе по дороге лежащих, то сызранский воевода, увидя толь благоприятное известие, уведомил о том наскоро графа Петра Ивановича, и как сие уведомление дошло до графа прежде привезенного подполковником Пушкиным, то и встала на Державина буря. <...> Получил от него, графа Панина, от 12-го числа <октября> месяца пространный и весьма веле-речивый ордер, которым он хотя показывал свое неудовольствие и насмехался, что не им, Державиным, Пугачев пойман, однако заключил наконец точно сими словами: «Впрочем, будьте уверены, что все сие из меня извлекло усердие к людям, имеющим природные дарования, какими вас Творец вселенной наградил, по истинному желанию обращать их в прямую пользу служения владеющей нашей великой государыне и отечеству и по той искренности, с которою я пребыть желаю, как и теперь с почтением есмь вашего благородия верный слуга граф Петр Панин». Сей ордер, частью грозный и частью снисходительный, внушил желание молодому, чувствительному к чести офицеру ехать к графу самому и, лично с ним объяснившись, рассеять и малейшее в нем невыгодное о себе заключение; а как он имел уже повеление от непосредственного своего по Секретной комиссии начальника генерала Потемкина ехать в Казань, то и употребил сей случай к исполнению своего намерения, хотя мог и миновать Синбирск, в котором тогда граф Панин находился.

Подъезжая к сему городу рано поутру, при выезде из подгородных слобод, встретил сего пышного генерала, с великим поездом едущего на охоту. Поелику же он по осеннему холодному времени сверх мундира был в простом тулупе, то и не хотел в сем беспорядке ему показаться, уклонился с дороги и по миновании свиты приехал в Сибирск. Там нашел князя Голицына, который чрезвычайно удивился, увидя, что маленький офицер приехал сам собою, так сказать, на вольную страсть к раздраженному, гордому и полномочному начальнику. «Как? — спросил он. — Вы здесь зачем?» Державин сказал, что едет в Казань по предписанию Потемкина, но рассудил главнокомандующему засвидетельствовать свое почтение. «Да знаете ли вы, — возразил князь, — что он недели с две публично за столом более не говорит ничего, как дожидает от государыни повеления повесить вас вместе с Пугачевым?» Державин отвечал: ежели он виноват, то от гнева царского нигде уйти не может. «Хорошо, — сказал князь, — но я, вас любя, не советую к нему являться, а поезжайте в Казань к Потемкину и ищите его покровительства». — «Нет, я хочу видеть графа», — отвечивал Державин. В продолжении таковых и прочих разговоров наступил вечер, и скоро сказали, что граф с охоты приехал. Пошли в главную квартиру. Державин, вошедши в комнату, подошел к графу и объявил, кто он таков и что, проезжая мимо по предписанию генерала Потемкина, заехал к его сиятельству засвидетельствовать его почтение. Граф, ничего другого не говоря, спросил гордо, видел ли он Пугачева. Державин с почтением: «Видел на коне под Петровским». Граф, отворотясь к Михельсону: «Прикажи привезть Емельку». Чрез несколько минут представлен самозванец в тяжких оковах по рукам и по ногам, в замасленном, поношенном, скверном широком тулупе. Лишь пришел, то и встал пред графом на колени. Лицом он был кругловат, волосы и борода окомелком, черные, склоченные, росту среднего, глаза большие, черные на соловом глазури, как на бельмах. Отроду 35 или 40 лет. Граф спросил: «Здоров ли, Емелька?» — «Ночей не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сиятельство». — «Надейся на милосердие государыни», — и с сим словом приказал отвести его обратно туды, где содержался. Сие было сделано для того, сколько по обстоятельствам догадаться можно было, что граф весьма превозносился тем, что самозванец у него в руках, и, велев его представить, хотел как бы тем укорить Державина, что он со всеми своими усилиями и ревностию не поймал сего

злодея. Но как бы то ни было, тотчас после сей сцены граф и все за ним пошли ужинать. Державин рассудил, что он гвардии офицер и имел счастье бывать за столом с императрицею, то без особого приглашения с прочими штаб- и обер-офицерами осмелился сесть. В начале почти ужина граф, окинув взором сидящих, увидел и Державина, нахмурился и, заморгав по привычке своей глазами, вышел из стола, сказав, что он позабыл было отправить курьера к государыне. На другой день до рассвету Державин, пришед в квартиру главнокомандующего, просил камердинера доложить о приходе своем его сиятельству, сказав, что он имеет нужду. Ответствовано, чтоб подождал. Наконец по прошествии нескольких часов, около обеды, граф вышел из кабинета в приемную галерею, где уже было несколько штаб- и обер-офицеров. Он был в сероватом атласном широком шлафроке, в французском большем колпаке, перевязанном розовыми лентами. Прошед несколько раз вдоль галереи, не говоря ни с кем ни слова, не удостоил и взгляда ожидающего его гвардии офицера. Сей, когда полководец проходил мимо, подошел к нему с почтением, взял его за руку и, остановя, сказал: «Я имел несчастье получить вашего сиятельства неудовольственный ордер, беру смелость объяснитьсь». Таковая смелая поступь графа удивила. Он остановился и велел <идти> за собою. Проходя чрез несколько комнат в кабинет и вошедши в оный, гневно делал ему выговоры и между прочим, что он в Саратове с комендантом Бошняком пред нашествием на сей город злодеев обходился неуважительно и даже в один раз выгнал его от себя, сказав, чтоб он во исполнение общественного и собственного его приговора не препятствовал делать гражданам предположенного укрепления, а шел бы туда, где ему долг и честь быть повелевают. Офицер, выслушав с подобострастием окрик генерала, сказал: «Это все правда, ваше сиятельство; я виноват пылким моим характером, но не ревностною службою. Кто бы стал вас обвинять, что вы, быв в отставке, на покое и из особенной любви к отечеству и приверженности к высочайшей службе всемилостивейшей государыни, приняли на себя в толь опасное время предводить войсками против злейших врагов, не щадя своей жизни? Так и я, когда все погибало, забыв себя, внушал в коменданта и во всех долг присяги к обороне города». Сие или сему подобное когда с чувствительностию выговорено было, то у сего надменного и вместе великодушного генерала вдруг покатались ручьем слезы из глаз. Он сказал: «Садись, мой друг; я твой покровитель». С сло-

вом сим вошед камердинер доложил, что генералы пришли и желают его видеть. Тотчас отворились двери. Вошли князь Голицын, Огарев, Чорба, Михельсон и прочие, из коих первый как принимал участие в Державине, то при самом входе и бросил на него глаза, желая знать, что с ним произошло. Сей веселым видом отвечивал, что гроза прошла безвредно. Разговор начался об охоте; граф хвалился, что была успешна. Державин, дабы удостоверить слышателей о своей невинности и благоприятном к нему расположении начальника, несмотря на произнесенные им недавно на него при многолюдстве грозы, вступя в разговор об охоте, сказал с усмешкою графу, что он смеет честь оной приписать себе! «Как?» — с любопытством спросил граф. «По русской пословице, ваше сиятельство, — отвечивал поручик, — какова встреча, такова и охота. Я при самом выезде из города вас встретил и добрым сердцем пожелал вам удачливой охоты». Граф, засмеявшись, поблагодарил и, когда оделся, по выходе из кабинета пригласил к обеду. За столом, показав ему место напротив себя, говорил почти с ним одним, рассказывая, каким образом московское дворянство в собрании своем для приятия мерк к защите от мятежников сей столицы, когда назначался в предводители войск граф Петр Борисович Шереметев, то мало или почти никого не вооружали людей своих по примеру казанского дворянства, а когда его, графа, наименовали в вожди, тогда ничего не жалели. Словом, Державин заметил сильное любочестие и непомерное тщеславие сего, впрочем честного и любезного, начальника, но сею слабостию его, как будет ниже видно, не умел или не хотел воспользоваться. По окончании обеда граф пошел отдыхать. В шесть часов после полудня, как бывало обыкновенно при дворе Екатерины, генералитет и штаб-офицеры к нему собрались. Граф опять вступил в пространный разговор с Державиным и занимал его оным более получаса, рассказывая про прусскую Семилетнюю войну, в которую он служил еще полковником, и, наконец, про турецкую, и более всего о взятые Бендер под его предводительством в 1770 году, чем он весьма превозносился, твердя непрестанно, что молодым людям весьма нужна во всех делах практика, как и вышеупомянутый ордер от 12 октября сим выражением был наполнен. Потом сел за карточный стол с Голицыным, Михельсоном и еще с кем-то, составя вист игру, тогда бывшую уже в моде. Тут Державин сделал великую глупость. Ему не рассудилось в угоду главнокомандующего стоя попусту зевать, для чего, подошедши

к нему, сказал, что он едет в Казань к генералу Потемкину, то не угодно ли будет чего приказать? Сие так тронуло графа, что виден был гнев на лице его, и он, отворотясь, холодно сказал: «Нет». Но если б несколько при квартире его побыл и поласкал его самолюбие, как прочие, то бы, судя по снисходительному его с ним обращению, уважительным разговорам, мог надеяться всего от него доброго; но незнание света сделало ему сего сильного человека из покровителя страшным врагом, что впоследствии усмотрится.

Приехав в Казань, нашел также и генерала Потемкина себе неблагоприятным за то, для чего он на вышеписанные вопросы отвечал рапортом графу и заезжал к нему представляться в Сибирск; судя, что Державин у него был в непосредственной команде, то и должен был чрез него послать ему и Голицыну репорт и сам собою лично им не представляться. Державину сего в голову не приходило, и доднесь он не понимает, справедливо ли сие обвинение. Но как бы то ни было, генерал Потемкин очень сухо с ним обошелся и не принял на счет свой тех пятисот рублей, которые даны были малыковским крестьянам, посыланым на Узени за Пугачевым и привезшим первую ведомость о его поимке. Державин сказал, что для него все равно, он или князь Голицын примет на счет экстраординарных своих сумм сии деньги, и в то же время показал ему сего князя ордер, велевшего из дворцовых малыковских доходов на счет его экстраординарной суммы употребить те 500 рублей. <...> Таким образом, хотя вывернулся Державин из сей прицепки с честью, но случившееся небольшое любовное соперничество, в котором, казалось, одною прекрасною дамою офицер предпочитаем был генералу, то и умножилась между ими остуда, для чего и командирован был первый последним паки на Иргиз якобы для сыску в тамошних скитах помянутого раскольникового старца Филарета, который, по показанию некоторых сообщников Пугачева, благословил якобы его на принятие имени императорского. А как сие было уже в ноябре, то собирающийся офицер в новую комиссию, езда в суетах по городу, по неосторожности простудился и получил сильную горячку, от которой едва не умер.

В продолжение оной генерал Потемкин отозван в Москву для исследования в Тайной канцелярии привезенных туда злодеев и имел ту неприятность, что, не предполагая какой-либо злобы, а более от неискusstва в производстве сего рода дел или из неосторожности, окле-

ветанный им императрице митрополит Вениамин оправдался, который уже был у него яко избличенный свидетелями изменник, что будто во время нападения злодейского на Казань присылал к нему <Пугачеву> с келейником своим на умилоствление или для спасения жизни своей подарки; содержан под крепким краулом, к которому приказано было никого не пускать и ни с кем не переписываться. Но сей хитрый пастырь умел стправить чрез отверстие нужного места тайным образом приверженного к себе служителя с письмом в Петербург и по оному сей первосвященник явился невинным, так что за его претерпение напасти сей императрица благоволила наградить его бриллиантовым крестом на клобук, и он торжественно при собрании множества народа имел удовольствие в соборной церкви слышать всемилостивейший рекрипт государыни, объявляющий его невинность, и служить благодарный за здравие ее величества молебен.

Но при всей невзгоде генерала Потемкина Державин по выздоровлении своем не отпущен был им в Москву, как прочие его сотоварищи, гвардии офицеры, бывшие в Секретной комиссии, но велено ему было, как выше сказано, для поиска Филарета ехать в Саратов и прочие близ Иргиза лежащие области. Таким образом он пробыл всю весну и небольшую часть лета 1775 года в колониях праздно, потому что для поиска Филарета отправлены были уже гласно от графа Панина военные команды, следовательно, тайный его поиск в той стране едва ли был и нужен. В июне получил он от того генерала Потемкина, яко начальника Секретной комиссии, ордер, повелевающий ему явиться к полку, который находился, как и весь двор, давно уже в Москве. Но прежде прибытия государыни в сию столицу совершена уже была публичная казнь самозванцу с некоторыми его главными сообщниками, Перфильевым и прочими. Державин должен был приехать в Москву непременно к торжеству Турецкого мира. Итак, не медля более на своем пепелище — ибо дом его в Казани и деревни были до основания разорены, — простясь с престарелою и сокрушенною печальми матерью, которая при нападении на сей город, яко жертва уже на смерть приготовленная, претерпела мучительный плен, пустился в свой путь, получа несколько денег за проданный из оренбургской деревни малыковским крестьянам хлеб. Проезжая мимо Свияжска, воевода одного города Афанасий Иванович Чириков показал ему от бывшего в Сенате герольдмейстером князя Михайла Михайловича Щербатова письмо, в котором он к нему

пишет: «Когда будет проезжать мимо вас некто гвардии офицер Державин, находящийся теперь в вашем краю, то скажите ему от меня, чтоб увиделся со мною в доме моем, когда приедет в Москву». Таковое чудное приглашение удивило. Не можно было из него ничего основательного заключить, ибо князь Щербатов совсем Державину знаком не был и никакой с ним связи и переписки не имел. Что бы ни было, он решился с ним видеться. Но по приезде в Москву нашел для себя полковые обстоятельства сколько новые, столько же и неприятные, ибо прежние начальники все переменились: командовали полком князь Потемкин и майор Толстой, которые не были знакомы. И первый из них, может, по холодным отзывам генерала Потемкина, а второй по наветам любимца его офицера Цурикова, который прежде еще командировки Державина в сию экспедицию был с ним в ссоре, то и принят он был майором Толстым без всякого внимания и велено ему было числится при полку просто как бы явившегося из отпуска или с какой ничего не значущей посылки. Сие крайне раздражило служившего с ревностью в опасных подвигах молодого офицера и заслужившего от многих генералов, и от самого Потемкина, в многих ордерах и письмах чрезвычайную похвалу, так что многие из них обещались его представить прямо к высочайшему престолу, но как пришло к исполнению обещаний, то и спрятались они с своими протекциями, или не хотели, или не могли ничего в пользу его сделать, в том числе и князь Голицын. Напротив того, на другой день был наряжен во дворец на краул. И как в небытность его командою любимца императрицы графа, что после был князем, Григория Александровича Потемкина строевой порядок в полку переменился, то он, ничего не зная о том, и сделал ошибку, а именно, как должно было по новому введению командовать взводу просто: «вправо заходи», он по-прежнему сказал: «левый стой, правый заходи», то и встала беда, которая тем более сочтена непростительною, что рота, наряженная на краул, была на щегольство князем Потемкиным по его вкусу в новый мундир одета, и пред фельдмаршалом графом Румянцовым-Задунайским, приехавшим тогда в Москву для торжества мира, смотревшим из дворцовых окон, должна была заходить повзводно. За сию невинную ошибку, когда выступил полк в лагерь на Ходынке, без очереди проступившийся офицер наряжен на палочный краул. Сие наипаче поразило честолубивую его душу, когда представлял он себе, что давно ли вверено ему было толь важное поручение, в котором мог он двигать чрез

свои сообщения корпусами генералов, брать деньги в городах, сколько хотел, посылать лазутчиков, казнить смертью, воспрепятствовать злодеям весною пробраться по Иргизу во внутренние, не огражденные никем провинции и защитил, так сказать, своим одним лицом от расхищения киргизцев все иностранные колонии, на луговой стороне Волги лежащие, чем совокупно спас паки и империю, и славу государыни императрицы, которая, выписав их из чужих земель, приняла под свое покровительство и обещала устроить их блаженство прочнее, нежели в отечестве их. Но за все сие вместо награды получил уничтожение пред своими собратиями, гвардии офицерами, которые награждены были деревнями, а он не только оставлен без всякого уважения, но, как негодяй, наряжен был в палочный караул.

Таковыми чувствами возмятенный, вспомнил он о письме князя Щербатова, показанном ему Чириковым в Свияжске; полетел к нему узнать причину его непонятного приглашения. Приехав, сказал, кто таков и что он ожидает его сиятельства приказания. Князь сказал, что ничего не имеет и не может ему приказать, но только, получив от государыни его реляции для сохранения в Архиве с прочими происшествиями прошедшего века, желал его лично узнать, дополняя, что он ему сделает честь своим знакомством, предлагая к услугам несколько покоев в его доме и что ему только нужно. «Но при всем том,— продолжал князь,— вы несчастливы. Граф Петр Иванович Панин — страшный ваш гонитель. При мне у императрицы за столом описывал он вас весьма черными красками, называя вас дерзким, коварным и тому подобное». Как гром поразило сие Державина. Он сказал князю: «Когда ваше сиятельство столько ко мне милостивы, что откровенно наименовали мне моего недоброхота, толь сильного человека, то покажите мне способы оправдать меня против одного в мыслях моей всемилостивейшей государыни». — «Нет, сударь, я не в силах подать вам какой-либо помощи; граф Панин ныне при дворе в великой силе, и я ему противоборствовать никак не могу». — «Что же мне делать?» — спросил огорченный. — «Что вам угодно. Я только вам искренний доброжелатель». С сим они расстались. Приехав на квартиру, и размыслив неприязнь к себе сильных людей, и не имея ни единой подпоры, пролил горькие слезы и не знал, что делать. А паче по стесненным своим домашним обстоятельствам, что не токмо не имел чем жить, но при пожаловании его в офицеры, когда хороший его приятель поручик Алек-

сей Николаевич Маслов одолжил его некоторыми нужными вещами и он по дружеской с ним связи обязан был по возможности своей ему служить, то он уговорил его поручиться за него в дворянском банке в нарочито знатной сумме, уверив верною в срок заплатою; а как по существующим тогдашним законам можно было знаменитым людям ручаться за кого-либо и без залогов недвижимого имущества, ибо материнское даточное его, Алексея, имение заложено было незаконно в коммерческий банк отцом его, полковником Николаем Ивановичем Масловым, то в дворянский банк его не принимали. Державин, поехав для усмирения бунта, в продолжении слишком двух лет не выдав Маслова, думал, что он, заплатя свой долг, освободил его из-под поручительства, но тут, к умножению его горести, узнал, что приятель его поручик Маслов так заматался, что не токмо не платил процентов в банк на занятую сумму, но, быв отставлен подполковником, в уклонение от платежа других долгов бежал в Сибирь и проживал в безвестности, так что, не будучи сыскан, обратил банковое взыскание на поручителя по себе, Державина. А как у него собственного имущества, кроме самомалейшего, не было, то без раздела с матерью закладывать было его не можно, то и обвинен он был в подложном ручательстве, а между тем для сохранения казенного интереса велено было какое где только нашлось взять и материнское имение в присмотр правительства. Словом, кроме сокрушения сердечного, которое он причинил сим поступком матери, со всех сторон разверзта была пред ним бездна погибели.

Но при всем том он не потерял духа, а, возвергнув печаль свою на бога, решился действовать отважнее. Вследствие чего просил майора Толстого представить его подполковнику своему, тогдашнему графу, что был после князем, Григорию Александровичу Потемкину. Но как он от сего отговаривался, то и написал он от 11 июля к подполковнику письмо такого содержания: что во весь продолжавшийся мятеж был он в опасных подвигах, не имея у себя помощников, что воспретил злодеям пробраться во внутренние провинции, что спас колонии от киргиз-кайсаков, что остался один не награжденным против своих сверстников, несравненно менее его трудившихся, и тому подобное, а для того и просил, ежели он в чем виновен, то не терпеть его в службе с собою в одном полку, а ежели он служил, как должно ревностному офицеру, то не оставить его без награждения, тем более что он лишился в сем мятеже и собственности своей в Казанской и Оренбургской

губерниях. Письмо сие взяв с собою, поехал он на Черную грязь, или в подмосковную деревню князя Кантемира, которую недавно государыня купила и изволила там жить в маленьком домике, не более как из 6 комнат состоящем, в коем помещался и Потемкин. По обыкновению, при дверях сего вельможи нашел он камер-лакея стоящего, который воспрещал вход в уборную, где ему волосы чесали. Камер-лакей не хотел пустить, но он смело вошел, сказав: где офицер идет к своему подполковнику, там он препятствовать не может. Сказав свое имя и где был в откомандировке, подал письмо. Князь, прочетши, сказал, что доложит государыне. Через несколько дней, когда он у себя его между прочими увидел, то сказал, что ее величеству докладывал и все милостивейшая государыня приказала его наградить, что и последует 6-го августа, то есть в день Преображения Господня, когда изволит в столице удостоить обеденным столом штаб- и обер-офицеров полку Преображенского. Наконец пришел день Преображения, угаживаны столом на Черной грязи, а не в Москве, и награждения никакого не вышло. Через несколько дней еще попытался напомнить любимцу, но он, уже от него с негодованием отскочив, ушел к императрице. Между тем в течение сего время просил он князя Голицына, чтоб заплатили ему из провиантских сумм по счету деньги за продовольствие войск провиантом и фуражом, следовавших зимою к осажденному Оренбургу, которые под предводительством подполковника Мильковича в числе 40 000 подвод, везших провиант, фураж и прочие припасы, жили у него в Оренбургской деревне, яко в съездном месте, недели с две, съели весь хлеб молочный и немолочный, солому и сено, скот и птиц, и даже сжогли дворы и разорили крестьян до основания, побрав у них одежду и все имущество. Следовало заплатить ему; надлежало бы, по крайней мере, тысяч до 25, но он с великим трудом исходатайствовал у того князя квитанцию только на 7 тысяч, и то из особенного к нему благорасположения сего военачальника. А как получено тогда из Петербурга от приятеля известие, что по поручительству в дворянском банке за Маслова, когда имение его нашлось заложенным отцом его в коммерческом банке, определяется описать в казну все, где найдется, имение его, Державина, и самого его требовать лично к ответу, то, оставя все искание наград, отпросился в отпуск и поскакал в исходе сентября в Петербург, дабы банковых судей, которых Маслов, занимая деньги, умел задобрить и сделать к себе снисходительными, упросить быть и к нему, Державину, нестрогими, помедля

вышесказанным определением, дабы он имел время где-либо просить о свободе из несправедливого залога отца жены его, Маслова, имения и об отдаче одного за сына под залог дворянского банка, чрез что бы ему от поручительства избавиться.

Приехав в Петербург, он 5-го числа письменно напомнил князю Потемкину о исходатайствовании ему обещанной за службу награды; но как на то и другое потребно было время и сильное покровительство, дабы утруждать государыню императрицу, то до прибытия двора из Москвы нечего было другого делать, как просьбами судей удерживать в недействии банковое дело. Надобно было между тем по приличию гвардии офицера снабдить себя всем нужным, как-то: бельем, платьем, экипажем и прочим, то и нашелся в необходимости издерживать те 7 тысяч рублей, которые по квитанции князя Голицына из Провиантской канцелярии получил. Тем паче на сие решился, что далеко бы не достало всей сей суммы на уплату долга Маслова и что льстился надеждою о свободе его собственного имения. В получении оных денег помог ему Александр Васильевич Храповицкий, бывший тогда еще секретарем при генерал-прокуроре князе Вяземском. От покупки сказанных вещей и от заплаты собственного в банке долга более 2000, осталось из 7 тысяч только 50 рублей. Куды их потянуть? Решился поискать счастья в игре, которою в то время славился лейб-гвардии Семеновского полку капитан Никифор Михайлович Жедринский. Поехал к нему, и так случилось, что в первый вечер выиграл у него на те остальные 50 рублей 8000, потом еще более у графа Матвея Федоровича Апраксина и у прочих в короткое время до 40 000 рублей. Сие было в октябре 1775 году. Но такое счастье продолжалось не более как месяц, а именно до возвращения только двора из Москвы; когда же приехал и можно было бы выиграть несравненно превосходнее суммы, тогда фортуна переменилась.

В 1776 году скончалась великая княгиня Наталья Алексеевна, и Державин в Невском монастыре был при погребении тела ее на крауле, будучи уже поручиком с 1774-го июня 28 дня. Имел несчастье первую обиду снести — а впоследствии и многие — от графа Завадовского, который тогда был еще не более как полковником, но статс-секретарем и любимцем императрицы, при случае том, когда хотел Державин подать чрез него прошение государыне о упомянутом масловском банковом деле, чтоб освободить имение Алексея Маслова, по коему он, Державин

вин, был <поручителем>, из несправедливого залога отца его; то господин Завадовский не токмо не вошел в существо просьбы, не помог ему, но при самой подаче письма, наговорив множество грубостей, выслал его от себя. Что сему причиною было, неизвестно; кажется, ничто другое, как неожиданное и непомерное возвышение его фортуны. А как около сего же времени, то есть в половине 1776 года, случилось, что князь Потемкин, бывший любимец, впал при дворе в немилость и должен был несколько месяцев проживать в Новгороде, отчего фаворит его майор Федор Матвеевич Толстой, быв в крайнем огорчении, спесь свою умерил, то Державин при случае наряда роты, по обыкновению, в Петергоф для краула к Петрову дню выпросился у него в сию командировку, ибо считалась она за милость. При батальоне гвардии, наряженном для сего краула, был командирован Измайловского полку майор Федор Яковлевич Олсуфьев, самый человек добрый и честный, любил, сколько и где возможно, оказывать благотворения. Державин, потеряв всю надежду на Потемкина, выпросил у сего Олсуфьева дозволение подать к императрице прошение о своей награде. <...>

Письмо сие подано в июле месяце в Петергофе в присутствии тамо императрицы ее статс-секретарю и полковнику, что был после графом и князем, Александру Андреевичу Безбородке с приложением всех документов, на которые в нем была ссылка. По возвращении двора в Петербург господин Безбородко объявил просителю, что воспоследовало на оное ее величества благоволение и сказал бы он, какого награждения желает. Сей отвечал, что не может назначить и определить меры щедрот всемилостивейшей государыни, но когда удостоена благоволения его служба, то после того уже ничего не желает и будет всем доволен, что ни будет ему пожаловано; ибо по жребии чрез игру вышесказанной фортуны не имел уже он такой нужды, как прежде, заплатя долг в банк за Маслова до 20 000 рублей и исправясь с избытком не только всем нужным, но и прихоть его удовлетворяющими вещами, так что между своими братьями и одет был лучше других, и жизнь вел приятную, не уступая самым богачам. В сие время коротко спознакомился с Алексеем Петровичем Мельгуновым, Степаном Васильевичем Перфильевым, с князем Александром Ивановичем Мещерским, с Сергеем Васильевичем Беклемишевым и прочими довольно знатными господами, ведущими жизнь веселую и даже роскошную. Сие продолжалось до ноября месяца того 1776 года;

а как возвратился тогда из Новгорода посредством письма своего к императрице, поданного князем Вяземским, князь Потемкин, то в один день в декабре уже месяце, когда наряжен был он, Державин, во дворец на краул и с ротою стоял во фронте по Миллионной улице, то чрез ординарца позван был к князю. Допущен будучи в кабинет, нашел его сидящего в креслах и кусающего по привычке ногти. Коль скоро князь его увидел, то по некотором молчании спросил: «Чего вы хотите?» Державин, не могши скоро догадаться, доложил, что он не понимает, о чем его светлость спрашивает. «Государыня приказала спросить,— сказал он,— чего вы по прошению вашему за службу свою желаете». — «Я уже имел счастье чрез господина Безбородку отозваться, что я ничего не желаю, коль скоро служба моя благоугодною ее величеству показалаась». — «Вы должны непременно сказать», — возразил вельможа. — «Когда так,— с глубоким благоговением отозвался проситель, — за производство дел по Секретной комиссии желаю быть награжденным деревнями равно с сверстниками моими, гвардии офицерами, а за спасение колоний по собственному моему подвигу как за военное действие чином полковника». — «Хорошо,— князь отозвался,— вы получите». С сим словом лишь только вышел из дверей, встретил его неблагоприятствующий ему майор Толстой и с удивлением спросил: «Что вы здесь делаете?» — «Был позван князем». — «Зачем?» — «Объявить мое желание по повелению государыни», — и, словом, пересказал ему все без утайки. Он, выслушав, тотчас пошел к князю. Вышедши чрез четверть часа от него, сказал: «Вдруг быть полковником всем покажется много. Подождите до нового года, вам по старшинству достанется в капитаны-поручики; тогда и можете уже быть выпущены полковником». Нечего было другого делать, как ждать. Вот наступил и новый, 1777 год, и конфирмован поднесенный от полку доклад, в котором пожалован я в бомбардирские поручики, что то же, как и капитан-поручик. Потом и генварь прошел, а об обещанной награде и слуху не было. Принужден был еще толкаться у князя в передней. Наконец в феврале, проходя толпу просителей в его приемной зале, едуци прогуливаться, и увидев Державина, сказал правителю его канцелярии, бывшему тогда полковнику Ковалинскому, сквозь зубов: «Напиши о нем докладную записку». Ковалинский, не зная содержания дела, не знал, что писать, просил самого просителя, чтоб он написал. Сей изготавил по самой справедливости, ознаменовав при том желание произвесть полковником в армию.

Чрез несколько дней увидев, сказал, что князь не апробовал записки потому только, что «майор Толстой внушил ему, что вы к военной службе не способны; то и велел заготовить записку другую о выпуске вас в статскую службу». Державин представлял ему, что он за военные подвиги представляется к награждению и не хочет быть статским чиновником; просил еще доложить князю и объяснить желание его в военную службу, но как некому было подкрепить сего его искания, ибо никого не имел себе близких к сему полномочному военному начальнику приятелей, то князь и по второму докладу, как Ковалинский сказывал, на выпуск его в армию не согласился, а для того и принужден он был, хотя с огорчением, вступить на совсем для него новое поприще.

ОТДЕЛЕНИЕ IV

С окончания военной прехождение статской службы в средних чинах по отставку

15 числа сего февраля даны Правительствующему Сенату два указа, из коих одним пожалован он в коллежские советники и велено дать ему место по его способности, другим пожаловано ему 300 душ в Белорусской губернии, на которые приказано заготовить грамоту и поднести к высочайшему подписанию. Очутясь в статской службе, должно было искать знакомства между знатными людьми, могущими доставить место в оной. Скоро чрез семейство господ Окуневых, из коих старший брат тогда выдал дочь свою за князя Урусова, двоюродного брата генерал-прокурорши княгини Елены Никитичны Вяземской, познакомился в доме сего сильного вельможи, могущего раздавать статские места, будучи позван к нему на свадебный бал. С сих пор часто у него бывал и проводил с ним дни, забывая время в карточной, тогда бывшей в моде, игре в вист, хотя никогда в нее ни счастливо, ни несчастно играть не умел, но платил всегда проигранные деньги и исправно, и с веселым духом потому наиболее, что князь вел игру с малочиновыми и небогатыми людьми весьма умеренную. Таковым поступком, всегда благородным и смелым, понравился ему, приобрел благоволение; при всем том с февраля по август не мог быть никуда помещенным. А как очистилось тогда Сената в первом департаменте экзекуторское место, которое пред тем занимал отец новобрачной господин Окунев, получа выгоднейшее с чином статского советника при

строении церкви Невского монастыря, Державин, приехав в один день поутру рано на дачу генерал-прокурора, лежащую на взморье близ Екатерингофа, нашел его чешущим волосы и бедную старуху, стоящую у дверей. Подшедши, просил его о помещении на порозжую ваканцию. Он, не отвечав ни слова, приказал ему принять от той престарелой женщины бумагу, ею держимую, и, прочетши про себя, сказать ему содержание ее. Он прочел, пересказал, и князь, взяв у него ее, собственным обозрением поверил, положил пред собой на столик и, на него взглянув, сказал: «Вы получите желаемое вами место», — и тот же день, поехав в Сенат, дал о том предложение. Должность сия по отступлении от инструкции Петра Великого хотя была тогда уже не весьма важная, однако довольно видная. Отправляя ее, скоро приобрел он знакомство всех господ сенаторов и значущих людей в сем карьере, а особливо бывая всякий день в доме генерал-прокурора. Княгиня собственно своею персоною была благосклонна, и мысли ее были выдать за него в замужество сестру свою двоюродную, княжну Катерину Сергеевну Урусову, славную стихотворицу того времени, так что об этом ему некоторые ближние к ней люди и говорили; но он, имея прежние связи, отшутился от сего предложения, сказав, что она пишет стихи, да и я мараю, то мы все забудем, что и щей сварить некому будет. Словом, он был некоторого рода любимцем сего всеми тогда уважаемого дома. С князем по вечерам для забавы иногда играл в карты, а иногда читал ему книги, большею частию романы, за которыми нередко и чтец, и слушатель дремали. Для княгини писал стихи похвальные в честь ее супруга, хотя на счет ее страсти и привязанности к нему не весьма справедливые, ибо они знали модное искусство давать друг другу свободу.

В сем году около масленицы случилось с ним несколько сначала забавное приключение, но после важное, которое переменяло его жизнь. Меньшой из братьев Окуновых поссорился, быв на конском бегу, с вышеупомянутым Александром Васильевичем Храповицким, бывшим тогда при генерал-прокуроре сенатским обер-прокурором в великой силе. Они ударили друг друга хлыстиками и, наговорив множество грубых слов, решились ссору свою удовлетворить поединком. Окунев, прискакав к Державину, просил его быть с его стороны секундантом, говоря, что от Храповицкого будет служивший тогда в Сенате секретарем, что ныне директор дворянского банка, действительный статский советник Александр Семенович Хвостов. Что делать?

С одной стороны, короткая приязнь препятствовала от сего посредничества отказаться, с другой — соперничество против любимца главного своего начальника, к которому едва только стал входить в милость; ввергало его в сильное недоумение. Дал слово Окуневу, с тем что ежели обер-прокурор первого департамента Резанов, у которого он в непосредственной состоял команде, который также был любимец генерал-прокурора и с ним, как Державин, по некоторым связям в короткой приязни, не попротивуречит сему посредничеству, а ежели сей того не одобрит, то он уговорит друга своего, вышеупомянутого Гасвицкого, который был тогда уже майором. С таковым предприятием поехал он тотчас к господину Резанову, его не нашел дома; сказали, что он обедает у господина Тредияковского, бывшего тогда старшего члена при Герольдии, который по сей части был весьма значащий человек. Хотя сей жил на Васильевском острове, но он и туда поехал. Уже был вечер. При самом входе в покой встречается с ним бывшая кормилица великого князя Павла Петровича, который был после императором, г-жа Бастидонова с дочерью своею, девицею лет 17-ти, поразительной для него красоты. А как он ее видел в первый раз в доме господина Козодавлева, служившего тогда во втором Сенате департаменте экзекутором же, смотревшего с ним вместе на Литейной шествие духовной процессии в Невский монастырь, бываемой ежегодно августа 30-го дня в день Александра Невского, и тогда она уже ему понравилась, но только примечал некоторую бледность в лице, а потом в другой раз в театре неожиданно она его изумила, то тут в третий раз, когда она остановилась в передней с матерью, ожидая когда подадут карету, не вытерпел уже он и сказал разговаривавшему с ним Резанову о том, зачем приехал, что он на сей девушке, когда она пойдет за него, женится. Сей засмеялся, сочтя таковую скорую решительность за шутку. Разговор кончился, мать с дочерью уехали, но последняя осталась неисходною в сердце, хотя дуэль, по несысканию Гасвицкого, остался на его ответе. Должно было выехать в Екатерингоф на другой день в назначенном часу. Когда шли в лес с секундантами соперники, то последние, не будучи отважными забияками, скоро примирены были первыми без кровопролития; и когда враги между собою целовались, то Хвостов сказал, что должно было хотя немножко поцарапаться, дабы не было стыдно. Державин отвечал, что никакого в том стыда, когда без бою помирились. Хвостов спорил, и слово за слово дошло было у посредников до

драки; обнажили шпаги и стали в позитуру, будучи по пояс в снегу, но тут приехал опрометью вышедший только из бани разгневший, как пламенный, Гасвицкий с разного рода орудиями, с палашами, саблями, тесаками и прочее и, бросившись между рыцарей, отважно пресек битву, едва ли быть могущую тоже смертоносною. Тут зашли в трактир, выпили по чашке чаю, а охотники — пуншу, кончили страшную войну с обоюдным триумфом. И как среди бурного сего происшествия не вышла красавица из памяти у Державина, то, поехав с Гасвицким домой, открылся ему дорогою о любви своей и просил его быть между собою уже и победительницею его посредником, то есть на другой день в объявленный при дворе маскарад, закрывшись масками, вместе с ним поискать девицу, которая ему нравится, и беспристрастными дружескими глазами ее посмотреть. Так и сделали. Любовник тотчас увидел и с восторгом громко воскликнул: «Вот она!» — так что мать и дочь на них пристально посмотрели. Во весь маскарад следуя по пятам за ними, примечали поведение особливо молодой красавицы и с кем она и как обращается. Увидели знакомство степенное и поступь девушки во всяком случае скромную и благородную, так что при малейшем пристальном на нее незнакомом взгляде лицо ее покрывалось милою розовою стыдливостию. Вздохи уже вырывались из груди улыбающегося экзекутора, а его товарищ, человек простой, впрочем умный и прямодушный, их одобрил. За чем дело стало? Державин уже имел некоторое состояние, как-то: государыня пожаловала 300 душ; и дело о незаконном залоге Масловым-отцом сыновнего имения по поручительской просьбе и старанию в Сенате, а паче по покровительству генерал-прокурора, решено таким образом, что, исключая из коммерческого залога, велено во удовлетворение истцов продать с публичного торга, по которому и досталось покупкою Державину, а он, скупя претензии прочих и заменяя свою, внес все обязательства вместо наличных денег, и сына-Маслова деревни в Рязанской губернии в Михайловском уезде, село Никольское с деревнею, из коих выключая отцу на 7-ю часть, остальных получил 300 душ. И как составилось за ним с материнскими, и отцовскими, и на его имя купленными в Москве около 1000 душ, то и взял он намерение порядочным жить домом, а потому и решился твердо в мыслях своих жениться. Вследствие чего и рассказал, будто шуткою, своим приятелям, что он влюблен, называя избранную им невесту ее именем. В первый день после маскарада, то есть в понедельник на первой неделе велико-

го поста, обедая у генерал-прокурора, зашла речь за столом о волокитствах, бываемых во время карнавала, а особливо в маскарадах; Александр Семеныч Хвостов вынес на него прошедшего дня шашни. Князь спросил, правда ли то, что про него говорят. Он сказал: правда. «Кто такая красавица, которая столь скоропостижно пленила?» Он назвал фамилию.

Петр Иванович Кирилов, действительный статский советник, правящий тогда ассигнационным банком, обедая вместе, слышал сей шутливый разговор, и когда встали из-за стола, то отведши на сторону любовника: «Слушай, братец, нехорошо шутить на счет честного семейства. Сей дом мне коротко знаком; покойный отец девушки, о коей речь идет, мне был друг; он был любимый камердинер императора Петра III, и она воспитывалась вместе с великим князем Павлом Петровичем, которого и называется молочною сестрою, да и мать ее тоже мне приятельница; то шутить при мне насчет сей девицы я тебе не позволю». «Да я не шучу, — ответствовал Державин. — Я поистине смертельно влюблен». — «Когда так, — сказал Кирилов, — что ты хочешь делать?» — «Искать знакомства и свататься». — «Я тебе могу сим служить». А потому и положили на другой же день ввечеру, будто ненарочно, заехать в дом Бастидоновой, что и исполнено. Кирилов, приехав, рекомендовал приятеля, сказав, что, проезжая мимо, захотелось ему напиться чаю, то он и упросил, показывая на приехавшего, войти к ним с собою. По обыкновенных учтивостях сели и, дожидаясь чаю, вступили в общий общезительный разговор, в который иногда с великою скромностью вмешивалась и красавица, вязав чулок. Любовник жадными очами пожирал все приятности, его обворожившие, и осматривал комнату, приборы, одежду и весь быт хозяев, между тем как девка, встретившая их в сенях с сальною свечою в медном подсвечнике, с босыми ногами, тут же подносила им чай; делал примечания свои на образ мыслей и матери и дочери, на опрятность и чистоту в платье, особливо последней, и заключил, что хотя они люди простые и небогатые, но честные, благочестивые и хороших нравов и поведения, а притом дочь не без ума и не без ловкости, приятная в обращении, а потому она и не по одному прелестному виду, но и по здравому рассуждению ему понравилась, а более еще тем, что сидела за работою и не была ни минуты праздною, как другие ее сестры непрестанно говорят, хохочут, кого-либо пересуживают, желая показать остроу свою и уменье жить в большом свете. Словом,

он думал, что ежели на ней женится, то будет счастливым. Посидев таким образом часа два, поехали домой, прося позволения и впредь быть к ним въезжу новому знакомому. Дорогою спросил Кирилов Державина о расположении его сердца. Он подтвердил страсть свою и просил убедительно сделать настоятельное предложение матери и дочери. Он на другой же день то исполнил. Мать с первого разу не могла решиться, а просила несколько дней сроку по обыкновению расспросить о женихе у своих приятелей. Экзекутор второго департамента Сената Иван Васильевич Яворский был также короткий приятель дому Бастидоновых. Жених, увидясь с ним в сем правительстве, просил и его подкрепить свое предложение, от которого и получил обещание; а между тем как мать расспрашивала, Яворский сбирался, с своей стороны, ехать к матери и дочери, дабы уговорить их на согласие. Жених, проезжая мимо их дому, увидел под окошком сидящую невесту и, имея позволение навещать их, решился заехать. Вошедши в комнату, нашел ее одну, хотел узнать собственно ее мысли в рассуждении его, почитая для себя недостаточным пользоваться одним согласием матери. А для того, подшедши, поцеловал по обыкновению руку и сел подле нее. Потом, не упуская времени, спросил, известна ли она чрез Кирилова о искании его? Матушка ей сказывала, она отвечала. Что она думает? «От нее зависит». — «Но если б от вас, могу ли я надеяться?» — «Вы мне не противны», — сказала красавица вполголоса, за-красневшись. Тогда жених, бросясь на колени, целовал ее руку. Между тем Яворский входит в двери, удивляется и говорит: «Ба, ба! и без меня дело обошлось! Где матушка?» — «Она, — отвечала невеста, — поехала разведать о Гавриле Романовиче». — «О чем разведывать? Я его знаю, да и вы, как вижу, решились в его пользу, то, кажется, дело и сделано». Приехала мать, и сделали помолвку; но на сговор настоящий она еще не осмелилась решиться без соизволения его высочества наследника великого князя, которого почитала дочери отцом и своим сыном. Чрез несколько дней дала знать, что государь великий князь жениха велел к себе представить. Ласково наедине принял в кабинете мать и зятя, обещав хорошее приданое, как скоро в силах будет. Скоро, по прошествии великого поста, то есть 18 апреля 1778 года, совершен брак. <...>

В исходе 1780 года учреждена экспедиция о государственных доходах под ведомством того же генерал-прокурора, яко государственного казначея. Она разделялась на 4 части: на I, приходную; на II, расходную; на III, счетную;

и IV, недоимочную; в каждой было по три советника и по одному председателю. Во вторую из экзекуторов, тем же коллежским советником, переведен Державин. Председательствующий был действительный статский <советник> из обер-секретарей Сената г. Еремеев, человек уже престарелый. Советники: г. Саблуков, отставной бригадир из гвардии, что ныне действительный тайный советник, и коллежский советник Николай Иванович Бутурлин; а как первый по старости лет своих, по незнанию административной или управительной части или, лучше, по робости своего характера, что с самых юных лет был все в звании канцелярских служителей, а другой — по дворской службе, что был камер-пажем, а потом в гвардии, а третий, то есть Бутурлин, как был вовсе неспособен к делам и человек, любящий праздную жизнь, игрок и гуляка, но принят в экспедицию потому, что был Ивану Перфильевичу Елагину зять, то и падала вся обязанность сей экспедиции на Державина, хоть столь же, как и они, мало сведущего гражданские дела, а особливо часть казенного управления. Но как он был предприимчив, смел и расторопен и в экзекуторах уже поручал ему генерал-прокурор следствие над сенатскими секретарями, что они ленились ходить на дежурство свое и медлили производством дел по их частям, то и почитался уже некоторым образом дельцом более своих товарищей. Вследствие чего, когда нужно было написать должность экспедиции о государственных доходах, то князь, рассуждая о том, обращал свои взоры на господ Васильева и Храповицкого, кои после были, первый — сам государственным казначеем, а второй — статс-секретарем и наконец сенатором; но они, может быть, чтоб привести в замешательство нового дельца или по какой другой причине, указав на него, отозвались от сего труда, сказав, что они и без того обременены делами, а он свободнее их и написать может. Хотя сие князю было неприятно, ибо он не надеялся, чтоб не сведущий законов мог написать правила казенного управления, требующие великого предусмотрения, осторожности и точности, но однако приказал. Что делать? Должно исполнить волю начальника. А как не хотел пред ними уклоняться и испрашивать у них мыслей и наставления, то, собрав все указы, на коих основаны были Камер- и Ревизион-коллегии, Статс-контроля и самые вновь учрежденные экспедиции, приступил к работе, а чтоб не разбивали его плана и мыслей, заперся и не велел себя сказывать никому дома. Поелику была ему дика и непонятна почти материя, то марал, переменял

и наконец чрез две недели составил кое-как целую книгу без всякой посторонней помощи. Представил начальнику, а сей, собрав все экспедиции, велел пред ними прочесть; но как никто не говорил ни хорошего, ни худого, то князь, желая слышать справедливое суждение, морщился, сердился, привязывался и наконец принялся поправлять сам единственно вступление или изложение причин названного им начертания должности экспедиции о государственных доходах, полагая, что без оного никоим образом не можно будет управлять казною государства, давая разуметь, что наказ или полную инструкцию сама императрица издать изволит. Товарищи думали, что без них не обойдется, что не удостоится конфирмации сие начертание и что их будут упраскивать переделать оное; однако, к великому их удивлению, чрез графа Безбородку получил князь высочайшую конфирмацию, что по оному велено было поступать. Хотя должно было по листам скрепить и справить, или контрасигновать сию книгу Державину, яко писавшему оную, но присвоил сию честь Храповицкий, в каком виде должна она и поныне существовать в экспедиции о государственных доходах и есть оной правилом, ибо не слышно, чтобы была дана ей какая новая инструкция. <...>

Как надобно было по месячным ведомостям поверить высылку прошлого года сумм определенным местам, то есть в Комиссариат, Провиантскую, Адмиралтейству и прочим (получали они те суммы из казенных палат, откуда были им назначены, без сношения с которыми не можно было знать о исправности казенного управления всей империи), но как на сие требовалось великого труда, а г. Бутурлин был ленив, гуляка и мало знал дела, то он и не спорил, что сего не надобно, хотя доходили слухи, что казенные палаты вместо отсылки денег в повеленные места, раздавая их в проценты, пользовались ими и заставляли их терпеть нужду или, когда они изворачивались, заимствуя из других сумм, то запутывались в делах своих и расчетах; то Державин и настоял, чтоб не запускать месячных ведомостей, а сноситься с теми местами как наискорее, тем лучше. Но Бутурлин не хотел, говоря, что при годовых только отчетах такая проверка нужна. Положили, чтоб их спор решил князь; а как докладной день для экспедиции о государственных доходах была назначена у него среда, то и отложил ехать к нему на дачу в Александровское до сего дни; но Бутурлин забежал к нему прежде и, пересказав спор их по-своему, оклеветал чем-то своего противоборника; а как он приехал в назначенный день и стал

подносить к подписанию бумаги, то князь и зачал к оным придирается, несмотря на то, что они были уже апробованы или, лучше сказать, списки с тех циркулярных предложений о помещении на порожные места пансионеров, которых большая часть уже в казенные палаты были разосланы, то Державин и стал тем оправдываться. Бутурлин, тут же стоя, начал потакать начальнику и подъяривать его на товарища, хотя сам ничего не писал и не умел писать; то Державин, вознегодовав на такую подлость, сунул всердцах Бутурлину в руки бумаги, сказав: «Пишите же вы сами, коли умеете лучше», — отошел в сторону. Сие начальник принял своей особе за неуважение. На другой день присылает к Державину г. Васильева, который именем князя говорит, что он приказал ему подать об отставке прошение и что он им недоволен и служить с ним не может. Сей отвечал, что он исполнит его приказание. Сие было в августе 1783 года, в субботу. Князь обыкновенно ездил с докладами к императрице в Царское Село по воскресеньям, а возвращался — разумеется, когда он жил на даче в помянутом Александровском, — по понедельникам ввечеру. Державин дождал его на Мурзинке у Васильева; то коль скоро он приехал и сел в креслы, окруженный его семейством и многими его прихлебателями, впадший в неудовольствие советник вошел и с благородною твердостью духа сказал: «Ваше сиятельство чрез г. Васильева изволили мне приказать подать челобитную в отставку — вот она; а что изъявили свое неудовольствие на мою службу, то как вы сами недавно одобрили меня пред ее величеством и исходатайствовали мне чин статского советника за мои труды и способности, то предоставляю вам в нынешней обиде моей дать отчет Тому, пред кем открыты будут некогда совести наши». Сказав сие, не дождавшись ответа, вышел вон. Глубокая тишина сделалась в комнате между множества людей. Княгиня зачала первая говорить: «Он прав перед тобою, князь», — пересказав ему дошедший до нее спор, бывший с Бутурлиным в экспедиции, которого он до того времени не знал. Державин между тем шел с двора перед окошками дома, то князь, увидя его, сказал: «Конечно, он пеш!» — и приказал подать ему скорее чью-нибудь карету. Но сей, поблагодаря, не принял оной, пошел на Мурзинку, лежащую от Александровского в двух верстах, где его дождалась жена. А как Васильев, будучи у князя, тогда же прислал человека с тем, чтоб они его дождались и не ездили в город, а потому и остались они до 12-го часа ночи, обыкновенного, когда всякий день приятели, родня или,

лучше, ласкатели сего вельможи от него разъезжались. Васильев, приехав, рассказал все вышеописанное, приговляя, что князь раскаивается в своем против него несправедливом поступке и желает, чтоб он у него остался по-прежнему, но только с тем, чтоб он, Державин, сделал на другой день вид, якобы у него хочет просить прощения в своей горячности и позвал бы его при случившихся посетителях в кабинет, будто для объяснения, дабы скрыть от публики, что был начальник виноват, а не подчиненный в сей истории. Обиженный, подумав и вспомня пословицу, чтоб с сильным не бороться, а с богатым не тягаться, согласился исполнить волю посланного г. Васильева. Дорогою, ехав с женою в карете, раздумался, что ему предлежит еще кончить распрю с Бутурлиным, полагая, что он, будучи человек благородный, вызовет его на дуэль за презрительный с ним поступок при отдаче ему с грубостью бумаг; спросил ее, как она о том думает, отказаться ли какою-нибудь пристойною уловкою и тем навлечь на себя некоторые от прощелыг насмешки, что храбр на пере, а трус на шпате. Она, задумавшись несколько, пролила ручьями слезы и сказала: «Дерись; а ежели он тебя убьет, то я ему знаю как отомщу». На другой день, поехав в Александровское и приновив так после обеда, что много еще было у генерал-прокурора гостей, подошед к нему, просил, чтоб он позволил с ним ему в кабинете объясниться. Он, улынувшись, сказал: «Пожалуй, мой друг, изволь». В кабинете поговорив совсем о другом, ничего не значущем, вышли подобру-поздорову, как будто ничего между ими не было, и паки благосклонное обхождение начальника с подчиненным возобновилось. <...>

Надобно знать, что около сего времени, то есть в 1782 и 1783 году, не был уже к нему так благорасположен генерал-прокурор, как прежде, сколько по причине вышеописанной истории, а наиболее по огласившейся уже тогда его оде Фелице, которую двор отличным образом принял и о коей, а равно и о прочих его стихотворениях, пространные примечания могут выйти в свет в свое время. В один день, когда автор обедал у сего своего начальника, принесен ему почталионом бумажный свиток с надписью: «Из Оренбурга от Киргизской Царевны мурзе Державину». Он удивился и, распечатав, нашел в нем прекрасную золотую, осыпанную бриллиантами табакерку и в ней 500 червонных. Не мог и не должен он был принять это тайно, не объявив начальнику, чтобы не подать подозрения во взятках, а для того, подошед к нему, показал. Он, взглянув сперва гневно,

проворчал: «Что за подарки от Киргизцев?» — потом, усмотрев модную французскую работу, с язвительною усмешкою сказал: «Хорошо, братец; вижу и поздравляю»; но с того времени закралась в его сердце ненависть и злоба, так что равнодушно с невопрославившимся стихотворцем говорить не мог; привязываясь во всяком случае к нему, не токмо насмехался, но и почти ругал, проповедуя, что стихотворцы неспособны ни к какому делу. Все сие сносимо было с терпением, сколько можно, близ двух годов. Итак, когда в один докладной день в присутствии всех членов экспедиции представил он те правила, сказав сердитому на него вельможе: «Вы изволили приказать написать в журнале, чтоб нового расписания и табели не сочинять, а поднести старые. Сие исполнено. Не думаю, чтоб за то не подвергнуться гневу монаршему не только нам, но и вашему сиятельству. Я осмелился сочинить правила, из коих изволите увидеть, что можно показать и новое состояние государственной казны». С сим словом вместо благодарности за предостережение и труды восстала никем не ожидаемая страшная буря. «Вот, — вскрикнул он, — новый государственный казначей, вот умник. Извольте же, сударь, отвечать, когда не будет доставать сумм против табели на новые расходы по указам императрицы!» С чувствительным огорчением, так что пролились из глаз слезы, приняв сей выговор, советник сказал: «Много мне изволите делать чести, ваше сиятельство, почитая меня быть достойным государственным казначеем, но ежели вы изволите сомневаться в сих правилах, то, когда не столь важные дела приказываете рассматривать в общем собрании всех экспедиций, не угодно ли приказать и оные рассмотрев подать вам репорт? Ежели я написал бред, тогда меня уже и обвиняйте». — «Хорошо, — сказал раздраженный вельможа предстоящим чиновникам. — Рассмотрите и подайте мне репорт», — уверен будучи, что найдут они какую-нибудь нелепицу. Тотчас сделали собрание, наистрожайше рассматривали, и сколь ни покушались опровергнуть сведения, из коих заимствовано количество сумм, но единогласно наконец все 20 человек управляющих и советников подали репорт, что новую табель составить и поднести ее величеству можно, по которой нашлось более против прошлого году доходов 8 000 000. Нельзя изобразить, какая фурия представилась на лице начальника, когда он прочел сей акт, но, не сказав ни слова, отвел на сторону сперва упомянутого родственника своего, князя Вяземского, и пошептал ему что-то на ухо, а потом и Васильева, который

также ему был свойственник, будучи женат на сестре двоюродной княгини, его супруги.

Державин, увидев худую награду за его труды, решил оставить службу. Вследствие чего тот же час, вышедши в экспедиционную комнату, где случился служивший тогда там же советником князь Куракин, что при императоре Павле был генерал-прокурором, сказал ему, что он более служить с ними не намерен, и потом, сев за стол, тут же написал к князю письмо, просясь у него для поправления расстроенного хозяйства своего на два года, а ежели сего сделать не можно, то и совсем в отставку. Письмо сие отдав для поднесения князю секретарю, уехал домой. Сказавшись больным, не выходил из комнаты, и чрез несколько дней явился к нему господин Васильев, который зачал заговаривать опять о примирении, но не так уж чисто-сердечно и дружески, как прежде, а некоторым образом изъясняя неудовольствие и как бы угроживая, сказал между прочим, что письмо его лежит пред князем на столе и что он не хочет по нем докладывать государыне, а велел формальную подать просьбу чрез Герольдию в Сенат. Это означало немилость, или как история сия разнеслась по городу и дошла до сведения императрицы со всеми подробностями чрез графа Безбородку или Воронцова, которые были тогда противная ему, Вяземскому, партия, то и боялся он докладывать сам. Державин, предусматривая, что нельзя там ему ужиться, где не любят правды, не согласился на примирение и чтоб еще остаться, думая, что рано или поздно опять выдет история, когда надобно будет обманывать императрицу; ибо он тогда узнал, что для того не хотели открыть правды точного доходу, чтобы держать себя более в уважении, когда при нужде в деньгах он отзовется по табели именованием оных, но после будто особым своим изобретением и радением найдет оные кое-как и удовлетворит требованиям двора. Также как власть генерал-прокурора несколько уменьшалась учреждением о управлении губерний, что наместники или генерал-губернаторы могли входить прямо иногда с докладами своими к престолу и поступали иногда против его желания, то внушением о недоставлении ведомостей из губерний чрез подлинную табель от экспедиции и мог он как бы стороною представить нерадение или вовсе неведение должности начальников губерний, и что он один только печется и несет труды за всех, а потому они и не нужны столько, как он один; следовательно и служба его более. Вот хитрость, из коей произошла неблагоприятность начальника на ревностного и

справедливого исполнителя должности его. А для того он и сказал наотрез г. Васильеву, что он служить у его сиятельства под начальством не может, исполнит его повеление и подаст просьбу об отставке в Герольдию, что немедленно и учинил. Сенат, согласно законам, поднес доклад императрице, в коем присудил по выслуге его в чине статского советника года наградить его чином действительного статского советника. А как императрица знала его сколько по сочинениям, столько и по ревностной службе его в минувшем мятеже, и в экспедиции что он обнаружил прямо государственный доход, то высочайше и подтвердила доклад Сената 15-го февраля 1784 года, отозвавшись по выслушании оного графу Безбородке: «Скажите ему, что я его имею на замечании. Пусть теперь отдохнет, а как надобно будет, то я его позову».

Отправив весь свой домашний быт зимним путем до Твери, а оттуда на судах по Волге в Казань к матери, прожил он в Петербурге еще несколько, искав занять валовую сумму до 18 тысяч рублей на расплату мелочных долгов, кои его обременяли и без удовлетворения которых не мог он выехать из столицы. В течение февраля и марта вздумал он съездить в белорусские деревни, дабы, не видав их никогда, осмотреть, сделать как бы распоряжения, или, прямо сказать, как они были оброчные, хозяйства никакого в них не было, то, уединясь от городского рассеяния, докончить в них в уединении начатую им еще в 1780 году в бытность во дворце у всенощной в день Светлого Воскресения оду «Бог». А потому согласив жену несколько с ним расстаться, отправился в путь. Но доехав до Нарвы, приметя, что дорога начинала портиться и что в деревне в крестьянских избах неловко будет ему заняться сочинением, то, оставя повозку и с людьми на ямском постоялом дворе, нанял в городе у одной престарелой немки небольшой покойчик, с тем чтоб она ему и кушанье приготавлиала, докончил ту оду и еще также прежде начатую под названием «Видение мурзы». Прожив в сем городке с небольшим неделю, возвратился в Петербург. Отдал в месячное издание под названием «Собеседник» напечатать помянутую оду «Бог», как и прочие его сочинения напечатаны были в том журнале, который начало свое возымел, как и сама Российская Академия, от вышесказанной оды «Фелицы», о коей в особых примечаниях на все его сочинения подробно изъяснено будет. Сыскав же нужные деньги у господж Еропкиных, готов был совсем отправиться, но вдруг получил из Царского Села чрез графа Безбородку известие, что государыня

назначает его губернатором в Олонец, которую губернию в том же году должно было вновь открыть, то и потребовалось его согласие. Будучи у императрицы в хорошем мнении, неблагоприятно бы было не согласиться на ее волю. Но как он отправил уже весь свой экипаж в Казань и престарелая мать давно ожидала его к ней прибытия, то и просил он на некоторое время отпуска. Дан оный ему до декабря, то есть до того времени, когда назначено открыть губернию. А потому и последовал об определении его в губернаторы в Олонец указ 20-го мая 1784 года. Генерал-прокурор, получив его, сказал любимцам своим, около его стоящим, завидующим счастию их сотоварища, что разве по его носу полезут черви, нежели Державин просидит долго губернатором.

ОТДЕЛЕНИЕ V

С определения его в губернаторы до удаления его от одного звания и возведения в высшие государственные чины и должности

Определенный в Олонец губернатором, поехал он в Казань, но матери уже не застал в живых. За три дни до приезда его она скончалась. Оплавав ее смерть, поехал он в оренбургскую свою деревню, дабы показать ее жене своей, как по дороге лежащие рязанскую и казанскую он ей показывал; пожив в ней не более трех дней, предпринял возвращение в Петербург. На дороге случилось несчастье, что кучер, въехав нечаянно на кособок, опрокинул коляску; жена жестоко разбила висок о хрустальный стакан, в сумке коляски находившийся; с тех пор она до безумия стала бояться скорой езды в каретах, когда напротив того прежде любила скакать во всю пору. Приехав в Петербург, надобно было на заведение дома губернаторского и на заплату Еропкиным <иметь деньги>; хотя для первого пожаловано было государынею две тысячи, но для второго просил в банке. <...>

Но как настало время непременно ехать в Олонец, и новый губернатор, быв представлен на аудиенцию императрице, откланялся уже ей в кабинете, то, заняв деньги у банкиров по 14-ти процентов, закупил, что ему было нужно для заведения своего, и поехал. По прибытии в Петрозаводск, губернский город Олонецкой губернии, нашел уже там генерал-поручика и кавалера Тимофея Ивановича Туттолмина. Поелику ж вещи, нужные Державину, как-то

и домашние мебели, отправленные с осени водою, уже привезены были и снабдил он ими губернаторский дом и даже присутственные места, ибо там ничего не было, как равно привез с собою и канцелярских служителей, а между прочими и секретаря Грибовского (который после замечательную роль играть будет), то при обыкновенных духовных церемониях и торжестве в доме генерал-губернатора и открыта была губерния в исходе декабря и присутственные места начали свое действие. С первых дней наместник и губернатор дружны были, всякий день друг друга посещали, а особливо последний первого; хотя он во всех случаях оказывал почти несносную гордость и превозношение, но как это было не в должности, то и подлаживал его правитель губернии, сколько возмог и сколько личное уважение требовало. Но когда он прислал в губернское правление при своем предложении целую книгу законов, им написанных и императорскою властью не утвержденных, требуя, чтобы они в том правлении в палатах и во всех присутственных местах непременно исполняемы были; но как они во многих местах с существующими коренными законами и самою естественною связью дел не токмо не сообразны, но даже и неудобоисполнительны были, например: приказал экономии директору подавать себе годовые ведомости, сколько в каждом лете десятии лесов засажено или посеяно, а как по местному положению известно, что Олонецкая губерния наполнена непроходимыми тундрами и лесами, то в таковом разводе лесов никакой нужды не настояло, и едва ли впредь о том пещися доведется надобность. Словом, удивясь таковой дичи и грубому дерзновению, усумнился Державин принять те законы к исполнению, а для того пошел к нему в дом, взяв с собою печатный указ, состоявшийся в 1780 году, в котором воспрещалось наместникам ни на одну черту не прибавлять своих законов и исполнять в точности императорскою только властью изданные; ежели же в новых каковых установлениях необходимая нужда окажется, то представлять Сенату, а он уже исходатайствует ее священную волю. Прочетши сей закон, наместник затрясся и, побледнев, сказал, надеясь на благорасположение особ к себе и на ненависть ко мне князя Вяземского: «Я пошлю к генерал-прокурору курьера, и что он мне скажет, так и сделаем». Чрез несколько дней показал он Державину письмо князя Вяземского, который ему отвечал: «Чего, любезный друг, в законах нет, того исполнять не можно». После того получил от него письмо, вследствие которого сказал Державину,

чтоб он пересмотрел те присланные им законы и, которые не противны учреждению и регламентам, те бы принял к исполнению, а которые противны, те оставил без исполнения. Это Державин исполнил; пересмотрел обязанность губернского правления и несходственное с учреждением и другими законами отверг, а о прочих сказал в определении, учиненном в правлении, чтоб присутственные места, подчиненные губернскому правлению, и палаты, каждое по своей должности, поступали бы по законам и в случае невозможности, чрез стряпчих и прокуроров учиня замечания, представили бы куды следует. Так и сделано. Таким образом и пошло кое-как течение дел. Наместник казался довольным дружен; всякий вечер, и с женами, бывали вместе на вечеринках друг у друга. Но спустя несколько времени объявил он, что хочет осматривать присутственные места в рассуждение канцелярского порядка и течения самых дел. На другой день и действительно приступил к свидетельству. Начал с губернского правления. По глупому честолюбию его и чрезвычайному тщеславию желалось ему, чтоб была встреча ему сделана, так сказать, императорская, то есть чтоб он встречен был губернатором и всеми присутствующими чинами на крыльце; но Державин принял его точно по регламенту, то есть встал, и с советниками, с места, показал ему президентские кресла, сам сел по правую сторону на стул. Наместник делал разные вопросы и привязывался к учрежденному порядку, то есть к заведенным записным книгам и прочему, даже к мебели; но как на первое ответствовано было согласно с законами, а на второе, что для мебели суммы от него, наместника, не получал, а ежели которые и есть мебели, то его Державина собственные, ибо он из особливого усердия к службе, думая заслужить похвалу, подумавшись и, купив на нарочитую сумму мебели в Петербурге, то есть столов, стульев и шкафов, отправил еще осенью водою в Петрозаводск, чем и наполнены были не токмо губернское правление, но и прочие губернские и нижние места. Словом, наместник не мог ни к чему дельной учинить привязки, выехал из правления для освидетельствования палат и других мест. Державин не почел за нужное провожать его туда, тем более представлять ему те места, ибо они учреждены были под собственным распоряжением самого генерал-губернатора, то губернатор и не вправе почел себя представлять то, что не он учреждал, тем паче таковые наместниковы постановления, которые противны были законам. Сие было ему также неприятно. Вследствие чего, когда он приехал к нему

на обыкновенную ввечеру беседу, то он между разговорами при многих прочих чиновниках хвалил палаты, а особливо казенную и уголовную, которые хотя по собственным его прежним отзывам и по бумагам были крайне неисправны, особливо же относил неудовольствие свое на нижние присутственные места, подчиненные губернскому правлению, говоря, что как они зависят от губернатора, то и должен довести недеятельность их до высочайшего сведения императрицы (губернатор его, также в общем разговоре, спросил, чем же он недоволен теми местами? — «Неисполнением его учреждений», — он отвечивал. Губернатор сказал, что он, наместник, был сам в губернском городе, следовательно, и зависела от него, яко от президента губернского правления, всякая поправка подчиненных ему мест) и что он непременно будет жаловаться ее величеству на губернатора, не токмо не помогавшего ему в введении его благоучреждений, но расположенного против оных. Державин сказал, что готов ответить на все то, что ему доносить угодно будет, но как это было между дружеских разговоров, то и не думал, чтоб имело какое впрямь последствие. Накануне дал знать об отъезде своем в столицу губернскому правлению, а как губернатор приехал к нему с прочими чиновниками проститься и принять приказание, то он, важным и надменным образом пред всеми сделав ему выговор за его якобы неисправность, сказал, что он донесет о том ее величеству. Державин учтиво отвечал то же, что прежде: что он будет отвечать. <...>

Между тем зачали оказываться неудовольствия наместника и разные притеснения и подыски на губернатора. В угодность генерал-прокурора и генерал-губернатора привязываясь к губернатору, прокуроры и стряпчие всякий день входили с дельными и недельными доносами и протестами в правление. Между прочими, коих всех описывать было пространно и не нужно, подан был протест от прокурора в медленном якобы течении дел. Сие было одно смешное о медведе. Надобно его описать основательнее, дабы представить живее всю глупость и мерзость пристрастия. По отъезде наместника скоро и брат его двоюродный полковник Николай Тутолмин, бывший председателем в верхнем земском суде, отпущен был в отпуск на 4 месяца. На Фоминой неделе того суда заседатель Молчин шел в свое место мимо губернаторского дома поутру; к нему пристал или он для шутки заманил с собою жившего в доме губернатора ассесора Аверина медвежонка, который был весьма ручен и за всяким ходил, кто только его приласки-

гал. Приведши его в суд, отворил двери и сказал прочим своим сочленам, шутя: «Вот вам, братцы, новый заседатель Михайла Иванович Медведев». Посмеялись и тот же час выгнали вон без всякого последствия. Молчин, вышедши из присутствия в обыкновенный час, зашел к губернатору обедать, пересказал ему за смешную новость сие глупое происшествие. Губернатор, посмеявшись, сказал, что дурно так шутить в присутственных местах и что ежели дойдет до него как формою, то ему сильный сделает напрягай. Прошел месяц или более, ничего слышно не было. Напоследок дошли до него слухи из Петербурга, что некто Шишков, заседатель того же суда, в угождение наместника довел ему историю сию с разными нелепыми прикрасами, а именно, будто медвежонок по приказанию губернатора в насмешку председателя Тутолмина, худо грамоте знающего, приведен был нарочно Молчиным в суд, где и посажен на председательские кресла, а секретарь подносил ему для скрепы лист белой бумаги, к которому, намарав лапу чернилами, медвежонок прикладывали, и будто как прочие члены стали на сие негодовать, приказывая сторожу медвежонок выгнать, то Молчин кричал: «Не трогайте, медвежонок губернаторский!» Хотя очевидна была таковая или тому подобная нелепица всякому, но как генерал-прокурору и генерал-губернатору она была благоугодна, то рассказывали ее по домам за удивительную новость и толковали весьма для Державина невыгодно, и, видно, сделан был план в Петербурге, каким образом клевету сию произвесть самым делом. <...>

Губернатор, видя, что к нему привязываются всякими вздорами, дал резолюцию, чтоб, призвав <председателя> Тутолмина в губернское правление, поручить ему сделать выговор заседателю Молчину за таковой его неуважительный поступок месту и рекомендовать впредь членам суда быть осторожнее, чтоб они при таковых случаях, где окажется какой беспорядок, шум или неуважение месту, поступали по генеральному регламенту, взыскивая тотчас штраф с виновного, не выходя из присутствия. Наместник, получа таковую резолюцию и как она ему не понравилась, то будто не видал ее, а по рапорту суда предложил губернскому правлению отдать Молчина под уголовный суд. Державин, получа оное, сказал, что он по силе учреждения переменить определения губернского правления не может, а предоставляет наместнику по его должности репортовать на него Сенату. Губернский прокурор и наместник — один с протестом, а другой с формальною жалобою — отнеслись

к сему правительству. Генерал-прокурор рад был таковым бумагам; подходя к сенаторам, говорил всякому его тоном: «Вот, милостивцы, смотрите, что наш умница стихотворец делает: медведей — председателями». Как известно, что Сенат был тогда в крайнем порабощении генерал-прокурора и что много тогда также и наместники уважались, то и натурально, что строгий последовал указ к Державину, которым требовалось от него ответа как бы по какому государственному делу. Ежели бы не было опасности от тех, кто судит, то никакой не было трудности ответить на вздор, который сам по себе был ничтожен и доказывал только пристрастие и недоброхотство генерал-прокурора и наместника, но как толь сильных врагов нельзя было не остерегаться, то Державин заградил им уста, сказав между прочим в своем ответе, что в просвещенный век Екатерины не мог он подумать, чтоб почлось ему в обвинение, когда он не почел странного сего случая за важное дело и не велел произвести по оному следствия как по уголовному преступлению, а только словесный сделал виноватому выговор, ибо даже думал непристойным под именем Екатерины посылать в суд указ о присутствии в суде медведя, чего не было и быть не могло. Как бы то ни было, только Сенат, потолковав ответ, положил его, как называется, в долгий ящик, под красное сукно. <...>

В исходе однако летних месяцев, чтоб как-нибудь очернить Державина и доказать неуважение его к начальству и непослушность, Туттолмин делал ему такие поручения, которые, с одной стороны, были ненужны, а с другой — в исполнении почти невозможны. В исходе августа прислал он повеление осмотреть губернию и открыть город Кемь, лежащий при заливе Белого моря недалеко от Соловецкого монастыря. Это почти было невозможное дело, потому что в Олонецкой губернии по чрезвычайно обширным болотам и тундрам летним временем проезду нет, а ездят только зимою, и то только гусем; в Кемь же только можно попасть из города Сум на судах, когда молебщики в мае и июне месяцах ездят для моления в Соловецкий монастырь, а в августе и прочие осенние месяцы, когда начинаются сильные противные погоды, никто добровольно, кроме рыбаков на рыбацких лодках, не ездит. Но Державин, невзирая на сии препятствия, дабы доказать всегдашнюю готовность к службе, предпринял исполнить повеление наместника и действительно исполнил, хотя с невероятною почти трудностью, объезжая более 1500 верст то верхом на крестьянских лошадях по горам и топям, то

в челночках по озерам и рекам, где не токмо суда, но и порядочные лодки проезжать не могут. Приехав в Кемь, не нашел тут не токмо присутственных мест, ни штатной команды, но ниже одного подьячего, хотя наместник его уверил, что он все нужное найдет там готовым. Из сего понятен был, можно сказать, злодейский умысел наместника, потому что ежели б Державин не поехал, то бы он сказал, что он непослушен начальству или по трусости не способен к службе; в противном случае он почти уверен был, что благополучно не может совершить сего опасного путешествия, что и сделалось было самым делом, как ниже увидим. Но божий промысл против злых намерений человека делает, что Ему угодно. Державин, приехав в Кемь; увидел, что нельзя открывать города, когда никого нет. Однако, чтоб исполнить повеление начальника, он велел сыскать священника, которого чрез два дни насилу нашли на островах на сенокосе, вслел ему отслужить обедню и потом молебен с освящением воды, обойти со крестами селение и, окропя святою водою, назвать по высочайшей воле городом Кемью, о чем оставил священнику письменное объявление, приказав о том по его команде отрепортовать Синоду, а сам таковой же рапорт послал в Сенат.

Возвращаясь, хотел было захватить в Соловецкий монастырь, который лежит от Кеми верстах в 60-ти; но, с одной стороны, как монастырь Соловецкий Архангельской губернии, то не хотел он без позволения выехать из своей, а с другой, как поднялся противный ветер и был он в шестивесельной рыбацкой лодке, в которой против погоды плыть по морю никоим образом было невозможно, то и приказал направлять свою лодку по погоде, и как уже день склонялся на вечер, надобно было доехать засветло до синеющих впереди каменных пустых островов или морских курганов. Но восстала страшная буря, молния и гром, так что нельзя было без освещения молнии и различать совсем предметов, то и проехали было совсем назначенные к отдохновению своему острова, но лоцман по домекам узнал, что те острова вправо и что почти их проезжаем. Ежели к островам, то ветер будет боковой, или, как мореходцы называют, — бедевен, а ежели прямо по ветру, то может легко замчать в средину Белого моря или в самый Окиян. Державин приказал держать к островам вправо. Лишь руль повернули, паруса упали, лодка искосилась набок, то и захлебнулась было волнами, и неминуемо бы потонули, но бог чудным образом спас погибающих. Державин хотя никогда не бывал на море, но не обробел и не потерял духу, когда

бывшие с ним экзекутор <...> Эмин и секретарь Грибовский, который после был статс-секретарем при императрице, замертво почти без чувств лежали, да и самые гребцы, как были лапландцы, неискусные мореходцы, оцепенели, так сказать, и были недвижимы, то одна секунда и вал надобны были к погребению всех в морской бездне. В самое сие мгновение Державин вскочил, закричал на гребцов, чтоб не робели, подняли веслы, на которые лодка несколько оперлась, и вдруг очутилась за камнем, который волнам воспрепятствовал ее залить. Таковым, можно сказать, чудом спаслись от потопления, и Державин тогда в уме своем подумал, что знать он еще Промыслом оставлен для чего-нибудь на сем свете. В память сего после написал он оду под названием «Буря», которая напечатана в первой части его сочинений. Переночевав на сих островах или, лучше сказать, пустых камнях, поутру хотя также не без опасности, но приехали благополучно в город Онегу Архангельской губернии, оттуда же сухим путем в город Каргополь, который есть наилучший в Олонецкой губернии как хлебопашеством, так и торговлею.

Возвратился из сего путешествия в исходе сентября и скоро после того получил указ о перемещении в Тамбовскую губернию. <...>

По приезде в Тамбов в исходе марта или в начале апреля <1786> нашел сию губернию по бывшем губернаторе Макарове, всем известном человеку слабом, в крайнем расстройстве. Сначала с генерал-губернатором графом Гудовичем весьма было согласно, и он губернатором весьма был доволен как по отправлению его настоящей должности, так и по приласканию общества и его самого; как он летом посетил Тамбов, в честь его был устроен праздник, который описан в IV части сочинений Державина. Таковые были в продолжение лета, осени и зимы и даже в наступающем году; но они не токмо служили к одному увеселению, но и к образованию общества, а особливо дворянства, которое, можно сказать, так было грубо и необходимо, что ни одеться, ни войти, ни обращаться, как должно благородному человеку, не умели, или редкие из них, которые жили только в столицах. Для того у губернатора в доме были всякое воскресенье собрания, небольшие балы, а по четвергам концерты, в торжественные же, а особливо в государственные праздники — театральные представления, из охотников, благородных молодых людей обоего пола составленные. Но не токмо одни увеселения, но и самые классы для молодого юношества были учреждены поденно

в доме губернатора таким образом, чтоб преподавание учения дешевле стоило и способнее и заманчивее было для молодых людей; например, для танцевального класса назначено было два дни в неделю после обеда, в которые съезжались молодые люди, желающие танцевать учиться. Они платили танцмейстеру и его дочери, которые нарочно для того выписаны были из столицы и жили в доме губернатора, по полтине только с человека за два часа вместо того, что танцмейстер не брал менее двух рублей, когда бы он ездил к каждому в дом. Такое же было установление и для классов грамматики, арифметики и геометрии, для которых приглашены были за умеренные цены учителя из народных училищ, у которых считалось за непристойное брать уроки девицам в публичной школе. Дети и учителя были обласканы, довольствованы всякий раз чаем и всем нужным, что их чрезвычайно и утешало, и ободряло соревнованием друг против друга. Тут рисовали и шили которые повзрослее девицы для себя театральное и нарядное платье по разным модам и костюмам, также учились представлять разные роли. Сие все было дело губернаторши, которая была как в обращении, так и во всем в том великая искусница и сама их обучала. Сие делало всякий день людство в доме губернатора и так привязало к губернаторше все общество, а особливо детей, что они почитали за чрезвычайное себе наказание, ежели когда кого из них не возьмут родители к губернатору. Несмотря на то, чрезвычайная сохранялась всегда пристойность, порядок и уважение к старшим и почтенным людям. О сем долгое время сохранялась, да и поныне сохраняется память в тамошнем краю. Да и можно видеть из пролога на открытие театра и народного училища, в помянутой же части напечатанных.

Но губернатор в сии увеселения почти не мешался, и они ему нимало не препятствовали в отправлении его должности, о которой он беспрестанно пекся, а о увеселениях, также как и посторонние, тогда только узнавал, когда ему в кабинет приносили билет и клали пред него на стол. Сие его неусыпное занятие должностью обнаружилось скорым и правосудным течением дел и полицейскою бдительно-стью по всем частям управы благочиния, что также всем не токмо тогда было известно, но и донные многим памятно. Сверх того, сколько мог, он вспомоществовал и просвещению заведением типографии, где довольное число печаталось книг, переведенных тамошним дворянством, а особливо Елисаветою Корниловною Ниловой. Печатались также и для поспешности дел публикации и указы, которые нуж-

ны были к скорейшему по губернии сведению; были также учреждены и губернские газеты для известия о проезжих чрез губернию именитых людях и командах и о ценах товаров, а особливо базарных хлеба, где, когда и по какой цене продавался. Сие особливо полезно было для казны при случае заготовления большого количества провианта; ибо провиантским комиссионерам не можно было возвысить чрезвычайным образом цен против тех, которые объявлены были в губернских печатных ведомостях, сочиняемых дворянскими предводителями каждого уезда под смотрением одного надежного чиновника, живущего в губернском городе при губернаторе, который и из других рук также получал тайные для проверки сведения. Словом, в 1786 и 1787 году все шло в крайнем порядке, тишине и согласии между начальниками.

В последнем из сих годов открыто народное училище, которое принесло большую честь губернатору известною речью, говоренною однодворцем Захарьиным, сочиненною губернатором по поводу тому, что преосвященный был тогда человек неученый и при нем таковых людей не было, кто бы мог сочинить на тот случай приличную проповедь. О сей речи неизлишно, думается, сообщить особый анекдот. Вот он. Хаживал к губернатору из города Козлова однодворец Захарьин, который принашивал ему сочинения своего стихи, большею частию заимствованные из священного писания. В них был виден нарочитый природный дар, но ни тонкости мыслей, ни вкуса, ни познаний не имел; он ему иногда читывал свои стихи, то по способности сей хотел его поместить в какую-либо должность в Приказе общественного призрения. В сие время, то есть в августе 1786 года, получен именной указ, коим непременно велено было открыть под ведомством Приказа общественного призрения народное училище 22-го числа сентября, то есть в день коронования императрицы. День приближался. Надобно было, по обыкновению, при открытии училища говорить речь или проповедь. Он сообщил о сем преосвященному Феодосию, который был человек и неученый, и больной, то он отказался. Губернатор убеждал, чтоб он приказал своему хотя проповеднику то исполнить, но и в том не успел, ибо тот проповедник был дьякон, невзирая на то хотя без всяких талантов, но человек притом невоздержный и на тот раз пил запоем. Губернатор послал в город Ломов к архимандриту, человеку ученому, который хотя по духовному правительству принадлежал Тамбовской епархии, но по губернскому правлению Пензенской

губернии. Сей обещал приехать, но дни за три до назначенного дня прислал курьера с отказом, сказав тому причину, что пензенский губернатор требует его в Пензу для сей же надобности. Получа сие, Державин не знал, что делать, а как прилучился у него помянутый однодворец Захарьин, то он и вызвался, что он напишет речь, когда ему то будет позволено. Губернатор посмеялся такому предложению, зная его к тому недостатки, но хотел видеть, что это будет за речь. Сказав ему свои мысли, какого содержания она быть долженствует, приказал, когда напишет вчерне, то чтоб показал ему. Сей в самом деле на другой день поутру очень рано явился с своим сочинением. Сие было суший вздор, ни складу, ни ладу не имеющий. Он ему, сделав свои замечания, велел переделать и принести в тот же день ввечеру. Он исполнил, но и по вторичном прочтении нашлась та же нелепица. Итак, видя, что из однодворческих собственных мыслей и трудов ничего путного не выдет, а речь непременно иметь хотел, то и приказал он ему прийти к себе в кабинет в наступающий день до свету. Он в назначенный час явился. Державин, посадив его, велел ему под диктатурою своею писать речь по собственному своему расположению и мыслям, которые он в течение дня в голове своей собрал и расположил в надлежащий порядок. Но как однодворцу не было приличного места, где бы ему ту речь по состоянию его сказать можно было, — ибо в церкви нельзя для того, что он был не церковнослужитель, в школе также неуместно, ибо он не был ни учитель, и ни по чему не принадлежал к чиновникам сего заведения, — а для того выдумал, чтоб он на таком месте сказал ее, которое может принадлежать всему народу. Вследствие чего приказал ему переписать ее набело и на другой день, то есть накануне уже праздника, тоже рано поутру, явиться к нему в кабинет. По исполнении сего пересмотрев и переправив еще, приказал ему, чтоб когда процессия духовная будет возвращаться после освящения училища в собор, то чтоб он, остановив ее, начинал свою речь, которая начиналась таким образом: «Дерзая остановить тебя, почтенное собрание, среди шествия твоего» и прочее.

Сие в точности так было исполнено. Когда преосвященный со всем своим духовным причетом, отслужив молебен и окропив святою водою классы, хотел с собранием всех чинов выйти из училища, то однодворец остановил его вышеописанным началом речи, и губернатор, тотчас подступая, *(пригласил)* их в училище, где уже и говорена была речь перед портретом императрицы порядочно; но при том

месте, где он предавал в покровительство государыне сына своего, жена его, стоявшая за ним с малолетним его младенцем, отдала ему одного, а он положил его перед портретом, говоря со слезами те слова, которые там написаны. Сие трогательное действие так поразило всех зрителей, что никто не мог удержаться от сладостных слез, в благодарность просветительнице народа пролианных, и надавали столько оратору денег, что он несколько недель с приятелями своими не сходил с кабака, ибо также любил куликать. Речь сия послана была к наместнику и оттоль, натурально, в Петербург к императрице, где привела государыню столько в умиление, что она от удовольствия пролила слезы, и вообще таковое произвела во всех удивление, что прислан был от графа Безбородки курьер и именем императрицы приказано было однодворца *⟨привезти⟩* в Петербург, ибо тотчас усумнились, каким образом можно было простому мужику иметь такие чувства и сведения, каковые в той речи оказались и каковых от лучших риторов ожидать только можно. Сие происшествие, а притом и успехи, тотчас показавшиеся от учения, как то, между прочим, например, что чрез несколько месяцев появилось во всем Тамбове в церквах италиянское пение. Это было сделано так, что один придворный искусный певец, спадший с голоса, служил секретарем в нижней расправе и в состоянии был учить класс вокальной музыки. А как известно, что купечество в России везде охотники до духовного пения, то губернатор, прибавя сказанному секретарю несколько жалованья из Приказа общественного призрения к получаемому им из расправы, велел учредить певческий класс по воскресеньям для охотников; то тотчас и загремела по городу вокальная музыка. Забавно и приятно видеть, когда слышишь вдруг человек 400 детей, смотрящих на одну черную доску и тянущих одну ноту. А как и другие науки, как-то: арифметика, чтение и писание прекрасное, показались по городу, и сенаторы граф Воронцов и Нарышкин, в начале 1787 года осматривавшие губернию, подтвердили народную похвалу императрице относительно правосудия, успешного течения дел, безопасности, продовольствия народного и торговли, также приятных собраний и увеселений, так что начало знатное дворянство не токмо в губернский город часто съезжаться, но и строить порядочные дома для их всегдашнего житья, переезжая даже из Москвы, то все сие и возродило в наместнике некоторую зависть. Сие прежде всего приметно стало из того, что он зачинал к себе требовать и брать артистов против воли

губернатора и их самих в Рязань для устройства там театра и прочих увеселений, как-то: машиниста, живописца и балетмейстера, которых губернатор старанием своим выписал и содержал разными вымышленными им без ущерба казны и чьей-либо тягости способами, как то выше явствует.

Но в течение сего же года открылось уже явное наместника неудовольствие против губернатора <...> В сентябре получен указ из Сената, последовавший по жалобе наместника, в коем многие глупые небылицы и скаредные клеветы на Державина написаны были, между прочим, что будто он его за борот тащил в правление, что будто в присутствии его в правлении сделанные им распоряжения не исполнял, что накопил недоимки и другие всякие нелепицы, но ни одного истинного и уважения достойного проступка <или> дела не сказал. Губернатору не трудно было на такой сумбур ответить и опровергнуть лжи прямым делом. Но как знал он канцелярский обряд, что не на справках основанные ответы подлежат сумнению и что начальничьи донесения более возымеют весу, нежели его ответы, то, отлучив его от должности, предадут дело в Сенат законному суждению, а Сенат несколько лет будет собирать справки, которые в угодность генерал-губернатора будут такие, какие ему только будут угодны; словом, ежели не обвинят, то вечно просудят, чего им только и хотелось, дабы не допустить Державина в столицу или, лучше, до лицемерия императрицы, ибо таков есть закон: кто под судом, тот не допускается ко двору. Державин, все сие предвидев, взял меры, дабы отвратить от себя толь злобно ухищренную напасть. Он, не объявля указа в правлении, призвал к себе секретарей и приказал им якобы по другой какой надобности справиться о всем, о чем требует с него Сенат ответа, каждому по своей экспедиции, и, за подписанием их и советников по их частям, взнести к нему в канцелярию. Они сие исполнили, и советники, не зная, что по поводу сенатского указа те справки требованы, подписали, а губернский прокурор пропустил, не сделав никакого возражения. Тогда губернатор объявил правлению сенатский указ и тот же час, основав на тех справках свой ответ, отправил в Сенат. Прокурор и советники, бывши преданы из трусости наместнику, увидели, что сплошали, не затруднив справок. Первый из них, послав нарочного к генерал-губернатору с известием, что губернатор требует справок против сенатского указа, получил с тем же посланным предписание, чтоб никак не давать справок, но было уже поздно. Гудович,

будучи о сем извещен, послал в Сенат жалобу на Державина, говоря, что он под видом справок отдал якобы его под суд губернскому правлению. Ему больно было, что справками обнаружили его лжи и черной души клевета. <...>

Прошло месяца с два, что дело оставалось без всякого движения, и все думали, что императрица взяла сторону Державина и ему ничего не будет. Но в ноябре месяце настал срок к нозому выбору судей. Наместник приехал, и дворяне съехались. Губернатор, получая о том ежедневно рапорты, пришел к нему в день баллотирования и с должною учтивостию спрашивал его, что он ему по сему случаю прикажет. Он с презрением ему отвечал: «Ничего». — В обряде выборов и на него возложена должность. — «Мне вы ни на что не надобны». Губернатор, поклонясь, вышел вон и тот же час прислал к нему рапорт с прописанием, что он был у него и просил его повеления, но он его без всякой причины удалил от выборов; то ежели что случится в продолжение оных несогласное с законами, то чтобы уже он сам за то изеолит ответствовать. Сия наместника, так сказать, письменная явка наиболее раздражила. Он послал к графу Безбородку убедительное партикулярное письмо, написав в нем личные оскорбления и всякие нестерпимые нелепости на губернатора, прося, чтобы он удален был из губернии, описывая, что он и при настоящем выборе дворян делает затруднение и замешательство. Граф Безбородко по тому письму докладывал, и тогда-то уже вышла конфирмация императрицы на вышеупомянутый сенатский доклад, в котором сказано, чтоб, удаля Державина из Тамбовской губернии, взять с него ответы, которые рассмотреть в Москве в 6-м Сената департаменте. Возрадовались все его гонители, и вместо того, чтоб справедливый Сенат и истинный защитник невинности должен был сказать и войти с докладом, что ответы уже Державиным присланы, и как в них не находится никакой вины его, то предать ее величества благоизволению, напротив, тотчас препроводили в Москву, опасаясь допустить оклеветанного в Петербург, чтоб как-либо присутствием своим в сем городе не открыл своей невинности, ибо письменных жалоб его не боялись, потому что они, преходя чрез руки статс-секретарей и почт-директора, приятелей и приверженцев их, не могли никак проникнуть до императрицы. Словом, Державин был в крайнем со всех сторон утеснении; ибо Вяземский и Безбородкина партия, то есть Сенат, генерал-прокурор, генерал-губернатор и статс-секретари — все были против его. Хотя на князя Потемкина по случаю попомоществования армии

хлебом чрез Гарденина и благосклонного расположения Василья Степановича Попова, правителя его канцелярии, и была некоторая надежда, но как оные три сильные вельможи — Потемкин, Безбородко и Вяземский, у коих были в руках бразды царственного правления, чтоб не мешать друг другу, составили тогда между собою триумвират, любимец же императрицы граф Мамонов ни с какой стороны не был знаком Державину, то и был он в бездне погибели, из коей, казалось, никонм образом выйти ему не можно было. Но незинность его и Бог противное учинили, как то ниже увидим.

ОТДЕЛЕНИЕ VI

По отлучении от губернаторства до определения в статс-секретари, а потом в сенаторы и в разные министерские должности

Приехав в Москву, помнится, в Рождественский пост (1788), явился в Сенат; нашел дело еще не докладованным. Сколько ни просил о том, но все отлагали день за день, отговариваясь, что сенатор князь Петр Михайлович Волхонский за болезнию не выезжает в присутствии. Надобно знать, что сей князь Волхонский — родня князя Вяземского и был пред тем обер-прокурором при московских Сената департаментах, то и находился у всех по тем связям как у больших, так и малых чинов сенатских в великом уважении. Никто против его не смел говорить, и обер-прокурор князь Гагарин, от которого зависело приказать предложить дело к слушанию, сколько был ни прошен, ничего не предпринимал. Протекло уже 6 месяцев. Державин шатался по Москве праздно и видел, что такая проволочка единственно происходит из угождения князя Вяземского, потому что, не находя его ни в чем винным, отдаляли оправдание, дабы не подпасть под гнев императрицы. Наконец он нерешимостию наскучил и как въезж был в дом князя Волхонского и довольно ему знаком, водя с ним в бытность его в Петербурге хлеб и соль, то, приехав в один день к нему, просил с ним переговору в его кабинете. Князь не мог от сего отговориться. Державин начал ему говорить: «Вы, слава богу, князь, сколько я вижу, здоровы, но в Сенат въезжать не изволите, хотя там мое дело уже с полгода единственно за неприсутствием вашим не докладывается. Я уверен в вашем добром сердце и в благорасположении ко мне; но вы делаете сие мне притеснение из угождения только князь Александру Алексеичу, то я уверяю ваше сиятельство, что

ежели будете длить и не решите мое дело так или сяк (я не требую моего оправдания, ибо уверен в моей невинности), то принужденным найдусь принести жалобу императрице, в которой изображу все причины притеснения моего генерал-прокурором, как равно и состояние управляемого им государственного казначейства самовластно и в противность законов, как он раздает жалованье и пенсии, кому хочет, без указов ее величества, как утаивает доходы, дабы в случае требования на нужные издержки показать выслугу пред государынею, нашедши якобы своим усердием и особым распоряжением деньги, которых в виду не было или совсем оные небрежением других чиновников пропадали, и тому подобное; словом, все опишу подробно, ибо, быв советником государственных доходов, все крючки и норы знаю, где скрываются и по переводам сумм в чужие край умышленно государственные ресурсы к пользе частных людей, прислуживающих его сиятельству. Коротко, хотя буду десять лет под следствием и в бедствии, но представлю нелживую картину худого его казною управления и злоупотребления сделанной ему высочайшей доверенности. То не введите меня в грех и не заставьте быть доносчиком противу моей воли; решите мое дело, как хотите, а там бог с вами, будьте благополучны».

Князь Волхонский почувствовал мои справедливые жалобы, обещал выехать в Сенат, что и действительно в первый понедельник исполнил, и дело мое, яко на справках основанное и ясно доказанное, в одно присутствие кончено. Хотя казенная палата и сам генерал-губернатор изобличены в небрежении их должности, а губернатор, напротив того, найден ни в чем не виноватым, но о них ничего не сказано, а о нем, что как-де он за справки, требованные им из губернского правления против генерал-губернатора, удален от должности, то и быть тому так. Сведав таковое кривое и темное решение, Державин, не имея его в руках формально, не мог против одного никакого делать возражения, ибо тогда еще не было того узаконения, как ныне, чтоб по следственным делам объявлять подсудимым открыто решительные определения и давать им две недели сряду сроку на написание возражения, буде дело решено несправедливо и незаконно. Державин не знал, что в сем утеснительном положении делать и как отвратить пред императрицею сие маловажное само по себе незаконное определение Сената. Итак, принужден был дать чрез одного стряпчего обер-секретарю 2000 рублей за то, чтоб только позволил копию списать с того решительного

определения, дабы, прибегнув к императрице с просьбою, в чем против одного не ошибиться, и также обер-прокурора князя Гаврилу Петровича Гагарина упросил, чтоб ему объявлено было в Сенате, что дело его решено и до него более никакого дела нет, дабы мог он уже свободно ехать в Петербург. При сем случае к чести должно сказать графа Петра Ивановича Панина, который, как выше явствует, по пугачевскому саратовскому происшествию был к нему недоброжелателен и его гнал, но когда приехал в Москву и был у него, то он его принял благосклонно и оказал ему вспомоществование по сему делу, заступая у князя Гагарина, как и в сем случае, дабы объявлением в Сенате неимения до него никакого касательства учинить его отъезд в Петербург свободным. Таковая благосклонность, думаю я, единственно от доброго его и сострадательного сердца происходила, а другие полагают, что он князя Вяземского по давнишней ссоре с ним в Сенате не любил и все дела его опорочивал, будучи всякий день, так сказать, поджигаем против него Александром Ивановичем Глебовым, бывшим пред Вяземским генерал-прокурором, Петром Петровичем Моисеевым, отставным вице-президентом Камер-коллегии, соляной канцелярии советником Шапкиным и господином Князевым, бывшим главным судьей в Межевой канцелярии, которые все жаловались на явное гонение князя Вяземского и потому худое расположение графа Панина против его поддерживали. По сим обстоятельствам и Державин с сими известными в государстве дельными людьми в бытность его в Москве коротко познакомился. Они прочитывали ему все их дела и объяснения, как бы требуя его одобрения, в которых, по справедливости сказать, много было основательного ума и остроты, а паче сведения в законах, но недоставало мягкости в нравах и приятности в объяснениях. Моисеева слог был кудреват и надмеру плодовит, Шапкина — дерзок и даже обиден, Князева — крючковат, двусмыслен, наполнен софизмами или несправедливыми заключениями, Глебова — сух, напыщен и никаких отличных мыслей в себе не представляющ, так что я удивлялся разности против манифеста 1762 года о восшествии на престол императрицы Екатерины Второй, который ему приписывали и в котором в великой краткости много силы и политических причин, кстати на тот случай для удостоверения простого народа сказанных. Как бы то ни было, по Державин по своей ли невинности, или по божьему к нему благоволению похвалиться может, что из вышепрописанных острых и дельных го-

лов, известных всему государству, один не токмо невредим, но еще с честью выволакался из когтей князя Вяземского.

Приехав в Петербург как к генерал-прокурору к первому к нему явился на даче в селе Александровском. Принят был что называется с пересемениванием, или с смятением совести, очень ласково. Он говорил ему: «Ну, любезный друг, теперь лучше как с гуся вода», ибо вся цель была, сколько известно, его и прочего делового министерства, чтоб, обходясь с Державиным ласково, не допустить его в службу, дабы не мешал им самовластвовать. Но он не то думал; он хотел доказать императрице и государству, что он способен к делам, неповинен руками, чист сердцем и верен в возложенных на него должностях. Вследствие сего и послал он чрез почту к императрице письмо, в котором объяснил, что по жалобам на него генерал-губернатора, чрез Сенат присланным, он принес свои оправдания и надеется, что не найдется виноватым; но по неизвестным ему оклеветаниям, в которых от него никакого ответа требовано не было, он сомневается в заключении Сената; может быть, не поставлено ли ему в вину, что он брал против доносов на него генерал-губернатора справки, то он ссылается на законы, которые запрещают без справок дела производить, а потому и требовал оных, дабы бесспорно объяснить истину. Почему и просил, чтоб приказала государыня при докладе Сената прочесть и сие его объяснение. Письмо дошло до императрицы. Скоро после того узнал он, что граф Безбородко объявил Сенату словесное ее величества повеление, чтоб считать дело решенным, а найден ли он виновным или нет, того не сказано, и приказано ему тогда же явиться ко двору. Статс-секретарь Александр Васильевич Храповицкий объявил ему высочайшее благоволение, что она автора «Фелицы» обвинить не может, а гофмаршалу, чтоб представлен он был ее величеству. Удостоясь соблаговолением лобызать руку монархини и обедав с нею за одним столом в Сарском Селе, возвращаясь в Петербург, размышлял он сам в себе, что он такое — виноват или не виноват? в службе или не в службе? А потому и решился еще писать к императрице и действительно то исполнил, изобразя в письме своем объявление Храповицким о невинности его и благодарение за правосудие, прося — не из корыстолюбия, но чтоб в правительстве известно было его оправдание, — по указу 1726 года, остановленного у него заслуженного жалованья и чтоб впредь до определения к должности производить, а также просил у ее величества

ауденции для личного с нею объяснения по делам губернии.

Дни чрез два или три получил чрез г. Храповицкого повеление в наступающую среду быть в 9 часов в Царское Село для представления ее величеству. И действительно в назначенный день и час явился. Храповицкий сказал мне, чтоб я шел в покои и приказал камердинеру доложить о себе государыне. Тотчас позван был в кабинет. Пришел в перламутровую залу, рассудил за благо тут на столе оставить имеющуюся со мною большую переплетенную книгу, в которой находились подлинником все письма и предложения г. Гудовича (...), представляя себе, что весьма странно покажется императрице увидеть меня вошедшего с такою большою книгою. Коль скоро я в кабинет вошел, то, пожаловав поцеловать руку, спросила, какую я имею до нее нужду. Державин отвечив: «Благодарить за правосудие и объяснить по делам губернии». Она отозвалась: «За первое благодарить не за что, я исполнила мой долг; а о втором для чего вы в ответах ваших не говорили?» Державин донес, что противно было бы то законам, которые повелевают отвечать только на то, о чем спрашивают, а о посторонних вещах изъяснять или доносить особо. «Для чего же вы не объясняли?» — «Я просился для объяснений чрез генерал-прокурора, но получил от него отзыв, чтоб просился по команде, то есть чрез генерал-губернатора, но как я имею объяснить его непорядки и несоответственные поступки законам в ущерб интересов вашего величества, то и не мог у него проситься». — «Хорошо, — изволила возразить императрица, — но не имеете ли вы чего в нраве вашем, что ни с кем не уживаетесь?» — «Я не знаю, государыня, — сказал смело Державин, — имею ли какую строптивость в нраве моем, но только то могу сказать, что, зная, я умею повиноваться законам, когда, будучи бедный дворянин и без всякого покровительства, дослужился до такого чина, что мне вверяли в управление губернии, в которых на меня ни от кого жалоб не было». — «Но для чего, — подхватила императрица, — не поладили вы с Тутолминым?» — «Для того, что он принуждал управлять губерниею по написанному им самопроизвольно начертанию, противному законам, а как я присягал исполнять только законы самодержавной власти, а не чьи другие, то я не мог никого признать над собою императором, кроме вашего величества». — «Для чего же не ужился с Вяземским?» Державин не хотел рассказывать всего вышеписанного относительно несохранения и беспорядков в управлении

казенном, дабы не показаться доносителем, но отвечал кратко: «Государыня! Вам известно, что я написал оду Фелице. Его сиятельству она не понравилась. Он зачал насмехаться надо мною явно, ругать и гнать, придираясь ко всякой безделице, то я ничего другого не сделал, как просил о увольнении из службы и по милости вашей отставлен». — «Что за причина несогласия с Гудовичем?» — «Интерес вашего величества, о чем я беру дерзновение объяснить вашему величеству и ежели угодно, то сейчас представлю целую книгу, которую я оставил там». — «Нет, — она сказала, — после». Тут подал ей Державин краткую записку всем тем интересным делам, о коих месяцев 6 он представление сделал Сенату, но никакой резолюции не получил <...> Императрица, приняв ту записку, сказала, что она прикажет в Сенате привести те дела в движение. Между тем, пожаловав руку, дополнила, что она прикажет удовлетворить его жалованьем и даст место. На другой день в самом деле вышел указ, которым велено Державину выдать заслуженное жалованье и впредь производить до определения к месту. Сие Вяземского как гром поразило, и он занемог параличем. Державин, однако, по старому знакомству, как бы ничего не примечая, ездил изредка в дом его и был довольно принят ласково. Сие продолжалось несколько месяцев, и хотя по воскресеньям приезжал он ко двору, но как не было у него никого предстателя, который бы напоянул императрице об обещанном месте, то и стал он как бы забвенным.

В таком случае не оставалось ему ничего другого делать, как искать входу к любимцу государыни и чрез него искать себе покровительства. В то время, по отставке Мамонова, вступил на его место молодой конной гвардии офицер Платон Александрович Зубов, который никак с ним не был знаком, ибо когда он служил в гвардии, тогда еще сей дитя фортуны был малолетен и бегал с своим семейством туда и сюда, от Пугачева укрываясь. Но что делать? Надобно было сыскивать случаю с ним познакомиться. Как трудно доступить до фаворита! Сколько ни заходил к нему в комнаты, всегда придворные лакеи, бывшие у него на дежурстве, отказывали, сказывая, что или почивает, или ушел прогуливаться, или у императрицы. Таким образом, ходя несколько раз, не мог удостоиться ни одного раза застать его у себя. Не осталось другого средства, как прибегнуть к своему таланту. Вследствие чего написал он оду «Изображение Фелицы» и к 22-му числу сентября, то есть ко дню коронавания императрицы, передал чрез Эмина, который

в Олонецкой губернии был при нем экзекутором и был как-то Зубову знаком. Государыня, прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора к нему ужинать и всегда принимать его в свою беседу. Это было в 1788 году. С тех пор он сему царедворцу стал знаком, но, кроме ласкового обращения, никакой от него помощи себе не видал. Однако и один вход к фавориту делал уже в публичке ему много уважения, а сверх того и императрица приказала приглашать его в Эрмитаж и прочие домашние игры, как-то на святки, когда они наступали, и прочие собрания. В доме Вяземского был также принят хорошо, но как брат фаворитов, то есть Дмитрий Александрович Зубов, сговорил на меньшей дочери Вяземского, и Державин приехал его поздравить, то княгиня, приняв холодно, показала ему спину. Сие значило то, что как они сделались чрез сговор дочери с любимцем императрицы в свойстве, то и не опасались уже, чтоб Державин у него мог чем их повредить. Чрез сей низкий поступок княгини так ему дом их омерзел, то он в сердце своем положил никогда к ним не ездить, что и в самом деле исполнил по самую князя кончину.

Между тем познакомился он с отцом фаворита Александром Николаевичем Зубовым, который, помнится, из коллежских или из статских советников сделан обер-прокурором Сената первого департамента, и мог бы сделать с ним короткую связь по делам, в которых он хотя был сведущ, но в обрядах сенатских и производстве письмоводства не обычен, но приметив в нем при его натуральном разуме и доверенности двора непомерную алчность к наживе, так что он хотел употребить его к своду и передаче взяток, неприметным образом от короткости с ним удалялся и в разговорах давал чувствовать благородство своих мыслей и бескорыстие. Сие сделало между ими некоторую холодность, однако не переставал он посещать сына и отца, а наиболее первого. Княгиня Дашкова по старому знакомству чрез первую оду «Фелице», напечатанную в «Собеседнике», так же автора, как и прежде, благосклонно принимала и говорила императрице много о нем хорошего, твердя беспрестанно с похвалою о вновь сочиненной им оде «Изображение Фелицы», чем вперила ей мысли взять к себе в статс-секретари или, лучше, для описания ее славного царствования. Сие княгиня Державину и многим своим знакомым по склонности ее к велеречию и тщеславию, что она много может у императрицы, сама рассказывала. Такое хвастовство не могло не дойти до двора и было, может, причиною, что Державин более двух годов еще

после того не был принят в службу, а особливо на рекомендованный пост княгинею Дашковой, потому что, что любимец Зубов, кроме своего одобрения, никого не хотел допускать сблизиться с императрицею, или что отец его, узнав бескорыстный нрав Державина, не присоветовал ему возвестить его на столь видный пост, где может он быть противоборником его корыстолюбию, что опосле и случилось, как ниже увидим. <...>

Державин, однако же, в то время написал оду, напечатанную в первой части под именем «На шведский мир». В ноябре или декабре месяце сего года взят Измаил. С известием сим фельдмаршал князь Потемкин прислал ко двору, чтоб более угодить императрице, брата любимцова Валерия Александровича Зубова, что после был графом и генерал-аншефом. В самое то время случился в комнатах фаворита и Державин. Он в первом восторге о сей победе дал слово радостному вестнику написать оду, которую и написал под названием «На взятие Измаила». Она напечатана в 1-й части его сочинений. Ода сия не токмо императрице, ее любимцу, но и всем понравилась; следствием сего было то, что он получил в подарок от государыни богатую осыпанную бриллиантами табакерку и был принят при дворе еще милостивее. Государыня, увидев его при дворе в первый раз по напечатании сего сочинения, подошла к нему и с усмешкою сказала: «Я не знала по сие время, что труба ваша столь же громка, как и лира приятна». Князь Потемкин, приехав из армии, стал к автору необыкновенно ласкаться и чрез Василья Степановича приказывал, что хочет с ним короче познакомиться. Вследствие чего Державин стал въезж к князю Потемкину. Однажды, призвав его в свой кабинет, отдал письмо принца де-Линя, писанное к нему на французском языке, прося оное перевести на русский. Державин отговаривался незнанием первого, но князь сказал: «Нет, братец, я знаю, что ты переведешь». Принял и с пособием жены своей перевел, чем казался быть довольным и благодарил. <...>

Словом, Потемкин в сие время за Державиным, так сказать, волочился; желая от него похвальных себе стихов, спрашивал чрез г. Попова, чего он желает. Но, с другой стороны, молодой Зубов, фаворит императрицы, призвав его в один день к себе в кабинет, сказал ему от имени государыни, чтоб он писал для князя, что он прикажет, но отнюдь бы от него ничего не принимал и не просил, что он и без него все иметь будет, прибавя, что императрица назначила его быть при себе статс-секретарем по военной

части. Надобно знать, что в сие время крылося какое-то тайное в сердце императрицы подозрение против сего фельдмаршала по истинным политическим каким замеченным от двора причинам, или по недоброжелательству Зубова, как носился слух тогда, что князь, поехав из армии, сказал своим приближенным, что он нездоров и едет в Петербург *зубы дергать*. Сие дошло до молодого вельможи и подкреплено было, сколько известно, разными внушениями истинного сокрушителя Измаила, приехавшего тогда из армии. Великий Суворов, но как человек со слабостями, из честолюбия ли, или зависти, или из истинной ревности к благу отечества, но только приметно было, что шел тайно против неискусного своего фельдмаршала, которому, со всем своим искусством, должен был единственно по воле самодержавной власти повиноваться. Державин в таковых мудреных обстоятельствах не знал, что делать и на которую сторону искренно предаться, ибо от обоих был ласкаем.

В светлый праздник Христова воскресенья, как, обыкновенно, и ныне бывает, был съезд к вечерне, после которой императрица жаловала дам к руке в присутствии всего двора и имеющих к оному въезд кавалеров, в числе которых был и Державин. Вышед из церкви, повела она всех с собою в Эрмитаж. Лишь только вошли в залу и сделали, по обыкновению, круг, то императрица с свойственным ей величественным видом прямо подошла к Державину и велела ему за собою идти. Он и все удивились, недоумевая, что сие значит. Пришед в отдаленные Эрмитажа комнаты, остановилась в той, где стоят ныне бюсты Румянцева, Суворова, Чичагова и прочих; начала приказывать тихо, как бы какую тайну, чтоб он сочинил Чичагову надпись на случай мужественного его отражения в прошедшем году в Ревеле сильнейшего в три раза против российского флота шведского, которая была б, сколько возможно, кратка и непременно помещены бы были в ней слова сего мореходца. Когда она ему сказала, что идет сильный флот шведский против нашего ревельского, посылая его оным командовать, то он ей отвечал равнодушно: «Бог милостив, не проглотят». Это ей понравилось. Приказав сделать его бюст, желала, чтоб на оном надпись именно из тех слов состояла. Державин, приняв повеление, не мог однако отгадать, к чему было такое ничего не значащее поручение и что при толь великом собрании отведен был таинственно с важностию в толь отдаленные чертоги, тем паче, что на другой день, истоща все силы свои и в поэзии искусство, принес он сорок надписей и представил чрез любимца государыне, но ни одна из

них ею не апробована; а написала она сама прозою, которую и ныне можно видеть на бюсте Чичагсва. Опосле сие объяснилось и было не что иное, как поддраживание или толчок Потемкину, что императрица против его воли хотела сделать своим докладчиком по военным делам Державина и для того его толь отличительно псказала публике. Князь, узнав сие, не вышел в собрание и, по обыкновению его, сказавшись больным, перевязал себе голову платком и лег в постелю.

Однако же в исходе Фоминой недели, то есть 28-го апреля, дал известный великолепный праздник в Таврическом своем доме, где императрица со всею своею высочайшею фамилиею при великолепнейшем собрании присутствовала. Там были петы выпсепомянутые сочиненные Державиным хоры, которыми быв хозяин доволен, благодарил автора и пригласил его к себе обедать, который обещал сочинить ему описание того праздника. Без сумнения, князь ожидал себе в том описании великих похвал или, лучше сказать, обыкновенной от стихотворцев сильным людям лести. Вследствие чего в мае или в начале июня, как жил князь в Летнем дворце, когда Державин поутру принес ему то описание, просил Василия Степановича доложить ему об оном, князь приказал его просить к себе в кабинет. Стихотворец вошел, подал тетрадь, а князь, вссьма учтиво поблагодаря его, просил остаться у себя обедать, приказав тогда же нарочно готовить стол. Державин пошел в канцелярию к Попову — дожидался, не прикажет ли чего князь, — где свободный имел случай и довольно время объяснить, что мало в том описании на лицо князя похвал, но скрыл прямую тому причину, бояся неудовольствия от двора, а сказал, что как от князя он никаких еще благоденний личных не имел, а коротко великих его качеств не знает, то и опасался быть причтен в число подлых и низких ласкателей, каковым никто не дает истинного вероятия; а потому и рассудил отнестъ все похвалы только к императрице и всему русскому народу, яко при его общественном торжестве, так, как и в оде на взятъе Измаила; но ежели князь примет сие благосклонно и позволит впредь короче узнать его превосходные качества, то он обещал превознести его, сколько его дарования достанет. Но такое извинение мало в пользу автора послужило, ибо князь, когда прочел описание и увидел, что в нем отдана равная с ним честь Румянцову и Орлову, его соперникам, то с фуриёю выскочил из своей спальни, приказал подать коляску и, несмотря на шедшую бурю, гром и молнию, усакал бог

знает куды. Все пришли в смятение, столы разобрали — и обед исчез. Державин сказал о сем Зубову и не оставил, однако, в первое воскресенье, при переезде князя в Таврический его дом, засвидетельствовать ему своего почтения. Он принял его холодно, однако не сердито. Князю при дворе тогда очень было плохо. Злоязычники говорили, что будто он часто пьян напивается, а иногда как бы сходит с ума; заезжая к женщинам, почти с ним не знакомым, говорит несвязно всякую нелепицу. Но Державин несмотря на то и к Зубову, и к нему ездил. В сие время без его согласия князем Репниным с турками мир заключен. Это его больше убило. Перед отъездом в армию, когда он был уже на пути в Царском Селе, по приезде с ним откланялся. Спрашивал еще Попов Державина, чтоб он открылся, не желает ли он чего — князь все сделает; но он, хотя имел великую во всем тогда нужду по обстоятельствам, которые ниже объяснятся, однако, слышав запрещение чрез Зубова императрицы ни о чем его не просить, сказал, что ему ничего не надобно. Князь, получив такой отзыв, позвал его к себе в спальню, посадил наедине с собою на софу и, уверив в своем к нему благорасположении, с ним простился.

Должно справедливость отдать князю Потемкину, что он имел весьма сердце доброе и был человек отлично великодушный. Шутки в оде Фелице на счет вельмож, а более на его, вмещенные, которые императрица, заметя карандашом, разослала в печатных экземплярах по приличию к каждому, его нимало не тронули или, по крайней мере, не обнаружили его гневных душевных расположений, не так как прочих господ, которые за то сочинителя возненавидели и злобно гнали; но напротив того, он оказал ему доброхотство и желал, как кажется, всем сердцем благодетельствовать. Вопреки тому по отъезде князя в армию любимец императрицы граф Зубов хотя беспрестанно ласкал автора и со дня на день манил и питал в нем надежду получить какое-либо место, но чрез все лето ничего не вышло, хотя нередко открывал он ему тесные свои обстоятельства, что почти жить было нечем <...>

Казалось Державину, что неприятна ему и самая пиитическая его слава, ибо часто желал он стравливать или ссорить с ним помянутого г. Эмина, который, как известно, также писал стихи. Он был до того дерзок, что в глазах фаворита не токмо смеялся, но даже порицал его стихи, а особливо оду на взятие Измаила, говоря, что она груба, без смысла и без вкуса. Вельможа, с удовольствием улыбаясь,

то слушал, а Державин равнодушно отвечал, что он ни в чем не спорит, но чтоб узнать, кто из них искуснее в стихотворстве, то просит позволения напечатать особо, на свой кошт, на одной стороне листа его критику, а на другой — свою оду и предать на рассуждение публики; кому отдадут преимущество, говорил он, тот и выиграет тяжбу. Но Эмин не согласился. Как бы то ни было, но только, нося благоволение любимца императрицы, Державин шатался по площади, проживая в Петербурге без всякого дела. <...>

В течение сего времени, то есть в октябре месяце, получено известие из армии, что князь Потемкин, окончивший поставленный на мере князем Репниным с турками мир, скончался. Сие как громом всех поразило, а особенно императрицу, которая чрезвычайно о сем присноименном талантами и слабостями вельможе соболезновала, и не нашли способнее человека послать на конгресс в Яссы для заключения мира, как графа, а потом князем бывшего, Александра Андреевича Безбородку, которому приказала кабинетские свои дела сдать молодому любимцу графу Зубову. Державин посещал всякий день его, в надежде быть употреблену в дела, наверное ласкался иметь какое-нибудь из оных и по статской части, которых превеликое множество недокладованных перешло от Безбородки к Зубову. Но ожидание было тщетно; дела валялись без рассмотрения, и ему фаворит не говорил ни слова, как будто никакого обещания ему от государыни объявлено не было.

Но в один день, как он к нему по обыкновению пришел, спрашивал как бы из любопытства молодой государственный человек: можно ли нерешенные дела из одной губернии по подозрениям переносить в другие? Державин, не зная причины вопроса, отвечал: «Нет, потому что в учреждении именно запрещено из одного губернского правления или палаты, из какого-либо суда дела нерешенные переносить в другие губернии, да и нужды в том по состоянию 1762 года апелляционного указа никакой быть не может» <...> В первое после того воскресенье слышно стало по городу, что когда обер-прокурор Федор Михайлович Колокольцов, за болезнь Вяземского правя по старшинству генерал-прокурорскую должность, был по обыкновению в уборной для поднесения ее величеству прошедшей недели сенатских меморий, то она, вышед из спальни, прямо с гневом устремилась на него и, схватя за Владимирский крест, спрашивала, как он смел коверкать ее учреждение. Он от ужаса помертвел и не знал, что отвечать; наконец, сколько-нибудь собравшись с духом, промолвил: «Что

такое государыня? Я не знаю». — «Как не знаешь? Я усмотрела в мемории, что переводятся у вас в Сенате во 2-м департаменте, где ты обер-прокурор, нерешенные дела из одной губернии в другую, а именно: следственное дело помещика Ярославова переведено из Ярославской губернии в Нижегородскую. А в учреждении моем запрещено; то для чего это?» — «Таких, государыня, и много дел». — «Как, много? Вот вы как мои законы исполняете! Подай мне сейчас рапорт, какие именно дела переведены». С трепетом бедный обер-прокурор едва жив из покоя вышел. Вследствие сего окрика того же дня ввечеру наперсник государыни, призвав Державина к себе, объявил ему, что императрица определяет его к себе для принятия прошений и, делая своим статс-секретарем, поручает ему наблюдение за сенатскими мемориями, чтоб он по ним докладывал ей, когда усмотрит какое незаконное Сената решение. На другой день, то есть 12-го декабря 1791 году, и действительно состоялся указ. (...)

Сначала императрица часто допускала Державина к себе с докладом и разговаривала о политических происшествиях, каковым хотел было он вести подневную записку; но поелику дела у него были все роду неприятного, то есть прошения на неправосудие, награды за заслуги и милости по бедности, а блистательные политические, то есть о военных приобретениях, о постройке новых городов, о выгодах торговли и прочем, что ее увеселяли более, дела — у других статс-секретарей, то и стала его редко призывать, так что иногда он недели пред ней не был, и потому журнал свой писать оставил. Словом, приметно было, что душа ее более занята была военною славою и замыслами политическими, так что иногда не понимала она, что читано было ей в записках дел гражданских; но как имела необыкновенную остроту разума и великий навык, то тотчас спохватывалась и давала резолюции (по крайней мере, иногда) не столько основательные, однако же сносные, как-то: с кем-либо снестись, переписаться и тому подобные. Вырывались также иногда у нее незапно речи, глубину души ее обнаруживавшие. Например: «Ежели б я прожила 200 лет, то бы, конечно, вся Европа подвержена б была российскому скипетру». Или: «Я не умру без того, пока не выгоню турков из Европы, не усмирю гордость Китая и с Индией не осную торговлю». Или: «Кто дал, как не я, почувствовать французам право челоовека? Я теперь вяжу узелки, пусть их развяжут». Случалось, что заводила речь и о стихах докладчика и неоднократно, так сказать, прашивала его, чтоб

он писал в роде оды «Фелице». Он ей обещал и несколько раз принимался, запираясь по неделе дома, но ничего написать не мог, не будучи возбужден каким-либо патриотическим славным подвигом; но о сем объяснится ниже. Здесь же следует упомянуть, что в мае (марте) месяце 1792 года, когда напомянул ей Державин о нерешенном деле Моценига, сказала: «Ох, уж ты мне с твоим Моценигом... Ну, помири их!» — что и исполнено. Моцениг рад весьма был, что получил вместо претензии своей 120 000 хотя 40 тысяч рублей, ибо видел, что все пропало.

Тогда же поручено Державину в рассмотрение славное дело генерал-поручика и сибирского генерал-губернатора Якобия в намерении его возмутить Китай против России <...> Он во время доклада сего дела сблизился было весьма с императрицею по случаю иногда рассуждений о разных вещах. Например, когда получен трактат 1793 году с Польшею, то она с восторгом сказала: «Поздравь меня с столь выгодным для России постановлением». Державин, поклонившись, сказал: «Счастливы вы, государыня, что не было в Польше таких твердых вельмож, каков был Филарет; они бы умерли, а такого постыдного мира не подписали». Ей это понравилось. Она улыбнулась и с тех пор приметным образом стала отличать его, так что в публичных собраниях, в саду, иногда сажая его подле себя на канapé, шептала на ухо ничего не значащие слова, показывая, будто говорит о каких важных делах. Что это значило? Державин сам не знал. Но по соображению с случившимся тогда же разговором графа Безбородки, который потом был князем, после имел он повод думать, не имела ли императрица, приметя твердый характер его, намерения поручить ему некоторого важного намерения касательно наследия после ее трона. Граф Безбородко, выпросясь в отпуск в Москву и откланявшись с императрицею, вышел из кабинета ее, зазвал Державина в темную перегородку, бывшую в секретарской комнате, и на ухо сказал ему, что императрица приказала ему отдать некоторые секретные бумаги, касательные до великого князя, то как придет он к нему после обеда, чтоб пожаловал и принял у него; но неизвестно для чего, никого не прислав, уехал в Москву, и с тех пор Державин ни от кого не слыхал о тех секретных бумагах. Догадываются некоторые тонкие царедворцы, что они те самые были, за открытие которых по вступлении на престол императора Павла I осыпан он от него благодарностями и пожалован князем. Впрочем с достоверностию о сем здесь говорить не

можно, а иногда другие, имеющие лучшие основания, о том всю правду откроют свету.

Обратимся к Державину. Он таким императрицы уважением, которое обращало на него глаза завистливых придворных, пользовался недолго. 15 июля, читав дело Якобия по наступлении 7-го часа, в который обыкновенно государыня хаживала с придворными в Царском Селе в саду прогуливаться, вышел из кабинета в свою комнату, дабы отправить некоторые ее повеления по прочим делам, по коим он докладывал, и, окончив оные, пошел в сад, дабы иметь участие в прогулке. Статс-секретарь Петр Иванович Турчанинов, встретя его, говорил: «Государыня нечто скучна, и придворные как-то не заводят игр; пожалуй, братец, пойдем и заведем хотя горелки». Державин послушался. Довелось ему с своею парюю ловить двух великих князей, Александра и Константина Павловичев; он погнался за Александром и, догоняя его на скользком лугу, покатою к пруду, упал и так сильно ударился о землю, что сделался бледен как мертвец. Он вывихнул в плече из состава левую руку. Великие князья и прочие придворные подбежали к нему и, подняв едва живого, отвели его в комнату. Хотя вправили руку, но он не мог одеться и должен был оставаться дома обыкновенных 6 недель, пока несколько рука в составе своем не затвердела. В сие-то время недоброжелатели умели так расположить против его императрицу, что он по выздоровлении когда явился к ней, то нашел ее уже совсем переменившеюся. При продолжении Якобиева дела вспыхивала, возражала на его примечания и в один раз с гневом спросила, кто ему приказал и как он смел с соображением прочих подобных решенных дел Сенатом выводить невинность Якобия. Он твердо ей ответствовал: «Справедливость и ваша слава, государыня; чтоб не погрешили чем в правосудии». Она покраснелась и выслала его вон, как и нередко то в продолжение сего дела случалось. В один день, когда она приказала ему после обеда быть к себе (это было в октябре месяце), случился чрезвычайный холод, буря, снег и дождь, и когда он, приехав в назначенный час, велел ей доложить, она чрез камердинера Тюльпина сказала: «Удивляюсь, как такая стужа вам гортани не захватит», — и приказала ехать домой. Словом, как ни удаляла она решение дела, но как не запретила продолжать оное, то наконец приказала заготовить проект указа, по представлении которого приказала просмотреть Безбородке хотя оный; равно граф Воронцов и господин Трошинский были в сем деле замешаны по

извещения доносителя, о коем ниже скажем, якобы в присылке им Якобием богатых подарков, состоящих в дорогих мехах. Указ переписан набело и поднесен для подписания. Но они, написав его, велели Безбородке показать Терскому и Шишковскому, открытым образом и сильно бравшим сторону князя Вяземского против Якобия, не найдут ли они в нем чего несправедливого. Безбородко низким почел для себя просмотренный им указ представлять якобы на апробацию Терскому и Шишковскому, которые сами никогда указов не писывали и по делам, ими докладываемым, а всегда относились о том к Безбородке, который умел так вкрасться в доверие императрицы, что под видом хорошего слуги по всем почти частям писывал указы, кроме, как выше значится, Державина, за что он к нему и не весьма благорасположен был. Безбородко сам не исполнил сего императрицына приказания, а поручил Державину, который, рассудя, что честолюбивые перекоры в таком случае не токмо неуместны, но и погрешительны, когда должно оправдать невинного, а вместо того продолжением времени угнетают его участь и тем самым, так сказать, умерщвляют бесчеловечно. Вследствие чего Державин показал указ Терскому и Шишковскому и объявил им высочайшее повеление, что они, зная дело, особливо Шишковский, который по особому именному указу был блюстителем при слушании его во 2-м Сената департаменте, сказали свое мнение на указ. Шишковский был в отличной доверенности у императрицы и у Вяземского по делам Тайной канцелярии. Как и сие дело следовало прежде Сената в страшном оном судилище, в рассуждении якобы возмущения Якобием китайцев, то, взяв на себя важный и присвоенный им, как всем известно, таинственный, грозный тон, зачал придирается к мелочам и толковать, якобы в указе не соблюдена должная справедливость. «Слушай, Степан Иванович, — сказал ему неустрашимо Державин, — ты меня не собьешь с пути мнимою тобою чрезвычайно к тебе доверенностию императрицы и будто она желает по известным тебе одному причинам осудить невинного. Нет, ты лучше скажи, какую ты и от кого имел власть выставлять своею рукою примечания, которые на деле видны, осуждающие строжае, нежели существо дела и законы, обвиняемого и тем совращая сенаторов с стези истинной, замешал так дело, что несколько лет им занимались и поднесли к императрице нерешенным». Шишковский затрясся, побледнел и замолчал, а Терский, будучи хитрее, увидя таковое неробкое противуречие, сказал, что он в указе ничего не находит справедливости

противного, с чем и Шишковский согласился просил донести императрице, что они пред правосудием и милосердием ее благоговеют; но как Державин при сем щекотливом случае несколько оплошал и, поступив канцелярским порядком, не сделал журнала и не дал им подписать оного, а доложил словесно отзыв их императрице, то сами они собою или по их еще каким побочными дорогами внушениям, не подписав указа, отдали было еще оный на рассмотрение генерал-прокурора Самойлова. Но к счастью Якобия, что Державин, шедши к государыне в последний раз с указом, зашел к фавориту и, прочетши ему оный, объяснил все обстоятельность, то когда отдавала она его Самойлову, вошел в кабинет Зубов и спросил, что за бумагу она ему отдала, и когда услышал, что указ о Якобии, то и донес, что и он видел и не заметил ничего сумнительного. Тогда императрица, подписав оный, отдала генерал-прокурору уже для исполнения. <...>

Банкирское же дело было следующего содержания. Банкир Сутерланд был со всеми вельможами в великой связи, потому что он им ссужал казенные деньги, которые он принимал из Государственного казначейства для перевода в чужие края по случающимся там министерским надобностям. Таких сумм считалось по казначейству переведенными в Англию до 6 000 000 гульденов, что сделает на наши деньги до 2-х миллионов рублей. Но как министр оттуда донес императрице, что он повеления ее выполнить не мог по неполучению им денег, справились в казначействе, и оказалось, что Сутерланду чрез уполномоченного его, поверенного Диго, деньги отданы. Справились по книгам Сутерланда; нашли, что от него в Англию еще не переведены; требовали, чтоб тотчас перевел, но он, не имея денег, объявил себя банкротом. Императрица приказала о сем банкротстве исследовать и поручила то служившему в 3-й экспедиции о государственных доходах действительному статскому советнику Васильеву, генерал-провиантмейстеру Петру Ивановичу Новосильцову и статс-секретарю Державину. Они открыли, что все казенные деньги у Сутерланда перебраны были заимообразно по распискам и без расписок самыми знатными ближними окружающими императрицу боярами, как-то: князем Потемкиным, князем Вяземским, графом Безбородкою, вице-канцлером Остерманом, Морковым и прочими, даже и великим князем Павлом Петровичем, которые ему не заплатили, а сверх того, и сам он употребил знатные суммы на свои надобности. Князь Вяземский, граф Безбородко тотчас свой долг

внесли, а прочие сказали, что воля государынина, они со временем заплатят, а теперь у них денег нет. Государыня велела поступить по законам. Сутерланд отравил себя ядом; контора запечатана, и велено ее помянутым трем чиновникам с самого ее начала счесть. <...>

Между тем при производстве сего дела случился довольно любопытный анекдот, который не должно из виду выпустить. По окончании Якобиева дела, которым государыня сначала была недовольна и, как выше видно, всячески от решения его уклонялась, дабы стыдно ей не было, что она столь неосторожно строгое завела исследование по пустякам, как сама о том в указе своем сказала, но когда чрез обер-полицеймейстера Глазова услышала молву народную, что ее до небес превозносили за оказанное ею правосудие и милосердие при решении сего дела, то была очень довольна и, призвав Державина к себе, который уже был сенатором, изъявила ему за труд его свое удовольствие. Он при сем случае спросил, прикажет ли она ему оканчивать помянутое Сутерландово дело, которое уже давно <производится>, а также и прочие или сдать их, не докладывая, преемнику его Трошинскому. Она спросила: «Да где Сутерландово дело?» — «Здесь». — «Внеси его сюды и положи вот тут на столик, а после обеда в известный час приезжай и доложи». Она была тогда в своем кабинете, где, по обыкновению сидя за большим письменным столом своим, занималась сочинением «Российской истории». Державин, взяв из секретарской в салфетке завязанное Сутерландово дело, внес в кабинет и положил пред ее лицом на тот самый столик, на который она его положить приказала, откланялся и спокойно приехал домой. После он узнал, как ему сказывал Храповицкий, что, час спустя по выходе его, кончив свою работу, подошла она к тому столику и, развязав салфетку, увидела в ней кипу бумаг; вспыхнула, велела кликнуть Храповицкого и с чрезвычайным гневом спрашивала Храповицкого, что это за бумаги? Он не знает, а видел, что их Державин принес. «Державин! — вскрикнула она грозно. — Так он меня еще хочет столько же мучить, как и Якобиевским делом. Нет! Я покажу ему, что он меня за нос не поведет. Пусть его придет сюда». Словом, много говорила гневного, а по какой причине, никому не известно. Догадывались, однако, тонкие царедворцы: помечталось ей, что будто Державин, несмотря на то, что пожалован в сенаторы, хотел под видом окончания всех бывших у него нерешенных дел при ней против воли ее удерживаться, отправляя вместе сенатор-

скую и статс-секретарскую должность, что было против ее правил. Итак, Державин, не зная ничего о всем вышепроисходящем, в назначенный час приходит в секретарскую, находит тут камердинеров, странными лицами на него смотрящих, приказывает доложить. Велят ждать. Наконец выходит от государыни граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин, который тогда был в Синоде обер-прокурором, который обошелся с ним также весьма сухо. Призывают к государыне из другой комнаты Василия Степановича Попова, который там ожидал ее повеления. Лишь только он входит, велят ему садиться по-старому на стул и зовут в ту ж минуту Державина, чего никогда ни с кем не бывало, чтоб при свидетельстве третьего, не участвующего в том деле, кто-либо докладывал. Державин входит, видит государыню в чрезвычайном гневе, так что лицо пылает огнем, скулы трясутся. Тихим, но грозным голосом говорит: «Докладывай». Державин спрашивает, по краткой или пространной записке докладывать? «По краткой», — отвечала. Он зачал читать, а она, почти не внимая, беспрестанно поглядывала на Попова. Державин, не зная ничему этому никакой причины, равнодушно кончил и, встав со стула, спросил, что приказать изволит? Она снисходительнее прежнего сказала: «Я ничего не поняла; приходи завтра и прочти мне пространную записку». Таким образом сие странное присутствие кончилось. После господин Попов сказывал, что она, призвав его скоро после обеда, жаловалась ему, что будто Державин не токмо грубит ей, но и бранится при докладах, то призвала его быть свидетелем. Но как никогда этого не было и быть не могло, то — клеветали какая взведенная или что другое, чем приведена была она на него в раздражение, — кончилось ничем.

На другой день вследствие приказания ее с тем же делом в обыкновенный час приехал, принят был милостиво и даже извинилась, что вчера горячо поступила, примолвя, что «ты и сам горяч, все споришь со мною». — «О чем же мне, государыня, спорить? Я только читаю, что в деле есть, и я не виноват, что такие неприятные дела вам должен докладывать». — «Ну, полно, не сердись, прости меня. Читай, что ты принес». Тогда начал читать пространную записку и реестр, кем сколько казенных денег из кассы у Сутерланда забрано. Первый явился князь Потемкин, который взял 800 000 рублей. Извинив, что он многие надобности имел по службе и нередко издерживал свои деньги, приказала принять на счет свой Государственному казначейству. Иные приказала взыскать, другие

небольшие простить долги, но когда дошло до великого князя Павла Петровича, то, переменяв тон, зачала жаловаться, что он мотает, строит такие беспрестанно строения, в которых нужды нет, «не знаю, что с ним делать», и такие продолжая с неудовольствием речи, ждала как бы на них согласия, но Державин, не умея играть роли хитрого царедворца, потупя глаза, не говорил ни слова. Она, видя то, спросила: «Что ты молчишь?» Тогда он ей тихо проговорил, что наследника с императрицею судить не может, и закрыл бумагу. С сим словом она вспыхнула, покраснелась и закричала: «Поди вон!» Он вышел в крайнем смущении, не зная, что делать. Решился зайти в комнату к фавориту. «Вступитесь хотя вы за меня, Платон Александрович, — сказал он ему с преисполненным горести духом. — Поручают мне неприятные дела, и что я докладываю всю истину, какова она в бумагах, то государыня гневается, и теперь по Сутерландову банкротству так раздражена, что выгнала от себя вон. Я ли виноват, что ее обворовывают? Да я и не напрашивался не токмо на это, но ни на какие дела; но мне их поручают, а государыня на меня гневается, будто я тому причиною». Он его успокоил и, зная, что тот же вечер говорил, что на другой день, выслушав порядочно все бумаги, дали резолюцию, чтоб, как выше сказано, генерал-прокурор и государственный казначей предложил Сенату взыскать деньги с кого следует по законам. Тем дело сие и кончилось. Надобно приметить, что подобные неприятные дела, может быть и с умыслу, как старший между статс-секретарями, граф Безбородко всегда сообщал Державину под видом, что он прочих справедливее, дельнее и прилежнее, а самую вещь, как он им всем ревностно и правдою своею был неприятен или, лучше сказать, опасен, то чтоб он наскучил императрице и остудился в ее мыслях, что совершенно и сделалось, а особливо, когда граф Николай Иванович Салтыков, с своей стороны, хитрыми своими ужимками и внушениями, как граф Дмитрий Александрович по дружбе сказывал Державину, сделал о нем какие-то неприятные впечатления императрице; также, с другой стороны, и прежде бывшая его большая приятельница княгиня Дашкова. Первый — за то, что по вступившему на имя императрицы одного донского чиновника доносу приказал он взять из Военной коллегии справки, в которой Салтыков был президентом, о чрезвычайных злоупотреблениях той коллегии, что за деньги производились неслужащие малолетки и разночинцы в обер-офицеры и тем отнимали линию у достойных заслу-

женных унтер-офицеров и казаков. Вторая — что по просьбе на высочайшее имя бывшего при Академии Наук известного механика Кулибина докладывал он государыне, не спросив с нею, поелику она была в той Академии директором и того Кулибина за какую-то не исполненную ей услугу не жаловала и даже гнала, и выпросил ему к получаемому им жалованью 300 рублей в сравнение с профессорами, еще 1500 рублей и казенную квартиру, а также по ходатайству ее за некоторых людей не испросил им за какие-то поднесенные ими художественные безделки подарков и наградений: хотя это и не относилось прямо до его обязанностей, но должно было испрашивать чрез любимца. Она так рассердилась, что приехавшему ему в праздничный день с визитом вместе с женою наговорила по вспыльчивому ее или, лучше, сумасшедшему нраву премножество грубостей, даже на счет императрицы, что она подписывает такие указы, которых сама не знает, и тому подобное, так что он не вытерпел, уехал и с тех пор был с нею не знаком. А она, как боялась, чтоб он не довел до сведения государыни говоренного ею на ее счет, то забывая, сколько известно было, чрез Марью Савишну Перекушихину, приближеннейшую к государыне даму, и брата фаворитова графа Валериана Александровича, наболтала какие-то вздоры, которым хотя в полной мере и не поверили, но поселила в сердце остуду, которая примечена была Державиным по самую ее кончину. Может быть, и за то, что он по желанию ее, видя дворские хитрости и беспрестанные себе толчки, не собрался с духом и не мог таких ей тонких писать похвал, каковы в оде Фелице и тому подобных сочинениях, которые им писаны не в бытность его еще при дворе; ибо издалека те предметы, которые ему казались божественными и приводили дух его в воспламенение, явились ему при приближении к двору весьма человеческими и даже низкими и недостойными великой Екатерины, то и охладил так его дух, что он почти ничего не мог написать горячим чистым сердцем в похвалу ее. Например, я скажу, что она управляла государством и самым правосудием более по политике или своим видам, нежели по святой правде. Вот тому доказательства.

Будучи позван в один раз Державин с делом в кабинет после бывшего там г. Терского, нашел ее ропщущею. «Как, — говорила она, — в Пскове продается соль по 2 рубли пуд, слышал ли ты?» — «Нет, государыня». — «Разведай же, пожалуй». — «Слышу. У меня на сих днях оттуда приехал родственник». Это был Николай Петрович Яхон-

тов, который действительно сказал про многие злоупотребления, казенною палатою чинимые чрез одного откупщика Городецкого, и о дороговизне соли. Державин донес о всем том на другой день императрице. Она приказала ему написать его рукою записку от его имени, родом доноса, и препроводить оную для исследования к генерал-губернатору, находившемуся тогда в Петербурге Осипу Андреевичу Игельштруму. «Нет, государыня, — Державин ей сказал, — я вам не доносил сам от себя, а вы изволили приказать разведать, и я что слышал, то вам и доложил». — «Хорошо, — сказала, — напиши, как знаешь». Но едва успел он от нее выйти, то позвала она к себе статс-же секретаря Петра Ивановича Турчанинова, который, от нее возвратясь с приказаниями ее или сам от себя, на ухо шепнул ему, что приказала она уведомить о дошедшем до нее слухе Ивана Ивановича Кушелева, свояка тамошнего вице-губернатора Брылкина, который был женат на родной сестре покойного бывшего ее фаворита Александра Дмитриевича Ланского, дабы он послал к Брылкину нарочного и остерег его, чтоб он взял свои меры, когда генерал-губернатор прикажет о том следовать. Тогда же по ее приказанию граф Петр Васильевич Завадовский посылал какого-то от себя регистратора в Псков, якобы разведать под рукой о том злоупотреблении, который, возвратясь, донес, что ничего нет и что пустая нанесена клевета на казенную палату и на вице-губернатора, и для того, кажется, и никакого следствия не было. Спустя несколько времени государыня, призвав к себе Державина в кабинет, ему же голову вымыла, что он такие до нее доводит слухи и тем ее беспокоит, а потому чтоб он и был впредь осмотрительнее.

Некто Коробейников, московский купец, подал ей чрез фаворита Зубова письмо, в котором изъяснял, что тамошний совестный суд в угодность губернатора Лопухина, покровительствовавшего московского же купца Николая Роговикова (который после был государственным банкиром), отнял у него собственный его в помянутой столице дом, совсем его к суду не призывая. По справке оказалось, что совестный суд, приняв от кого-то просьбу на Роговикова в завладении якобы им того дома, определил представить тяжущимся сторонам посредников, которые положили тот дом отдать Роговинову, хотя он был Коробейникова и ни по чему ни Роговинову, ни вымышленному его сопернику не принадлежал. Коробейников вошел в тот же суд с просьбою, доказывая, что дом — его, а не тех, которые о нем вымышленную тяжбу имели. Совестный суд отвечивал,

что он, Коробейников, к нему прежде не прибегал, то он, не зная, что дом — его, и отдал тому, кому посредники приговорили. Он другую подал просьбу, изъясняя, что он прибегает к разбирательству суда сего; ему ответствовано, что уже поздно, что он собственных своих решений не перерешивает. Коробейников прибег к императрице. Она отослала просьбу его на рассмотрение Сената 2-го департамента. Сей, рассматривая, нашел действительно, как выше явствует, что совестный суд отдал чужой дом Роговикову; а как по сенатским определениям обыкновенно докладывал генерал-рекетмейстер Терский, человек хотя умный, дела знавший, но хитрый и совершенный подьячий, готовый всегда угождать сильной стороне, поелику же Безбородко был связан по любовной интриге с женою Лопухина, которого был приверженец Роговиков, то, натурально, Терский и покривил весы правосудия на сторону последнего. Поелику он знал совершенно нрав государыни, что она чрезвычайно самолюбива и учреждение свое о губерниях почитала выше всех в свете законов и что вопреки одного волосом никому коснуться не позволяла, то он, принеся доклад Сената к императрице, ничего другого ей не стал объяснять, как только сказал: «Ваш Правительствующий Сенат в противность вашего величества учреждения отставил совестного суда решение, на мнении обеих тяжущихся сторон основанное». Довольно было сего. Государыня разгневалась и подписала на докладе Сената: «Быть по мнению посредников». Коробейников на сие самое прибегал со вторичною просьбою или, лучше, на царицу жаловался императрице. И сия-то самая просьба отдана чрез Зубова Державину для справедливейшего и строжайшего рассмотрения и доклада ее величеству. Он докладывал с объяснением всех вышеизображенных обстоятельств. Она возразила: «Да ведь посредники решили». — «Правда, посредники, но подложные; а посредники Коробейникова тут совсем не были». Она рассердилась и, подумав несколько, сказала: «Что ж делать? Я самодержавна». <...>

Вот, как выше сказано, она царствовала политически, наблюдая свои выгоды или поблажая своим вельможам, дабы по маловажным проступкам или пристрастиям не раздражить их и против себя не поставить. Напротив того, кажется, была она милосерда и снисходительна к слабостям людским, избавляя их от пороков и угнетения сильных не всегда строгостью законов, но особым материнским о них попечением, а особливо умела выигрывать сердца и ими управлять, как хотела. Часто случалось, что рассер-

дится и выгонит от себя Державина, а он надуется, даст себе слово быть осторожным и ничего с ней не говорить; но на другой день, когда он войдет, то она тотчас приметит, что он сердит, зачнет спрашивать о жене, о домашнем его быту, не хочет ли он пить и тому подобное ласковое и милостивое, так что он позабудет всю свою досаду и сделается по-прежнему чистосердечным. В один раз случилось, что он, не вытерпев, вскочил со стула и в исступлении сказал: «Боже мой! Кто может устоять против этой женщины? Государыня, вы не человек. Я сегодня наложил на себя клятву, чтоб после вчерашнего ничего с вами не говорить, но вы против моей воли делаете из меня, что хотите». Она засмеялась и сказала: «Неужто это правда?» Умела также притворяться и обладать собою в совершенстве, а равно и снисходить слабостям людским и защищать бессильных от сильных людей. <...>

Подобными делами хотя угождал Державин императрице, но правдою своею часто наскучивал, и как она говаривала пословицу «живи и жить давай другим» и так поступала, то он на рождение царицы Гремиславы Л. А. Нарышкину в оде сказал:

Но только не на счет другого;
Всегда доволен будь своим,
Не трогай ничего чужого.

А когда происходил Польши раздел и выбита такая была медаль, на которой на одной стороне представлена колючая с шипами роза, а на другой портрет ее, то потому ли, или по недоброжелательным наговорам беспрестанным и что правда наскучила, 8-го сентября в день торжества мира с турками, хотя Державин провозглашал с трона публично награждения отличившимся в сию войну чиновникам несколькими тысячами душами, но ему за все труды при разобрании помянутых важных и интересных дел ниже одной души и ни полущки денег в награждение не дано, а пожалован он в сенаторы в Межевой департамент, и между прочими тучею, так сказать, брошенный на достойных и недостойных, надет и на него крест св. Владимира 2-й степени. <...>

В 1794 году генваря 1-го дня к сенаторскому достоинству дано ему место президентское Коммерц-коллегии, пост для многих завидный и, кто хотел, нажиточный, но он по ревности своей или, в другом смысле сказать, по глупому честолюбию, думая, что императрица возвела его для его верности и некорыстолюбия, хотел отправлять свое служение по видам польз государственных и законов. <...>

Словом, вступив в президенты Коммерц-коллегии, начал он собирать сведения и законы, к исправному отправлению должности его относящиеся. Вследствие чего хотел осмотреть складочные на бирже анбары альняные, пеньковые и прочие, а по осмотре вещей — Петербургский и Кронштадтский порты, но ему то воспрещено было, и таможенные директоры и прочие чиновники явное стали делать неуважение и непослушание. А когда прибыл в С.-Петербург из Неаполя корабль, на коем от вышеупомянутого графа Моцениго прислан был в гостинцы кусок атласу жене Державина, то директор Даев, донеся ему о том, спрашивал, показывать ли тот атлас в коносаментх и как с ним поступить, ибо таковые ценовные товары ввозом в то время запрещены были, хотя корабль отплыл из Италии прежде того запрещения и об оном знать не мог. Но со всем тем Державин не велел тот атлас от сведения таможни утаивать, а приказал с ним поступить по тому указу, коим запрещение сделано, то есть отослать его обратно к Моцениге. Директор, видя, что президент не поддастся на соблазн, чем бы заслепил он себе глаза и дал таможенным служителям волю плутовать, как и при прежних начальниках, то и вымыслили Алексеев с тем директором клевету на Державина, которой бы замарать его в глазах императрицы, дабы он доверенности никакой у ней не имел. Донесли государыне, что будто он после запретительного указа выписал тот атлас сам и приказал его ввезти тайно; а как таковые тайно привезенные товары велено было тем указом жечь и с тех, кто их выписал, брать штраф, то и получил согласную с тем от государыни резолюцию. Державин не знал ничего, как вдруг сказывают ему, что публично с барабанным боем пред Коммерц-коллегиею на площади под именем его сожжены тайно выписанные им товары, и тогда получает директор, так сказать, ордер от Алексеева, в коем требует он, чтоб Державин взнес в таможню положенный законом штраф. Такая дерзость бездельническая его как громом поразила; он написал на явных справках и доказательствах основанную записку, в которой изобличалась явно гнусная ложь Алексеева и Даева, и как не допущен был к императрице, то чрез Зубова подал ту записку и просил по ней его ей доложить, но сколько ни хлопотал, не мог получить не токмо никакой дельной ее величества резолюции, но и никакого даже от самого Зубова отзыва.

Потом вскоре после того призван он был именем государыни в дом генерал-прокурора <Самойлова>, который объявил ему, что ее величеству угодно, дабы он не

занимался и не отправлял должности Коммерц-коллегии президента, а считался бы сным так, ни во что не мешаясь. Державин требовал письменного о том указа, но ему в том отказано. Видя таковое угнетение от той самой власти, которая бы по правоте его сама поддерживать должноствовала, не знал, что делать, а наконец, посоветовав с женою и с другими, решился подать императрице письмо о увольнении его от службы. Приехав в Царское Село, где в то время императрица проживала, адресовался с тем письмом к Zubovu; он велел подать чрез статс-секретарей. Просил Безбородку, Турчанинова, Попова, Храповицкого и Тропчинского, но никто оно не приняли, говоря, что не смеют. Итак, убедил просьбою камердинера Ивана Михайлова Тюльпина, который был самый честнейший человек и ему благоприятен. Он принял и отнес императрице. Чрез час время, в который Державин, походя по саду, пошел в комнату Zubova наведаться, какой успех письмо его имело, находит его бледного, смущенного и сколько он его ни вопрошал, ничего не говорящего; наконец за тайну Тюльпин открыл ему, что императрица по прочтении письма чрезвычайно разгневалась, так что вышла из себя, и ей было сделалось очень дурно. Поскакали в Петербург за каплями, за лучшими докторами, хотя и были тут дежурные. Державин, услыша сие, не остался долее в Царском Селе, но, не дождавшись резолюции, уехал потихоньку в Петербург и ждал спокойно своей судьбы; но ничего не вышло, так что он принужден был опять в великом недоумении своего президентства по-прежнему шататься. <...>

Июля 15-го числа 1794 года скончалась у него первая жена. Не могли быть спокойным о домашних недостатках и по службе неприятностях, чтоб от скуки не уклониться в какой разврат, женился он генваря 31-го дня 1795 году на другой жене, девице Дарье Алексеевне Дьяковой. Он избрал ее, так же как и первую, не по богатству и не по каким-либо светским расчетам, но по уважению ее разума и добродетелей, которые узнал гораздо прежде, чем на ней женился, от обращения с сестрою ее Марьею Алексеевною и всем семейством отца ее, бригадира Алексея Афанасьевича Дьякова, и зятьев ее — Николая Александровича Львова, графа Якова Федоровича Стейнбока и Василия Васильевича Капниста, как выше видно, приятелей его. Причину наиболее было сего союза следующее домашнее приключение. В одно время сидя в приятельской беседе, первая супруга Державина и вторая, тогда бывшая девица Дьякова, разговорились между собою о счастливом супружестве.

Державина сказала: ежели б она, г-жа Дьякова, вышла за г. Дмитриева, который всякий день почти в доме Державина и коротко был знаком, то бы она не была несчастна. «Нет,— отвечала девица,— найдите мне такого жениха, каков ваш Гаврил Романович, то я пойду за него и надеюсь, что буду с ним счастлива». Посмеялись и начали другой разговор. Державин, ходя близ их, слышал отзыв о нем девицы, который так в уме его напечатлелся, что, когда он овдовел и примыслил искать себе другую супругу, она всегда воображению его встречалась. Когда же прошло почти 6 месяцев после покойной и девица Дьякова с сестрою своею, графинею Штейнбоковою, из Ревеля приехала в Петербург, то он по обыкновению, как знакомым дамам, сделал посещение. Они его весьма ласково приняли; он их звал, когда им вздумается, к себе отобедать. Но поселившаяся в сердце искра любви стала разгораться, и он не мог далее отлагать, чтоб не начать самым делом предприятия им намерения, хотя многие богатые и знатные невесты — вдовы и девицы — оказывали желание с ним сблизиться. Но он позабыл всех и вследствие того на другой день, как у них был, послал записочку, в которой просил их к себе откусать и дать приказание повару, какие блюда они прикажут для себя приготовить. Сим он думал дать разуметь, что делает хозяйкою одну из званых им прекрасных гостей, разумеется девицу, к которой записка была надписана. Она с улыбкою ответствовала, что обедать они с сестрою будут, а какое кушанье приказать приготовить, в его состоит воле. Итак, они у него обедали, но о любви или, простее сказать, о сватовстве никакой речи не было. На другой или на третий день поутру, зайдя посетить их и нашед случай с одной невестой говорить, открылся ей в своем намерении, и как не было между ими никакой пылкой страсти, ибо жениху было более 50-ти, а невесте около 30-ти лет, то и соединение их долженствовало основываться более на дружестве и благопристойной жизни, нежели на нежном страстном сопряжении. Вследствие чего отвечала она, что она принимает за честь себе его намерение, но подумает, можно ли решиться в рассуждении прожитка, а он объявил ей свое состояние, обещав прислать приходные и расходные свои книги, из коих бы усмотрела, может ли она содержать дом сообразно с чином и летами. Книги у ней пробыли недели две, и она ничего не говорила. Наконец сказала, что она согласна вступить с ним в супружество. Таким образом совокупил свою судьбу с сей добродетельной и умной девицею, хотя не пламенную

романической любовью, но благоразумием, уважением друг друга и крепким союзом дружбы. Она своим хозяйством и прилежным смотрением за домом не токмо доходы нашла достаточными для их прожитка, но, поправив расстроенное состояние, присовокупила в течение 17-ти лет недвижимого имущества, считая с великолепными пристройками домов, едва ли не половину, так что в 1812 году, когда сии записки писаны, было за ними вообще в разных губерниях уже около 2000 душ и два в Петербурге каменные знатные дома. <...>

По желанию императрицы, как выше сказано, чтоб Державин продолжал писать в честь ее в роде «Фелицы», хотя дал он ей в том слово свое, но не мог оно сдержать по причине разных придворных каверз, коими его беспрестанно раздражали, не мог он воспламенить так своего духа, чтоб поддерживать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями. Сколько раз ни принимался, сидя по неделе для того запершись в своем кабинете, но ничего не в состоянии был такого сделать, чем бы он был доволен; все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, как у прочих цеховых стихотворцев, у коих только слышны слова, а не мысли и чувства. Итак, не знал, что делать. Но как покойная жена его любила его сочинения, с жаром и мастерски нередко читывала их при своих приятелях, то из разных лоскутков собрала она их в одну тетрадь (которая хранится ныне в библиотеке графа Алексея Ивановича Пушкина в Москве) и, переписав начисто своею рукою, хранила у себя. Когда же муж беспокоился, что не может ничего по обещанию своему сделать для императрицы, то она советовала поднести ей то, что уже написано, в числе коих были и такие пиесы, кои еще до сведения ее не доходили; сказав сие, подала к удивлению его, переписанную ею тетрадь. Не имея другого средства исполнить волю государыни, обрадовался он сему собранию чрезвычайно. Просил приятеля своего Алексея Николаевича Оленина нарисовать ко всякой поэчке приличные картинки (виньеты) и, переплетя в одну книгу, с посвятительным письмом поднес лично в ноябре 1795 году. Государыня, приняв оную, как казалось, с благоволением, занималась чтением оной сама, как камердинер ее г. Тюльпин сказывал, двое сутки, но по прочтении отдала г. Безбородке, а сей — г. Трошинскому, с каковым намерением, неизвестно. Недели с две прошло, что никто ни слова не говорил, но только когда по воскресеньям приезживал автор ко двору, то заметил в императрице

к себе холодность, а окружающие ее бегали его, как бы боясь с ним даже и встретиться, не токмо говорить. Не мог он придумать, что тому была за причина. Наконец в третье воскресенье решился он спросить Безбородку, говоря: слышно, что государыня сочинения его отдала его сиятельству, то с чем и будут ли они отпечатаны? Он, услышав от него вопрос сей, побежал прочь, бормоча что-то, чего не можно было выразуметь. Не зная, что это значит, и будучи зван тогда обедать к графу Алексею Ивановичу Пушкину, поехал к нему. Там встретился с ним хороший его приятель Яков Иванович Булгаков, что был при Екатерине посланником при Оттоманском Порте, а при Павле генерал-губернатором в Польских губерниях. Он спросил его: «Что ты, братец, пишешь за якобинские стихи?» — «Какие?» — «Ты переложил псалом 81-й, который не может быть двору приятен». — «Царь Давид, — сказал Державин, — не был якобинец, следовательно, песни его не могут быть никому противными». — «Однако, — заключил он, — по нынешним обстоятельствам дурно такие стихи писать». Но гораздо после того Державин узнал от французенки Леблер, бывшей у племянниц его Львовых учительницей, что во время французской революции в Париже сей самый псалом был якобинцами перифразирован и пет по улицам для подкрепления народного возмущения против Людовика XVI. Как Державин тогда совсем сего не знал, то и был спокоен, но, приехав от графа Пушкина с обеда, ввечеру услышал он от посетившего его г. Дмитриева, того самого, о коем выше сказано, что будто велено его секретно (разумеется, чрез Шишковского) спросить, для чего он и с каким намерением пишет такие стихи. Державин почувствовал подыск вельмож, ему недоброжелательных, что неприятно им видеть в оде «Вельможа» и прочих его стихотворениях развратные им лицеизображения; тотчас, не дождавшись ни от кого вопросов, сел за бюро и написал анекдот, который можно читать в прозаических его сочинениях в V части, в коем ясно доказал, что тот 81-й псалом перифразирован им без всякого дурного намерения и напечатан в месячных изданиях под именем «Зеркало света» в 1786 году, присовокупя к тому свои рассуждения, что если он тогда не произвел никакого зла, как и подобные ему иные стихи, то и ныне не произведет. Запечатав в три пакета, при кратких своих письмах, послал он тот анекдот к трем ближайшим в то время к императрице особам, а именно: к князю Зубову (фавориту), к графу Безбородке и к Трощинскому, у которого на рассмотрении сочинения его находились. В следую-

щее воскресенье по обыкновению поехал он во дворец. Увидел против прежнего благоприятную перемену; государыня милостиво пожаловала ему поцеловать руку, вельможы приятельски с ним разговаривали, и, словом, как рукой сняло, все обошлось с ним так, как ничего не бывало. Г-н Грибовский, бывший у него в Олонце секретарем, а тогда при императрице статс-секретарь, всем ему обязанный (а тогда, его первый неприятель, который, как слышно было, читал пред императрицей тот анекдот), смотря на него с родом удивления, только улыбался, не говоря ни слова. Но при всем том сочинения его, Державина, в свет не вышли, а отданы были еще на рассмотрение любимцу императрицы князю Zubову, которые у него хотя нередко в кабинете на столике видал, но не слышал от него о них ни одного слова, где они и пролежали целый почти 1796 год, то есть по самую императрицы кончину. А после оной, в царствование Павла, Державин, как ниже будет видно, быв в Государственном Совете, имел случай чрез г. статс-секретаря Нелединского к себе их возвратить. В 1810 же или 1811 году подарил их с своею надписью в библиотеку г. Дубровского, где и теперь они должны находиться <...>

Всех каверз и криводушества, разными министрами чинимого против Державина в продолжение царствования императрицы Екатерины, описывать было бы весьма странно; довольно сказать того, что она окончила дни свои — не по чувствованию собственного своего сердца, ибо Державин ничем пред ней по справедливости не провинился, но по внушениям его недоброжелателей, — нарочито в неблагоприятном расположении.

Конец же ее случился в 1796 году ноября в 6-й день в 9-м часу утра. Она по обыкновению встала поутру в 7-м часу здорова, занималась писанием продолжения «Записок касательно российской истории», напилась кофею, обмакнула перо в чернильницу и, не дописав начатого речения, встала, пошла по позыву естественной нужды в отдаленную камеру и там от эпилептического удара скончалась. Приписывают причину толь скоропостижной смерти воспалению ее крови от досады, причиненной упрямством шведского королевича, что он отрекся от браку с великою княжною Александрою Павловною, но как сия материя не входит своим событием в приключения жизни Державина, то здесь и не помещается. Но что касается до него, то начав ей служить, как выше видно, от солдатства, слишком чрез 35 лет дошел до знаменитых чинов, отправляя беспорочно и бескорыстно все возложенные на него должности, удостоился

быть при ней лично, принимать и исполнять ее повеления с довольною доверенностию. Но никогда не носил отличной милости и не получал за верную свою службу какого-либо особенного награждения (как прочие его собраты — Троицкий, Попов, Грибовский и иные многие; он даже просил по крайнему своему недостатку обратить жалованье его в пансион, но и того не сделано до выпуска его из статс-секретарей) деревнями, богатыми вещами и деньгами, знатными суммами, кроме, как выше сказано, пожаловано ему 300 душ в Белоруссии за спасение колоний, с которых он во всем получал доходу серебром не более трех рублей с души, то есть 1000 рублей, а ассигнациями в последнее время до 2000 рублей, да в разные времена за стихотворения свои подарков, то есть: за оду «Фелице» — золотую табакерку с бриллиантами и 500 червонцев, «На взятие Измаила» — золотую же табакерку, да за тариф — с бриллиантами же табакерку по назначению, на билете ее рукою подписанному «Державину», получил после уже ее кончины от императора Павла. Но должно по всей справедливости признать за бесценнейшее всех награждений, что она при всех гонениях сильных и многих неприятелей не лишила его своего покровительства и не давала, так сказать, задуть его; однако же и не давала торжествовать явно над ними огласкою его справедливости и верной службы или особенною какою доверенностию, которую она к прочим оказывала. Коротко сказать, сия мудрая и сильная государыня, ежели в суждении строгого потомства не удержит на вечность имя Великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своим окружающим, а паче своим любимцам, как бы боясь раздражить их; и потому добродетель не могла, так сказать, сквозь сей чесночник пробиться и вознестись до надлежащего величия. Но если рассуждать, что она была человек, что первый шаг ее восшествия на престол был не непорочен, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ее страстей, против которых явно восставать, может быть, и опасалась, ибо они ее поддерживали. Когда же привыкла к изгибам по своим прихотям с любимцами, а особенно в последние годы князем Потемкиным упоена была славою своих побед, то уже ни о чем другом и не думала, как только о покорении скиптру своему новых царств. Поелику же дух Державина склонен был всегда к морали, то если он и писал в похвалу торжеств ее стихи, всегда, однако, обращался аллегориею или каким другим тонким образом к истине, а потому и не мог быть

в сердце ее вовсе приятным. Но как бы то ни было, да благословенна будет память такой государыни, при которой Россия благоденствовала и которую долго не забудет.

ОТДЕЛЕНИЕ VII

Царствование императора Павла

Ноября 6-го дня 1796 году поутру часу в 11-м получил Державин сведение от служившего при Кабинете надворного советника, бывшего прежде при нем секретарем, Маклакова, что государыня занемогла (хотя тогда уже она, как выше сказано, от удара скончалась), и как это иногда случалось, то и уважения большого сия неприятная весть не имела. Но после обеда часу в 6-м уведомился от товарища своего, сенатора Семена Александровича Неплюева, что она отыде сего света; то поехали они во дворец и нашли ее уже среди спальни лежащую, покрытую белую простынею. Державин, имев вход в внутренние чертоги, вошел туда и, облобызав, по обычаю, тело, простился с нею с пролитием источников слез. Вскоре приехал сын ее, наследник или новый император Павел. Тотчас во дворце приняло все другой вид: загремели шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом. Но описывать в подробности всех происшествий, тогда случившихся, было бы здесь излишно, ибо они принадлежат до государственной истории, а не до частной жизни Державина. Он на другой день вообще с прочими государственными чинами в сенатской церкви принес присягу. Потом отправил все погребальные церемонии, быв не один раз дежурным как во дворце при теле новопреставившейся императрицы, так и в Невском монастыре при гробе покойного императора Петра III (ибо Павел восхотел соединить тела их в одной могиле в крепости св. апостола Павла, в соборной церкви), и, наконец, и при самом погребении, оставаясь все сенатором и Коммерц-коллегии президентом. Но скоро вышел от императора указ о восстановлении на прежних Петра Великого правах всех государственных коллегий, в том числе и Коммерц, и в то же время поутру в один день рано придворный ездовой лакей привез от императора повеление, чтоб он тотчас ехал во дворец и велел доложить о себе чрез камердинера его величеству. Державин сие исполнил. Приехал во дворец еще было темно, дал знать о себе камердинеру Кутайцову, и коль скоро рассвело, отворили ему в кабинет

двери. Государь, дав ему поцеловать руку, принял его чрезвычайно милостиво и, наговорив множество похвал, сказал, что он знает его со стороны честного, умного, безынтересного и дельного человека, то и хотел его сделать правителем своего Верховного Совета, дозволив ему вход к себе во всякое время, и если что теперь имеет, то чтобы сказал ему, ничего не опасаясь. Державин, поблагодаря его, отозвался, что он рад ему служить со всею ревностью; ежели его величеству угодно будет любить правду, как любил ее Петр Великий. По сих словах взглянул он на него пламенным взором, однако весьма милостиво раскланялся. Это было в понедельник. Во вторник действительно вышел указ об определении его, но не в правители Совета, как ему император сказал, а в правители канцелярии Совета, в чем великая есть разница, ибо правитель Совета мог быть как генерал-прокурор в Сенате, то есть пропустить или не пропустить определение, а правитель канцелярии только управлять оною. Сие его повергло в недоумение, и для того во вторник и в среду, делая визиты членам Совета, искренно некоторым из них открыл, что он, будучи сенатором, не знает, как поступить, и для того решился попросить у государя инструкции. Ему сие присоветовали, тем паче как Стефан Федорович Стрекалов сказал, что в первую турецкую войну дана была покойною императрицею инструкция, но единственно на военные действия, а когда та война кончилась и начали вступать в Совет и гражданские дела, то государыня, первую инструкцию взяв, хотела издать другую, но по препятствиям, оказываемым князем Вяземским, день от дня отлагала.

Настал четверг, то есть день советский. Державин, приехав в оный, не знал, как ему себя вести, и для того, не садясь ни за стол членов, ни за стол правителя канцелярии, слушал дела стоя или ходя вокруг присутствующих. По окончании заседания князь Александр Борисович Куракин, встав, приказывал, что когда напишется протокол о делах, о коих рассуждали, то чтоб оный привез он к нему для поднесения императору. Сие его пуще смутило, ибо изустно слышал от государя, что он ему во всякое время с делами дозволил к себе доступ; а как он во все сии дни имел счастье с прочими членами Совета приглашаем быть к обеду и ужину его величества, то имел случай говорить и с самим Куракиным о своем намерении просить инструкции, дав ему почувствовать, что ему самому вход император к себе дозволил. Хотя сей вельможа на то был согласен; однако Державин опосле узнал, что он был им всем неприят-

тен, ибо по собственному своему выбору, а не по их представлению государь посадил его в Совет. Вследствие чего и нашли они минуты сделать на него разные неблагоприятные внушения, как, между прочим, что Державин низким почитает для себя быть из сенаторов правителем канцелярии Совета; что Вейдемейер, бывший тогда оным, считает тем себя обиженным. Но как бы то ни было, Державин, следуя твердо своему намерению, приехал во дворец рано поутру в пятницу просить инструкции. Его не допустили, потому что все утро занимал его *государя* канцлер Остерман, и тут-то, как опосле слышно было, по направлению других, а именно графа Безбородки (ибо он сам был честнейший человек), вышесказанные сделал императору внушения. По сей причине принужден был в пятницу ехать ни с чем домой, а в субботу, долго ожидая, был принят, казалось, довольно ласково. Он спросил: «Что вы, Гавриил Романович?» Сей отвечивал: «По воле вашей, государь, был в Совете, но не знаю, что мне делать». — «Как не знаете? Делайте, что Самойлов делал». (Самойлов был при государыне правителем канцелярии Совета, счисляясь при дворе камергером.) — «Я не знаю, делал ли что он; в Совете никаких бумаг его нет, а сказывают, что он носил только государыне протоколы Совета; потому осмеливаюсь просить инструкции». — «Хорошо, предоставьте мне». Сим бы кончить должно было, но Державин по той свободе, которую имел при докладах у покойной императрицы, продолжив речь, сказал: не знает он, что сидеть ли ему в Совете или стоять, то есть быть ли присутствующим или начальником канцелярии. С сим словом вспыхнул император, глаза его как молнии засверкали, и он, отворяя двери, во весь голос закричал стоящим пред кабинетом Архарову, Трошинскому и прочим, из коих первый тогда был в великом фаворе: «Слушайте: он почитает быть в Совете себя лишним, — а оборотясь к нему: — Поди назад в Сенат и сиди у меня там смирно, а не то я тебя проучу». Державин как громом был поражен таковым царским гневом и в беспамяти довольно громко сказал в зале стоящим: «Ждите, будет от этого царя толк». После сего выехал из дворца с великим огорчением, размышляя в себе: ежели за то, что просил инструкции, дабы вернее отправлять свою должность, заслужил гнев государя, то что бы было, когда, не имея оной, сделал какую погрешность, а особливо в толь критическое время, когда все прежние учреждения Петра Великого и Екатерины зачали сумасбродно без всякой нужды коверкать. В таковых мыслях приехал

домой, не смог удержаться от горестного смеха, рассказывая жене с ним случившееся. Скоро после того услышал, что в Сенат прислан именной указ, в коем сказано, что он отсылается назад в сие правительство за дерзость, оказанную государю, а кавалергардам дано повеление, чтоб его не впускать во время собрания в кавалерскую залу.

Такое посрамление узнав, родственники собрались к нему и с женою вместе, осыпав его со всех сторон журбою, что он бранится с царями и не может ни с кем ужиться, принудили его искать средств преклонить на милость монарха. Не знал он, что делать и кого просить. Многие вельможи, окружавшие государя, хотя были ему знакомы и оказывали прежде благоприятность, но не имели духа и чувства сострадания, а жили только для себя, то он их и не хотел беспокоить, а по прославляемым столь много добродетелям и христианскому житию казалось ему лучше всех прибегнуть к князю Николаю Васильевичу Репнину, которого государь тогда уважал и что, как все говорили, он склонен был к благотворению; то он и поехал к нему поутру рано, когда у него еще никого не было и он был в кабинете, или в спальной своей еще только одевался. Приказал о себе доложить, дожидаясь в другой комнате, и как они разделены были одной стеной, или дверью, завешанною сукном, то и слышен был голос докладчика, который к нему вошел. Он ему сказал: «Пришел сенатор и хочет вас видеть». — «Кто такой?» — «Державин». — «Зачем?» — «Не знаю». — «Пусть подождет». Наконец, после хорошего часа, вышел и с надменным видом спросил: «Что вы?» Он ему пересказал случившееся с ним происшествие. Он, показав презрение и отвернувшись, сказал: «Это не мое дело мирить вас с государем». С сим словом Державин, поклонясь, вышел, почувствовав в душе своей во всей силе омерзение к человеку, который носит на себе личину благочестия и любви к ближнему, а в сердце адскую гордость и лицемерие. Скоро после того низость души сего князя узнали и многие, и император его от себя отдалил. Таковы-то почти все святоши; но как бы то ни было, Державин по ропоту домашних был в крайнем огорчении и наконец вздумал он без всякой посторонней помощи возвратить к себе благоволение монарха посредством своего таланта. Он написал оду на восшествие его на престол, напечатанную во второй части его сочинений под надписью «Ода на новый, 1797 год» и послал ее к императору через Сергея Ивановича Плещеева. Она полюбилась и имела свой успех. Император позволил ему чрез адъютанта своего князя Шаховского

приехать во дворец и представиться, и тогда же дан приказ кавалергардскому начальнику впускать его в кавалерскую залу по-прежнему.

Между тем в те дни, как он почитался в Совете, неприятели его смастерили выжить из Коммерц-коллегии, которая восстановлена в превосходнейшее достоинство, чем учреждена была с самого начала Петром Великим, ибо и Комиссия о коммерции, и Таможенная канцелярия — все заключалось в ней. Президентом пожалован тайный советник Петр Александрович Соймонов, и Державин по исключении его из Совета остался только в Сенате в Межевом департаменте и там, когда случались спорные и шумливые дела, то он, шутя, повторял императорские слова: «Мне велено сидеть смирно, то делайте вы, как хотите, а я сказал уже мою резолюцию». Однако же в сие время многие прибегали к нему утесненные, прося быть третейским судьей в их запутанных и долго продолжающихся тяжбах, и также отдавали себя и их имения по расстроеным от долгов их обстоятельствам. (...)

Исполнением сих комиссий Державин пришел было у императора Павла в великое уважение и доверенность. Не успел он по повелению его возвратиться в Петербург, как и сделан паки президентом Коммерц-коллегии в августе еще месяце. На возвратном пути заехал в Гатчину и остановился по благодетельству к нему тогдашнего генерал-прокурора Петра Хрисанфовича Оболянинова во дворце в его покоях. Тут хозяин объявил ему, что он президент коммерции, чего Державин до того времени не знал. Сей удивился и спросил, по какой причине пал на него сей выбор императора. Оболянинов отвечивал, что предметник его князь Гагарин «подозревается им покровительствующим англичанам, которых он не терпит, и не имеет к нему большой доверенности, то и нашел достойным вас». — «Но где же Гагарин?» — «Он сделан министром коммерции, а вы президентом с полною доверенностью». — «В чем же та состоит доверенность?» Тогда генерал-прокурор показал печатную инструкцию, из которой Державин усмотрел, что министр управляет коммерциею, определяет и отрешает непосредственно чиновников, смотрит за таможенями, делает предписания консулам, составляет торговые трактаты и тарифы и предлагает по конфирмации коллегии, которая все его распоряжения исполняет, а буде усмотрит что противное законам и пользе государственной, доносит о том Сенату; в прочем наблюдает порядок в производстве дел и хранит их в архиве. «Где

же,— Державин сказал,— полная ко мне доверенность? Я не что иное, как рогожная чучела, которую будут набивать бумагами; а голова, руки и ноги, действующие коммерцією,— князь Гагарин». — «Так угодно было государю», — изменяясь в лице, отвечивал генерал-прокурор. Опосле Державин узнал, что государь имел полную доверенность к Державину по известному всем бескорыстию его и хотел президента коллегии по исполнительной части уважить, а министра учредить для изобретения лучших средств к распространению оной. Но по придворной интриге, что князя Лопухина дочь была любовница императорская, которою посредствовал ему по дружбе с отцом князь Гагарин, следовательно и состоял под покровительством ее, а потому в удобность ли ей сам император таковую инструкцию велел сочинить, или генерал-прокурор в удобность ей же и Кутайцову, за которого сыном была дочь Лопухина, вместе с Лопухиным и Гагариным составили. Или император, зная строгие правила Державина следовать во всем законам и не уступать в том никому, то нарочно поставил его с князем Гагариным в таком соотношении, чтоб он с ним ссорился и выводил дела его наружу, дабы удобнее ему было по пословице «чужими руками жар загребать». А как сие ближе было других причин к истине, то Державин, переговорив с Гагариным, условились не делать ничего прежде публично, пока друг с другом не согласятся, дабы не быть жертвами такого неприязненного замысла. Таким образом пошло у них дело гладко и бессорно. <...>

Державин, присутствуя в Межевом департаменте, нередко шумливал против генерал-прокуроров князя Куракина и потом князя Лопухина, также и государственного казначея Васильева, что они так из пристрастия и корыстолюбия во зло употребляли щедроту государя; а как они сие ни во что ставили, то сочинил он известную в 3-й части его сочинений песню:

Что мне, что мне суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если свет за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другие работают,
Много умных есть господ:
И себя не забывают,
И царям сулят доход.

Распустил по городу, желая, чтоб она дошла до государя и чтоб его спросили, на чей счет она писана: тогда бы и сказал он всю правду. Но как они боялись до сего довести государя, чем бы открыться могли все их пакости, то и тер-

пели, тайно злобясь, делая между тем на его счет неприятные императору внушения. Вследствие чего в одно воскресенье, проходя он в церковь, между собравшимися в проходной зале увидев Державина, с яростным взором, по обыкновению его раздув ноздри, так фыркнул, что многие то заметили и думали, что, верно, отошлет Державина в ссылку или по крайней мере вышлет из города в деревню. Но Державин, надеясь на свою невинность, пошел, будто ничего не приметя, в церковь, помолился богу и дал себе обещание во хвалу божью выпросить к своему гербу надпись: «Силою вышнюю держусь», что на другой день и исполнил, подав в Герольдию прошение, в котором просил себе написания грамоты с прибавлением вышесказанного девиза, потому что в гербе его изображена рука, держащая звезду, а как звезды держатся вышнюю силою, то и смысл такового девиза был ему очень приличен, что он никакой подпоры не имел, кроме одного бога; императору же могло быть сие не противно, потому что силу Вышнего по самолюбию своему почитал он в себе. Герольдия поднесла доклад, и с сим девизом герб Державина подтвержден.

Скоро после того и, помнится, в первый день 1798-го или 1799-го года генерал-прокурор Лопухин многим сенаторам, унижавшимся перед ним или ласкательствующим ему, выпросил лент; Державин же, хотя он был старше других и более прочих трудился, однако, обойден. Лишь только разнесся о сем слух в собрании при дворе, то услышался всеобщий ропот на неправосудие. Кутайцов или кто другой пересказал о том императору. Державин между тем, привыкнувший почасту сносить таковые обиды, поехал из дворца равнодушно обедать к графу Строганову, где и занялся бостоном до самого вечера, не хотя ехать во дворец на бал, куды хозяин собирался. Приехавши домой, услышал, что приезжал придворный ездовой и именем императора звал его во дворец. Не зная тому причины, весьма удивился и тотчас поехал. Лишь только входит в Егорьевскую залу, где уже начался бал, то многие, встречая, говорят: «Тебя государь спрашивал». Наконец увидя его, генерал-прокурор князь Лопухин сказал: «Вам император намерен надеть Аннинскую ленту; но теперь уже поздно, то пожалуйста ко мне завтра поутру пораньше, я вас ему в кабинете представлю». Так и сделалось. Я к нему приехал, и вместе, в его седши карету, отправились во дворец. Он зачал, будто по доверенности, говорить, что государь давеча было хотел надеть на вас ленту с прочими, но поусумнился, что вы все колкие какие-то пишете стихи, но я уже его упробил; итак,

он приказал вас представить к себе сегодня. Державин поблагодарил, зная что он не рекомендовал, а может быть и отговаривал, но когда голос публики отозвался в пользу Державина и дошел до государя, то он сам захотел, как из нижеследующего увидим, ознаменовать к нему свою милость. Приехав во дворец, несколько подождя в кабинетской канцелярии и скоро позван был в кабинет. Государь вошел из противных дверей и набросил на него ленту; Державин успел только сказать, что ежели он в чем виноват... но император, не дав договорить начатых слов, зарыдал и от него скороподвижно ушел. Из сего не иное что заключить можно, что государь к нему был хорошо расположен, но злобным наущничеством и клеветою был отвращаем.

Когда родился великий князь Михаил Павлович, то во время собрания при дворе знатных особ для поздравления граф Завадовский и господин Козодавлев, который тогда был обер-прокурор в Сенате, между радостными разговорами, при таковых случаях бываемыми, говорил Державину, чтоб он написал на день рождения царевича стихи. Он им обещал и в первое собрание привез с собой оду, которой тому и другому отдал по письменному экземпляру. А как сия пиеса имела некоторые в себе резкие выражения, как то между прочим:

Престола хищнику, тирану
Прилично устрашать врагов,
Но богом на престол венчанну
Любить их должно, как сынов,—

то, натурально, и стала публика поговаривать, опасаясь, чтоб сочинителя в толь смутное время, каково было Павлово, не сослали в ссылку или бы какого другого ему огорчения не сделали. Державин в полном удостоверении о своей невинности и будучи готов ответить, что он о хищнике престола говорил, а император воцарился по наследству законно, то, не опасаясь ничего, не робел и, невзирая на разные неблагоприятные для него слухи, всюду выезжал. В наступившее воскресенье, приехав в придворный театр, встретился в дверях с Козодавлевым; то сей, увидев его, побледнел и бросился от него, как от язвы, опрометью прочь, в театре же, увидя его пред собою на передней лавке сидящего, тотчас вскочил и ушел в толь отдаленное место, что его видеть не мог. Державин не знал, чему приписать такое от себя приятеля удаление, которому он некогда и чин статского советника выпросил у императрицы Екатерины, и всегда считал его себе привязанным человеком. Но после узнал, что страшные разнесшиеся слухи, что будто

император гневен за оду, были причиною трусости г. Козодавлева, чтоб не почли его сообщником в сочинении оной. Итак, презрев такую низость души, был спокоен. Но на первой неделе Великого поста, когда говел Державин с своим семейством, в среду, видел неприятный сон, и хотя не верил никаким привидениям, однако подумал, чтоб не случилось с ним чего; говорил жене, чтоб она не пугалась от разносящихся слухов, а уповала на бога. Но когда они были в церкви, то посреди самой обедни входит в церковь фельдъегерь от императора и подает ему толстый сверток бумаг; жена, увидев, помертвела. Между тем, открыв сверток, находит в нем табакерку, осыпанную бриллиантами, в подарок от императора присланную за ту оду при письме г. статс-секретаря Нелединского, в коем объявлено ему от его величества высочайшее благоволение. На другой день, поехав в Сенат, находит в общем собрании г. Козодавлева, показывает ему табакерку, который с радостным восторгом бросается ему на шею и поздравляет с государскою милостию. Державин, отступя от него, сказал: «Поди прочь от меня, трус. Зачем ты намерен от меня бежал, а теперь целуешь?»

В 1798 году, когда напечатаны были в Москве в первый раз сочинения Державина, цензура тамошняя по строгому тогдашнему времени усумнилась напечатать и не напечатала в оде «Изображение Фелицы» двух строк, а именно: «Самодержавства скиптр железный Моей щедротой позлащу». Мог только упросить, чтоб для сих стихов оставили праздное место и писал генерал-прокурору князю Куракину, говоря, что ежели Екатерина, будучи также самодержавная государыня, не токмо не воспретила, но с благоволением приняла сей стих, то для чего императору Павлу может быть неприятен, когда он не менее ее позлащает щедротами скипетр? Куракин докладывал по сему письму, и как Державин никакого не получил ответа, то во всех отпечатанных экземплярах и написал в пробеле сии два стиха своею рукою, не опасаясь толкования трусов. <...>

В навечерье сего страшного переворота Державин был у генерал-прокурора до 12-го часа ночи и как государственный казначей трактовал с ним и с купцом Рюминым о подряде соли во все российские города, по отдаче оной на откуп еврею Перцу в полуденных губерниях из крымских соляных озер, и, положив на мере сию операцию, поехал домой. Но часу поутру в осьмом на другой день вбегает к нему свояченица его, <жена> г. Нилова, который после был губернатором в Тамбове, жившая с мужем у него в до-

ме, и рассказывает, запыхавшись, что император скончался. Пронсшествие сие не оставят описать историки. Но Державин, по ревности своей и любви к отечеству желая охранить славу наследника и брата его Константина, которых порицали в смерти их отца, и тем укоризну и опасность отвратить империи, написал бумагу, в которой советовал хотя видом одним произвести следствие, которым бы обвинение сгладить с сих принцев и наказать преступников хотя только удалением на время из столицы, потому что ужасный их подвиг, впрочем непростительный, предпринят был единственно для спасения отечества от такого самовластного и крутого государя, который приводил его своим нравом к гибели; с которой бумагой и ездил раза три во дворец, но был приближенными, которые его держали, так сказать, в осаде, не допущен. <...>

ОТДЕЛЕНИЕ VIII

Царствование императора Александра I

Как выше явствует, на 12-е марта 1801 года император Александр вступил на престол Всероссийской империи. Первый манифест его был о вступлении на престол, в котором торжественно обещано, что царствовать будет по закону и по сердцу Екатерины. В то же самое время состоялся указ, чтоб по-прежнему государственным казначеем быть графу Васильеву, а Державину только присутствовать в Сенате. По нескольких днях по дружбе с Трошчинским Васильев получил всемплошнейший рескрипт, в котором, несмотря на то, что не мог дать верного отчета казне, расхвалился он чрезвычайно за исправное управление государственными доходами. Васильев, внеся сей рескрипт в первый Сената департамент, хотел потщеславиться оным в укоризну Державину, сказав: «Вот многие говорят, что у меня плохо казна управлялась; вместо того сей рескрипт противное доказывает». Державин отвечивал: «На что вам, граф, грешить на других? А я вам говорю в глаза, что вы в таком болоте безотчетностию вашею, из коего вам вовек не выдраться». Он покраснелся и замолчал. Последствие доказывало и поныне доказывает Державина правду, что часть сия в таком беспорядке, которого в благоустроенном государстве предполагать никак бы не должноствовало.

В дни царствования своего император Александр восстановил Дворянскую грамоту, нарушенную отцом его,

совершенно уничтожил Тайную канцелярию, даже велел не упоминать ее название, а производить секретные дела в обыкновенных публичных присутственных местах и присылать на обревизование в первый Сената департамент. И как в то время случилось, что одного в Тамбовской губернии раскольника духоборской секты судили в неповиновении верховной власти, который не признавал совсем государя, то уголовная палата и присудила его к смертной казни и наместо оной к жестокому наказанию кнутом и к ссылке в Сибирь на вечную каторжную работу. Но как в угождение милосердию государя Сенат его не хотел осуждать так строго, то и не знали, что с ним делать, дабы, с одной стороны, не потакнуть ненаказанностию неуважению вышней власти, а с другой, не наказать и не обременить выше меры преступления точным исполнением закона. Державин сказал: «Поелику императрица Екатерина в «Наказе» своим советовала наказание извлекать из естества преступления и как сущность вины его состоит в том, что не признает он над собою никого, то и отправить его одного на пустой остров, чтоб жил там без правительства и без законов, подобно зверю». Все на мнение сие согласились; так и сделано.

Как при самом вшествии нового императора генерал-прокурор Обольянинов смещен и определен на место его г. Беклешов, Трощинский же занимал место первого статс-секретаря, и все дела шли через него, то и обладали они императором по их воле; и как скоро потом вызван из деревень своих граф Александр Романович Воронцов, бывший по связи с покойным Безбородкою в одной партии, то для усиления своего его к себе присовокупили. Словом, они ворочали государством, а чтоб Державин им ни в чем не препятствовал, то они выключили его из Государственного Совета под видом нового его преобразования. Некоторый подлый стиходей в угодность им не оставил на счет его пустить по свету эпиграмму следующего содержания:

Тебя в Совете нам не надо:
Паршивая овца все перепортит стадо.

Державину злобная глупость сия хотя сперва показалась досадною, но снес равнодушно и после утешился в том, когда избранными в Совет членами после его отставки доведено стало государство до близкой в 1812 году гибели. Началось неуважение законов и самые беспорядки в Сенате; охудая правление императора Павла, зачали без разбора, так сказать, все коверкать, что им ни сделано.

Первое всего разрушили контракт о крымской соли откупщика Перца, рассматриванный в Правительствующем Сенате и утвержденный собственноручно императором. Державин, соблюдая святость законов, сильно противоречил против сего насилия в общем собрании, состоящем около 40 человек, говоря, что при первом шаге новооцарившегося государя весьма опасно нарушать общественную доверенность. Но как генерал-прокурор, с одной стороны, был человек самовластный и наглый и дерзкий крикун, а с другой, подлый ласкатель политических видов, коими желал помрачить пред тем бывшее правление и предложение свое, заготовленное для Сената, объявил апробованным уже государем, то все собрание согласилось с ним, и контракт был уничтожен, хотя Державин доказывал, что таковое предложение было не в законном порядке, ибо когда было сказано, что оно апробовано государем, то кто мог вызвать-ся против оного с своим мнением? <...>

А как сие было против коренной привилегии Сената или законов Петра Великого и Екатерины, в коих один голос имел равносильное право прочим, а разрешала спор единственно самодержавная власть государя, то, натурально, презрение такое, учиненное ему генерал-прокурором, его безмерно огорчило, и для того он тотчас написал письмо к бывшему тогда статс-секретарем Михайле Никитичу Муравьеву, человеку самому честнейшему и его приятелю, в котором просил его доложить государю императору, чтоб пожалована была ему аудиенция для объяснения по должности сенатора. Сие ему на другой день позволено, и когда он впущен был в кабинет его, то вопрошаем был, что ему надобно? «Государь, — Державин сказал, — ваше императорское величество манифестом своим о восшествии на престол *обещали царствовать по законам и по сердцу Екатерины*; законы же Петра Великого, на коих основан Сенат, и сей государыни давали всякому сенатору то преимущество, что голос каждого имел право доставлять спорное дело на рассмотрение самого монарха, несмотря на мнение прочих, которые бы были с ним не согласны; а ныне господин генерал-прокурор Беклешов по делу г-жи Колтовской поднес доклад вашему величеству, не упомянув о моем противном прочим мнению, чем и учинил мне по должности презрение, то и осмеливаюсь испрашивать соизволения вашего, на каком основании угодно вам оставить Сенат? Ежели генерал-прокурор будет так самовластно поступать, то нечего сенаторам делать, и всеподданнейше прошу меня из службы уволить». Государь сказал: «Хорошо, я рассмот-

ру». Вслед за сим чрез несколько дней последовал именной указ, которым повелевалось рассмотреть права Сената, и каким образом оные восстановить, подать его величеству мнение Сената. <...>

При слушании сего указа в общем Сената собрании произошли разные мнения. Графы Воронцов и Завадовский весьма в темных выражениях, или, так сказать, тонких жалобах на прежнее (разумеется, Павлово) правление словами Тацита, что «говорить было опасно, а молчать бедственно», хотели ослабить самодержавную власть и присвоить больше могущества Сенату, как-то: чтоб доходами располагать и свершать смертную казнь без конфирмации государя и прочее. Господин Захаров толковал грамматический смысл некоторых слов в должности Сената. Державин, хотя разделял обязанности правления согласно учреждению о губерниях на 4 власти, то есть на законодательную, судную, исполнительную и оберегательную, но соединял их, яко в центре, в единственной воле монарха. Но как, по словам Петра Великого, государь не ангел, не может один везде и все управить, то и распорядил на 4 должности, возложив их на лица министров, как-то: просвещения, или законодательного; судного, или юстиции; внутреннего, или исполнительного; оберегательного, или генерал-прокурора. Государю мнение его лучше всех прочих полюбилось, да и вышеупомянутым графам, желавшим себе присвоить власть государя, не противно было, для чего они его и одобрили, ибо они, как со временем открылось, думали разделить оную по министерствам, до чего они, как впоследствии увидим, разными коварными хитростями почти и достигли и привели государство в такое бедственное состояние, в котором оно ныне, то есть в 1812 году, находится. Словом, государь приказал Державину чрез князя Зубова написать организацию, или устройство, Сената, оно и написано в духе Екатерины, то есть сообразно ее учреждению о управлении губерний, ибо регламенты Петра Великого смешивали в себе все вышеупомянутые власти, то они и не могли делать гармонического состава в управлении империи. Хотя и не удостоилась сия организация письменной конфирмации государя и не обнародована, но Державин получил в Москве при коронации за нее орден св. Александра Невского. <...>

В сем же 1802 году октября <сентября> 8 дня состоялся высочайший манифест о министерстве, в котором в числе прочих 8-ми сделан Державин юстиц-министром, с названием купно генерал-прокурора. <...>

〈Однако,〉 с одной стороны, по министров беспорядкам, а с другой, то есть Державина, беспрестанным возражениям и неприятным государю докладам стал он скоро приходить час от часу у императора в остуду, а у министров во вражду.

Наконец нижеследующее приключение обнаружило первое их против него покушение. Министр военных сил г. Вязмитинов докладывал по воле государя императора, что унтер-офицеры из дворян, а особливо из поляков, никак не хотят служить, всячески отбывая от службы, так что едва успеют вступить в оную, то уже и просят в отставку. Положено было, чтоб подтвердить указ императора Петра III и потом Екатерины II, чтоб дворян, не дослужившихся обер-офицерского чина, прежде 12 лет службы их в отставку не увольнять. О сем состоялся указ, помнится, в декабре месяце, который в Сенате без всякого сомнения или замечания прочтен и записан.

Девять дней прошло, как о том никто не говорил; наконец в пятницу, как в день общего собрания, поднес Державину обер-секретарь мнение графа Потоцкого, по тому указу последовавшее, сказывая, что он его принять без его повеления не смеет как по самому его содержанию, так и потому, что уже в общем собрании дело сие кончено, то есть указ принят и отослан в Военную коллегия для исполнения. Державин, рассмотрев мнение и увидя, что оно написано не токмо дерзко против Сената, который непристойными выражениями разруган, но и против государя неприлично, который как бы в каком народном правлении сравнен со всеми гражданами, и тому подобные нелепицы, не соответствующие законам, то Державин, не приказав его записывать, оставил у себя. В следующее воскресенье, как в день докладной, представя то мнение государю, доложил, что он таковой непристойной и законам нашим противной бумаги принять не может; то как он соизволит? Государь, как видно, знал о сем мнении, и едва ли не с позволения его оно написано, ибо тогда все окружающие его были набиты конституционным французским и польским духом, как-то: граф Черторижский, Новосильцов, Кочубей, Строганов, а паче всех, и как атаман их, граф Воронцов, который, как уже выше сказано, в Сенате при рассуждении о правах оного вводил мнения аристократические или ослабляющие единодержавную власть государя; но не был же тому противным, сколько видно было, и граф Валериан Зубов, бывший тогда в Совете и в уважении императора; то он и отвечал на доклад Державина весьма

резко, сими точно словами: «Что же? мне не запретить мыслить; кто как хочет! Пусть его подает, и Сенат пусть рассуждает». Державин докладывал, что таковые мнения приводят особу его и правительство в неуважение, что можно подавать мнение, но в свое время и согласно законам. Государь отвечивал: «Сенат это и рассудит, а я не мешаюсь. Прикажете доложить». В следующую пятницу докладывано, и как вся партия, хотевшая ослабить или разделить власть самодержавного императора, а привлечь ее к министерству и Сенату <...>, то и восстал такой крик, что и сладить было невозможно; словом, что все одобрили мнение графа Потоцкого, сказав, чтоб против именного указа, принятого уже Сенатом, в опровержение его подать государю доклад, чтоб дворянство служило или не служило, отдать ему на волю. Один только сенатор Шепелев, будучи хороший приятель Державину, подошед к нему, спрашивал тихонько, что делать, которому он шепнул, чтоб он не соглашался с революционными мыслями, а держался бы старых законов, который так и сделал; да опосле по совету Державина же сенатор Ананьевский при подписке журнала объявил, что он отступает от своего прежнего мнения, а присоединяется к Шепелеву. Державин в наступивший его докладной день донес о том государю, что Сенат весь против него. Он так сильно встревожился, что побледнел и не знал, что сказать, но Державин успокоил его, сказав, чтоб он не изволил смущаться, а позволил ему отправлять его должность, как законы повелевают. <...>

Между тем в продолжение сего времени мнение графа Потоцкого дошло в Москву, которое там знатное и, можно сказать, глупое дворянство приняло с восхищением, так что в многочисленных собраниях клали его на голову и пили за здоровье графа Потоцкого, почитая его покровителем российского дворянства и защитником от угнетения; а глупейшие или подлейшие души не устыдились бюсты Державина и Вязмитинова, яко злодеев, выставить на перекрестках, замарав их дермом для поругания, не проникая в то, что попусшением молодого дворянства на праздность, негу и своеволие без службы, подкапывались враги отечества под главную защиту государства. <...>

Дела текли по-прежнему, и хотя с тех пор не примечал Державин в государе прежнего к себе уважения, однако же не видал и недоверенности. Спустя некоторое время, к великому всех удивлению, состоялся по Потоцкому делу неожиданный указ, которым не токмо сделано уважение Сенату и Законам согласно предложению генерал-прокуро-

ра, но вовсе у него отнято право входить с докладом к императорскому величеству по его в состоящихся указах сомнениям. В мае месяце докладывал Державин государю правила третейского совестного суда, им сочиненные, над которыми трудился несколько лет по многим опытам третейского судопроизводства, и посылал по многим своим приятелям, знающим законы, для примечания. Государь, выслушавши оные правила, вскочил с восторгом со стула и сказал: «Гаврил Романович! Я очень доволен, это весьма важное дело». Однако же те правила и по сие время не выданы к исполнению. Слышно было, что г. Новосильцов их не одобрил по недоброхотному отзыву окружающих его подъячих, Дружинина и прочих, для того что они пресекали взятки и всякое лихоимство, что было им не по мыслям, ибо тогда бы царство подьяческое прошло. <...>

Выше уже видно, что государь около сего времени час от часу холоднее становился к Державину; но началось внутреннее его к нему неблагоприятное расположение сперва обнаруживаться тем. В одно время при докладе по какому-то частному письму, увидев число на нем прошедшего месяца, сказал, что «у вас медленно дела идут». Державин отвечал: он смеет удостоверить, что в Сенате ни при одном генерал-прокуроре так скоро и осмотрительно дела не шли, как ныне, что их в общем собрании в одно присутствие решится по 4, и жалоб на оные нет. «Но вот это письмо доказывает, что так замедлилось», — возразил государь с неудовольствием. Что касается до частных писем, сказал Державин, то это не его дело. «Как не твое дело?» — с негодованием спросил император. «Так, государь! Это дело статс-секретарей; они по частным письмам, собрав справки или сделав с кем надлежит сношение, должны докладывать вашему величеству и писать по ним ваши указы, а генерал-прокурорская обязанность состоит прилежно смотреть за Сенатом и за подчиненными ему местами, чтоб они решили дела и поступали по законам. Так при вашей покойной бабке было. Я был сам статс-секретарем и очень это знаю, что не затрудняли такими мелочьюми генерал-прокурора». — «Но при родителе моем так учреждено было». — «Я знаю, но родитель ваш поступал самовластно, с одним генерал-прокурором без всяких справок и соображения с законами делал, что ему было только угодно. Но вы, государь, в манифесте вашем при вступлении на престол объявили, что вы царствовать будете по законам и по сердцу Екатерины; то мне не можно иначе ни о чем докладывать вам, как по собрании справок и по соображении

с законами, а потому и не могу я и сенатские, и частные дела вдруг и поспешно, как бы желалось, обрабатывать и вам докладывать. Не угодно ли будет приказать частные письма раздать по статс-секретарям?» — «Ты меня всегда хочешь учить, — государь с гневом сказал. — Я самодержавный государь, и так хочу». <...>

Касательно вольных хлебопашцев, то сие таким образом случилось. Румянцов выдумал (смею сказать, из подлой трусости государю угодить) средства, каким образом сделать свободными господских крестьян. Как это любимая была мысль государя, внушенная при воспитании его некоторым его учителем Лагарпом, то Румянцов, чтоб подольститься государю, стакнувшись наперед, смею сказать, с якобинскою шайкою — Черторижским, Новосильцовым и прочими, подал проект, чтобы дать свободу крестьянам от господ своих откупаться, хотя сего никогда запрещено не было, и на сем основании отпустил своих крестьян до 200 душ, которые, как после слышно стало, никогда не были его крепостными людьми, но вольные, отцом его покойным фельдмаршалом — с условием какого платежа или из милости на его землях, вновь от Порты приобретенных, — поселенные. Государь проект сей, одобренный его молодыми тайными советниками, принял весьма милостиво или, лучше сказать, с радостью, что нашлося средство привести его любимейшую мысль к исполнению, передал оный Государственному Совету на рассмотрение или, лучше сказать, на исполнение. Все господа члены Совета хотя находили сей проект бесполезным, перешептывали между собою о том, но согласно все одобрили, как и указ, заготовленный о том, апробовали. Державин только один дал свой голос, что всем владельцам по манифесту 1775 года отпускать людей своих и крестьян своих позволено, а по указу царствующего государя 1801 году и снабжать отпущенных людей землями можно, следовательно, никакой нужды нет в новом законе. Румянцов может освободить хотя всех своих людей и крестьян по тем указам (однако же он того ни тогда, ни после не сделал), а на всех особым указом растверживать о мнимой вольности и свободе простому, еще довольно непросвещенному народу опасно, и только такое учреждение наделает много шума, а пользы никакой ни крестьянам, ни дворянам. Это мнение его записано в журнале Совета; но, несмотря на то, государь дал указ известный о вольных хлебопашцах. Когда к генерал-прокурору он прислан был, то, не посылая оного в Совет, поехал во дворец и представил государю со всею откоро-

венностию и чистосердечием о неудобности указа. Он спросил: «Почему же он бесполезен?» — «Не говоря о политических видах, что нашей непросвещенной черни опасно много твердить о вольности, которой она в прямом ее смысле не понимает и понять не может, — отвечивал Державин, — но и по самому своему содержанию он неудобноисполнителен». — «Почему?» — «Потому, что условливаясь рабу с господином в цене о свободе почти невозможно; это такая вещь, которая цены не имеет, требуя со стороны господина только всего великодушия, а со стороны раба благодарности, а иначе всякие условия будут тщетны. Натурально, раб за свою свободу будет обещать все, что от него ни потребуют, а помещик, лишаясь крестьян и с ними своего дохода или, лучше сказать, своего существования, захочет иметь такой капитал за сию свободу, чтоб не только не расстроить, но и улучшить свое благосостояние. Из сего выйдут неустойки в платеже условленных сумм, из неустойки — дела и тяжбы, которых такое великое множество по долгам. Сверх того, как правосудие в Российской империи большею частью в руках дворянства, то дворянин, судя дело своего собрата, будет осуждать сам себя; из того другого ничего не выйдет, как подготовленное беззаконие; будут обвиняемы крестьяне и обращены по этому указу в прежнее их крепостное состояние или тягчайшее рабство, потому что помещик за причиненные ему хлопоты и убытки будет мстить. Сверх того, и государственное хозяйство неминуемо от сего учреждения потерпит как в сборе рекрут, так и денежных повинностей, ибо крестьяне, продав взятую ими у помещиков землю, могут переселиться на другие в отдаленнейшие страны империи, где их сыскать скоро невозможно, или по своевольству своему и лености разбрестися, куды глаза глядят, чтоб только не ставить рекрут и не платить никакой повинности, в чем они единственно свободу свою полагают. Нижние земские суды или сельская полиция по пространству в империи мест жилых и пустых удержать их от разброду не могут без помещиков, которые суть наилучшие блюстители или полицеймейстеры за благочинием и устройством поселян в их селениях. Ежели же по доходящим иногда к государю жалобам от крестьян на тиранские помещиков их поступки, на угнетение поборами и разные насилия как милосердому отцу невозможно не обратить внимания своего и не оказать правосудия, то к предупреждению таковых жалоб советовал Державин государю пригласить не вдруг из всей империи, а по частям из нескольких губерний губернских

предводителей дворянства, которым дать милостивые рескрипты, похваля, с одной стороны, древнюю и новую службу дворян, а с другой, изобразить дурные поступки с своими подданными некоторых помещиков, доходящие до престола, приложив к ним экстракт из дел, имеющих в Сенате, приказав им найти средство и положить их мнение, какие в которых губерниях и уездах могут собираемы быть денежные или продуктами подати или отправляемы работы, потому что они не могут быть по положению различных мест одинаковы, а также и наказания телесные, какие дома чинить и для каких отсылать в градские и сельские полиции. Предводители сие должны непременно будут сделать, следовательно, они на себя сами сделают постановление, а на государя ропоту не будет. Таким образом и крестьяне облегчатся в их участи, и правительство не будет иметь опасности от которой-либо стороны ропоту или неудовольствия». Государь, выслушав сие представление от Державина, казался довольным, приказал указ свой отдать в Совет, дабы вновь был пересмотрен. Касательно же созыва дворянских предводителей, то сказал, что он о сем подумает, а из всех вдруг губерний сделать многолюдный вызов он находит неудобным и небезопасным.

Державин едва от государя возвратился домой, располагаясь на другой день представить указ в Государственный Совет, как является к нему г. Новосильцов с повелением от государя, чтоб указа не отдавать в Совет, а отослать в Сенат для неперменного исполнения. Державин крайне сим огорчился и не знал, как тому помочь; то пришло ему в голову, что в правах Сената, напечатанных при министерском манифесте, и по коренным Петра Великого и Екатерины II законам позволено сему правительству входить с докладом к императорскому величеству, когда какой новоизданный закон покажется темен, неудобноисполнителен или вреден государству; то и пожелал приятельски о том сделать внушение кому-либо из господ сенаторов, чтоб он при записке того указа Сената в общем собрании подал мысли прочим сенаторам взойти в доклад к государю, представляя ему неполезность указа. Обращаясь мыслями на того и на другого сенаторов, показался ему всех способнее по престарелым летам своим и по знанию законов и польз государственных Федор Михайлович Колокольников, которого он тот же день, пригласив к себе на вечер, сообщил наедине свои мысли. Он, поняв всю важность предложения, охотно согласился оное исполнить. Державин остался спокоен, уповав, что в понедельник при объявлении указа в общем

собрании положат войти с докладом о неудобности сего нового закона. В сих мыслях во вторник, яко в докладной день, быв у государя, проехал в Сенат в полном удостоверении, что г. Колокольников поступил, как обещал. Вместо того на вопрос отвечают ему, что указ в общем собрании принят, записан и отослан в первый департамент для исполнения. Весьма он сему удивился. Подходит к Колокольникову, спрашивает его потихоньку: «Как, указ принят?» — «Так, — отвечает он, пересеменивая, — к несчастью, я сделался болен вчера и не мог в Сенате быть». Поговоря, положили, что, будто по разноречию в исполнении, внести паки в общее собрание. Как рассуждение было о том при обер-прокуроре князе Голицыне, посаженном в сие место, можно сказать, более не для соблюдения законов и настоящего дела, а для тайного уведомления государя, что в Сенате делается, и как он верно отправлял возложенную на него должность, обедая всякий день во дворце, то рассуждения Державина о сем указе — в которых он говорил о бесполезности и неудобности сего указа, сожалея о государе, что он приведен на такое дело, которое не принесет ему ни пользы, ни славы, натурально что Голицыным слушанные, — поехав обедать во дворец, пересказал императору. А как по вторникам всякую неделю после обеда часу в 7-м был во дворце в присутствии императора министерский комитет, то государь, посидев в нем не более часа, не очень весело кончил присутствие, и лишь только начали министры разъезжаться, то один из камердинеров государя, подошед к Державину, сказал тихо, что император зовет его к себе в кабинет. Вошед в оный, нашел его одного. Он тотчас начал говорить: «Как вы, Гаврила Романыч, против моих указов идете в Сенате и критикуете их? Вместо того ваша должность подкреплять их и настоять о неперменном исполнении». Державин отвечал, что не критиковал указов, а признается, что при рассуждении об исполнении, как и его величеству докладывал, сомневался о удобности и пользе, что и теперь по присяге своей подтверждает, удоставляя, что его величество сим способом не достигнет своего намерения, чтоб сделать свободными владельческих крестьян; да ежели бы и достиг, то в нынешнем состоянии народного просвещения не выйдет из того никакого блага государственного, а напротив того вред, что чернь обратит свободу в своеволие и наделает много бед. Но как государь учителем своим французом Лагарпом упоен был и прочими его окружавшими ласкателями сею мыслию, по их мнению великодушною и благородною, чтоб освободить от рабства

народ, то остался непоколебимым в своем предрассудке и приказал объявить именное свое повеление, чтоб по разногласию в первом департаменте не обращать того указа в общее собрание, а исполнить бы его непременно. <...>

В начале октября месяца 1803 году, в одно воскресенье, против обыкновения, государь его не принял с докладами, приказав сказать, что ему недосуг, хотя и был у развода. В понедельник прислал к нему письмо или рескрипт, в котором хотя оказывает удовольствие свое ему за отправление его должности, но тут же говорит, чтоб отнять неудовольствие, доходящее к нему на неисправность его канцелярии, просит очистить пост министра юстиции, а остаться только в Сенате и Совете присутствующим. Державин не знал, что подумать и чем по должности мог он прослужиться, отправляя оную со всем своим усердием, честностью, всевозможным прилежанием и бескорыстием. <...>

Решился послать к нему краткую записку, что он имеет нужду видиться с ним по секретному делу, то и просит назначить час, когда он может к нему приехать. Он отвечал ему также запиской, что он может к нему приехать на другой день, то есть в четверг, в обыкновенное докладное время, то есть в 10-м часу поутру, что и было исполнено. Тут было пространное и довольно горячее объяснение со стороны Державина, в котором он спрашивал его, в чем он пред ним прослужился. Он ничего не мог сказать к обвинению его, как только: «Ты очень ревностно служишь». «А как так, государь, — отвечал Державин, — то я иначе служить не могу. Простите». — «Оставайся в Совете и Сенате». — «Мне нечего там делать». — «Но подавайте же просьбу, — подтвердил государь, — о увольнении вас от должности юстиц-министра». — «Исполню повеление». <...>

Вследствие чего на другой или третий день состоялся 8-го октября 1803 году в Сенат указ, коим он от службы вовсе уволен с пожалованием ему 10 000 рублей годового пансиона, который он и теперь получает. <...>

УПРАЖНЕНИЯ ЕГО ПОСЛЕ ОТСТАВКИ ОТ СЛУЖБЫ

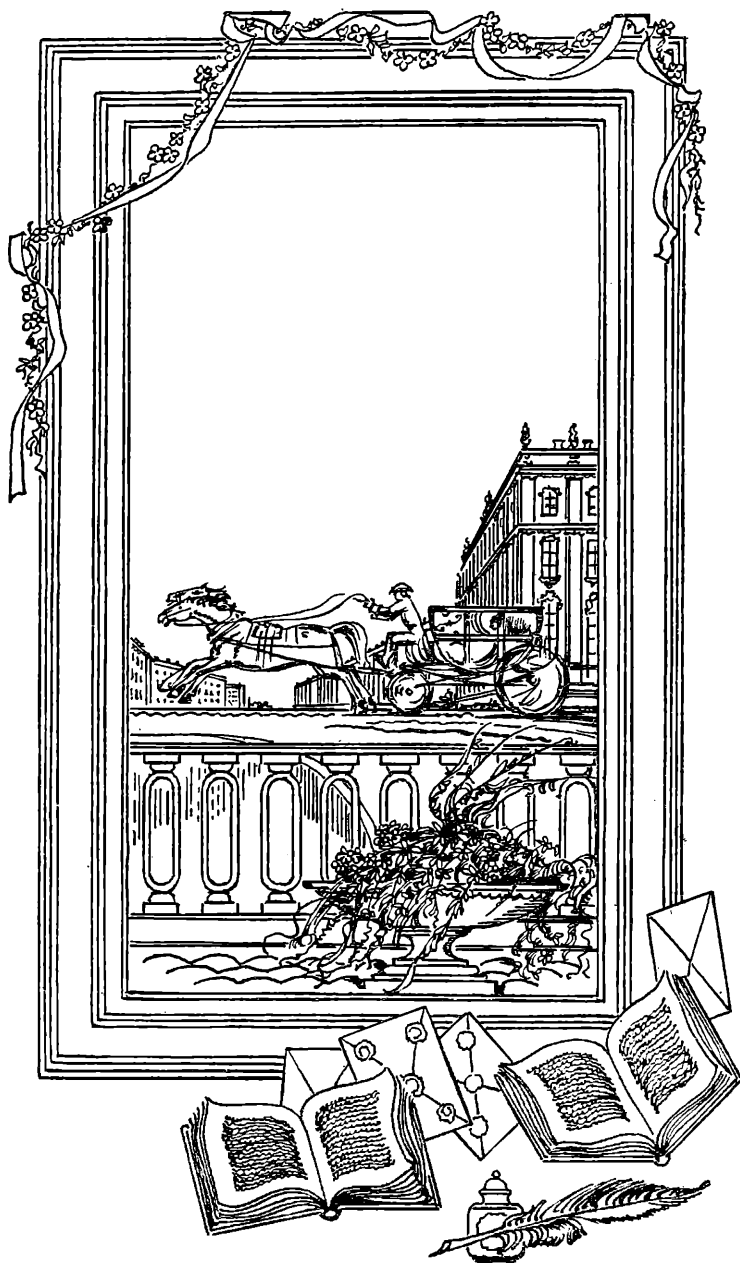
Привыкши к беспрестанным трудам, не мог он быть без упражнения и для того занимался литературой, писал несколько лирических сочинений, которых вышло 4 части, и еще наберется, может быть, одна; сочинял трагедии, как-то: 1) Ирод и Мариамну, 2) Евпраксию, 3) Темного; да перевел «Федру», «Зельмиру». Комических написал опер бездельных две: «Дурочка умнее умных» и «Женская

дружба», несколько прозаических сочинений, надписей, эпиграмм и «Рассуждение о лирической поэзии». Но в 1806 и в начале 1807 году, в то время как вошли французы в Пруссию, не утерпел, писал государю две записки о мерах, каким образом укротить наглость французов и оборонить Россию от нападения Бонапарта, которое явно предвидел, о чем с ним и словесно объяснялся, прося позволения сочинить проект, к которому у него собраны мысли и начертан план; только требовалось некоторых справок от военной коллегии и прочих мест относительно наряда войск, крепостей, оружия и тому подобное. Государь принял сие предложение с благосклонностию, хотел призвать его к себе, но, поехав в марте месяце к армии под Фридланд и возвратясь оттуда, переменил с ним прежнее милостивое обхождение, не кланялся уже и не говорил с ним; а напротив того, чрез князя А. Н. Голицына за псалом 101-й, переложенный им в стихи, в котором изображалось Давыда сетование о бедствии отечества, сделал выговор, отнеся смысл оного на Россию и говоря: «Россия не бедствует»; о чем яснее можно видеть из анекдота, написанного о сем случае. Нужно припомнить, что, когда Державин вышел в отставку и увидел, что указ о вольных хлебопашцах не исполняется и исполниться не может, и будучи тогда очень нездоровым, написал завещание о своем имении, в котором сделал распоряжение относительно свободы его крестьян, в котором ограничил, с одной стороны, самовластие владельцев, его наследников, над людьми и крестьянами, а с другой, не дал им никакого повода к своеволию и переходу на места, в 1808 или 1809 году просил чрез господина Молчанова о подтверждении государем того его завещательного распоряжения, но не удостоился его благоволения, а сказано было, чтоб просил о том в судебных местах по законам, чего без воли монаршей никому не можно было сделать. С тех пор оставил Державин всячески дѣлать и не беспокоил его никакими на пользу отечества усердными представлениями, кроме что в 1812 году, во время вторжения французов внутрь империи, при случае воззвания манифестом всеобщего ополчения, писал из Новгорода июля 14-го дня о некоторых к обороне служащих мерах, но что по ним сделано, ни от императора и ни от кого не имел никакого известия, и дошла ли та бумага до рук его величества, не получил ни от кого никакого сведения. <...>

ПИСЬМА

1. Я. И. БУЛГАКОВУ

4 июня 1782 г. Петербург

Милостивый государь мой Яков Иванович. С отъезда вашего хотя я не имел удовольствия и самого малейшего знака видеть, что содержусь в вашей памяти, однако при сей верной оказии не упускаю случая, чтоб не изъяснить вам того искреннего почтения, которое навсегда пребудет со мною. Притом как Иван Иванович Хемницер, один из моих друзей, едет к вам, то, препоруча сие письмо ему отдать вам, прошу меня не исключить из числа истинных почитателей ваших, а притом хотя своими добродетелями и любезным поведением он, несумненно, приобретет благоволение и приязнь вашу, но на первый, однако, случай, предваряя о его свойствах, скажу вам: «Се истинный Израиль, в нем же лести нсть!» Впрочем, более вам на сей случай сказать ничего не нахожу, как все известные мне знакомые ваши вас любят, почитают и кланяются вам; Алексей Иванович и Варвара Сергеевна и прочие их здоровы. Жена моя вам свидетельствует усердное почтение и желаем все мы, чтоб вас видеть здесь здоровым, благополучным, веселым, богатым, а притом великим пашою или, словом, чем вы хотите. Удостоите хоть единою строкою вашею и проч.

Гаврилу Державина.

2. Е. Р. ДАШКОВОЙ

Май 1783 г. Петербург

Сиятельнейшая княгиня, милостивая государыня. Вчерась после полудня часу в девятом в доме князя Александра Алексеевича получил я в пакете, подписанным на мое имя из Оренбурга, золотую табакерку, осыпанную бриллиантами, и 500 червонных, всего, думаю, тысячи на три рублей. Приказчик мой тамошней деревни моей никогда не был столько щедр. Я догадываюсь, что, конечно, из того

края премудрая Фелица, по соседству, своему мурзе послала сей драгоценный дар, но мне попался ошибкою. Как бы то ни было, я принял с радостным замешательством и восторга моего скрыть не мог; я рассказал всем случившимся благодарные мои чувствования как в рассуждении царицы, так и вас, милостивая государыня, предстательством которой, как я думаю, получаю я толь великое и нежданное награждение за мои слабые дарования.

Если бывал кто в таком состоянии, которое назвать можно и неизреченным удовольствием, и некаким приятным унынием, то я и по сию пору нахожуся в оном. Для чего, я говорю сам себе, ни одно доброе дело, ни одно благодарное чувство относительно сей царицы мне без награждения не остается, и я всегда в долгу у ней? Находя собственно в душе моей удовольствие, — вашему сиятельству некоторым образом то известно, — мыслить и говорить о ней, для чего тогда меня осыпают золотом, когда и бешметы я иметь не желал? Разве недостаток тому в сокровищах, кто умеет чувствовать цену добродетелей? Не письмо ли онамеднишнее вашего сиятельства сему причиною? Может быть, не подумали ли, что я сего просил? Но сколько бы для меня было выигрышнее, ежели бы удалось из просимых вами от Фелицы писем почерпнуть новые истины, новые души ее явления, о которых мне издадека не известно, сколько, впрочем, ни жаден я примечать оные. Но я должен сказать, что я впе себя от удовольствия и почел за нужное о происшедшем со мною донести вашему сиятельству и просить вашего милостивого наставления, кого мне и как благодарить за полученный мною дар?

Пребываю с совершенным высокопочитанием и по конец жизни моей с истинною моею преданностию вашего сиятельства, милостивой государыни, всепокорнейший слуга

Габрила Державин.

Мая дня 1783 года

З. Е. Р. ДАШКОВОЙ

25 ноября 1783 г. Петербург

Сиятельнейшая княгиня, милостивая государыня. Осмеливаюсь ваше сиятельство поставить себе свидетельницею, что ни язык мой, ни перо мое не были никогда производителями никакой сатиры, тем паче с намерением

кого-нибудь тронуть, кроме что обыкновенные людские слабости в оде Фелице оборотил я собственно на меня самого. Равномерно ж известно вам и то, что никак не было сильного моего желания ни печатать, ни выдавать в свет и того сочинения моего, ибо оно и до вас дошло не чрез меня. В размолвках ваших с его сиятельством князь Александром Алексеевичем был я столь осторожен, что ни вы, ни он по справедливости сказать не можете, чтоб я прибавлял жару в сердца ваши, но старался еще по возможности моей, когда кстати и пристойно случалось, укротить несогласие, обоих вас недостойное. Но, не взирая на сие, многие от Собеседника должен был я терпеть неприятности, которые вливались даже и в... но, короче сказать, которые наконец так мне наскучили, что я оставил службу; ибо подал я уже о увольнении моем письмо. Вот плоды стихотворства, к которому вы меня толь часто убеждать изволили и которого я всемерно отказывался. Но дело сделано. Дабы привести в порядок мои обстоятельства, в рассуждении моих долгов, мне надобно продать почти все мое имение. А для того всепокорнейше прошу вашего сиятельства приказывать напечатать в газетах о продаже деревень моих по приложенной при сем записке.

Пребываю с глубочайшим высокопочитанием и истинною навсегда преданностью вашего сиятельства, милостивой государыни, всепокорнейший слуга

Гавриил Державин.

25 ноября 1783 года

4. В. В. КАПНИСТУ

29 апреля 1785 г. Петрозаводск

Васенька, любезный мой друг, Христос воскрес! Теперь я отдохнул и пишу к тебе, но пишу все коротко для того, что пуститься к тебе писать пространно, то мысль за мыслью, чувства за чувствами следуют; не увидишь, как бог знает сколько напорешь, а поглядишь — дела нет ничего. Дожидаюсь нетерпеливо, как сам приедешь; тогда душу к тебе с словами выпущу и напою тебя моим открытым сердцем. Я писал ныне к Николаю Александровичу 2 листа, но позабыл об Эмине упомянуть. Я знаю, что он ветрен, и, может быть, как распечатал письмо мое к Ник(олаю) Ал(ександровичу) не нарочно, а чтоб был какой подлог, то я не надеюсь этого для того, что ему в том никакой нужды

нет; ибо он видел, все письма при нем писаны, а ежели кому и пересказал, то пусть его: у меня в делах моих никакого секрета нет. Я все публично: и ссорюсь, и мирюсь. Я прилагаю тебе письмо графу Александру Андреевичу благодарительное за его покровительство; но как уведомление Николая Алекс<андровича>, по поводу которого я графу теперь пишу, послано ко мне с особливым эстафетом от 23 числа и Николаю Алекс<андровичу> не хотелось этого дать знать никому, то и разочти ты дни, как может не с нарочным письмо оборотиться в Петербург, и подай графу, и ежели ты вхож, то словесно поблагодари его, что я больше чувствую, нежели изъясняюсь. Поздравляю тебя, что ты вхож к Вяземскому; но этому я не верю, что кто-нибудь узнал разговор задушевный Вяземского с Тутолминым: и ближние, и искренние нам этого проникнуть вотще уповают. Но пусть его сиятельство гневается на меня невинно: по правде бог <по>мощник, но Тутолмин великий притворщик. Жалею, что не успею тебе послать стихов его, которые он делал в честь князю Потемкину в Екатеринославле и которые я от ближних его получил. Он здесь всем внушал, что я изрядный стихотворец, а худой губернатор. То я и этому обрадовался, что он наш брат, но с тою только разностию, что негодный стихоткач, как и худой законодатель; но пусть я делаю стишки, а он схватывает вершки: одно вредно в важных делах, а другое, немного ежели, так смешно, а не грешно. Но я сказывал, что ежели примусь к тебе писать, то напорю дребедени, а дела ничего. Ежели увидишь графа Александра Романовича Воронцова, то ему не говори, пожалуй, что я знаю о происходившем в Петербурге чрез нарочно посланного для того, что и его хотя, может быть, не за что особливо, но должно поблагодарить. Приезжай, пожалуй, мой друг, дай на себя наглядеться. Верный твой друг

Державин.

Письмо к графу писано от 6 мая, так и располагай, не можно ли несколько сократить время, будто я с нарочным отправил.

Пожалуй, уведомя Николая Александровича, что Татищеву, казанскому губернатору, хочется ужасно как в обер-егермейстеры, чин генерал-майорский вместе с князь Петром Алексеевичем Голицыным; то ежели бы его туды — он был доволен, а я бы вдвое.

5. В. В. КАПНИСТУ

Март 1786 г. Тамбов

При сем препровождаю тебе, мой друг, твои сочинения, с которых копии княгине Дашковой я отдал. Она требовала оды и о рабстве, но я сказал, что ты оной не оставил, по причине, что не нашел в своих бумагах; а притом изъяснил ей, что ни для ее, ни для твоей пользы напечатать и показать напечатанную императрице тоё оду не годится и с здравым рассудком не сходно, на что она весьма согласилась и осталась довольною. Мы приехали в Тамбов благополучно. Приложенное при сем письмо найди способ и поскорее, и повернее доставить по адресу, чтоб, ради бога, не пропало по твоему нерадивому обыкновению исполнять мои комиссии. Катерина Яковлевна кланяется и вернопокорный твой

Державин.

6. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ

24 августа 1786 г. Тамбов

Милостивый государь мой князь Николай Никитич. Всепокорнейше вашего сиятельства утруждаю моею просьбою поговорить с Николаем Ивановичем Новиковым, не имеет ли он в своей типографии одного продажного для печатания книг со всеми к тому принадлежащими инструментами станка и с довольным числом для оного литых слов гражданского почерка, также не сыщется ли у него излишних, нужных для печатания книг мастеров, которые б согласились ехать сюды, и что на их содержание в год жалованья производить потребно? По обширности здешней губернии и по множеству текущих дел весьма много таких бумаг, которые бы чрез типографию скорее течение свое имели; то ежели усмотрю я выгоду, что дешевле один стан, нежели множество пустокормов подъячих содержать, я бы решился единственно для канцелярского производства завести здесь типсграфию. Впрочем, приятно мне слышать о здорovyи и благополучии вашего сиятельства и всего вашего любезнейшего общества. Кончили ль вы зимние беспокойствы и каков ваш новый начальник, которого некогда кума моя в песнях своих воспевала? Я не осмелюсь по вашим недосугам кого-либо звать просить к нам по-

гостить, а кумушке, кажется, можно бы мужа своего навестить; я бы тотчас лошадей велел выставить. Николаю Ивановичу должен я за книги, но за какие и сколько, реестра от него не имею. Прошу приказать доставить; то я бы по получении в Москве с некоторых моих должников ассигновал ему принять деньги. Пребываю с истинным моим и усерднейшим почтением вашего сиятельства милостивого государя моего.

Августа 24 дня 1786 года

7. Е. Р. ДАШКОВОЙ

16 ноября 1786 г. Тамбов

Сиятельнейшая княгиня, милостивая государыня. По приказанию вашего сиятельства Д. М. Свистунов уведомил меня о бывшем разговоре, до меня касающемся. Я не могу довольно изобразить моей всенижайшей зашему сиятельству благодарности за милостивое ваше ко мне расположение и что вы не пропускаете нигде случая напомнить с хорошей стороны о малых моих дарованиях. Хотя я никогда столь самолюбиво о себе не помышляю, чтоб не токмо мог превзойти, но и сравниться с покойным Михайлом Васильевичем, однако же это правда для меня весьма удивительно, что многие наши братья, принимаясь за стихи, а особливо в похвалу божественной Фелице, так холодно и сухо изъясняются, что будто они совсем не чувствуют того, что пишут, и будто к прославлению великих дел ее надобны вымыслы, а не голая одна истина. А потому, ежели так рассуждать, что истина украшает и поэзию, то, упражняясь в оной более, если б я иногда мог и сравниться покойному, но только разве не иначе как тем, что ему надобно было прибегать к великолепным всегда небылицам и постороннему украшению, а мне к одной натуре, к одной той истине, с которою и после меня история будет согласна. Я чрез сие разумею то, что он был в необходимости героиню свою прославлять чрез героя, родителя ее, а мне, или нам, к нашей героине не надобно присовокуплять ни богов, ни славных предков, но указать только на одни дела ее, то все блистательные и божественные титула и все величества принадлежать будут собственно Фелице. Я сие мнение подтверждаю доказательством. Славный наш поэт в одной надписи своей, да и везде почти, подобно нижеследующему изъяснялся:

Герой тебя родил, носила героиня.
Какой быть должен плод? не пивный, как богиня!

Нам же довольно просто говорить, что она

Проступки правит снисхождением,
Как волк овец, людей не давит,

великодушно прощает врагов своих и тому подобное, то есть что мы можем вещь хвалить самую вещью, а не посторонними и чуждыми ей украшениями. Страшная разница — родиться от бога или героя или самому творить дела их; но я оставляю знатокам сие на рассуждение, а вашему сиятельству только то донесу, что я нелицемерно почитаю память Михайла Васильевича и, благодаря вам всенижайше за сделанную мне честь, нимало не надеюсь уподобиться ему моими слабыми способностями, но напротив того, думаю, ежели б он доныне жив был, то бы, без сумнения, стихи его более трогали сердце для того, что бы мы в них усматривали более истин нам приятных и нас пленяющих, подобно как у Плиния в похвале Траяна. Истина никогда не стареется, никогда цены своей не теряет и всегда любви достойна, а паче, когда она изъясняется в пользу нашу. Я бы, конечно, не оставил ее по мере сил моих превозносить и прославлять в великих добродетелях несравненной Фелицы, ежели б не был уверен, что ей приятнее действия наши, отвечающие божественной воле ее, нежели слова, к несчастию рода человеческого, приписуемые иногда таковым, которые их не заслуживают. Самыми наилучшими словами можно льстить, а добрыми делами, отвечающими ее великим намерениям, ежели кто столько счастлив, что в них успех имеет, льстить не можно. Словом, я бы писал, ежели бы в едину ночь разгоряченному и плененному моему воображению добродетелями Фелицы не предстала она сама и не сказала бы мне сих стихов, которые у меня впечатлелись в памяти:

Мурза! она вещала мне,
Ты быть себя счастливым чаешь,
Когда по дням и по ночам
На лире ты своей играешь
И песни лишь поешь царям.
Вострепещи, мурза несчастный,
И страшны истины вземли,
Которым стихотворцы страстны
Едва ли верят на земл;
Одно к тебе лишь доброхотство
Мне их открыть велит. Когда
Поэзия не сумасбродство,

Но вышний дар богов, тогда
Сей дар, кроме богов, лишь к чести
И к поученью их путей
Не должен обращен быть к лести
И тленной похвале людей.
Владыки света — люди те же;
В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже,
А где поэты не льстецы?
И ты Сярен поющих грому
На добродетели не строй;
Благотворителю прямому
В хвале нет нужды никакой.
Хранящий муж благие нравы,
Творящий должности дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех поэтов похвала.

Но невзирая на сие прещенье, в привидении мною слышанное, ежели б я узнал, что подлинно угодно будет мое иногда в поэзии упражнение и не причтется сие в укоризну должности и званию моему, то, невзирая на ненависть моих недоброжелателей, не терпящих сильно стихотворства, я бы посвятил навсегда слабые мои способности, единой только природою мне данные, на прославление благодетельницы человеческого рода.

Пребываю с глубоким высокопочитанием и таковою же преданностью вашего сиятельства, милостивой государыни, всепокорнейший слуга

Гавриил Державин.

Ноября 16 дня 1786 года, Тамбов

Напрасно г. Козодавлев хвалился, чтоб я против воли вашего сиятельства определил к какой-либо должности Грибовского.

8. В. В. КАПНИСТУ

18 июля 1789 г. Петербург

Спешу, мой любезный друг Василий Васильевич, сообщить тебе наше удовольствие. Дело мое кончено. Гудович дурак, а я умен. Ее императорское величество всемилостивейшая государыня с особливим вниманием изволила рассмотреть доклад 6-го департамента о моих проступках, о которых Гудович доносил, и приказала мне чрез статс-секретаря объявить свое благоволение точно сими словами:

«Когда и Сенат уже его оправдал, то могу ли я чем обвинить автора «Фелицы»?», вследствие чего дело повелела считать решенным, а меня представить. Почему я в Сарском Селе и был представлен; оказано мне отличное благоволение; когда пожаловала руку, то окружающим сказала: «Это мой собственный автор, которого притесняли». А потом, как сказывали, чего я однако же не утверждаю, во внутренних покоях продолжать изволила, что она желала бы иметь людей более с таковыми расположениями, и оставлен был я тот день обедать в присутствии ее величества. Политики предзнаменуют для меня нечто хорошее; но я все слушаю равнодушно, а поверю только тому, что действительно сбудется. Посмотрим, чем вознаграждена будет пострадавшая невинность. Поздравляю, мой друг, еще тебя с новою отраслью, что я усмотрел из последнего твоего письма; дай бог возрастить благополучно. На Катерину Яковлевну не сетуй, что она тебе не пишет: больна ужасною лихорадкою, так что чуть душа в теле. Впрочем, желаю тебе от всего сердца благ, и будь уверен, что я с истинною дружбою и почтением тебе и милостивой государыне Александре Алексеевне пребываю ваш усерднейший и покорнейший, ее императорского величества

собственный автор *Г. Державин.*

9. В. В. КАПНИСТУ

31 декабря 1789 г. Петербург

Письмо твое, любезный друг Василий Васильевич, и при нем «Ответ Рафаэла» получил. Кратко тебе скажу: я его не понял; ибо хулишь ли меня или хвалишь, я не знаю; но пусть будет то или другое. От друга все приятно, ибо и пересуды его послужат в искреннее наставление; но о сем пространно говорить оставляю. Скажу откровенно мои мысли о твоих стихах: ежели они у вас в Малоруссии хороши, то у нас в России весьма плоховаты... Нет ни правильного языка, ни просодии, следовательно, и чистоты. Читая их, должно бормотать по-тарабарски, и разногласица в музыке дерет уши. Мысли низки как то, что не из чего сделать рам на картину, ибо я не к столяру, но к живописцу просьбою моей относился. Изображения смешны и отвратительны как то, что на туловище одной богине голову приставляешь другой и с поясом лезешь под подол к той героине, которую сам хвалишь. Похвалы ей грубы, ибо всяк

видит сущую в них ложь, что она о благе и спокойствии всех царств земных не печется, когда воюющих против ее поражает. Шутки не забавны, а язвительны; ибо кто помазан лишь Музами по усам, тот не имеет дарования; а равно чьи важные сто тридцать повелений и тенями приняты со смехом, тот дурак. Вот как я разумею последнюю твою пиесу. Словом, весь твой план неоснователен; ибо когда мурза просил Рафаэла изобразить Фелицу, то не может он же сам удержать его от той работы для того, что недостатка в мастерстве его предполагать не можно. Когда я сам в первом куплете сказал, что изобразил он непостижимость божества, то невозможность изобразить человека есть неосновательная отговорка; можно бы, кажется, найти другую, попристойнее. Ежели ты хочешь вперед писать прямо по-русски, то приезжай к твоим друзьям и советуй с ними или оставляй, что напишешь, про твоих земляков; а без того не токмо читать или печатать, любя твою славу, стихов твоих, но и принимать их не будем; ибо кроме твоей оды «Надежды» и сатиры, здесь при твоих друзьях написанных, последующие твои сочинения никакого уважения не заслуживают. Ежели таковыми стихами подаришь ты потомство, то и в самом деле прослывешь парнасским трубочистом, который хотел чистить стихи других, а сам нечистотою своих был замаран. Сие не я один, но и все, прочтя твои присланные сюды стихи, сказали; и я их речи лишь положил на бумагу с таковою же искренностью, с каковою есмь навсегда. Душевно сожалею о прискорбиях твоих и о твоей болезни; желаю сердечно и прошу бога, чтоб наступающий год и за ним последующие составили совершенно твое благоденствие. Мои обстоятельства довольно хороши; но еще не решилось, буду ли я опять в службе или на покое. Впрочем, истинный твой и по конец жизни преданный друг

Гавриил Державин.

10. Е. Я. ДЕРЖАВИНОЙ

1793 г. Царское Село

Катинька, милая душа моя! Пришли, пожалуй, книгу в красном новом переплете о происхождении дворянства, которую мне своего издания подарил Рахманов, бывший конной гвардии офицер, а ныне бригадир, знакомый И. И. Дмитриеву. Да вели купить другую такую: она для ее

величества надобна. Государыня мне неотменно приказать изволила напечатать мои сочинения; то попроси Василья Васильевича и Ивана Ивановича, чтобы они пожаловали взяли труд и пересмотрели, замечая ошибки, и мне оные присылали, сказав, что им не нравится, которые я для того к тебе и посылаю. Они могут у нас собираться и несколько часов на сие употребить. Федору Тимофеечу я думаю поручить печатать, а для того и нужно будет ему переговорить с Вейдебрехтом и подрядиться формально, что он возьмет напечатать самыми лучшими карактерами на самой чистой бумаге. Виньеты мне обещал дать Александр Васильевич Храповицкий. Пусть выберут теперь только которые получше на один том и назовем: том первый собранных сочинений, а прочие после издадим. Государыня, кажется, от часу милостивее ко мне становится. Будь богом хранима. Да приезжай ко мне, ежели ненадолго, то хоть также на денек.

Зачать надобно, кажется, «Успокоенным неверием»; потом «Бог», потом прочие псалмы.

11. И. И. ДМИТРИЕВУ

28 апреля 1794 г. Петербург

Милостивый государь мой Иван Иванович. Приятное ваше письмо получил. Радуюсь, что вы и все ваши в добром здоровьи находитесь. От сердца моего желаю вам и впредь всякого и с родителями вашими благоденствия. Благодарю, что вы нас помните. Мне очень совестно пред Николаем Михайловичем, что я, «Аглаю» Николаевну получа, его не уведомил. Она прекрасна и приятна; во многом должно бы ее мне хвалить ему. Собирался по всякий день и за хлопотами упустил время; то теперь и неловко. Извини, пожалуй, меня перед ним. Но я сожалею, что вы с ним не вместе. Еще бы приятнее для вас время было. К. Я. моя насилу-насилу теперь только стала отдыхать и воскресать из мертвых; так отдыхают теперь и оживляются растения и цветы. Я этому безмерно рад, однако не очень весел, потому что за делами писать стихов некогда и не пишу; однако же не вовсе. Вот вам при сем две скороспелки, сыгранные на сопелке, прилагаю. У нас в Польше нехорошо (между нас сказать); а в Межевой экспедиции лучше, потому зачали по вашему делу экстракт сочинять. Между тем поверенный ваш поехал зачем-то к вам, и как возвратится, то и дело ваше

слушать будем. Ему что-то в Москве по Межевой нужда, то и дал я ему письмо к тамошнему судье, чтобы на него лучше глядели. К. Я. спит, однако вам кланяется, для того что она и во сне помнит о своих приятелях. Хотел было к вам продолжить мою беседу, но едет на двор отец Самборский со стихами своего воспитанника, приехавшего недавно из Англии, которые он вчера поднес ее величеству. Простите до свидания, которое чем скорее воспоследует, тем лучше. Пребываю с истинным почтением вам, м<илости>вому государю моему, покорный слуга

Гавриил Державин.

Р. S. Приложенные стихи здешней публике неизвестны — затем что очень плохи.

28 апреля 1794, С.-Петербург

12. И. И. ДМИТРИЕВУ

5 августа 1796 г. Петербург

На письмо твое, милостивый государь мой Иван Иванович, умедлил несколько отвечать по причинам, которые тебе по образу моей жизни не безызвестны: то лень, то недосуг; но теперь пишу. Сожалею о честном и любезном человеке Петре Афанасьевиче. Что делать? Смерть похищает кого ей только угодно. Без тебя из наших знакомых не один, но несколько человек успели уже отправиться на тот свет. Другая неделя тому, как шурин мой Александр Яковлевич Бастидон, зашибши ропусками весьма легко ногу, но в 24 часа получа антонов огонь, скончался.

Третьего дни Федор Михайлович Дубянский, переезжая с дачи своей через Неву, с компанией потонул; а именно с ним: банковые доктор Сипаж с женою, кассир Генш, придворного закройщика Дьячкова жена. Но спаслися кой-как: тот Дьячков, муж утопшей, жена Геншева, Захаржевский, протоколист сенатский, и наш Орфеев Иван Данилыч, который уже был на дне, но не оробел и кое-как выкарабкался к лодке, которая от трусости Генша, вскочившего от небольшой течи на борт, опрокинулась и сделала столько покойников.

После печального известия, приятное то, что ждут уже публично приезда шведского короля с большою свитою и готовят множество при дворе и у больших бояр пиров.

Сожалею я, что Михайло Матвеевич написал оду на клевету, и еще более, ежели ее напечатает: она хороша, но как ему связаться с Николевым, который есть и будет всеми своими вздорами сам на себя сатира. Надобно в таковых случаях последовать наставлению Сираха, который говорит: раздуешь искру — возгорится, а плюнешь на нее — угаснет.

Все стрелы злого дурака
Достойны лишь плевка.

Я получил от Николая Михайловича «Аониды» — книжка, в которой много прекрасных стихов, а особливо его эпистола к женщинам *очень, очень* хороша; но я недоволен окончанием, то есть последним стихом, на который тотчас приходит мысль:

Что с таковыми жен друзьями
Мужья с рогами.

И «Соловей», правда ваша, не весьма громок; впрочем, я много ему благодарен, сколько за подарок, а вдвое, что он трудится к пользе литературы не так, как некто: ленится и ничего не прислал в сию складчину стихотворцев. Но для чего вы не отдали «Гремиславы»? Я посылаю к вам Наумовы громы, который без памяти рад, что напечатаны. Свидетельствую мое почтение батюшке вашему и матушке. Меня не отпускают по сию пору; итак, видно, не видать мне моей родимой сторонки. Будьте, впрочем, здравы и благополучны. Покорнейший ваш слуга.

Измайловские офицеры для Марфы Ивановны и для всей публики давали бал, фейерверк, ужин; мы были; очень было весело. Напиши поздравительные стихи Пушкину.

13. И. И. ДМИТРИЕВУ

6 октября 1796 г. Петербург

Письмо ваше, милостивый государь мой Иван Иванович, от 6-го сентября я получил. По первой материи на ответ я ваш согласен. Вот почему:

Когда кричит кулик,
Что кто велик, велик,
Его так слышен крик —
Будто шумят голик!

Для грома имени Петрова
Слаба музыка куликова;
Но пусть по-своему зывает всяка плоть:
Велик, велик Господь!

По второй материи на ответ ваш я не согласен; а примечание мое, шутя, не для того сообщил я вам, что подозреваю чье развращение, а вот ради чего:

В замужней жещине прекрасной
Себе кто дружбу приобрел,
Для толков, для молвы напрасной
Он лучше бы ее не пел:
Как холодный ветерок — чума для нежных роз,
Так при муже и друг вмиг отморозит нос.

Не погневайся: это истина; но прошу меня не поссорить с Николаем Михайловичем; я его люблю. Его привязанность к добродетели и восторг поэта побудили похвалиться дружбою дамы; но благоразумие в сем случае друга, то есть ваше, должно было остеречь его в сей нежной материи. Но оставим ссору. И то и другое прошу знать только про себя. Здешние праздники шумные исчезли, как дым; по сию пору не знаем, что впредь будет; а потому и все грома поэтов погребены под снулом, для того и я мою безделицу не выпускаю; аще же воссияет благодать, придет желанный брак, они воскреснут, то я тотчас к вам их сообщу. Вышел указ о цензуре. Все вольные типографии уничтожены; дозволено только в привилегированных местах книгопечатание и *учреждены цензуры здесь и в Москве* под ведомством Сената и еще в некоторых городах под смотрением правительства. Впрочем, другие новости, кажется, до вас не принадлежат, да и потому, что их никаких нет, кроме того, что моя Шмерц-коллегия примет с окончанием года свое окончание. Пребываю с тем же искренним почтением, с каковым и был, и есмь ваш и проч.

14. И. И. ШУВАЛОВУ

Июнь 1797 г. Петербург

Милостивый государь Иван Иванович! Ласкательные вашего высокопревосходительства отзывы о моих сочинениях и милостивое ободрение к напечатанию оных убедили меня наконец повиноваться воле вашей. Не осмелился бы

я так скоро слабое произведение праздного своего времени предать толь гласным образом суду света, ежели бы покровитель г. Ломоносова, известный меценат муз российских, один с того времени и поныне тот же из вельмож наших, который искренно любит поэзию и к ней поощряет, не побудил меня на сей решительный подвиг. Вашему просвещению и вкусу в изящных художествах невозможно было не соответствовать, а более, что и благодарность моя яко питомца вашего меня всемерно к тому обязывала. Словом, я не токмо их предаю в совершенное соизволение ваше, но и всепокорнейше прошу приказать напечатать в типографии Московского университета из той книги, которая находится у вашего высокопревосходительства и которая составлять будет первую часть. Я некоторые токмо изъеблю, дабы сравнить с тою, которая поднесена была блаженной памяти покойной государыне императрице. А дабы не было в том разности и замешательства, то названия пиес препровождаю при сем реестр, по которому и должна составиться в таком точно порядке, как по нумерам следует, первая часть. Прочие же, в вашей книге находящиеся, еще мною отысканные и вновь сочиненные, как и эпистола к вашему высокопревосходительству, составят другую, которую, по переписке набело, не умедлю к вам же доставить. Примечанье всякого рода ошибок и при тиснении произойти могущих препоручил я хорошему моему приятелю Николаю Михайловичу г. Карамзину, живущему в Москве; то и прошу покорнейше приказать сообщать ему отпечатанные листы, которые в нужном случае, по переписке со мною, не оставит он без задержания возвращать в типографию. Впрочем, цензура обязана исполнять свою должность. Печатать за мой счет. С типографиею договориться доверяю я ему же, г. Карамзину.

Пребываю с глубоким высокопочитанием и неизменною навсегда преданностью вашего высокопревосходительства, милостивого государя покорнейший слуга

Гавриил Державин.

15. Ф. Н. ГОЛИЦЫНУ

9 января 1798 г. Петербург

Милостивый государь мой князь Федор Николаевич. Получив от болезни моей отраду, спешу, сходственно желанию вашего сиятельства, сказать мои мысли о «Памятни-

ке» г. Сох<ацкого>. Пьеса сия наполнена прекрасными мыслями. Первая строфа, меланхолическая, изображает трогательную картину для чувствительного сердца. Далее, круг и источник просвещения, примеры, взятые из природы, весьма справедливы. Рассуждение о славе нравоучительно. Противоположные сравнения солнца с тьмою, обмана с правдою, добродетели с злобою дают верное понятие о чистоте души покойного. Оборот к университету и моление с ходатайстве за него у Елисаветы кстати, ибо говорит Вергилий: чем души в жизни сей упражнялись, в том будут и по смерти. Вообще, я не могу ничего другого сказать на примечание г. автору, как похвалить его и посоветовать, чтоб больше занимался поэзиею, дабы стопосложение музыкальнее было и мысли его в плавном слоге изображались яснее. Впрочем, я надеюсь, что ваше сиятельство, не увидевшись со мною, не уедете в Москву и повезете туды с собою средства, чтоб далее сочинений моих не задерживали в типографии гг. цензоров. Пребываю с истинным почтением и таковою же нелицемерною преданностию вашего сиятельства, милостивого государя моего покорнейший слуга

Гавриил Державин.

9 генваря 1797 года

16. А. Б. КУРАКИНУ

3 марта 1798 г. Петербург

Милостивый государь князь Алексей Борисович. Покойный его высокопревосходительство Иван Иванович Шувалов, оказывая признательность свою к слабым моим сочинениям, в праздное время произведенным, убедил меня напечатать оные. Приняв первые основания наук под его начальством, из благодарности не мог я отказать ему в ничтожной сей жертве; вследствие чего первую часть отдал в его волю. Он препроводил ее от себя к его сиятельству князю Федору Николаевичу Голицыну яко куратору Московского университета с тем, чтобы напечатана была в типографии оного. Сей, не находя же в них ничего противного законам, о напечатании книг изданным, приказал отдать в типографию. Гг. цензоры по рассмотрении, хотя неосновательно, захотели некоторые пьесы исключить. Я на сие согласился; но после того, когда началось печатание, вздумали еще некоторые места не пропускать, которые

уже несколько раз прежде были печатаны. Сколько им ни было представляемо, что препятствие, чинимое ими, несправедливо, но они, ничему не внемля, желают к разрешению их сомнения отзыва вашего сиятельства. Я, прилагая при сем подчеркнутыми те строки, которые они не пропускают, всепокорнейше прошу вашего сиятельства чрез князя Федора Николаевича или чрез кого вам будет угодно приказать вразумить их, что помянутая фраза ни божескому, ни гражданскому закону, ниже самой политике не противна; тем более, когда она уже несколько раз была напечатана, то, кажется, и не вправе они воспрещать оной. Ваше сиятельство проникательным своим и просвещенным разумом согласитесь со мною, что самый ее строжайший смысл состоит в том, что похваляет она самодержавное правление, умягченное щедротами; то почему же ныне или в какое другое время мысль сия, пиитическим выражением сказанная, не может быть позволена? почему она будет противна или опасна? Я поистине недоумеваю. Бесконечно почту себя обязанным вашему сиятельству, когда благоугодно вам будет разрешить недоумение гг. цензоров.

Пребываю, впрочем, с истинным высокопочитанием и таковою же преданностию вашего сиятельства и проч.

Гавриил Державин.

С л о в а Ф е л и ц ы

Наставь меня, миров Содетель!
Да воле следуя твоей,
Тебя люблю и добродетель
И зижду счастье людей;
Да век мой на дела полезен
И славу их я посвящу;
Самодержавства скиптр железный
Моей щедротой позлащу.

17. Ф. Н. ГОЛИЦЫНУ

17 июня 1798 г. Петербург

Милостивый государь мой князь Федор Николаевич. Имею честь препроводить к вашему сиятельству экземпляр последнего моего сочинения, также и к прочим моим приятелям, которые прошу по адресу приказать разослать и тем меня одолжить. Я думаю, вы «Урну» получили, которою я посильно почтил память моего благодетеля Ивана Ивановича. Не знаю, понравилась ли она вам? Сочин-

нения мои перепортили в Москве. Кроме того, что не по тому порядку напечатали, как я приказал, и не те пьесы, коим в 1-й части быть следует, но само по себе так скверно, что истинно в руки взять не можно, и бумага, и печать плоха, и ошибок премножество. Итак, я рассудил, заплатя типографии, весь завод истребить; а поелику сим я огорчу Николая Михайловича Карамзина, которому я поручил смотрение над печатанием и который мне хороший приятель, то и хочется мне это так сделать, чтоб он и не ведал. А как типография некоторым образом под начальством вашего сиятельства, то, в надежде вашего ко мне благоприятного расположения, смею вас просить о сем деле: призвав директора типографии, спросить истинную цену, во что им стоило напечатание, заплатить деньги, которые вам с благодарностию возвращу, экземпляры все взять и предать огню. Здесь меня уверяют, что на такой бумаге, во столько листов книга более 400 рублей не стоит, а хотя и до 500, я вам их с благодарностию доставлю. Наместо этого я закажу здесь, или уже заказал, напечатать в типографии Медицинской коллегии, где очень хорошо и дешево печатают, как доказывают вам приложенные при сем экземпляры. Вы меня крайне обяжете сим, что прикажете исполнить мою покорнейшую просьбу и не оставите скорейшим уведомлением, дабы можно было, не упуская времени, начать новое тиснение. Пребываю и проч.

Гавриил Державин.

18. И. И. ДМИТРИЕВУ

11 февраля 1804 г. Петербург

Милостивый государь мой Иван Иванович! Николай Федорович Муравьев, слышав от вас, пересказал, по приязни, Ушакову, бывшему в Межевой канцелярии прокурором, что жена его, живущая с ним в несогласии и порознь, сочинила и отдала, будто для поправления в штиле, жизнь свою Николаю Михайловичу Карамзину, который отдает оную в печать, как известный писатель. В сей жизни будто госпожа автор описывает не токмо мужа, но и отца и мать свою самыми дурными красками. Сие уже здесь известно. Не незнакомы также и мне поведение всех, правила и образ жизни, особливо двух последних: первого по Департаменту юстиции, в котором он был у меня экспедитором, а второго по сенаторству. Я вас уверяю, что они нисколько не похожи на

тех злых или смешных героев, которых бы в романах на позор публики выставлять можно было, но они самые мирные и честные люди. Итак, всякая таковая на них сатира будет совершенный пасквиль, и по черноте клеветы своей не думаю чтобы нашла одобрителей, кроме людей легкомысленных, а особливо по известности теперь, что злословятся им дочерью родители. Я ее описывать вам не хочу, а коротко скажу, что она изрядная птица, которую другой отец, не столь мягкосердечный, давно бы запер в клетку. Теперь сие легко и случиться может, что когда по таковому роману обратит публика на него глаза, и он известен, кем и как роман писан, то прибегнет к правительству, которое короткий даст суд отцу с дочерью; и вспомогателям также будет стыдно. Итак, ежели дошедшая сюда история справедлива, остерегите по дружбе Николая Михайловича, чтобы он не вмешивался в сию сплетню и не давал веры развращенной женщине, которая поведением своим уже давно известна. Пребываю с почетом и преданностью.

Р. S. Я пишу о сем коротенько Николаю Михайловичу и Михайле Матвеевичу, ибо его, по Брянчанинову, замешивают в сию низость.

11 февраля 1804 года

19. И. И. ДМИТРИЕВУ

28 февраля 1804 г. Петербург

Милостивый государь мой Иван Иванович. Благодарю ваше превосходительство за письмо ваше ко мне, от 17 числа настоящего месяца пущенное. Из него легко видно, что это из невинного приятельского разговора по усугубленным пересказам и ложным слухам произошла сплетня, которая потревожила здесь отца. Он, увидя письма: ваше, Михаила Матвеевича и Николая Михайловича, убедился в истине, что это дошел до него вздор, просит извинения, и тем самым сия искра неприятности угасла, будучи никому неизвестною. Он успокоился, и вы будьте покойны. Дошел сюда приятный слух, что нашего полку прибыло; но как еще не знаю, правда ли, то и не осмеливаюсь вас поздравить. Я уверен, что вы меня сделаете участником в благополучии вашем и уведомите. Обременяю вас просьбою: покорно прошу доставить ко мне все московские журналы или ежемесячные сочинения, на сей год вышед-

шие и выходящие, и уведомить о цене. Я с благодарностью моею тотчас деньги вышлю. Г-н Ши^{шков} вызывал меня в разговорах на похвалу своей критики, сделанной им на счет новых писателей и, как кажется, более Ни^{колая} Ми^{хайловича}. Я ему отвечал, что я не грамматик, о всех тонкостях языка судить не могу, но мне кажется, что слишком пристрастны его рассуждения. Он отошел с неудовольствием. Я желаю Ни^{колаю} Ми^{хайловичу} такого же успеха в истории, как в изданных им творениях; но боюсь подражателей его, что они, выказывая свои таланты, станут слишком проповедывать те правила, которых следствия опасны. Мы видим тому примеры. Не быв в делах, они всё легко принимают и ищут только блестящего. Но мудрость заключается в середине крайностей.

28 февраля 1804 года

20. В. В. КАПНИСТУ

21 марта 1804 г. Петербург

Весьма я рад, любезный мой друг Василий Васильевич, что наконец письмо от тебя в ответ на мое по толь долгом времени получил. Слава богу, что ты и все твои здоровы. Мы также, кроме что старушка Парасковья Петровна и зять ее Козляйнов почти в одно время и в одном доме в январе скончались, что делает много неприятных нам и печальных встреч. Сбираемся весной ехать на Званку, а около июня, ежели вздумаем, к вам и, думаю, целой колонией — только как ты ни слова не пишешь к Дарье Алексеевне, то она думает, что ты сердит, и потому сама сердится, и не думаю, чтоб охотно согласилась к тебе заехать в Обуховку. Сочинения мои из Англии возвращены в первобытном состоянии, потому что к одному тому за виньеты просили там 12 000 рублей; то не по карману дорого, и для того здесь теперь прилагаю старание о напечатании их: нанял для виньетов гравера, приезжего сюда англичанина, и договорился уже за три тома заплатить 2000 рублей. Теперь на пробу в маленьком формате печатают Анакреонтические мои песни. Для истории моей, по твоему совету, буду стараться писать замечания или записки на Званке. Николай Васильевич привезет тебе копию с доклада моего и правила третейского суда, поднесенные государю императору, в которых и ты участвовал и делал замечания на его

первое основание, из коих некоторыми я и воспользовался. Пиши ко мне почаще. Жаль, что письма твои так медленно ходят. Верный твой друг всегда

Державин.

21. И. И. ДМИТРИЕВУ

5 июня 1804 г. Имение Званка

Милостивый государь мой Иван Иванович! Письмо ваше получил и радуюсь, что вам понравились безделушки, в анакреонтическом тоне написанные. Благодарю за рассылку экземпляров некоторым г<осподам>. Они удостоили меня своими стихами или журналами, то и должен был отплатить тем же продуктом. Гр<аф> Хвостов на́рочным письмом выпросил у меня позволение напечатать в своем журнале «Колесницу» и «Фонарь». Я позволил. В самом деле, куды как *зажурналилось*, и по привычке к рифме хочется сказать: *затуманилось* вместо света, которого ожидали. Например, я весьма не похваляю г. Измайлова, что он так напал в своей цензуре несправедливо и неискусно на Ильина, человека молодого, весьма с хорошими дарованиями. И кто дал право на этот диктаторский тон?.. Также читал я и все те стихотворения в переводе, о коих вы пишете, и между нами сказать (что это никуды не выйдет на сторону), весьма удивляюсь, особливо Пиндаровым одам!!! соображая их только с немецким переводом прозаическим! Что ж скажут знающие язык греческий? Как то и случилось, что при чтении их некто проворчал:

Пиндар бросал и молнии, и громы;
Кутузов же зажег пучок соломы.

В дружеском удостоверении, что это между нами остается, пребываю с истинным почтением и проч.

Г. Державин.

5 июня 1804 года

Р. S. Ежели захотите, то письма свои ко мне адресуйте в Чудов Ям к почталиону, ибо я лето целое проживу в деревне, называемой Званка, в Новгородском уезде.

30 июля 1804 г. Петербург

Любезный мой друг Василий Васильевич. На два твои дружеские письма от 2 и 17 мая теперь отвечаю, для того что и письма я получил в исходе июня, и был нездоров, да и в деревне, то и умедлил; но теперь, приехав в Петербург для свадебных праздников императорских, пишу. С начала весны не мог к вам пуститься в Малоруссию, потому что со стороны моих недоброжелателей открывались некоторые шиканы по опеке покойного Зорича; а для того ждал последствия, также и по многим внушениям; но, слава богу и государю, мы здоровы, веселы прожили все лето в деревне и завтра опять туды едем до сентября, а может быть, если время будет хорошо, и долее. На будущий год, ежели что не воспрепятствует, верно у вас постараюсь побывать. Посылаю к вам «Ябеду», которую продают из лавок, не знаю, по указу ли или без указу, но разрешения играть ее нет, и не играют, может быть, потому, что никто не просит о том; ибо теперь вкус здесь — на шуточные оперы, которые украшены волшебными декорациями и утешают более глаза и музыкою слух, нежели ум. Из них одну, «Русалкой» называемую, представляли почти всю зиму непрерывно и теперь представляют, но не так, как прежде, в единстве времени и никогда не более 5 актов, напротив того, по частям. Первую часть давали зимой, ныне зачали вторую, а там третью, четвертую и так далее, дондеже вострубит труба ангела и декорация света сего, переменяясь, представит нам другое зрелище. Вы спросите меня, как это делается? ибо где есть связь, там должен быть план, начало и конец. Но вы ошибаетесь. Представьте себе сонные грезы. Без всякого соображения и последствия, что видят, то и бредят. Вот в коротких словах описание нынешнего театра. Получили ли вы с Николаем Васильевичем Неклюдовым мои бумаги пиитические и юристические, и что вы мне на них скажете? Анна Петровна вчерась возвратилась из своего путешествия, но я ее еще не видал. Оленину говорил о Хемницеровых баснях. Он обещает и никогда ничего не делает, и это так по всем делам. Впрочем, пожелав вам всяческих благ и Александре Алексеевне целую ручку, есмь навсегда ваш верный друг

Державин.

3 сентября 1804 г. Имение Званка

Письмо твое, мой друг Василий Васильевич, от 1 августа я получил. Мне весьма приятен отзыв твой, коим ты одобряешь доклад и состав третейского суда. Бог знает, какое лучше усердие можно было показать отечеству в посту моем, чтобы отправлялось скорое и беспристрастное правосудие, как не сим способом; также и организация Сената, совокупленная с обрядом канцелярским, который было я изготовил, много б споспешествовала к управлению дел государственных; но, видно, богу не угодно было излечить нас от ябеды. Все ее защищают, как и на театре твою играть не дают, о чем я тебе уже писал. Хотя ты и пеняешь мне, что будто я к тебе не пишу, но я и самую к тебе твою комедию послал. Мы свое дело сделали. Пусть потомство увидит, что мы, ты на моральном, а я на физическом театре, шли против ябеды, хотя и не были братьями, а свояками; ибо пословица говорит: «два брата на медведя, а два свояка на кисель»; но двое друзей стоят двух братьев, как и ябеда стоит медведя, и она нас преодолела. Как быть: уши выше лба не растут. Что касается до моих сочинений, то это весьма правда, что они в печати изгажены, изуродованы; но никто в мои хлопоты не вступился. Даю тебе честное слово, что впредь не отдам ни под чье смотрение, кроме тебя, сего дела; ежели ты вступишься в мое сиротство, то много меня одолжишь. Но я не знаю, как это сделать: тебя со мною нет, а прислать к тебе — что ты с ними делать будешь? Ибо у вас и типографии нет, не говоря уже о граверах. Хочу послать в Лейпциг (ибо в Англии уже были), но не знаю, как это сделать и кому поручить. Уведомь меня, что ты об этом думаешь. Кроме анакреонтических, два тома у меня готовы, начисто переписаны, а третий начал собирать; итак, с анакреонтическими, полагая их исправить, будет четыре. Дарья Алексеевна очень довольна твоей к ней припискою и сама к тебе писала, также и к Александре Алексеевне. Мы все время прожили с ней на Званке весьма приятно; в исходе сего месяца или в октябре возвратимся в Петербург, а там посмотрим и расположим, где будущее лето жить. Анне Петровне, это правда, что я помог, ссудя из кассы графини Брюс 50 000 рублей, которою суммою, присовокупя из удельного департамента занятых 70 000 рублей, она частью заплатила долги свои, а частью ранжировала в сроки; но передо мною по сие время виновата, что не перевела

тех денег в заплату графининых долгов, как обещала, и чрез то мне сделала остуду с графиней. Пословица справедлива: ты выручи, а тебя выучат. Желая, впрочем, тебе всякого блага, целую Александру Алексеевну и детей. Верный твой друг

Державин.

24. А. Н. ОЛЕНИНУ

29 ноября 1804 г. Петербург

Я был во дворце, и государь император, подошед ко мне, спрашивал, был ли я вчерась на театре и какова мне кажется трагедия. Я и прочие другие ответствовали, что очень хороша, и он отозвался, что непременно поедет ее смотреть; мы ответствовали, что «ваше величество ободрите своим благоволением, которого подобного в России прежде не видали». «Я рад», — сказал. Я люблю автора и желаю ему успехов; чистосердечно хотел бы ему самые маленькие вещи заметить, но как сделался очень болен и лежу теперь в постели, то вы мне сделаете удовольствие, когда сообщите ему сии приятные известия и пожелаете на этих днях ко мне. С почтением пребываю.

Пятница, 25 ноября

25. И. И. ДМИТРИЕВУ

21 декабря 1804 г. Петербург

Милостивый государь мой Иван Иванович. Слышу я, что вы из деревни вашей возвратились в Москву, но не удостоили о том уведомлением вашим. Покорнейше прошу вашего превосходительства взять на себя труд, как прошлого года, выбрать на будущий для меня несколько журналов, на московской почве произрастающих. Их, говорят, у вас очень много, как прошлого лета было грибов. Но как в таком множестве были дубовики, масленики, березовики, шампинионы, мухоморы и прочие, то и не могли мы их всех употреблять, а которые для русских желудков здоровее. Шампинионы, сказывают, очень слабят, масленики делают колику, дубовики — запор, а мухоморы — уморительны; то в сем случае и полагаюсь на ваш вкус и выбор. Что будет

товар стоить, деньги с благодарностью к вам немедленно доставлю. Уверен будучи в вашей дружбе, что комиссия для вас не отяготительна, пребываю, впрочем, с истинным почтением и преданностию вашего превосходительства и проч.

Гавриил Державин.

21 декабря 1804 года

26. Д. И. ХВОСТОВУ

22 декабря 1804 г. Петербург

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович. За приглашение вашего превосходительства, для меня лестное, присылать в журнал ваш, для будущего года вами издаваемый, мои стихотворческие занятия покорно вас благодарю. Не могу вас в том, милостивый государь мой, наверное обнадежить, ибо Пегас мой издавна ленив, и я не люблю его шпорить, понуждая тогда летать, когда он не хочет; а ныне, будучи на покое, как более разнежился, то и не думаю я от него добиться полета, когда едва шагом ходит. Что же касается до того, чтоб подписаться мне для получения вашего журнала и прислать денег 12 рублей, то я писал уже о сем И. И. Дмитриеву, чтоб избрал для меня московские журналы, которые получше; а как, без сомнения, ваш будет из числа оных, то исполнится само по себе желание мое и купно вашего превосходительства. В неожиданном случае, ежели выбор его миновал ваш журнал, то извольте для меня на оный подписаться, а деньги я вам доставлю. Весьма приятно видеть анекдоты отечественные. Пребываю, впрочем,

Гавриил Державин.

27. И. И. ДМИТРИЕВУ

10 января 1805 г. Петербург

Благодарю вас за билеты, по коим журналы я московские получать буду; при сем препроводить честь имею за них 27 рублей, заплаченные вами. Вы говорите, что будто я расхулил журналы ваши; но я их уподобил только множеству грибов, которые не весьма дурное кушанье, а особливо для крепких желудков и очень хороши. А как я имею сла-

бый, то и нанял повара, который не жирно и весьма мало блюд готовит; почему и читать хочется что-нибудь покороче и повкуснее. Но свет ведь своим чередом идет; и как кого чем уверишь? Кажется, письмо мое к Павлу Ивановичу о Пиндаровом его переводе довольно ощутительно к невыгоде его сказало мои мысли; но он принял его за чистую похвалу, благодарил меня, и слышу, что им еще и хвастается. Удивляюсь я, ежели знатоки не проникли моих истинных мыслей. Хотя я и люблю правду, но говорю ее, где только по должности от меня требуется; а между нашими братьями авторами самое лучшее дело, ежели и при запахе стервы нос залегает. По сей-то самой правде и манинкий Львов, но великий надутым самолюбием, позабыв все благодеяния, мною ему сделанные, более уже ко мне не ходит. И правду сказать, как не возмериться и не поднимать носу, когда (как слышу здесь) московская публика превозносит его «Храм великих мужей». После сего советовал бы я умолкнуть и всякой лучшей рецензии. Почто глухим петь и дуть на ветер! Но, как бы то ни было, предвижу я между Москвою и Петербургом великую литературную бурю. Твердят уже здесь на театре русского Штерна; тут-то полетят громы и молнии; штыки нового и старого штиля засверкают, меж коими я, прижавшись в уголку, с истинным почтением пребываю и проч.

Гавриил Державин.

10 января 1805 года

28. И. И. ДМИТРИЕВУ

23 января 1805 г. Петербург

Милостивый государь мой Иван Иванович. Благодарю тысячу раз за примечания и поправки. Видите, как худо без друзей писать: не увидишь, как ошибешься; но ежели еще не напечатаны, то не лучше ли переправить таким образом: *«Ах! плачьте, чада, плачьте, други»*, ибо, мне кажется, тут нужно повторение, то и можно прибегнуть к обыкновенной у нашей братьи затычке. У цевницы, как и у дудки, струн нет, хотя поэзия и имеет вольность называть лады струнами, а струны ладами; но не лучше ли так: *«Но кто ж моей гитары струны на нежный будет тон спускать»*. Впрочем, ежели уж под пресс попало, то быть тому так. Пребываю с почтением и преданностью и проч.

Гавриил Державин.

23 генваря 1805 года

16 мая 1805 г. Петербург

Милостивый государь мой граф Дмитрий Иванович. Письмо вашего сиятельства от 1 числа получил и с удовольствием моим благодарю вас за оное и также за надпись ко мне, неизвестно кем в журнале вашем помещенную. Я сие поистине не заслуживаю; ибо что же останется для почтеннейших стариков наших — Ломоносова, Хераскова и прочих моих учителей? Но как угодно кому, пусть так и мыслят; науки, а паче стихотворство — республика. Я поздравляю вас с переводом Боаловой науки поэзии. Мысли чисто, кратко и сильно сказаны, и, сколько я могу припомнить, это весьма близко к автору; ибо некогда с помощью одного моего приятеля я делал было в том опыт, но, не успев, изодрал и предал огню. Мог бы я по желанию вашему прислать кое-какие мои пьесы для помещения в журнал ваш; но признаюсь вам, что не весьма хочется, ибо, предпринимая скоро издать полное собрание моих кропаний, думаю набить тем читателям оскмину и сделать от них отвращение. Стихи, как конфеты, скоро приедаются. Но должен признаться, что не мог отговориться от некоторого петербургского журналиста и, собрав некоторую мелочь, по лоскутам у меня валяющуюся, отдал ему, которую вы увидите, как слышу, скоро напечатанную в одном из петербургских журналов; то ежели такого рода вам угодны, то есть надписи на разные случаи и несколько басен, в коих я весьма неискусен или, лучше сказать, тяжел — поищу и могу ими служить. Прошу только уведомить, нужны ли, и не осудить в слабом произведении. Волхов, как, думаю, и Кубра, богаты сельскими видами; но как я никогда почти в изображении их не упражнялся, то также под старость нахожу трудным себя занять оным; а ежели что вывернется, то будучи обязан журналу вашему за выгодные или, лучше сказать, много для меня ласкательные расположения, постараюсь исполнить волю вашего сиятельства, пребывая и проч.

Гавриил Державин.

30. Д. И. ХВОСТОВУ

31 мая 1805 г. Имение Званка

Милостивый государь мой граф Дмитрий Иванович. Сейчас получил письмо вашего сиятельства от 15 текущего месяца. Усерднейше за оное благодарю. Из него вижу, что преосвященный Евгений новгородский требует моей биографии. Охотно желаю познакомиться с сим почтенным архипастырем. Буду к нему писать и попрошу его к себе. Чрез 30 верст, может быть, и удостоит посетить меня в моей хижине. Тогда переговорю с ним о сей материи лично; ибо не весьма ловко самому о себе класть на бумагу, а особливо некоторые анекдоты, в жизни моей случившиеся. Касательно же литературы, то по случаю, мимоходом некоторые краткие черты сообщил я графу А. И. М(усину)-Пушкину. Со временем дополнить можно, а вам вот что скажу:

Кто вел его на Геликон
И управлял его шаги?
Не школ витийственных содом:
Природа, нужда и враги.

Объяснение четырех сих строк составит историю моего стихотворства, причины оного и необходимость, а между тем с истинным почтением пребываю и проч.

Гавриил Державин.

31. Д. И. ХВОСТОВУ

21 ноября 1805 г. Петербург

Милостивый государь мой граф Дмитрий Иванович. Читал я в прошедшем месяце «Друга просвещения» стихи вашего сиятельства, в похвалу мою сочиненные. Не нахожу ни мыслей, ни слов довольно возблагодарить вас за ваше ко мне то дружеское расположение, а по этому самому, что заплатить хочу вам истинным и душевным чистосердечием, прошу послушать моего беспристрастного совету и не торопиться писать скоро стихов ваших, а паче не предавать их скоро в печать. Что прибыли отдавать себя без строгой осмотрительности суду критиков? Вы знаете, что не количество, а качество парнасских произведений венчает авторов. Итак, заключу тем, что, бывало, мне друзья мои говаривали:

Писания свои прилежно вычищай:
Ведь из чистилища идут в рай.

Впрочем, с истинным почтением и т. д.

Гавриил Державин.

32. И. И. ДМИТРИЕВУ

21 ноября 1805 г. Петербург

Милостивый государь мой Иван Иванович. Письмо ваше от 6 числа и портрет получил исправно, который, срисовав, с благодарностию возвратить не умедлю. Относительно стихов Дмитрия Ивановича и прочих господ, которыми они спешат наводнять их журналы, ничего другого сказать не могу, как предать их воле божией; ибо публика равнодушно их терпит. Что делать, и как их уверишь в противном их самолюбию. Однако же Дмитрию Ивановичу при благодарности моей за похвалу его мне, напечатанную в минувшем месяце в «Друге просвещения», попытаюсь сказать правду. Не знаю, сделает ли запор сия позолоченная крепительная пилюля. У нас здесь свой вития: Павел Юрьевич Львов сочинил историческое слово князю Пожарскому и Минину. В прошедший четверг в собрании авторов читали. Превеликая кипа! так что, минуя вступление и первую часть и не докончив, одною серединой занимались от 7 часов вечера до 1 полночь. Удивительное изобилие или, лучше сказать, пространное море велеречия. При всем том есть поразительные места, которые совершенную заслуживают похвалу. Это дом Шереметева или лавка щепетинных товаров и мебели прекрасных, на которые глядя, столбенеешь, не зная, которую выбрать, и в нерешимости выходишь ни с чем. Словом: *тут красота и блеск, и слово в слово арабеск*. Здесь продают старинный манускрипт под заглавием «Ковчег Русской Правды». Не знаю, известен ли он Николаю Михайловичу. Меня просили к нему его адресовать по слухам, что будто ему дано право от короны закупать такие древности для его «Истории»; а для того препровождаю я заглавие материям, в той книге находящимся. До получения от него или от вас известия я ее удержу у себя. Прошу подписаться за меня для будущего года на журнал г. Каченовского. Это правда, что он из всех лучший, а для компании ему можно взять «Ученые ведомости» и «Друга просвещения», ежели выходить будут, или какой другой вы заблагорассудите; в чем и полага-

юсь на ваш вкус. Что будет стоить, не умедлю деньги с благодарностию возвратить. Пребываю с истинным почтением и преданностию

Гавриил Державин.

21 ноября 1805 года, С.-Петербург

33. Д. И. ХВОСТОВУ

11 декабря 1805 г. Петербург

Почтеннейшее и приятнейшее письмо вашего сиятельства от 26 ноября имел честь получить. Обязан истинною благодарностию за уважение советов моих. Они проистекают не от чего другого, как из ревностного желания не токмо вам, но и общего блага; ибо частная честь и слава относится к общей, а общая к частной. Я желаю, чтоб литература наша прославлялась. Иначе же сего сделать не можно, как тем, чтобы сочинения наши переводились на другие языки; для того и надобно нам о усовершенствовании наших писмен прилагать крайнее старание; ибо неизящного перевести не будут. Вы мне приписываете особый талант и сердитесь (на *эlegantов*); может быть, и то и другое справедливо; однако же здравый разум везде одинаков, а вкус и приятность большею частию приобретаются, кажется, осмотрительностию и трудами. Кто имеет первый, то со тщанием присвоит, мнится мне, и второе. Приведенные вами стихи мои ничего другого не изображают, как превратность мира, чему истинные заслуги и таланты едва ли подвержены. Суворов на ратном поле и в хижине своей был один и тот же герой; а потому ежели вам угодно было взять в пример что-либо из моих безделок, то бы, думаю я, приличнее:

Заслуги в гробе созревают,
Герои в вечности сияют.

Вот чего, кажется, самые наивеличайшие смертные во всех родах добиваются, а потому похвала современников ненадежна, как и на хулу их смотреть много не для чего. Признаки же истинного достоинства поэтов суть: 1) когда стихи их затверждаются наизусть и предаются преданием в потомство; 2) когда апофеизмы из них в заглавии других сочинений вносятся; и 3) когда они переводятся на другие просвещенные языки. Чего вам от искреннего сердца желая, с истинным почтением и проч.

Гавриил Державин.

34. И. И. ДМИТРИЕВУ

2 марта 1806 г. Петербург

Письмо ваше от 22 числа минувшего месяца получил. Как я уже отвечал пред сим вам на просьбу г. Каченовского, то на письмо его, после мною полученное по той же самой материи, и не рассудил делать повторения к вам написанного, уповая, что вы покажете ему письмо мое, а сим и кончится смешная переписка наша, и мы будем прежнему приятели. Но из нынешнего вашего письма вижу, что по вашему совету переправил он перевод мой «Цирцеи», следовательно, он и не виноват ни в чем передо мною. Вы же как по вашей дружбе ко мне уже и прежде поправляли в стихах моих, что вам не покажется, и я нередко следовал вашим советам, то и теперь также безделка не может между нами сделать ни малейшей неприятности. Недоразумения и ошибки всем людям свойственны.

Касательно же «Девы за клавесинами», белыми стихами написанной, то мне известно отвращение ваше от сей поэзии, как от протухлой рыбы, которая неприятна вкусу вашему; то и немудрено теперь, что она г. Каченовским при первом разе была не напечатана. А потому и прошу сказать ему, что зависит теперь от вас предавать ее тиснению или оставить; однако для любящих немецкого и греческого языков безрифменную поэзию она будет в собрании моих сочинений напечатана, и вас прошу, как особого охотника до рифм, в том на меня, хотя для известной мне дружбы вашей, не погневаться, с которой, как равно и с истинным почтением, пребываю

Гавриил Державин.

2 марта 1806 года

Последняя кантата г. Мерзлякова, переведенная с Драйденовой, право, прекрасна; не знаю только, как близка с подлинником.

35. М. Т. КАЧЕНОВСКОМУ

До 20 марта 1806 г. Петербург

Милостивый государь мой Михайла Трофимович! Прекрасные и легкие стихи г. Мерзлякова не есть перевод, а подражание, и самое отдаленное, Шиллеровой «Лауре».

Прочтите с подлинником — и говорить будет не о чем. Я хотел передать землякам на их языке автора сего краткость, силу и выразительную гармонию также в стихах, но только в белых, поелику рифма на моем счету ничего не значит. Но, видно, у вас этот род не в употреблений, а может быть, и дурен; то согласно примечанию вашему, в конце журнала помещенному, прошу не печатать, как и «Цирцею», ежели уже не тиснута.

36. И. И. ДМИТРИЕВУ

8 марта 1806 г. Петербург

Милостивый государь мой Иван Иванович. Письмо ваше и при нем дружеский, а для меня весьма приятный подарок ваш в 3-й части сочинений ваших получил. Я тотчас его с крайним вниманием прочел. Нахожу ту же чистоту мыслей и приятность слога, как и в первых ваших творениях. Но, кажется, или вы наскучили стихотворством, или с намерением сокращались в некоторых баснях ваших, сжимая слишком слог оных, который при всей своей краткости в сем роде сочинений и простоте, должен быть сколько легок, столько и игрив; а для того и выскочили у меня следующие четыре стиха, которые, по дружбе моей, к вам одному только и сообщаю:

О! как сердит бывал градской наш бургомистр,
Из первостатейных кто в мещане исключался.
Досадно, что и ты талант свой крыть старался,
Из баснослова став, мой друг, эпиграммист.

Пребываю, впрочем, с истинным почтением и преданностию

Гавриил Державин.

8 марта 1806 года

37. И. И. ДМИТРИЕВУ

22 ноября 1806 г. Петербург

Милостивый государь мой Иван Иванович. Имею честь вашего высокопревосходительства поздравить с прикрасою, полученною от государя императора. Желаю вам более и более. Я вам должен два рубля за «Эстетику». Прошу

покорнейше подписаться на получение журналов и взнестъ деньги для «Вестника Европы», «Друга просвещения» и «Ученых ведомостей», а более никаких. Деньги с благодарностию, что будет стоить, доставлю. При сем препровождаю пять экземпляров нового моего продукта. Прошу по надписям доставить и тем меня одолжить. Читал я некоторую драму, как говорят, сочинения Юрия Александровича Нелединского и Сандунова. Завязка очень хитра, но, по моему мнению, не делает чести их нравственности. Но я в таковых сочинениях не знаток, а может быть, и не они писали; то и замечаю только для любопытства вашего. Пребываю с истинным почтением и таковою же преданностию

Гавриил Державин.

Ноября 22 дня 1806 года, С.-Петербург

38. И. И. ДМИТРИЕВУ

10 ноября 1808 г. Петербург

Милостивый государь мой Иван Иванович. Почтенное и приятное мне вашего превосходительства письмо от 2 числа текущего месяца получил. Весьма ласкательно мне, что вы меня вспомнили, а более, что имели намерение ко мне заехать в деревню. Как бы я был рад! Несказанно бы вы меня одолжили! Сенатские и парнасские сослужебники сколько бы кое-чего наговорили! С Анною Петровной мы иногда видимся и беседуем о вас, и как она застенчива и скромна, то всякий раз при имени вашем заикается и дрожит; это, я думаю, оттого, что столь нежного и приятного стихотворца, как вы, иначе невозможно вспомнить; но как теперь разобран чрез Неву мост, то и не могу я ее скоро видеть и поблагодарить за то, что она подала повод вам ко мне писать.

Вручитель сего письма племянник мой, сын покойного Николая Александровича Львова, который вас так любил, имеет в Москве дело по Сенату — не по департаменту вашему, но покорнейше прошу вас замолвить за справедливость его у кого-либо ваше слово. Вы меня сим много обяжете, пребывающего с истинным почтением и преданностию

Г. Державина.

Ноября 10 дня 1808 года, С.-Петербург

39. И. И. ДМИТРИЕВУ

15 февраля 1809 г. Петербург

Милостивый государь мой Иван Иванович. Услышав, что вы возвратились из комиссии вашей, препровождаю к вам и к Н. М. Карамзину по экземпляру моих сочинений, заключающихся каждый в четырех томах. Если вам не наскучат мои бредни и захотите вы прочесть драматические мои произведения, то можете вы и Николай Михайлович полюбопытствовать о том у Василья Ивановича Нелидова, которому я ныне послал трагедию мою «Евпраксию», а чрез несколько почт доставлю «Ирода и Мариамну». Вы удивитесь и, верно, скажете про себя, что я под старость ряхнулся с ума, путившись по неизвестной мне доньше дороге в храм Мельпомены; но что делать от безделья? Оды уже наскучили; итак, я хотел испытать русскую пословицу: смелым бог владеет! Пусть господа ваши критики ценят, как хотят, но дело уже сделано. Пребываю, впрочем, с истинным почтением и преданностию

Гавриил Державин.

Февраля 15 дня 1809 года, С.-Петербург

40. Н. И. ГНЕДИЧУ

1809—1810(?) гг. Петербург

Не возьмете ли вы, Николай Иванович, в воскресенье труда на себя пожаловать ко мне откушать и прочесть охотникам «Федру» мою. Ежели вам это будет угодно, то, чтоб спознакомиться вам хорошенько с рукою писца, не прикажете ли, чтоб я завтра к вам ввечеру ее прислал, дабы вы заблаговременно пробежали сию трагедию; а ежели бы принесли с собою и Гомера вашего, то бы, может быть, имели время сладостию песен ваших благоприютствовать вопли моей неискусной Мельпомены, или как вам будет сие самим угодно. Пребываю вам, милостивому государю моему, покорнейшим слугою

Гавриил Державин.

41. А. И. ТУРГЕНЕВУ

18 марта 1811 г. Петербург

Милостивый государь мой Александр Иванович. Вы просили меня от имени г. Жуковского позволить в собрании его стихотворческих произведений поместить несколько и моих од. Я позволил в том уповании, что число их будет умеренно, или, так сказать, одними выписками некоторых куплетов, а притом с примечаниями или комментариями, как то бывает в ученом свете; но, к удивлению моему, в доме у князя Голицына показали мне то собрание стихотворений, выданное г. Жуковским, в котором помещены во множестве целые мои оды, не только с какими-либо дидактическими объяснениями или разбором красот, но и вмещенными между такими, с которыми бы я наряду никогда и быть не желал. Хотя сие не могло меня не огорчить, но я тогда и виду вам не подал. Вчерась явился ко мне книгопродавец и сказал мне, что продаваемых им моих сочинений никто после издания г. Жуковского не купит, тем паче, что, кроме напечатанных уже двух его частей, еще он намерен несколько томов напечатать. Согласитесь со мной, милостивый государь мой, что таковой поступок не совсем совестен. Нигде не позволяется похищать чужие труды и обогащаться на счет ближнего. В рассуждении чего прошу покорно отписать к нему, чтоб он, кроме уже напечатанных в двух частях, не изволил впредь моих сочинений печатать и выдавать в свет совместно с другими. Ежели не благоугодно будет ему принять сего моего совета, то я принужденным найдусь просить правительство, чтоб и напечатанные отобранные были и проданы в пользу казенных учебных институтов. Я думаю, милостивый государь мой, что и вы такую мысль не похулите, дабы наказать того, кто, не хотя сам трудиться, вознамерился пользоваться чужими произведениями, которых собрать не мудрено и несколько десятков томов без всякого таланта, труда и усердия к благу общего. А когда таким образом, как я сказал, они проданы будут, то, по крайней мере, воспользуется общество. Пребываю, впрочем, с почтением ваш, милостивого государя моего, покорнейший слуга

Гавриил Державин.

Марта 18 дня 1811 года

42. А. И. ТУРГЕНЕВУ

11 апреля 1811 г. Петербург

Милостивый государь Александр Иванович. На странное письмо ваше имею честь отвечать: 1-е. Плана у вас никакого не видал на издание г. Жуковского, и быть ему не можно, потому что собрать в одну книгу разные чужие сочинения, на это в плане нет нужды. 2-е. Наименование пиес моих в нескольких немногих строках я видел, которых казалось мне весьма не много, и тогда бы только могли почесть вы их перепечатать дозволенными, когда бы реестр тот я подписал. 3-е. Во всех просвещенных народах перепечатывают сочинения по смерти их сочинителей, а не прежде; касательно же примечания, или ссылки на них, или примера из них, это водится. 4-е. Дарований г. Жуковского не отрицаю, и он их нисколько тем не приведет в совершенство, когда соберет кипы чужих сочинений и будет печатать. Какая причина побудила его собрать их? Предисловия я не читал и читать его не могу, потому что я их не имею, а покупать их не хочу. Вы сами у князя Бориса Володимировича слышали суждения многих, что выбор пиес прочих господ сочинений был неудачен. Касательно того, что я угрожал будто г. Жуковскому, то вы слишком строго приняли мое намерение просить правительство о воспрещении его издания, ибо просьба не есть угроза. Когда бы я сказал, что сам *то и то* сделаю, то бы вы могли почесть угрозою и надеяться на благотворительное правительство, что под его покровом никто никому грозить не может. А когда говорят, что будут просить его правосудия, то всякий от него имеет на то право. Пребываю с почтением ваш, милостивый государь мой, покорный слуга

Г. Державин.

43. Д. И. ХВОСТОВУ

Январь 1812 г. Петербург

Забавную записку вашу получил. Вы можете привезть *Обжоркина* вашего завтра в частное собрание ко мне ввечеру в обыкновенное время или, лучше еще того, в предварительное чтение при попечителях в наступающий вторник, то есть 23 числа настоящего месяца, и представить его общему суждению. Но притом прошу быть рассудительным

и справедливым. В повестке моей для прошлого собрания второго разряда именно я сказал, чтоб гг. члены и сотрудники привозили с собою бумаги, какие есть заготовлены для прочтения; но как вы с собою тогда ничего не привезли, то и занято было все определенное время других гг. членов и сотрудников сочиненными пиесами, а потому и не знаю я, можно ли будет без обиды от меня других поместить ваши труды. Ежели они согласятся и достойным найдется ваше сатирическое творение предпочтения пред прочими, то я готов исполнить желание ваше. В противном случае вы по благоразумию вашему извините преданного вам слугу

Державина.

44. Д. И. ХВОСТОВУ

3 января 1813 г. Петербург

Милостивый государь мой граф Дмитрий Иванович! Предлагаю я вчерась собранию послание ваше «К Стамбулову», но, к сожалению моему, примечена тут личность на счет члена, который тут же присутствовал; то это весьма неприятно. А для того и возвращаю оное к вам обратно, прося покорнейше уволить меня и впредь от таких сочинений, где чья-либо уязвляется честь. Признаюсь, и в первой вашей пиесе раскаивался, которую я по неосторожности принял, то теперь другую уже никак не могу, не подав на себя подозрения, что я участник с вами кому-либо в недоброжелательстве. Бог с вами, ссорьтесь вы как хотите, только меня в ссоры ваши не вмешивайте. Верьте, что очень прискорбно мне видеть не токмо письменные колкости друг другу, но и тайные насмешки и переговоры между сочинителями, которых у нас еще так мало. Мое правило: сказать правду в глаза, что хорошо или дурно по моему разумению; а заочно пересмежать и научать против ближнего какие-либо писать сатиры или критики несправедливые, право, не могу и не терплю, тем больше, что сам никогда на это не попускаю. Я желаю от искреннего сердца, чтоб с новым годом водворился между нашими авторами мир и согласие, о чем и вас покорнейше прося, пребываю с истинным почтением и таковою же преданностию вашего сиятельства, государя моего, покорнейший слуга

Гавриил Державин.

Генваря, 3-го дня, 1813 года

45. Д. И. ХВОСТОВУ

Февраль 1813 г. Петербург

Я пасквилем сочинения вашего не называл и в том на письмо мое к вам ссылаюсь. Что же касается до *Стамбулина* и до сочинителя эпиграмм, то известно, кто был в Стамбуле и кто сочиняет эпиграммы; а потому и очевидно, на кого вы метили. Я и прежде это видел, но, дабы не огорчать вас, не хотел вам отказать в прочтении оногo в «Беседе», думая, что мое заключение несправедливо; когда же это всем в глаза бросилось, то признаюсь, что не могу себе позволить кого-либо обижать с намерением. Извините меня в том, граф, да и вы, кажется мне, напрасно обиделись моею искренностью. Печатать же или не печатать, в том воля ваша, лишь бы я в том был не замешан. Вашего сиятельства и проч.

Гаеиил Державин.

46. В. В. КАПНИСТУ

30 декабря 1813 г. Петербург

Любезные друзья наши В<асилий> В<асильевич> и А<лександра> А<лексеевна>. Письма ваши, первое от 25 ноября о литературе, а второе после, о детях ваших, и Сенюшкино получили мы исправно. Касательно детей Дарья Алексеевна при сем особое письмо пишет, из которого вы ясно усмотрите наше к ним благорасположение и желание им добра, и что мы верно можем для них обещать и сделать и чего не можем. Я, с моей стороны, то же подтверждаю, что и она. Ежели бы я был в службе, то бы мог деятельнее поступить и доставить им службу; но теперь чрез других по просьбам наверное обещать не могу. Итак, теперь зависит от вас, положитесь ли на наше об них попечение, или усумнитесь — то состоит в воле вашей. Касательно литературы письма ваши к Томаре и к Уварову со свитком вашим тогда же отослал, когда получил. Не видал еще Сергея Семеновича и не слыхал отзыва его на вашу эпистолию ученую. Прочие бывшие у меня на празднике литераторы с визитами любопытно прочитывали оную и отозвались и так и сяк, иные за вас, а другие против вас; но вообще говорят: ежели бы не один маленький отрывок, а несколько или по крайней мере одну песнь Гомерову

переложили бы русскими стихами, тогда бы можно было увидеть красоты и достоинства вводимых вами в высокую поэзию простонародных русских песен метров, а теперь согласиться с вами затрудняются. Я также, с моей стороны, скажу, что не метры те или другие дают славу истинную поэтам, а гений, их одушевляющий. Вы, я думаю, заметили в рассуждении моем о лирической поэзии во 2-й книжке, чем древняя и новая поэзия между собою различествуют и что могут та и другая по разным вкусам нравиться и быть приятною. Благодарю вас сердечно за труд, вами предпринятый в сочинении песни наяд Волхова и Псла, но как она вся состоит из похвалы мне, то я и сохранию ее, как знак драгоценной мне дружбы вашей, в моем единственно кабинете; а «Картона» вашего и Сенюшкину песню любезной маменьке при будущем домовом собрании членов «Беседы» предложу для прочтения. Не знаю, что скажут о «Картоне», поелику многие подражания Оссиану нам представлены, а молодого поэта песнь, как нежная и приятно чувствительная, ежели не апробуется к публичному прочтению, то, конечно, уже в книжке за последнюю будущей «Беседы» напечатана будет. Мы было назначили «Беседу» 27 числа, но за жестокими морозами отложили до умеренной погоды. Не оставляю вас уведомить и что по прочтении вашего рассуждения и «Картона» услышу от гг. членов, вам сообщу основательно, не оставя и все то исполнить, чего вы в письме вашем требуете. На присланные вами письма от Сулецкого ничего другого сказать не могу, как только то, что я по вашему одобрению отдал ему мою деревенскую на Днепре экономию в совершенную его волю и распоряжение; то и надеюсь, что за надзиранием вашим не придет она в вящее расстройство, но от часу более будет исправляться и станет давать хороший доход. Мы не получили еще никакого от вас известия, дошли ли до вас наши письма: копия с письма князя Лобанова и все уведомления по делу вашему, которое еще в комитете, сколько известно, не докладовано. Впрочем, поздравляю вас и т. д.,

Гавриил Державин.

47. А. Н. ОЛЕНИНУ

Декабрь 1814 г. Петербург

Милостивый государь мой Алексей Николаевич. Надеюсь, что г. издатель «Сына отечества» некоторым образом состоит под зависимостию вашего превосходительства, а

потому и отношуся я сим письмом к вам. Г-н Галинковский, известный вам человек, жалуется на него и, как думаю, не несправедливо, что в журнале его «С(ын) О(течества)» под № 50-м он, не скажу, раскритикован, ибо критика сопрягается с *благоразумием и учтивостию*, но разруган, так сказать, своевольным и дерзким образом. Кто ему дал право называть стихи его дурными? Это публика только тем самым определить может, что не будет их читать. И что такое это значит, будто у него нет *свойства стоп, ни сочетания рифм*? Чего я поистине не понимаю, ибо рифмы могут быть не богаты, но несочетанным им быть не можно, ежели падение их созвучно. Итак, видно, что г(осподин) издатель сам не очень тверд в поэзии. Он называется Сыном Отечества, а потому, кажется, должен быть к своим соотечественникам снисходительным, а не ругать их. Словом, я этот дифирамб читал и не нашел ничего такого в нем, что бы было предосудительно; он довольно гладко и легко написан, и если не достигает совершенства, то, однако же, не таков, чтоб заслужить такое неосновательное поношение. Я уверен, что ваше превосходительство заметите г(осподину) журналисту сию его погрешность и ни с которой стороны не похвальную обиду, ближнему им учиненную. Впрочем, с истинным моим почтением и т. д.

Гавриил Державин.

48. А. С. ШИШКОВУ

12 февраля 1816 г. Петербург

Милостивый государь мой Александр Семенович. Подноситель сего письма вашему превосходительству есть самый тот, который переводил на немецкий язык сочинения вашего всемилостивейший и славный манифест, изданный сего года в 1-й день января. Если переводчик удачно изобразил ваши мысли и пред прочими переводчиками вразумительнее, то и без моей просьбы заслужит ваше благорасположение. Если ж ему в том не посчастливилось, то по усердию его в сем труде, а паче по доброму вашему сердцу помогать ближним, сколько где можно, осмеливаюсь вас просить принять его в ваше покровительство и рекомендовать по знакомству вашему кому-либо из генерального штаба государя императора. Он человек с нарочитыми способностями, хорошего поведения, честный, но бедный, так что не имеет почти с женою своею и с детьми

дневного пропитания, будучи на малом жалованье в службе Военно-сиротского дома; недурно по-русски пишет и может быть с пользою употреблен на службу. Сим вы изволите доставить оной способного человека и заслужите вечную себе благодарность.

Московский приезжий автор Николай Михайлович Карамзин будет ко мне в наступающий вторник обедать; не угодно ли и вам будет ко мне пожаловать и составить приятную компанию. Мне чрезвычайно хочется познакомиться вас. Пребывая, впрочем, с истинным почтением и т. д.

Гавриил Державин.

Я крайне нездоров.

ПРИМЕЧАНИЯ

Из наследия Державина самым ценным и интересным для нашего времени остается его лирика. В настоящем сборнике представлены наиболее значительные в художественном отношении произведения поэта, определившие его славу у современников и ближайшего потомства. Вместе с тем составители считали необходимым показать поэтическое творчество Державина во всем его многообразии. В книгу вошли также стихотворные произведения, отражающие такие особенности державинской поэзии, как аллегоричность, метафоризм, намеренная стилистическая упорядоченность, которые преодолевались поэтами пушкинской поры.

Порядок расположения стихотворений повторяет композицию последнего прижизненного издания 1808—1816 гг., подготовленного самим поэтом. Подводя итоги своего пути в поэзии за сорок лет, Державин не только произвел тщательный отбор произведений для публикации, но и продумал их взаимное расположение. Он вообще придавал большое значение тому, в каком сочетании предстанут перед читателем его стихи. Например, готовя том «Сочинений» (ч. 1, М., 1798), он просил издателя строго придерживаться порядка составленного им особого оглавления и был крайне недоволен его нарушением. В издании 1808 г. Державин отказался от общепринятого в XVIII в. жанрового принципа группировки произведений. При распределении материалов по томам, как можно понять, он руководствовался, в общем, хронологической последовательностью. Внутри томов произведения располагались скорее по тематическому принципу: стихотворения религиозного характера, стихотворения, посвященные Екатерине II, другим современникам Державина и т. д. В особый, 3-й том выделились апакреонтические стихотворения (4-й том заняла драматургия). Внутри этих подразделений Державин установил порядок и последовательность, исходя из своего понимания художественного единства целых групп стихотворений. Эта композиция, в которой сам поэт представлял свое поэтическое наследство читателям, сохраняется и в данной публикации избранных его произведений.

Несмотря на ограниченный объем раздела «Стихотворения», в нем более или менее равномерно отражены все разновидности державинской оды и легкой поэзии. Менее подробно, чем остальные жанры, представлена духовная поэзия. Датировки создания стихотворений (под

текстом) и указание на дату первой публикации (в комментарии) позволяют соотнести хронологию творчества с хронологией ознакомления читателя со стихами Державина.

Стихотворения, не вошедшие в прижизненное издание (в основном сатирического и литературно-полемиического характера), выделены в особый раздел и размещены в хронологической последовательности их создания.

В комментарии использованы «Объяснения» Державина к своим стихотворениям (закавыченные цитаты). Многие важные для понимания стихотворений факты биографии Державина отражены в его «Записках» и письмах, помещаемых в сборнике вслед за стихотворениями.

Тексты Державина печатаются по изданию 1808—1816 гг. с учетом тех уточнений, которые сделаны в изданиях: Державин Г. Р. Сочинения. С объяснительными примечаниями Я. К. Грота (т. 1—9. СПб., 1864—1883: изд. 2-е; т. 1—7. СПб., 1868—1878); Державин Г. Р. Стихотворения / Подг. текста Д. Д. Благого; коммент. В. А. Западова. Л., 1957 (Б-ка поэта. Большая сер.). Учтены также исправления, внесенные Державным в личный экземпляр издания 1808—1816 гг., сводка которых приведена в работе: Коплан Б. И. Новые тексты Державина // XVIII век. Вып. 3. М.; Л., 1948. С. 825—832; корректура этой не вышедшей в свет книги хранится в научной библиотеке Минского государственного университета. Тексты, не входившие в прижизненное издание, печатаются по изданию, подготовленному Я. К. Гротом, и по текстам «Библиотеки поэта».

Имена упоминаемых или подразумеваемых в сочинениях и письмах Державина лиц, как правило, поясняются лишь в одном месте. Эпиграфом к настоящему изданию взяты так называемые последние стихи Державина. Они были написаны им на грифельной доске за три дня до кончины (ныне — в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; текст почти осыпался) и представляют первую строфу начатого им стихотворения «На тленность».

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АП — Державин Г. Р. Анакреонтические пэсни. СПб., 1804

ВЕ — Вестник Европы

ДП — Друг просвещения

ЗС — Зеркало света

Изд. 1798 г. — Державин Г. Р. Сочинения, ч. 1. М., 1798

Изд. 1808 г. — Державин Г. Р. Сочинения, ч. 1—4. СПб., 1808

Изд. 1816 г. — Державин Г. Р. Сочинения, ч. 5. СПб., 1816

МЖ — Московский журнал

НЕС — Новые ежемесячные сочинения

Отд. — отдельное издание

ПиППВ — Приятное и полезное препровождение времени

РВ — Русский вестник

С — Собеседник любителей российского слова

СВ — Санкт-Петербургский вестник

СТИХОТВОРЕНИЯ

Бог (с. 29) С. 1784. Ч. 13. С. 125. Стихотворение было переведено на многие иностранные языки. *Без лиц, в трех лицах божества!* — «Автор, кроме богословского православной нашей веры понятия, разумел тут три лица метафизические, то есть: бесконечное пространство, непрерывную жизнь в движении вещества и неокончаемое течение времени, которое бог в себе совмещает». *Природы чин...* — законы природы. *Тварь* — творение, создание.

Властиителям и судиям (с. 32). ЗС. 1787, № 53. С. 1. Более ранняя публикация в журнале «Санкт-Петербургский вестник» (1780, № 11, с. 315) была вырезана по цензурным соображениям. Стихотворение является переложением псалма 81-го (по православной псалтири). О затруднениях, связанных с перепечаткой стихотворения, см. «Записки» (с. 378); из изд. 1798 г. оно было изъято цензурой (см. с. 422).

Праведный судия (с. 33). Изд. 1798 г. С. 18. Переложение псалма 100-го.

Фелица (с. 34). С. 1783. Ч. 1. С. 5, под загл. «Ода к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице, писанная татарским мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санктпетербурге. Переведена с арабского языка 1782». Стихотворение обращено к Екатерине II и спроецировано Державиным на аллегорическую «Сказку о царевиче Хлоре» (1781), написанную Екатериной II для внука Александра (будущего императора Александра I). В сказке Фелица (от лат. *felix* — счастливый), дочь киргизского хана, и ее сын Рассудок помогают Хлору найти розу без шипов (символ добродетели): Об обстоятельствах появления стихотворения см. «Записки» (с. 332) и письма № 2, 3. *Читаешь, пишешь пред налогом...* — Речь идет о законодательных и литературных занятиях императрицы (налой — конторка); *К духам в собранье...* — о неприязни Екатерины к масонам; *А я, проспавши до полудни...* — Под видом собственных недостатков Державин намекает на характеры и увлечения вельмож екатерининского двора; *Скачу к портному по кафтан* и далее — Г. А. Потемкин; *Лечу на резвом бегуне.* — А. Г. Орлов, любитель конских скачек и кулачных боев; *И забавляюсь лаем псов...* — П. И. Панин, увлекавшийся псовой охотой; *Я тешусь по ночам рогами...* — С. К. Нарышкин, егермейстер, организатор роговых оркестров в России; *Полкана и Бову читаю...* — А. А. Вяземский, любитель читать романы (имеется в виду лубочная сказка о Бове-королевиче и его верном Полкане). В «Объяснениях» Державин говорит, что

императрица послала каждому из вельмож по экземпляру «Фелицы», подчеркнув места, к нему относящиеся. *Что отрекалась и мудрой слыть.* — Екатерина II отклонила титул «Премудрой», поднесенный ей в 1767 г. Сенатом и Комиссией по составлению проекта нового Уложения; *Там можно пошептать в беседах...* — Здесь и далее следует противопоставление двора Екатерины II и жестоких нравов при «шутовском» дворе императрицы Анны Иоанновны; *Который брани усмирил...* — «Сей куплет относится на мирное тогдашнее время, по окончании первой турецкой войны в России процветавшее, когда многие человеколюбивые делапы были императрицею учреждения, как-то: Воспитательный дом, больница и прочие»; *Который даровал свободу...* — далее перечисляются некоторые из свобод, дарованных Екатериной II русскому дворянству и купечеству.

Благодарность Фелице (с. 40). С. 1783. Ч. 2. С. 142. Написано в ответ на получение подарка от Екатерины II за оду «Фелица».

Видение мурзы (с. 41). МЖ. 1791, № 1. С. 8. Написано в связи с прозвучавшими в адрес Державина после оды «Фелица» упреками, что он восхваляет императрицу с корыстными намерениями. *Бельт* — Балтийское море; *Пленира* — первая жена Державина, Е. Я. Бастидон; *Из теремов своих янтарных...* — упоминание Янтарного кабинета в Царском Селе; *досканец* — шкатулка, коробочка; *Сошла — и жрицей очутилась...* — Далее идет описание Екатерины, как она изображена на портрете Д. Г. Левицкого (1735—1822); *Из черно-огненна виссона...* — лента ордена Св. Владимира; *Потухший гром* и далее — символы мирного времени, так как Россия с 1774 г. не участвовала в войнах; *Довольно кадиев, факиров...* — то есть клеветников из числа светских и духовных лиц (кади — судья, факир — монах в мусульманских странах); *Что не дерут его усов...* — См. оду «Фелица», с. 38; *И, словом, тот хотел арбуза...* — намек на Г. А. Потемкина, переменчивого во мнениях и прихотливого: он посылал специальных курьеров за арбузами к обеденному столу.

На шведский мир (с. 46). Отд. 1790 и НЕС. 1790. Ч. 54, дек. С. 3. Посвящена заключению Верельского мира в августе 1790 г. *Незлобно винных ты простишь.* — Некоторые исследователи полагают, что эти стихи содержат призыв к Екатерине помиловать А. Н. Радищева; *От Орма до Невы прольются...* — «Орм, Персидский залив, где родятся дорогие перлы и песок золотой».

На взятие Измаила (с. 48). Отд. 1791 и НЕС. 1791. Ч. 58, апр. С. 3. Об истории создания см. «Записки», с. 357. Эпиграф взят из оды М. В. Ломоносова на восшествие Екатерины II. Армией под Измаилом командовал Г. А. Потемкин, штурмом Измаила — А. В. Суворов. *Пастырь вдохновенный Пред ними идет со крестом...* — «полку священник взошел первый со крестом на стену»; *Всяк Курций, Деций, Буароз!* — «Первый — всадник римский, бросившийся в разверстую бездну, чтоб утишить в Риме моровое поветрие; второй — полководец

римский, бросившийся в первые ряды, чтоб одержать победу над неприятелем; третий — капитан французский, влез во время бури на скалу вышиною в 80 сажень по веревочной лестнице и взял крепость»; *Но мняг еще стерть вражий рог...* — преодолеть силу врага; *Не посреди ль стихийных прей?* — борьбы природных стихий; *И если приступ славен к Тиру...* — «Александр Великий, отправившийся для покорения Персии, когда не мог взять на пути лежащего города Тира, то, чтоб ближе подвести стенобитные машины или тараны, запрудил он тирский залив и взял город приступом»; *Я вижу страшную годину...* — «Воспоминание несчастного для России времени, когда она около трехсот лет страдала под игом татар»; *Как змей сосет лежцарь коварный...* — «Ложный Димитрий, или Гришка Отрепьев»; *Лишь твой орел луну затмил.* — «Герб российский — орел, а турецкий — луна»; *Хин* — китаец; *Вселенной на средѹ ступаешь...* — «Разумеется Византия, или Константинополь, почитавшийся древними за центр земной»; *Иль мужа нека тень седая...* — олицетворение России, северного исполина; *рында* — «дубина или палица, орудие княжеских придворных»; *Седящая на ней царица...* — Екатерина II; *Олег* — киевский князь, взявший Царьград; *Ольга* — невестка Олега, принявшая в Византии христианство; *Ахейя спасти, Агарян стерть?* — «Ахейяне — греки, Агаряне — турки», то есть освободить греков из-под турецкого владычества; *Пророки, камни возглашают...* — «В Византии находятся камни с надписями древних восточных народов, которые пророчествуют о взятии северными народами Константинополя; мистики находят о том пророчество и в самом Священном писании»; *О вы, что в мыслях суетитесь...* — Имеются в виду Англия и Пруссия, подстрекавшие Турцию к войне с Россией; *Темир* — Тамерлан; *Блюсть ваших от Омаров муз...* — «Омар, зять Магомета, завоевавши Александрию, сжег славную библиотеку»; *Афинам возвратить Афину...* — то есть Афины под власть мудрой Екатерины; *Град Константинов Константину...* — «Константинополь подвергнуть державе великого князя Константина Павловича, к чему покойная государыня все мысли свои устремляла»; *И мир Афету водворить...* — «Афет, сын Ноев, которому на часть досталась Европа»; *Великими людьми желанный...* — «Генрих IV и многие другие большие люди желали всеобщий в Европе мир утвердить; на сей системе и поныне у многих голова вертится»; *Как Архимед создаст машины...* — «Архимед, славный греческий механик, сказал, что ежели бы нашел место, где утвердить машину, то бы он, ввернув в землю кольцо, повернул всю вселенную».

Изображение Фелицы (с. 57). НЕС. 1789. Ч. 41, ноябрь. С. 63. Стихотворение написано, когда Державин находился под судом Сената (см. «Записки», с. 355), для того чтобы напомнить о себе императрице. По завершению Державина, начало оды описывает «точно изображение императрицы, походку ее, нрав, голос и проч.» *Одень в доспехи, в брони златы...* — описание портрета Екатерины в мундире Преображенского полка, который был на ней во время переворота 1762 г.; *Норд седый* — Россия; *Поставь на сорок двух столпах...* — Имеется в виду раз-

деление России на 42 губернии; *Скрыжаль заповедей святых...* — «Наказ», данный Екатериной в 1767 г. Комиссии по составлению проекта нового Уложения; *Финн... гунн...* — «Финны и гунны — северные и восточные народы, главные, из коих Россия составила»; *Халдеям, новым чудотворцам, Мазать с духами...* — то есть масонам вызывать духов, *мазать* — кокетничать (до ареста Н. И. Новикова (1792) масонские ложи свободно существовали в России); *Чтобы с ристалища мне громы...* — упоминание о рыцарском состязании («карусели») 1766 г., устроенном Екатериной II; *Мурзы, паши и визири...* — «Под диваном здесь надо понимать Сенат, а под мурзами, пашами и визириями сенаторов и прочих, служащих с ними»; *диван* — государственный совет в Турции; *Зороастров истукан* — статуя Заратуштры, легендарного мудреца, основателя одной из древних религий. Державин подразумевает под ним Петра I как предшественника Екатерины на стезе преобразований; *Самодержавства скиптр железный...* — «Сим означается списходительное правление»; *Свинцова грифель чертами...* — карандашом; *Народы из чужих краев* — привлеченные в Поволжье и Новороссийский край колонисты; *Царя великого поставить...* — «Сим изображается постановление и открытие статуи в Петербурге, пред Сенатом, Петра Великого под именем Зороастра»; *Соломон* — библейский царь-мудрец; *Спокойно исполни дремал...* — Россия покоилась в мире; *Без ужаса пила бы яд...* — Екатерина на себе проверила безопасность оспопрививания; *Стоглаву гидру разъяренну И фуриев...* — «Под стоголавой гидрой разумеются внутренние бунты и мятежи, в разных местах произведенные известным мятежником Пугачевым, а под фуриями — мор и глад, тогда же бывшие, которые попечительными и премудрыми учреждениями государыни скоро прекращены»; *сребролунно государство... железнокаменное царство* — Турция и Швеция. В 1789 г. Россия одновременно вела с ними войну; *орел* — герб России, *луна* — герб Турции, *лев* — герб Швеции; *Никто в бою им не равнялся...* — слова вице-адмирала Вахтмейстера, взятого в плен при Гогланде; *И самое Недоуменье...* — комедия Екатерины II «Недоразумения»; *Мурза б, в восторге, в удивленьи...* — далее Державин выражает надежду на правосудие императрицы в отношении возбужденного против него дела.

На Новый год (с. 69). СВ. 1781, № 1. С. 3. *Лукулл* — богат, живущий в веge и роскоши (по имени римского богача Лукулла); *Петры и Генрихи и Титы* — Петр I, французский король Генрих IV, римский император Тит Флавий Веспасиан. К числу подобных мудрых государственных деятелей Державин относит и Екатерину II.

Решемыслу (с. 70). С. 1783. Ч. 6. С. 3. Стихотворение написано специально для журнала по просьбе кн. Е. Р. Дашковой. Посвящено Г. А. Потемкину, однако Державин рисует не столько конкретный его образ, сколько образ идеального вельможи и государственного деятеля. Имя Решемысла взято из «Сказки о царевиче Февее» (1782), написанной Екатериной II, с которой соотносятся и некоторые детали стихотворения.

Подруга Флаккова и дочь — «Подруга, или собеседница Горациева, дочь природного таланта»; Кви́нт Гора́ций Флакк (I в. до н. э.) — римский поэт, поэзия которого считалась в XVIII в. образцом естественности и простоты; *Пленил соседей без оков...* — бескровное присоединение Крыма к России; *Представь мне Решемысла в лицах...* — то есть изобрази мне иносказательно, или аллегорически, князя Потемкина; *Которые из крови сосали.* — «Сия мысль относится на бывшего любимца императрицы Анны, герцога Бирона, который жестоким своим нравом много пролил крови невинных людей»; *И не кубарит кубарей...* — не бездельничает, кубарь — волчок, юла; *Как был когда метатель грома* — указание на военные заслуги Потемкина во время русско-турецкой войны 1769 г.; *Героям шьет коты и шубы.* — «Облегчил сей полководец российскую армию, что исходатайствовал у императрицы панталоны и широкие мундиры, не пудриться и обрезать косы, которые прежде были в обыкновении по прусскому манеру, а зимой в морозы носить коты и шубы», *коты* — валяная обувь.

Памятник герою (с. 73). МЖ. 1791, № 10. С. 46. Стихотворение посвящено кн. Н. В. Репнину, победами которого после смерти Потемкина завершилась русско-турецкая война. *Кунгдзей* — знаменитый китайский философ Конфуций. Державин воспроизводит некоторые мысли о славе, вечности и т. п., ему приписывавшиеся; *Кин* — музыкальный инструмент, на котором, по преданию, играл Конфуций; *Благословись, Репнин, потомством!* — пожелание, которое объясняется тем, что Репнин не имел законных детей; его незаконным и не признанным сыном был писатель И. П. Пнин (1773—1805).

Ключ (с. 75). СВ. 1779, № 10. С. 267. Посвящено выходу в свет эпической поэмы М. М. Хераскова «Россиада» (1779), первой русской эпопеи, соответствующей правилам этого жанра. Образцом для стихотворения, вероятно, послужила ода Горация «К Бандузскому ключу». Державин отождествляет источник в подмосковной Херасковых, селе Гребнево, с Кастаньским ключом поэтического вдохновения в греческой мифологии. *Поил водой ты стихотворства.* — Позднейшей критикой стих оценивался как крайне неудачный и двусмысленный. П. А. Вяземский писал: «Вода стихотворства, говоря о поэзии Хераскова, выражение удивительно верное и забавное!»

На смерть князя Мещерского (с. 76). СВ. 1779, № 9. С. 175. Обращено к С. В. *Перфильеву* (1734—1793), одному из воспитателей вел. кн. Павла Петровича, другу Мещерского. А. И. Мещерский (ум. в 1779 г.) — «главный судья Таможенной канцелярии, был большой хлебосол и жил весьма роскошно». *Глагол времен! металла звон!* — бой часов, отмечающий ход времени; *Где пишества раздавались лики...* — застольные песни (церк.-слав. *лик* — хор певцов).

Осень во время осады Очакова (с. 79). Отд. 1788. Обращено к кн. С. Ф. *Голицыну* (1748—1810), находившемуся в армии Г. А. Потемкина под Очаковым, было послано Державиным его жене,

В. В. Голицыной (урожд. Энгельгардт), племяннице Потемкина, жившей в селе Зубриловка Саратовской губернии. *Над древним царством Митридата...* — «то есть, в Тавриде, в Крыму»; *Летает и темнит луну...* — «побеждает турок»; *Хотя вы в Стиксе не погружались...* — «Фетида, по баснословию, мать Ахиллеса, держа его за пяту, погружала его в Стиксе, чтоб был неуязвим»; *Принести в твой дом с оливой лавр* — то есть победный мир; *Ее ты дяди и отца...* — «кн. Потемкин, ее дядя, любивший ее, как отец». Современники считали, что Голицына была любовницей Потемкина.

На смерть графини Румянцовой (с. 82). МЖ. 1791, № 3. С. 269. Обращено к кн. Е. Р. Дашковой, которая «была в крайнем огорчении о женитьбе ее сына без ее позволения, в противоположность гр. Румянцовой, которая в свой долгий век много переносила горестей равнодушно», — П. М. Дашков женился ок. 1788 г. на незнатной дворянке А. С. Алферовой. М. А. Румянцова (ум. в 1788 г. на 96-м году жизни) — мать полководца П. А. Румянцова-Задунайского, начала придворную службу при Петре I. *Затмившего мать лунный свет...* — «мать того, который победил турок»; *Когда не ищешь вышней власти...* — «Княгиня Дашкова была честолюбивая женщина, добивалась первого места при государыне, даже желала заседать в Сенате»; *...сын твой с страшна боя...* — П. М. Дашков находился в действующей армии; *Фессальский насаждая сад...* — «то есть российский Парнас, или академию», — Дашкова была директором Академии наук и президентом Российской Академии, созданной для работы над словарем русского языка; *Седый собор ареопага...* — «под сим разумеется Сенат, который по делам делал ей некоторые неприятности или, лучше сказать, князь Вяземский, с которым они были неприятели»; *Аристид (VI—V вв. до н. э.)* — афинский политический деятель, имя которого стало обозначением стойкого и верного своим убеждениям человека; *Самсон согнет льву зубы, А Навин потемнит луну...* — указание на войну России с Турцией и Швецией: Самсон — библейский герой, руками задушивший льва; Навин — библейский полководец, во время битвы задержавший движение солнца; лев — герб Швеции; луна — Турции; *Я злобу твердостью сотру...* — «Автор тогда был утесняем Сенатом и сносил то равнодушно».

Любителю художеств (с. 85). Отд. 1791 и МЖ. 1791, № 2. С. 137. Написано к дню рождения гр. А. С. Строганова (3 января 1733—1811), вельможи, который «имел знатное собрание картин, принимал хорошо упражняющихся в науках и после был главный директор императорской Академии художеств»; *...как он сразил Тифона...* — Аполлон, согласно мифу, был победителем дракона Пифона; слепок со статуи Аполлона с луком работы Леохарда находится в Академии художеств.

Меркурию (с. 89). Изд. 1798 г. С. 278. Написано в связи с тем, что «автор был определен января 1 числа 1794 г. в президенты Коммерц-коллегии против его желания, ибо он никогда сей частью не занимался». *Встречать с переднего крыльца...* — «но не с заднего крыльца, то есть

со взятками»; ...*как грянет гром...* — выстрел крепостной пушки, по которому закрывалась таможня.

На Счастье (с. 90). Изд. 1798 г. С. 179. Написана в Москве, когда Державин находился под судом Сената (см. «Записки», с. 350). *Кущи* — хижины; *На шаровидной колеснице...* — Богиня счастья Фортуна изображалась на колеснице или шаре, вращение которых знаменовало превратности судьбы; *ширинка* — платок; ...*кикиморов явленья...* — «В непросвещенные времена России верили, что есть лешие, домовые и кикиморы»; ...*магницируешь...* — увлечение опытами с «животным магнетизмом»; *Из камней золото варишь...* — поиски масонами «философского камня»; *Полна земля вся кавалеров...* — обильные награждения орденами и чинами при Екатерине II; *Пред Русским ты бежишь народом...* — Далее идут намеки на успехи русской внешней политики в Турции, Крыму, Швеции, Пруссии, Англии, Польше, Голландии, Австрии, Франции, Испании, Дании и т. д.; ...*пунтируют...* (понтируют) и ...*в трантелево гнут...* — карточные термины; *ерихонцы* — подьячие; *мартышки* — масоны-мартинисты; *Витийстеуют уранги в школах...* — «Уранги — большие обезьяны; то относится сей стих на народное училище, где простолюдины говаривали на кафедрах речи» (см. «Записки», с. 345); ...*мишурные цари.* — «Тут разумеются наместники, которых все почести зависели от мановения императрицы, но они чрезвычайно дурачились, представляя ее лицо»; ...*мудрость среди тронов Одна не месит макарон...* — «В делании макарон упрямился испанский король, а в слесарной французский, Людовик XVI; под именем же Мудрости... разумеется императрица»; *И припевает зем, зем, зем...* — выражение из «Былей и небылиц», сочинения Екатерины II; *Без лат я горе-богатырь...* — нарек на «Сказку о Горе-богатыре Косометовиче» (1789) Екатерины II, осмеивавшей военные неудачи шведского короля Густава III; *Гудок гудит на тон скрипицы...* — нарек на служебные успехи И. В. Гудовича, «человека ума непосредственного»; *И вьется локоном хогол* — возвышение А. А. Безбородко, украинца по национальности; *Жить буду в тереме богатом...* — Строфа описывает попавшего «в случай» П. В. Завадовского; «он в роскошных пирах повторял часто известную оду Горация, которая начинается *Beatus*, т. е. блажен».

На выздоровление Мечената (с. 96). Отд. 1781. Написано Державиным в связи с выздоровлением И. И. Шувалова «от жестокой болезни в изъявление своей радости... В то самое время, когда получил известие о том, луна, взошед, багряным своим светом освещала воды и некто ехал по ней в лодке, а потом сделался сильный ветер, то и снята здесь самая живая картина природы». *Старик угрюмый и седой* — Харон, перевозчик душ в царство мертвых; *Фарос младых вельмож и мой!* — то есть просветитель, Фарос — древний знаменитый маяк в Александрии; *Во зраке божества молодого...* — в образе Гигеи, богини здоровья; *Перикл* — знаменитый политический деятель Афин (V в. до н. э.); *Меце-*

нат — римский патриций (I в. до н. э.), покровитель поэтов Горация и Вергилия, нарицательно: покровитель поэтов и художников; ... в *Илиаде* О Несторе, Улиссе и гом... — о легендарных героях древней Греции, воспетых Гомером в поэме «Илиада»; *Петриада* — поэма М. В. Ломоносова «Петр Великий», посвященная Шувалову (1760).

На умеренность (с. 98). Изд. 1798 г. С. 248. Первые строфы оды навеяны впечатлениями о придворной жизни в период, когда Державин занимал должность статс-секретаря. *Царств метафизикой не строя*... — намек Державина на события Французской революции 1789 г., «над которой он шутит, что философы тогдашнего времени метафизической души, воображая равенство и свободу, как пузыри, возвышаются в своих мнениях»; *Язон с Колхиды древней Златое сбрил себе руно*... — Г. А. Потемкин, получивший за присоединение Крыма титул «Таврический»; *Крез завладел чужой деревней*... — А. Н. Zubov, отец фаворита П. А. Zubova, отнявший имение у майора Бехтеева; *Марс откуп взял*... — генерал Ю. В. Долгоруков (1740—1830), державший винный откуп; *И царских сумм на святогатство*... — намек на крупные суммы, растраченные Потемкиным на любовниц и увеселения во время осады Измаила; *Средь муз с Горацием пою*... — Державин излагает в оде мотивы горацианской философии «золотой середины»; *Велел мне грамотки писать*... — В обязанности Державина входило составлять доклады по делам, поступавшим на высочайшее рассмотрение; далее он излагает свое представление об обязанностях посредника между государем и народом (см. также «Записки», с. 362 и след.); ... *хотя б чрез иашины Фортуны стал кто впереди*... — указание на П. А. Zubova, «который по любовным шашням сделался большим человеком»; *На завтра крепостей с судьбины*... — договоры с судьбой на будущее.

К первому соседу (с. 101). СВ. 1780, № 8. С. 108. Обращено к М. С. Голикову (ум. 1788), богатому купцу и винному откупщику, дом которого стоял на Сенной площади; в 1780 г. Голиков был отдан под суд за злоупотребления. *Алиатико* — итальянское вино; *вертеп* — грот, беседка; *Твоя уж Пенелопа в скуке*... — «Голиков был сибирский житель и, поехав в Петербург для снятия откупа, оставил там жену, обнадеживая ее, что скоро возвратится».

К лире (с. 103). Изд. 1798 г. С. 361. Написано ко дню именин П. А. Zubova (18 ноября). *В ком же я вижу Орфея? Кто Аристон сей младой?* — Zubov «вел себя, казалось, по-философически, то сравнен здесь потому с Аристоном... а с Орфеем — по склонности к музыке» (именем Аристона Державин обозначал то Платона, то Аристотеля, др.-греч. философов; Орфей — легендарный греч. музыкант и певец); *Астрей* — «по баснословию, богиня златого века или справедливости», подразумевается Екатерина II.

Вельможа (с. 104). Изд. 1798 г. С. 285. Непосредственно ода обращена к П. А. Румянцову, хотя задачей Державина прежде всего было сатирически изобразить придворных Екатерины II и нарисовать

на этом фоне образ идеального государственного деятеля. *Не истуканы за кристаллом...* — портреты под стеклом; *Кумир, поставленный в позор...* — на всеобщее обозрение; *перлы перские — жемчуг; бразильские звезды — бриллианты*; *Калигула! твой конь в Сенате...* — По преданию, римский император Калигула (12—41 гг. н. э.) провозгласил своего коня консулом; *Он только хлопает ушами...* — «Автор, присутствуя тогда в Сенате, видел многих своих товарищей без всяких способностей, которые, слушая дело, подобно ослам, хлопали только ушами»; *Чтоб мужу бою умудриться...* — глупому превратиться в мудреца; *Всяк думает, что я Чупятов...* — то есть не имеет истинных достоинств и заслуг: купец В. А. Чупятов, чтобы избежать долговой тюрьмы, притворился сумасшедшим и ходил обещанный бутафорскими орденами; *А ты, второй Сардаанапал!* — ассирийский царь. По преданию, двор его утопал в роскоши и разврате, Державин намекал на образ жизни Г. А. Потемкина, П. А. Зубова и других вельмож; *мусия — мозаика; Токай* — центр виноделия в Венгрии; *Цирцея* — прекрасная волшебница в «Одиссее» Гомера; *А там израненный герой...* — «Многие седые заслуженные генералы у кн. Потемкина и гр. Безбородко и у прочих вельмож сживали часто несколько часов в передней между их людей, покуда они проснутся и выйдут в публику»; *А там — вдова стоит в сенях...* — В качестве примера Державин указывает на судьбу вдовы полковника Костогорова, который «оказывал многие услуги Потемкину и был из числа его приближенных»; *бесстрашный Долгоруков* — «славный сенатор кн. Яков Федорович Долгоруков, который разодрал определение Сената, подписанное Петром I»; *...славного Камилла...* — «Камилл был консул и диктатор римский, который, когда не было в нем нужды, слагал с себя сие достоинство и жил в деревне. Сравнение сие относится к гр. Румянцову-Задунайскому»; *Румяна ввечера заря...* — «стих, изображающий прозвище, преклонность лет и славу Румянцева».

К Н. А. Львову (с. 109). МЖ. 1792, № 8. С. 105. Написано, когда Львов находился в имении Никольское Тверской губернии. Львов Николай Александрович (1751—1803) был близким другом Державина с конца 1770-х гг., центром, вокруг которого сложился львовско-державинский поэтический кружок; позднее они стали собственниками, так как вторая жена Державина (Д. А. Дьякова) была сестрой жены Львова. Львову принадлежат программы многих аллегорических рисунков к стихотворениям Державина, выполненных А. Н. Олениным. *...Градской своей подруге шлет.* — А. А. Львова (Дьякова) была близкой подругой первой жены Державина, Е. Я. Бастидон.

Водопад (с. 111). Изд. 1798 г. С. 312. Является откликом на смерть Г. А. Потемкина (5 окт. 1791), фаворита Екатерины II, видного государственного деятеля и военачальника. Кроме того, Державин ввел в оду, выдержанную в оссано-макферсоновском колорите, образ идеального героя, П. А. Румянцева, рассуждающего о тщете славы и человеческого величия, лишив, таким образом, стихотворение обычного панегири-

ческого характера и превратив его в философскую оду. *Алмазны сыплется гора...* — описание водопада Кивач в Карелии, где вода переливалась через скалы четырьмя потоками; *Стук слышен млатов по ветрам...* — отзвуки работы Кончезерского железоделательного завода; *некий муж седой* — П. А. Румянцов; *Велизар* (Велизарий) — византийский полководец (VI в.), оклеветанный и ослепленный в тюрьме; *Пред старцем преклонив рога...* — Румянцов разбил турецкие войска во время русско-турецкой войны 1769 г.; *Ограды вслед его идут...* — движущиеся каре войск; *Смирил Колхиду Златорунну...* — присоединение Потемкиным Крыма к России; *И белого царя урон Рая вечерня пред границей...* — поражение Петра I на границе России (вечерня, то есть северного рая), под Прутом; *Чей труп, как на распуты мгла...* — описание смерти Потемкина ночью, в голой степи под Яссами; *На коих древний Рим стоял...* — о планах Потемкина захватить Константинополь; *...врата Торжественные созидали...* — триумфальные ворота в Царском Селе в честь побед над Турцией; *Потух лавровый твой венок...* — Венок с бриллиантами был пожалован Потемкину за его военные победы; *гранена булава* — знак его гетманства над казачьими войсками в Причерноморье; *Меч в полножны...* — «сей стих пиитическим образом сказывает, что мир только был при Потемкине начат»; *И муз ахейских жалкий звук...* — греческая эпитафия Потемкину архиепископа Евгения Булгариса, в которой он сравнил его с Периклом; *Марон по Мсценате рвется...* — скорбная элегия в память Потемкина поэта В. П. Петрова (1736—1799), которому Потемкин покровительствовал; *Вкруг гроба Вейсмана...* — Генерал О. Вейсман фон Вейсенштейн убит за Дунаем в 1773 г. и похоронен в Измаиле, впоследствии взятом А. В. Суворовым; *Столпы на небесах горят...* — отсветы пожаров при штурме Измаила; *Алцибиадое прах* — «по роскошной жизни здесь кн. Потемкин уподобляется Алцибиаду» (Алкивиад — афинский полководец V в. до н. э.); *Взять шлем Ахиллов не робеет, Нашедши в поле Фирс?* — «Фирс, или Тирсис... превеликий трус, который, однако оуждал Ахиллеса; отношение к кн. Зубову, который, счастьем приобретши власть, осуждал иногда дела кн. Потемкина». Сравнение взято из «Илиады» Гомера; *мета* — цель; *И ты, о водопадов мать!* — «Относится к императрице, которая делала водопады, то есть сильных людей, и блистала через них военными делами или победами».

На смерть Бибикова (с. 122). Оды переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 года. СПб. 1776. С. 27. Бибилов Александр Ильич (1729—1774) — генерал, командовавший войсками, посланными против Пугачева; «он был охотник до наук, особливо до стихотворства, и под особливным его попечением была в Измайловском полку школа, из коей многие вышли с талантами люди» (об отношении к нему Державина см. «Записки», с. 302—306). *Минерва* — Екатерина II; *Не лавр исторгши у пруссаков, Не побеждаючи сармат...* — Бибилов был участником Семилетней войны и военных действий на территории Польши;

Отечество жалею больше! — «Сия были последние при смерти его слова»; Он был искусный вождь во бранях... — эту строфу предполагалось поместить на гробнице Бибикова в качестве эпитафии.

Прогулка в Сарском Селе (с. 125). МЖ. 1791, № 8. С. 125. *...И как между столбов И зданиев Фемиды... — имеются в виду памятники победам русского оружия и новые постройки, воздвигнутые Екатериной II в Царском Селе; ...Пой Карамзин!» — И в прозе... — Державин познакомился с Н. М. Карамзиным осенью 1790 г. при возвращении последнего из-за границы; восторженный отзыв отражает впечатление Державина от произведений Карамзина, появившихся в первых книжках «Московского журнала».*

Мой истукан (с. 126). Изд. 1798 г. С. 266. Обращено к скульптору Ж. Д. Рашету (1744—1809), изваявшему гипсовый бюст Державина. *Батыев и Маратов слава... — «Марат, один из бунтовщиков во Франции, подписавший смертный приговор на Людовика XVI, короля французского»; До Герострата только шаг... — По преданию, Герострат (IV в. до н. э.), чтобы оставить свое имя в веках, сжег храм Дианы Эфесской; ...Филарет, И ты, друг правды, Долгоруков! — Федор Никитич Романов (потом патриарх Филарет), отец Михаила, первого царя из династии Романовых, известный твердостью характера, Я. Ф. Долгоруков (1659—1720) — сподвижник Петра I, «он, ничего не боясь, говорил правду, так что иногда государь Петр I от него бегал»; Румянцова лица ваятель... — Рашет был также автором статуи П. А. Румянцева; Мои безделки... — Державин далее перечисляет свои общественные заслуги: «будучи сенатором и после генерал-прокурором, защищал, сколько можно, закон и правду, отирал сиротские, вдовьи слезы»; В пыли валялись и Омиры — то есть даже таких писателей, как Гомер, потомство иногда предаёт забвению; И пальмы взвесит и перуны... — решит, правильно ли он выбирал героев, миротворцев и полководцев, для своих песнопений; Смотри на образ Марафона... — на изображение Мильтиада, греческого полководца, победителя при Марафоне; Отдаст Арману Петр полтрона... — «Когда Петр I был в Париже и увидел бюст Армана Ришелье, то, обняв его, сказал: «Великий муж! ежели бы ты был у меня, то я отдал бы тебе половину царства, чтобы ты научил бы меня править другой»; В их урнах фениксы взрождаются... — дела и замыслы великих людей, подобно птице Феникс, возрождаются в потомстве; Его в серпанный твой диван... — «У автора в одной комнате был диван, обитый серпанкой, где пред зеркалом стояли два бюста, его и первой жены его, сделанные Рашетом».*

Ласточка (с. 132). МЖ. 1792, № 12. С. 193. В 1794 г. стихотворение было несколько переработано и посвящено умершей жене, Е. Я. Бастидон. *Хладя зимою, как лед.* — Имеется в виду народное поверье, что к зиме ласточки засыпают, а весной пробуждаются.

Флот (с. 134). ПиППВ. 1795. Ч. 7. С. 7. Написано по случаю выхода в поход союзной эскадры под русским флагом против фран-

цузского флота. *Ширинки с шлемов...* — зимние наушники для военных касок; *И гидр милейных бледный сонм...* — «Франция имела прежде в гербе своем белые лилии, то гидр сонм в оных означает революционные клубы и собрания»; *Людеиг* — король Людовик XVI.

П р и г л а ш е н и е к о б е д у (с. 134). Изд. 1798 г. С. 371. Было послано в качестве приглашения на обед А. А. Безбородко, И. И. Шувалову, П. А. Зубову и ряду других лиц. *Каймак* — топлёные сливки; *благодетель давний...* — Первоначально строфа относилась к Шувалову, затем была переадресована Безбородко; *Хотя им вся покойна тварь* — то есть страна живет в покое благодаря заботам царя; *А если ты, иль кто другие...* — По объяснению Державина, строфа относилась к П. А. Зубову, который так и не приехал, «но пред обедом прислал сказать, что его государыня удержала».

С о л о в е й (с. 136). ПИППВ. 1795. Ч. 6. С. 380. *Тимотей* — «Тимофей, славный музыкант греческий, который играл на лире пред Александром Великим и возбуждал его страсть к Таисе, его любовнице, или к войне, так что он в восторге схватывал копьё».

П а в л и н (с. 138). ПИППВ. 1795. Ч. 8. С. 6. По словам Державина, «вообще сия ода относится на вельмож безумных, кичащихся своею пышностью»; *Пеликана добродетель...* — птица «столь милосердная и жалостная, что, источая из груди своей кровь, кормит ею детей своих». *Сей Феникс* — сказочная птица, здесь употреблено иронически.

Г о р е л к и (с. 139). Изд. 1808 г. Ч. 1. С. 310. Случай, послуживший поводом для создания стихотворения, рассказан в «Записках» (с. 364). *О! вы, рожденные судьбою...* — обращение к вел. кн. Александру и Константину Павловичам.

Н а р о ж д е н и е ц а р и ц ы Г р е м и с л а в ы (с. 140). Изд. 1798 г. С. 391. Написано ко дню рождения Екатерины II (21 апреля) и обращено ко Льву Александровичу Нарышкину (1733—1799). Родственник царской семьи (мать Петра I была из рода Нарышкиных), он занимал почетную должность обер-штабмейстера (начальника дворцовых конюшен), был гостеприимным хозяином и человеком легкого и шутивого характера (за что в общем мнении считался шутю). Гремиславой Державин называет в стихотворении Екатерину II. *Живи и жить давай другим...* — любимое выражение Екатерины II (см. также «Записки», с. 373); *Подчас и кубари спускал...* — Нарышкин, «забавляя императрицу, нередко пред ней шучивал и нечаянным образом спускал пред ней кубари» (волчки); *В семье твоей — как Авраам!* — Нарышкин был многодетен; *Пред дом твой соберется чернь...* — В праздники перед домом Нарышкиных устраивались качели для простонародья.

Храповицкому (с. 143). Изд. 1808 г. Ч. 1. С. 317. Обращено к А. В. Храповицкому (1749—1801), сослуживцу и приятелю Державина; он «был хороший стихотворец и прозаический писатель, который ввел легкий и приятный слог в канцелярские дела». Будучи одновременно статс-секретарями, они в царскосельском дворце жили в соседних ком-

натах; ...*владычице киргизской*... — Екатерине II; *И был — гудком — Давно Мурза* — то есть с помощью поэзии, од в честь императрицы, попав бы в вельможки; *меня внушал* — вдохновлял; *омофор* — освященный покров, который набрасывают на исповедующегося, давая отпущение грехов; *Якобий* — губернатор Сибири, см. о его деле в «Записках»; *Логин* *И. В.* — петербургский купец и откупщик, присвоивший казенные деньги; Державин добился его осуждения.

Памятник (с. 144). ПИППВ. 1795. Ч. 7. С. 147. Стихотворение завершает 1-й том «Сочинений» 1808 г. Представляет подражание оде Горация «К Мельпомене» (переведена М. В. Ломоносовым в его «Риторике»). Самое существенное отличие автохарактеристики Державина от образца подчеркнул Н. Г. Чернышевский: «В своей поэзии что ценил он? Служение на пользу общую... Гораций говорит: «я считаю себя достойным славы за то, что хорошо писал стихи»; Державин заменяет это другим: «я считаю себя достойным славы за то, что говорил правду и народу, и царям».

На тещету земной славы (с. 145). Изд. 1808 г. Ч. 2. С. 10. Вольное переложение 48-го псалма.

Радость о правосудии (с. 146). Изд. 1808 г. Ч. 2. С. 15. Является переложением 74-го псалма.

Урна (с. 147). Изд. 1808 г. Ч. 2. С. 56. Написано в связи со смертью И. И. Шувалова (1727—1797) 14 ноября. *Сраженного косою Сатурна*... — «Сатурн, отец Юпитеров, или Время, а в урнах у древних хранился прах сожженных тел»; *Медицис* — Лоренцо Медичи, покровитель ученых и художников в средневековой Флоренции; *Вслед выпретенных певцов держает*... — «то есть вслед высоко летающих лебедей, которые, по баснословию, воспевают прекрасно предсмертные себе песни»; *Ты видел смертных, слышал их*... — «Он выслушивал всякого и даже самых беднейших людей, к нему приходящих, не уподобляясь истукану или некоторым вельможам».

О удовольствии (с. 150). Изд. 1808 г. Ч. 2. С. 64. Переложение 1-й оды из 3-й книги од Горация, в прямом смысле ода посвящена «довольству малым». *Судят при* — разбирают тяжбы, споры; *Медведица, Лев* — созвездия, заход одного и восход другого предшествовал в Риме наступлению зимы.

На ворожбу (с. 152). Изд. 1808 г. Ч. 2. С. 68. Подражание оде Горация «К Левконое». *Халдеейским мудрованьем знать*... — «Астрологией, ибо первые халдеи изобрели как астрономию, так и астрологию».

Похвала сельской жизни (с. 153). Изд. 1808 г. Ч. 2. С. 70. Подражание 2-му эподу Горация; как определил Державин — «сообразна с русскими обычаями и нравами». *Пружки* — капканы; *коновка* — деревянная кружка; *Петров день* — 29 июня, разговенье после поста; *Тогда-то устрицы го-гу*... *фрикасе, рагу*... — «Охотники до устриц и дичи любят с запахом оные кушать, что называется по-французски го-гу, или высокого вкуса; фрикасе и рагу — тоже известные красные соусы»; *му-*

шли (нем.) — моллюски; *Зреть карду с тучными волами...* — «Кардой называется в понизовых провинциях зимняя загородка для скота, куда в красный день выпускают скотину».

А ф и н е й с к о м у в и т я з ю (с. 155). Изд. 1808 г. Ч. 2. С. 76. Посвящено Алексею Григорьевичу Орлову-Чесменскому (1737—1808). В день переворота 1762 г. он привез Екатерину II из Петергофа в Петербург, участвовал в убийстве Петра III; под его командованием русский флот одержал победу при Чесме. Орлов отличался огромной физической силой, «был великий борец и кулачный боец», участвовал в конских скачках. *На бурном видел я коне...* — Орлов возглавлял «турецкую кадриль» во время рыцарского праздника 1766 г. в Петербурге; *Минерву удержал в паденье...* — На катаниях с искусственных гор в Царском Селе Орлов остановил падающую коляску императрицы. *Я зрел в ареопаге сонм...* — Речь идет о первых годах правления Екатерины II, когда, по мнению Державина, «были люди мужественные, отправляющие по тогдашнему времени с всевозможною справедливостию и бескорыстием дела»; *кулибинский фонарь* — изобретение И. П. Кулибина, механика-самоучки; *горел от зарь* — «то есть имел таланты, свыше данные»; *Опришь на них — и не солома.* — «Были подпорой государства люди твердые, и не так, как Зубов, в то время подобный соломе, которая тотчас гнулась, кто на нее опирался»; *Не по опушке добродетель...* — «Не лентами то есть отличалось достоинство, а делами».

На возвращение графа Зубова из Персии (с. 159). ДП. 1804, № 9. С. 187. Валериан Зубов (1771—1804), младший брат фаворита П. А. Зубова, был в 1796 г. направлен с армией на Кавказ, чтобы открыть России путь в Индию. Ода была написана после того, как Павел I отстранил Зубова от командования и ему было определено жить в деревнях под гласным полицейским присмотром. «К сочинению сей оды повод был следующий... Кн. С. Ф. Голицын упрекнул автора той одой, которая на взятие Дербента Зубову сочинена, сказав, что уже теперь герой его не есть Александр и что он уже льстить не найдет за выгодное себе. Он ему отвечивал, что в рассуждении достоинства он никогда не переменит мыслей и никому не льстит, а пишет истину, что его сердце чувствует. «Это неправда, — отвечивал Голицын. — Ныпче ему не напишешь». — «Вот увидите». Поехав домой, сочинил сию оду в то время, когда Зубов был в совершенном гонении, которая хотя и не была напечатана, но в списке у многих была». Поводом для публикации, по-видимому, стала смерть В. Зубова. *Внизу, вверху ты видел всё...* — Зубовы принадлежали к малозаметной дворянской семье; *Железные Врата* — буквальный перевод названия Дербента; *В тебе я Александра чтл!* — Александр Македонский со своими войсками также был на побережье Каспийского моря; *Познать премудрость царств иных...* — Зубов собирался ехать за границу для получения образования; *Исправь поступки юных лет...* — «Он был весьма расточительный человек и пристрастен к женщинам, коих часто переменил».

Капнисту (с. 163). Изд. 1808 г. Ч. 2. С. 93. Обращено к Василию Васильевичу Капнисту (1758—1824), другу Державина. Подражание 16-й оде 2-й книги од Горация. *Торока* — ремни, которыми привязывается груз к седлу; *Век задунайского узяя...* — Румянцов-Задунайский умер в декабре 1796 г.; *Рымникского печален стал...* — А. В. Суворов-Рымникский при Павле I попал в опалу и был сослан в село Кончанское; *Милена* — имя, под которым Державин упоминал в стихах свою вторую жену, Д. А. Дьякову.

На победы в Италии (с. 165). Отд. 1799 и Новости. 1799, № 6. С. 124. Посвящено первым победам Суворова над французскими войсками и взятию Милана. *Ударь во серебряный, священный...* — «Древние северные народы, или варяго-русы, возвещали войну и собирались на оную по ударению во щит, а *Валками* назывались у них военные девы или музы»; *Но кто там...* — «Варяги некогда по Сене приходили в Галлию под стены Парижа... Предводительствовал теми варягами их великий князь Рюрик»; *В Валкале звук своих побед...* — «По древнему варяго-русскому баснословью, герои их по смерти своей торжествовали свои победы в Валкале, то есть в раю»; *Сбылось пророчество...* — Державин имеет в виду свои стихи из оды «На возвращение графа Зубова из Персии», относившиеся к Суворову: «Еще горит его звезда».

На переход Альпийских гор (с. 166). Отд. 1800. Посвящено переходу войск А. В. Суворова через перевал Сен-Готард осенью 1799 г. *Оссиан* — «поэт и полководец каледонский», вымышленный древний бард, от лица которого Дж. Макферсон написал свои «Песни Оссиана»; *Мораи* — «полководец каледонский, а царями царей называли они римских цесарей, которые с ним вели войну»; А. *Массена* (1758—1817) — французский генерал, участник итальянской кампании; *Во след молодой плетец орлин...* — При войсках Суворова находился вел. кн. Константин Павлович; *Гозоно* — «мальтийский кавалер, убил страшного дракона, опустошавшего землю»; *Евгений* — принц Савойский, австрийский полководец, также прославившийся переходом с войсками через Альпы; *Леопольд* — австрийский герцог, потерпевший поражение от швейцарцев в 1315 г.; *Русса* — река в Швейцарии; *Секвана* — Сена; *Цинцинат* — «полководец римский, который был столь не самолюбивый и бескорыстный человек, что часто после предводительства победоносного войска возвращался в свою хижину и принимался за свою соху».

Снигирь (с. 174). ДП. 1805, № 6. С. 186. Написано на смерть А. В. Суворова. Державин следующим образом объяснил обстоятельства создания стихотворения: «У автора в клетке был снигирь, выученный петь одно колено военного марша; когда автор по преставлении сего героя возвратился в дом, то, услыша, что сия птичка поет военную песню, написал сию оду в память столь славного мужа». *Пойдем войной на Гиену?* — «Разумеется революционный дух Франции»; *Скиптры давая...* — В освобожденных Суворовым от французских республиканских войск областях восстанавливались монархические формы правления.

Б у р я (с. 175). Изд. 1808 г. Ч. 2. С. 121. Об обстоятельствах создания стихотворения см. «Записки», с. 343.

Х р а п о в и ц к о м у (с. 175). Изд. 1808 г. Ч. 2. С. 122. Написано в ответ на стихотворное послание Храповицкого к Державину от 29 марта 1797 г. после прочтения рукописи «Сочинений» 1798 г. В нем Храповицкий писал, напоминая стих из оды Державина «На умеренность»:

Люблю твои я стихотворства:
В них мало лести и притворства,
Но иногда — полы лощишь...
Я твой же стих напоминаю
И сам поистине не знаю,
Зачем ты так, мой друг, грешишь.

...Я лишь в том, что я орел. — Ответ на заявление Храповицкого: «Орел державный ты, я — пташка»; *Днесь скрывать мне тех бесчестно...* — Храповицкий предлагал Державину изъять из издания стихотворения в честь Зубовых и Г. А. Потемкина, которых не любил Павел I:

Но Зубовых дела не громки,
И спрячь Потемкина в потемки:
Как пузырьрей, их свет ветр.

К о л е с н и ц а (с. 176). Отд. 1804 и ДП. 1804. Ч. 3. С. 8. Написана как отклик на сообщение о казни французского короля Людовика XVI, переработана под влиянием известия о казни по приказу Наполеона герцога Энгиенского (1804). Развернутый Державиным в оде сюжет «конь и всадник» широко разрабатывался русскими баснописцами. В «Друге просвещения» оду сопровождало примечание: «Не было бы удивительно, если бы несчастье Франции произошло от софистов, или суетумудрых писателей, а также от поступков злобного государя; но когда народ был просвещен истинным просвещением и правительство было кроткое, то загадка сия принадлежит к разрешению глубокомысленных политиков». *Буцефал* — лошадь Александра Македонского; здесь: могучие кони; *...на коей тяжку руку...* — Имеется в виду единоличное правление Наполеона, уничтожившего Французскую республику.

Ф о н а р ь (с. 179). ДП. 1804, № 7. С. 3. Название оды наваяно популярным в начале XIX в. «волшебным фонарем» (эпидиаскопом; упоминается также в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская»). Строфы оды, посвященной теме суеты мира, представляют как бы сменяющие друг друга на экране картины. *Озетить* — высмотреть; *лысь* — рыба кожа; *ужасный зверь* — здесь описывается кпт; *туком угобзя* — удоблив перегномом; *Простер десницу на корону...* — Имеется в виду Наполеон, в эти годы откровенно стремившийся к единоличной власти.

О л е н и я у (с. 183). Изд. 1808 г. Ч. 2. С. 180. Обращено к А. Н. Оленину (1763—1843), члену дружеского литературного кружка Державина в 1790-х гг.; знаток искусств и рисовальщик, он выполнил рисунки к сочинениям Державина, хлопотал об изготовлении гравюр к изданию; в этой

связи Державин и называет его «моей поэзии изограф», то есть художник, изобразитель. *Рашкуль* — угольный карандаш для рисования; *Представь мне воина идуща...* — При отсылке рисунков в Англию для изготовления гравюр был утрачен рисунок к оде «На взятие Измаила», строфа является программой этого рисунка, который Державин просил Оленина восстановить; *И за зеркалом...* — то есть за судейским столом; *зерцало* — призма с указаниями о правосудии, была обязательной принадлежностью судебных мест; *Три дочери* — поэзия, живопись и музыка; *Пришли в полночь...* — на север, в Россию; *Пойдем Сатурна побеждать!* — то есть трудами спасемся от забвения.

К Скопихину (с. 185). ДП. 1805, № 4. С. 7. Представляет подражание 2-й оде 2-й книги од Горация. «Под именем Скопихина, — объяснял Державин, — разумеется Собакин, миллионщик, но весьма скупой». *И тот Демидов...* — Павел Григорьевич (1738—1821); кроме пожертвований в пользу Московского университета, известен организацией Демидовского лицея в Ярославле; *Шереметев* Николай Петрович, граф (1751—1809), — учредитель Странноприимного дома для бедных в Москве; *Держа Владимиров равенство...* — «купец петербургский, торговавший во время императрицы Елизаветы, который, быв великий капиталист, не давал утешать иностранным купцам русских».

Ко второму соседу (с. 186). Изд. 1808 г. Ч. 2. С. 196. Обращено к М. А. Гарновскому, управляющему делами Г. А. Потемкина, который строил дом рядом с домом Державина на Фонтанке. ...*мрамор Тифды и Рифея...* — добытый в мраморных ломках в Карелии и на Урале; *глазмей* — сорт цветочного китайского чая; *Во стойлы конски обратят...* — При Павле I дом Гарновского был взят за долги владельца в казну и приспособлен под конногвардейские конюшни; ...*сокровищи Тавриды...* — После смерти Потемкина Гарновский попытался вывезти из недостроенного Таврического дворца часть обстановки; *хижина Петра* — домик Петра I в Петербурге; *Свят дом, под кой народ гробницы...* — предание о том, что дом боярина Артамона Матвеева (1625—1682) был построен на фундаменте из камней, принесенных любившими его москвичами с могил своих предков.

Зима (с. 188). Изд. 1808 г. Ч. 2. С. 202. Обращено к П. Л. Вельяминову (ум. 1805), другу Державина. *Ах! где хариты?* — вел. кн. Александра (ум. 1801) и Елена (ум. 1803) Павловны, которым было посвящено стихотворение Державина «Хариты»; *Хлор* — Александр I; *Добрада* — вдовствующая имп. Мария Федоровна, в ведении которой находились воспитательные и благотворительные заведения.

Время (с. 189). Изд. 1808. Ч. 2. С. 204. Обращено к Н. А. Дьякову, губернскому прокурору, шурина Державина по второй жене. *Хотя адепты Пьют бессмертья эликсир...* — «Масоны самой высочайшей степени, начальники лож масонских, к которым Дьяков принадлежал».

Весна (с. 191). Изд. 1808. Ч. 2. С. 207. Послание к Ф. П. Львову (1766—1836), служившему в канцелярии Министерства коммерции.

Фавон — название западного ветра у римлян; *...валит в лукоморье...* — на веселый праздник в Екатерингофе; *Ревель что дал и Кронштадт...* — порты с таможенным досмотром; Львов ведал конфискацией незаконно ввозимых товаров, в связи с чем ходили слухи о его недобросовестности; *В свертках травы...* — в оплетенных бутылках.

Память другу (с. 192). ВЕ. 1805, № 4. С. 299. Посвящено памяти Н. А. Львова (ум. 27 декабря 1803). *Воздвигнув из земли громады...* — Львов проагандировал так называемое «землебитное строение»; *...дух поэзии русской древней, С кем, вторя, он Добрыню пел...* — поэма Львова «Добрыня», написанная в духе русских былин; *Кто памятник над мной поставит...* — Будучи моложе Державина, Львов обещал соорудить поэту памятник; *Лиза* — любимая племянница Державина, Е. Н. Львова, жившая потом у него в доме.

Лето (с. 193). ВЕ. 1805. С. 107. Обращено к И. И. Дмитриеву, который, как думал Державин, проводил лето под Сызранью. На самом деле летом Дмитриев не выезжал из Москвы и сразу же ответил поэту посланием «К Г. Р. Державину» («Бард безымянный...»).

О с е н ь (с. 194). ВЕ. 1805, № 33. С. 189. Обращено к Н. С. Ярцеву (1737—1819), мужу сестры Н. А. Львова. *...если с Урала златые ключи...* — Ярцев долгое время был начальником Екатеринбургских золотых приисков.

О б л а к о (с. 195). Отд. 1806. Антонин — Марк Аврелий (II в. н. э.), римский император, имевший репутацию мудреца на престоле; *Эпиктит* (Эпиктет) — греческий философ-стоик (I—II вв. н. э.), который был рабом.

Евгению. Жизнь Званская (с. 198). ВЕ. 1807, № 16. С. 268. Обращено к епископу старорусскому Евгению (Е. А. Болховитникову), который посещал Державина в Званке. *Варашки* — бекасы; *гром желн* — стук дятлов; *...пар... манчжурской иль левантской* — чая или кофе; *Дивлюся в Вестнике...* — в журнале «Вестник Европы», дававшем обзор событий войны с Наполеоном; *по биркам, по костям* — то есть на счетах; *Квинт Гораций Флакк, Пиндар* — римский и древнегреческий поэты; *...в зеркало времен...* — «зеркало времен здесь называется история»; *И лица, воронка...* — светлый и темный хмельные напитки из меда; *Древ русских сладкий сок...* — домашнее вино из березового и яблочного соков; *Пернатый к потолку лаптой мечу леток...* — игра в волан; *...в стекла оптики...* — в волшебный фонарь, энидиаскоп; *...в мрачном фонаре...* — через камеру-обскуру; *Иль смотрим, как вода...* — Далее описываются лесопильня, паровая машина, прядильная и ткацкая фабрики в Званке, на которых работали машины, выписанные из-за границы ямп. Марией Федоровной; *тихогром* — буквальный перевод слова «фортепьяно»; *Темиру носому под Пултуском, Прейсиш-Эйлау...* — победы над армиями Наполеона под Пултуском и Прейсиш-Эйлау; *И скрыл орла седого славу* — замена гр. М. Ф. Каменского в качестве командующего войсками генералом Беннигсеном; *...взойдешь*

на холм тот страшный... — По преданию, холм в Званке был могилой новгородского волхва, по имени которого названа река Волхов; ...*святым своим железом...* — епископским посохом; *Через Клии воскресишь со-гласья.* — Евгений собирал материалы для исторического словаря русских писателей; *Здесь Бога жил певец, Фелицы* — то есть автор од «Бог» и «Фелица».

Ле б е д ь (с. 205). Изд. 1808 г. Ч. 2. С. 315. Подражание оде Горация «К Меценату». Стихотворение завершает 2-й том. *В двояком образе нетленный, Не задержусь в вратах мытарств...* — то есть нетленный «по бессмертной душе и сочинениям» быстро пройдет через чистилище; *Средь звезд не превращусь я в прах...* — «Средь звезд, или орденов, совсем не сгнию так, как другие»; *Чтобы услышать богу песнь.* — «Здесь автор разумеет оду «Бог», им написанную».

На рождение в Севере порфи́рородного отрока (с. 206). СВ. 1779, № 12. С. 410. Написана ко дню рождения вел. кн. Александра Павловича (12 декабря). *Родился — и в ту минуту...* — Державин обыгрывает то обстоятельство, что этот день (23 декабря по новому стилю) является днем солнцеворота; *С их ты матерью равняюсь...* — с Екатериной II.

Х а р и т ы (с. 208). Муза. 1796, № 2. С. 97; М. 1796. Кн. 1. С. 117. Написано на русскую пляску вел. кн. Александры Павловны и Елены Павловны в тронной зале Зимнего дворца в первый день святок 1795 г. *Хариты или Грации* — богини красоты; *И Минерва важным взором...* — Екатерина II; *Видел внук...* — то есть вну́чек (мн. число от внука).

К Музе (с. 209). Аониды. Кн. 2. — М., 1797. С. 271. Написано к пасхальному воскресенью (5 апреля), в которое совершалась коронация Павла I; первоначально было обращено к Д. А. Дьяковой. ...*роз кусты смеются в люльках...* — на клумбах.

П р и ш е с т в и е Ф е б а (с. 210). АП. С. 17. Вольное переложение «Гимна Аполлону» греческого стихотворца Дионисия (II в. до н. э.), приуроченное к возвращению из Москвы имп. Павла I в мае 1797 г.

Р а з в а л и н ы (с. 211). Изд. 1808 г. Ч. 3. С. 30. Ранее, по свидетельству Державина, было опубликовано в Саксонии высланным из России гр. А. Г. Орловым. Представляет аллегорическое описание Царского Села, переставшего при Павле I быть летней резиденцией двора и приходившего в запустение. *Киприда* — Екатерина II.

К А н ж е л и к е Кауфман (с. 213). Изд. 1798 г. С. 346. Написано по случаю второго брака Державина с Д. А. Дьяковой (в стихотворении — *Милена*, в отличие от первой жены — Пленеры). Описывается «портрет второй жены автора и отнесен потому на имя Кауфман, что сия живописница писала обыкновенно фигуры свои высокие и стройные с греческими лицами». Анжелика Кауфман (1741—1807) — немелкая художница-портретистка.

К л и р е (с. 214). АП. 1804. С. 51. Вольная переработка 1-й оды Анакреона, «похвала Румянцову и Суворову, когда первый

скончался, а второй находился под гневом императора в его деревне».

К самому себе (с. 215). АП. С. 52. О создании стихотворения см. «Записки», с. 386.

Потопление (с. 215). Муза. 1796, № 8. С. 152. Поводом к созданию стихотворения послужила смерть Ф. М. Дубянского (см. письмо № 12).

Крезов Эрот (с. 216). АП. С. 56. Державин описывает статую Эрота, бога любви, находившуюся в доме известного богача гр. А. А. Безбородко.

К Эвтерпе (с. 216). МЖ. 1791, № 4. С. 3. Эвтерпа, по определению Державина, «муза песней или оперы». Стихотворение обращено к М. Л. Нарышкиной «по случаю пляски, бывшей на мызе у И. И. Шувалова 1789 г. августа 24 дня», где присутствовал Г. А. Потемкин. Нарышкина пела и играла на арфе. Стихотворение намекает на уменьшение придворного влияния Потемкина при новом фаворите, П. А. Зубове, и на его возможный брак с Нарышкиной.

Пчелка (с. 218). Аониды. Кн. 2.—М., 1797. С. 140.

Геркулес (с. 218). АП. С. 63. *Мальчиков крылатый строй* — божки любви, амуры, купидоны.

Купидон (с. 219). АП. С. 68. Подражание 3-й оде Анакреона, ранее переведенной М. В. Ломоносовым.

Соловей во сне (с. 220). АП. С. 72. В доказательство «изобилия и мягкости» русского языка написано Державиным без употребления буквы «р». *Калиста* (Каллисто) — нимфа, одна из любовниц Зевса; здесь: возлюбленная.

Рождение Красоты (с. 221). АП. С. 74. В основе стихотворения греческий миф о рождении богини красоты Афродиты из морской пены. *Ганимед* — виночерпий на пирах богов.

Дар (с. 222). АП. С. 78.

Желание (с. 223). АП. 1804. С. 79. Обращено ко второй жене, Д. А. Дьяковой.

Гостю (с. 223). АП. С. 80. Обращено к П. Л. Вельяминову.

Другу (с. 224). АП. С. 81. Обращено к Н. А. Львову; написано на прогулку в саду его дачи около Невского монастыря, который посадили друзья семьи. *Даша, Лиза* — горничные девушки Львовых.

Богатство (с. 224). АП. С. 83. Перевод 23-й оды Анакреона.

Мельник (с. 225). АП. 1804. С. 88. Написано в Горах, имении гр. Соллогубов в Могилевской губернии «для Ф. М. Колокольцова, в шутку». *Колокольцов* — сослуживец Державина по Сенату, отец Е. Ф. Муравьевой, жены писателя М. Н. Муравьева; *в назолу* — назло, в досаду.

Стрелок (с. 225). АП. С. 91. Сочинено «для А. Л. Щербачева, бывшего сенатора и кавалера, человека весьма роскошного».

Русские девушки (с. 226). АП. 1804. С. 93. *Певец Тисский* — Анакреон; *бычок* — простонародный таец.

А р ф а (с. 226). Аонида. Кн. 3.—М., 1798—1799. С. 14. Обращено к Пелагее Михайловне Бакуниной, гостившей в Званке свояченице Державина по второй жене. *Звучи, как Павел в ней явился благодатен!* — Павел I посетил Казань в мае 1798 г., Державин считал Казань своей родиной; *Отечества и дым нам сладок и приятен* — перевод стиха из «Писем с Понта» Овидия, который после Державина стал популярен в русской поэзии (ср. в «Горе от ума» А. С. Грибоедова).

На р а з л у к у (с. 227). Изд. 1808 г. Ч. 3. С. 112. На отъезд П. М. Бакуниной. *С Мурзой, Милордом и котом?* — «Мурзой автор себя разумеет, Милордом назывался прекрасный пудель его, а кот Ангола — всегдашний их в домашнем быту собеседник».

Цы ган ская пляска (с. 228). ВЕ. 1805, № 22. С. 134. Написано в ответ на стихотворное послание И. И. Дмитриева к Державину «Бард безымянный! Тебя ль не узнаю?», в котором он жаловался, что песни таборных цыган в его сызранском поместье мешают ему писать стихи. *Египтянка* — существовала версия, что цыгане являются потомками древних египтян; *Эвоа!* — «известный припев или восклицание древних вакханок при их пьянственных играх»; ...*И в нежного певца* — в Дмитриева, который «упражнялся в песнях нежного рода, в баснях и сказках».

Ц е п и (с. 229). АП. С. 100. Обращено к А. М. Бакуниной, потерявшей по дороге в Званку золотую цепочку.

П р и з ы в а н и е и я в л е н и е П л е н и р ы (с. 229). Аонида. Кн. 2.— М., 1797. С. 291. Сочинено Державиным «по случаю, что на другой день смерти первой жены его, лежа на диване, проснувшись поутру, видел, что из дверей буфета (буфетной — В. С.) течет к нему белый туман и ложится на него; потом как будто чувствовал ласкание около его сердца неизвестного какого-то духа». *Пленира* — Е. Я. Бастидон; *Милгной* Державин стал называть в стихах вторую жену, Д. А. Дьякову.

Т о н ч и ю (с. 230). АП. С. 105. Стихотворение является программой известного портрета, изображающего Державина в шубе и шапке у скалы на заснеженном поле. Сочинено «по случаю спора». Многие советовали Тончи написать Державина «в мундире и во всех орденах, а другие — по примеру антиков, без всяких украшений, каков он в самом деле»; поэт «велел представить себя так, как в сей оде он описан». Сальватор *Тончи* (в России — Николай Иванович, 1756—1844) — приехал в Россию в 1790-х гг., в 1805 г. женился на кн. Н. И. Гагариной; кроме занятий живописью, он сочинял стихи на итальянском языке и исповедовал философию солицизма; *Но лысина или парик...* — Тончи не хотел писать Державина в парике, а Державин не желал видеть себя на портрете плешивым; на портрете Тончи он изображен в собольей шапке; ...*природой лишь водим...* — «без всяких почти наук, одной природой стал поэтом... в службе своей многие имел препятствия, но характером своим без всякого покровительства их преодолевал»; *Багрим* — Державин возводил свой род к татарскому мурзе Багриму.

Пикники (с. 231). АП. С. 107. Написано по случаю устраивавшихся Алексеем Петровичем Мельгуновым (1722—1788), президентом Камер-коллегии, пикников, «на которые собирався к нему в назначенные места за городом, на островах или в садах молодые офицеры и дамы».

Разные вина (с. 232). АП. С. 109. По-видимому, сочинено в качестве застольной песни. *Черно-тинтово вино* — испанское красное вино; *слезы ангельски вино* — итальянское вино *Lacrimae Christi*.

Философы пьяный и трезвый (с. 233). МЖ. 1792, № 3. С. 301. *Законом правду тенетить...* — использовать закон как ловушку для истины.

Хмель (с. 235). АП. С. 122. Подражание 26-й оде Анакреона.

Мореходец (с. 235). АП. С. 123.

Деревенская жизнь (с. 236). АП. С. 126. *Лель, Лада, Услад* — псевдославянские божества; по объяснению Державина: «Лель — Амур, Лада — Венера, Услад — Бахус».

Охотник (с. 237). АП. С. 127. Обращено к Михаилу Петровичу Яхонтову, гостившему в Званке.

Объявление любви (с. 237). АП. С. 128.

Пламиде (с. 238). АП. С. 129.

Нине (с. 238). АП. С. 131.

Тишина (с. 239). АП. С. 138.

Гитара (с. 240). АП. С. 142. Обращено к Авдотье Семеновне Жегулиной (в замужестве Ершовой).

Шуточное желание (с. 240). АП. С. 144. Включено в либретто оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама».

Старик (с. 241). АП. С. 148. Подражание 11-й оде Анакреона «На самого себя».

Свобода (с. 241). АП. С. 152. Написано в связи с увольнением Державина с должности министра юстиции и выходом его в отставку. *Я носил на плечах холм...* — должностные обязанности Державина.

Невесте (с. 242). Изд. 1808 г. Ч. 3. С. 196. Первоначально было обращено к невесте вел. кн. Павла Петровича Марии Федоровне при ее прибытии в Россию (1776); в 1778 г. переработано и переадресовано Е. Я. Бастидон.

Признание (с. 243). Изд. 1808 г. Ч. 3. С. 208. Сам Державин считал это стихотворение «объяснением на все свои сочинения».

Альбаум (с. 243). РВ. 1808, июнь. С. 310. Стихотворение написано для альбома Н. А. Колтовской, опекуном имущества которой Державин был в 1790-е гг. По свидетельству современников, Державин был до глубокой старости влюблен в нее.

Задумчивость (с. 245). Изд. 1808 г. Ч. 3. С. 232. Вольный перевод 28-го сонета Петрарки.

Надежда (с. 245). Сочинения и переводы Российской Академии, 1813, ч. 6, с. 189. Написано в память Надежды Ильиничны Львовой

(Березиной), племянницы Д. А. Державиной. О Львове см. стих. «Весна».

Аспазия (с. 247). Изд. 1816 г. С. 160. Стихотворение посвящено М. А. Нарышкиной, любовнице Александра I. *Аспазия* — знаменитая афинская гетера; в данном случае с ее именем совмещено предание об оправдании в суде другой гетеры, Фрины.

Царь-девица (с. 248). Изд. 1816 г. С. 181. Высказывались предположения, что в этой балладе-сказке на простонародный лад Державин изобразил имп. Елизавету Петровну и некоторые приметы придворного быта ее царствования (страсть к нарядам, малороссийским певчим, соколиной охоте, богомольность и т. п.). *Эдемский индей* — павлин; *Полкан* — кентавр, помощник Бовы Королевпча из лубочной сказки; *Маркобрун* — действующее лицо той же сказки; *насад* — плоскодонное судно; *сбойство* — хитрость.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПРИЖИЗНЕННОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Вывеска (с. 255). Ответ на распространявшуюся в рукописи эпиграмму А. П. Сумарокова о поэме М. В. Ломоносова «Петр Великий»: «Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер...» Державин «перевернул» содержание эпиграммы Сумарокова и направил против автора. *Терентий* — то есть Теренций, знаменитый римский комедиограф; намек на сатирические комедии Сумарокова; *Облаевич Цербер* — свирепый, как мифологический Цербер, стороживший царство мертвых; в своих сатирах Сумароков особенно нападал на «крапивное семя» — подъячих; «*Опекун*» — комедия Сумарокова (1768), вызвавшая недовольство властей насмешками над религиозным ханжеством.

На сороку в защищение кукушек (с. 255). Представляет отклик на конфликт между Сумароковым и московским главнокомандующим гр. П. С. Салтыковым (которого поддерживала театральная публика) в связи с запретом ставить трагедию Сумарокова «Синав и Трувор». Раздраженный Сумароков обратился к императрице, но та рекомендовала ему впредь с большим уважением относиться к главнокомандующему. По поводу толков о том, что писатель получил высочайший выговор, Сумароков написал эпиграмму «На кукушек в Москве» («Наместо соловьев кукушки здесь кукуют, И гневом милости Дианы толкуют...», 1770). *Орел* — Салтыков; *Диана* — Екатерина II, *Сорока* — Сумароков.

На гроб Бодряги (с. 255). Обнаружена Гротом в рукописи 1776 г.

Правило жить (с. 256). Датируется Гротом по упоминанию в бумагах П. И. Рычкова (ум. 1778).

На изображение Феофана (с. 256). СВ. 1779. Ч. 4. С. 113. Написана (как и следующая) в ответ на предложение издателей журнала «Санкт-Петербургские ученые ведомости» (1777) составить «надписи» к портретам известных русских деятелей. *Феофан Прокопович* (1681—1736) — епископ Новгородский, сподвижник Петра I и известный проповедник; был членом Синода.

К портрету Михайла Васильевича Ломоносова (с. 256). СВ. 1779. Ч. 3. С. 114.

Князю Кантемиру, сочинителю сатир (с. 256). СВ. 1779. Ч. 4. С. 113. А. Д. *Кантемир* (1708—1744) — поэт-сатирик, писал свои сатиры силлабическим стихом.

Модное остроумие (с. 256). С. 1784. Ч. 3. С. 115...*по случаю дружитья*... — заводить дружбу с тем, кто попал «в случай» при дворе.

Эпитафия мудрецу нынешнего века (с. 257). С. 1784. Ч. 15. С. 34.

Желание Зимы (с. 257). Обращено к козловскому однодворцу П. М. Захарьину (см. «Записки», с. 345). *Нюни* — губы; *вяха* — тумак, затрешина; *козымбацкий* — молодецкий (от козырять); *шлендать* — таскаться; *трык* — вероятно, ветрогон; *стихеры* — духовные стихи для пения; *в стойке* — в кабаке; *ширень да вирень* — видимо, слова из кабацкой песни.

Челобитная о достройке дома (с. 259). Эпиграмма имеет в виду М. А. Гарновского, после смерти Г. А. Потемкина просившего ссуду на достройку своего дома на Фонтанке; связана со стихотворением Державина «Ко второму соседу».

На птичку (с. 259). Написано в связи с пожеланиями Екатерины II, чтобы Державин продолжал писать ей похвальные оды в духе «Фелицы» (см. «Записки», с. 362, 377).

На смерть собачки Милушки... (с. 259). Отклик на потрясшее русский двор известие о казни французского короля.

На смерть Катерины Яковлевны... (с. 259). Е. Я. Бастидон скончалась 15 июля 1794 г. Ритмически и образно связано со стихотворением «Ласточка». *Зельная* — сильная.

Отрывок (с. 260). Вероятно, вызвано потрясением в связи со смертью Е. Я. Бастидон.

Надгробие Шелехову (с. 261). Муза. 1796, № 2. С. 100. Г. И. *Шелехов* (1747 — 20 июня 1795) — купец и промышленник, занимавшийся освоением Сибири и Дальнего Востока, организатор Российско-американской торговой компании.

Вид автору «Суворовиды» (с. 261). Эпиграмма на «позму героическую» полковника И. И. Завалишина (1770—1821) «*Суворовида*» (1796).

Автору, осмеявшему в комедии стихотворцев... (с. 261). Эпиграмма на Н. Ф. Эмина (см. «Записки», с. 360); ему принад-

лежат комедия «Знатоки» (в стихах, 1788) и сборник «Подражания древним» (1795), в котором помещены и подражания Анакреону.

Жуковскому и Родзянке... (с. 261). Ответ на присылку В. А. Жуковским и С. Е. Родзянкой (1782—1808) сделанного ими перевода оды «Бог» на французский язык. В их письме содержались восторженные отзывы о поэзии Державина. *Пиндару русскому, Гомеру*... — то есть М. В. Ломоносову.

К силуэту И. И. Хемницера (с. 262). Имеется в виду фронтиспис с силуэтом Хемницера работы А. Н. Оленина, помещенный в издании «Басни и сказки И. И. Хемницера» (1799). *Эзон* — легендарный родоначальник басенного жанра.

К портрету В. В. Капниста (с. 262). «Надежда» — ода Капниста; «Ябеда» — его комедия; «Сатира» — его «Сатира первая»; *Аристарх* — строгий критик.

На холодного стихотворца (с. 262). Стихотворный набросок, возникший у Державина под впечатлением от «Дифирамба» Ф. Шиллера, который он собирался перевести.

На вздорного писателя (с. 262). Возможно, адресатом эпиграммы является Н. П. Николев, которого в 1790-е гг. осмеивал также И. И. Дмитриев (см. письма № 12, 13).

Эпитафия Н. Е. Струйскому (с. 263). Н. Е. Струйский (ум. 1796) — поэт-графоман, печатавший свои сочинения в собственной крепостной типографии.

На Скрыплева (с. 263). Направлено против Н. П. Николева; имя «Скрыплев» переключается с сатирой Я. Б. Княжнина «От дяди стихотворца Рифмоскрыпа», также осмеивавшей Николева.

На Хмельниина (с. 263). Эпиграмма на Е. И. Кострова, выпустившего в 1787 г. «Гомерову Илиаду, переведенную Ермилом Костровым».

На смерть Суворова... (с. 264). Кроме этой эпитафии, Державину принадлежит надпись на гробнице Суворова в Александро-Невской лавре: «Здесь лежит Суворов».

«Восторжествовал — и усмехнулся...» (с. 264). Современные исследователи предполагают, что под *тираном* Державин имел в виду Павла I.

На гроб N. N. (с. 264). Автоэпитафия Державина; *трех царей*... — Екатерину II, Павла I и Александра I.

«Каша златая...» (с. 265). Автопародия Державина на стихотворение «Пчелка»; вписано им в экземпляр «Анакреонтических песен», подаренный второй жене, Д. А. Дьяковой.

На подъячего, свиставшего в комедии «Коварный» (с. 265). Имеется в виду комедия А. А. Шаховского «Коварный» (пост. 16 декабря 1804 г.).

На оппозицию английского парламента о торговле рабами (с. 265). Написано в связи с обсуждением в Англии

вопроса об отмене торговли невольниками, завершившегося принятием закона об отмене рабства (1807). Набросок находится в русле рассуждений Державина по поводу закона о вольных хлебопашцах (см. «Записки», с. 398).

На несправедливую хвалу рецензентом некоторых мест в трагедии «Барды» (с. 266). «Барды» — так Державин называет трагедию В. А. Озерова «Фингал», написанную по мотивам одноименной поэмы Оссиана-Макферсона (поставлена 8 дек. 1805 г.). Рецензент — возможно, Н. И. Бутырский, напечатавший свой разбор трагедии в журнале «Лицей» (1806, № 1).

На журнал «Друг просвещения» (с. 266). Речь идет о смене цвета издательской обложки журнала. Об отношении Державина к журналу и его издателям см. письмо № 21.

Крестьянский праздник (с. 266). Описание деревенских праздников в Званке. *Кобас* — варган, простонародный музыкальный инструмент; *курамишить* — влюбляться, волочиться, куролесить; *...чарку водки троп...* — хлопнуть, опрокинуть; *Пьют кровь немецкую разбоем...* — в 1806—1807 гг. Наполеон разгромил Пруссию; *В милицы гаркнете...* — Манифест о сформировании милиции (ополчения) в качестве запасного войска был опубликован 30 ноября 1806 г.

На прогулку в Гру́зинском саду (с. 268). Сад в имении А. А. Аракчеева Гру́зино; в нем была дубовая аллея, насаженная еще прежним владельцем, сподвижником Петра I А. Д. Меншиковым (имел титул князь *Ижорский*), который кончил свою жизнь в ссылке в Березове.

Привратнику (с. 268). Принадлежит к разновидности шуточных «приказов» привратнику, секретарю и т. д., введенных в русскую традицию И. М. Долгоруковым. Поводом послужил пакет на имя обер-священника И. С. Державина, по ошибке переданный в дом поэта: *Навин* — Иисус Навин, библейский полководец; *ктитор* — церковный староста; *салма* — вареное тесто, татарское блюдо; *Он в семицарьи им нарекася...* — намек на обычай семинаристов менять свои фамилии на более звучные (Державин — от держава); *В моем Звезда...* — См. «Записки», с. 387.

К Правде (с. 270). Набросок, написанный, как указал Грот, на обороте письма от марта 1808 г.

На памятник прекрасного пуделя (с. 270). Шутливая эпитафия комнатной собаке Державиных.

«Тебе в наследие, Жуковский!» (с. 271). Набросок на полях одной из черновых рукописей Державина.

«Уж я стою при мрачном гробе...» (с. 271). Черновой набросок.

«Враги нам лучшие друзья...» (с. 271). Черновой набросок.

Суд о басельниках (с. 272). Выражает личное отношение Державина к крупнейшим русским баснописцам — И. И. Хемницеру, И. И. Дмитриеву и И. А. Крылову.

Суд о трагиках (с. 272). Выражает точку зрения Державина на злободневный для конца XVIII — начала XIX вв. вопрос о пределах заимствований из произведений предшественников. *Эсхил*, *Софокл*, *Эврипид* — др.-греч. трагики; *Корнелий* (Корнель), *Расин*, *Вольтер*, *Кребильен* (Кребийон) — классические французские драматурги; Я. Б. Княжнин и А. П. Сумароков — крупнейшие русские трагики XVIII в.; ряд сюжетов, восходящих к античности, преемственно обрабатывался всеми этими писателями.

На гробы рода Державиных (с. 272). ...*И не размножил...* — Державин был бездетен.

ЗАПИСКИ ИЗ ИЗВЕСТНЫХ ВСЕМ ПРОИСШЕСТВИЕВ И ПОДЛИННЫХ ДЕЛ, ЗАКЛЮЧАЮЩИЕ В СЕБЕ ЖИЗНЬ ГАВРИЛЫ РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА

К изложению своей биографии Державин впервые обратился в 1805 г., написав по просьбе Евгения Болховитинова, составителя «Словаря русских светских писателей», свою краткую биографию и продиктовал «Примечания» на свои сочинения. Последние уже содержали богатый биографический материал. В 1808—1810 гг. Державин надиктовывает новую редакцию «Объяснений» и сразу же, скорее всего в 1811 г., приступает к написанию связной и подробной биографии, в которой основное внимание уделяет бытовой и служебной стороне своей долгой и насыщенной событиями жизни. Судя по последним упоминаемым в биографии событиям, она была завершена к началу 1813 г. Впервые «Записки» появились в печати в 1859 г. Черновая рукопись-автограф «Записок» была тщательно обследована П. И. Бартевым, а затем для академического издания сочинений Державина Я. К. Гротом, внесшим существенные уточнения в чтение неразборчивых мест. Сравнительно недавно две цензурные купюры гротовского издания были восстановлены в книге: Г. Р. Державин. Избранная проза. М., 1984.

В данном издании воспроизводятся, по возможности — в связном виде, те части «Записок», которые дают представление о Державине как о человеке, писателе и общественном деятеле. Текст печатается по изданию под редакцией Я. К. Грота (Сочинения. Изд. 2-е. Т. 6. — СПб., 1876). Ряд упоминаемых Державиным лиц в комментариях не отражен.

ОТДЕЛЕНИЕ I

С рождения его и воспитания по вступление в службу

С. 275 ...*родился в Казани*... — на самом деле под Казанью, в одной из двух родительских деревень — Сокуры или Карманчи; *отец* — Роман Николаевич Державин; *брат* — Андрей (ум. в 1770 г.).

С. 276 *Неплюев И. И.* (1693—1773) — при Петре I был послом в Константинополе, затем оренбургским губернатором; ...*тверждением вокабол*... — заучиванием наизусть иностранных слов.

С. 277 *Дряблов* — в официальных документах именуется Дряблов; ...*е... кортому*... — в паем, в аренду.

С. 278 *Герольдия* — герольдмейстерская контора (позднее департамент герольдии), ведавшая делами по утверждению в дворянском достоинстве и о прохождении дворянами государственной службы; *Бархатная книга* — родословная книга русских дворянских родов, составленная в 1687 г.

С. 278 ...*в 1758 году открылась в Казани гимназия*... — реально гимназия открылась в начале 1759 г.; *Веревкин М. И.* (1732—1795) — драматург и переводчик; *Сумароков А. П.* (1717—1777) — поэт и драматург, первый директор Российского театра.

С. 279 *Шувалов И. И.* — См. стихотворения «На выздоровление мецената» и «Урна»; *кондуктор* — младший унтер-офицер в инженерных и артиллерийских войсках.

С. 280 *Савич Данила Васильевич* (ум. 1762) — профессор Московского университета.

ОТДЕЛЕНИЕ II

Воинская Державина служба до открывшегося в Империи возмущения

С. 281 *Петр III* (1728—1762) — вступил на престол 26 декабря 1761 г., после смерти императрицы Елизаветы Петровны; ...*с даточными*... — то есть не дворянами, а взятыми в гвардию по рекрутскому набору; *экзерциции* — упражнения; *Трубецкой Никита Юрьевич*, князь (1700—1767); *Чемезов* (Чемесов, 1737—1765) — известный гравер, с 1762 г. — руководитель гравировального класса Академии художеств.

С. 282 ...*на вести*... — то есть вестовым; *Гельтергоф Франц* (ок. 1711—1806) — с 1777 г. профессор Московского университета, принадлежал к немцам-гернгутерам, основавшим колонию в Сарепте (Поволжье).

С. 283 ...*Пассека арестовали*... — Неожиданный арест П. Б. Пассека ускорил выступление заговорщиков, сторонников возведения на престол Екатерины II.

С. 284 *Митрополит новгородский* — Гавриил Кременецкий (1708 — 1783); у Державина анахронизм: Гавриил стал архиепископом петербургским 25 июля 1762 г. (первым митрополитом петербургским стал Гавриил Петров в 1783 г.); *зверинец* — вольеры для царской охоты.

С. 285 *Разумовский* Кирилл Григорьевич, граф (1728—1803) — брат морганатического супруга императрицы Елизаветы Петровны, гетман Малороссии.

С. 287 *Народный маскарад* — знаменитый маскарад «Торжествующая Минерва», устроенный по случаю коронации Екатерины II с 30 января по 2 февраля 1763 г.; *Волков* Ф. Г. (1728—1763) — актер, создатель русского профессионального театра, был режиссером театральной части маскарада; А. П. *Сумарокову* принадлежат сатирические «Хоры», петье на маскараде и опубликованные в его печатной программе-описании. Из других писателей в устройстве маскарада принимали участие М. М. Херасков, А. А. Ржевский, И. Ф. Богданович, зашивавшиеся украшением триумфальных ворот и сочинявшие надписи для них. *Майков* В. И. (1728—1778) — поэт, автор образцовой иронико-комической поэмы «Елисей, или Раздраженный Вахх»; какую роль он принимал в организации маскарада, неизвестно.

С. 288 *Козловский* Федор Алексеевич, князь — поэт и драматург (погиб в морском сражении при Чесме в 1770 г.).

С. 291 ...из книги о поэзии... — трактата В. К. Тредиаковского (1703—1769) «Новый и краткий способ сложения российских стихов» (1735); *Ломоносов* М. В. (1711—1765) — поэт, автор «Краткого руководства к красноречию... или. Риторике» (1748); *Сумарокову* А. П. принадлежат две посвященные теории литературы «Эпистолы» — о русском языке и о стихотворстве; *александрийский ямбический стих* — двенадцатисложный ямб с цезурой (остановкой при скандировании) в середине стиха.

С. 292 *Позорище* — публичное представление.

С. 293 *великолепный карусель* — костюмированный праздник 16 июня 1766 г. перед Зимним дворцом, участниками которого были многие придворные; ...разделенный на четыре «кадрилы» — то есть славянский, римский, турецкий и индийский (Державин называет его ассирийским) отряды, соответственно одетые и вооруженные, они соревновались в езде верхом, стрельбе и проч. Главным судьей соревнований (*подвигоположником*) был фельдмаршал Бурхард Христоф *Миних* (1683—1767), возвращенный из ссылки, где он пробыл с момента воцарения императрицы Елизаветы Петровны; *Мольер* Ж. Б. (1622—1673) — французский комедиограф; *поносная смертная казнь* — то есть позорная.

С. 293 *Мирович* В. Я. (род. 1740) — организатор заговора в пользу царевича Иоанна Антоновича; был казнен 15 сентября 1764 г.

С. 294 *Олсуфьев* А. В. (1721—1784) — начальник Кабинета личной канцелярии императрицы; писатель и переводчик.

С. 295 *Мармонтелев «Велизарий»* — роман французского писателя Мармонтеля Ж. Ф. (1723—1799), переведенный Екатериной II и ее приближенными во время путешествия по Волге; *Каниц* Юлий Иванович (1730—1781) — директор Казанской гимназии с 1765 г.

С. 296 *Мотарыга* — мот, расточитель.

С. 297 *Алгвазил* (исп.) — страж порядка (с пронией); ...*в юстиции*... — то есть в Юстиц-коллегии, ведавшей судебными исками.

С. 298 *Моровое поветрие* — чумная эпидемия в Москве в 1771 г.

С. 299 *«Христианин в уединении»* — сочинение Ю. Цахарие (1726—1777) *«Приятности меланхолии»* (1765); *бомбардир* — старший канонир; *Ерофеич* — знахарь; известен целебной настойкой, названной по его имени.

С. 301 *Оловянишников* — капрал Оловенников; *торговая казнь* — лишение прав состояния и ссылка на каторгу.

С. 302 *...хрущевский* — то есть заговор Петра Хрущева и братьев Гурьевых (Александра, Ивана и Семена), сосланных на Камчатку в 1762 г.; *...озеровский и жилинский* — заговор премьер-майора Жилина и офицера гвардии Озерова, сосланных в Нерчинск.

ОТДЕЛЕНИЕ III

*С упомянутого возмущения по вступление Державина
в статскую службу*

С. 302 *Румянцов-Задунайский П. А.* (1725—1796) — генерал-фельдмаршал, командующий армией во время войны с турками 1769 г.

С. 302 *Чернышев Захар Григорьевич, граф* (1722—1784) — генерал-фельдмаршал; *Архипелаг* — острова у побережья Греции, где русский флот одержал ряд побед над турками во время войны, начавшейся в 1769 г.

С. 303 *Волонтер* — доброволец, который причислялся к войску на свое иждивение; *низовые края* — земли в Поволжье ниже Симбирска.

С. 305 *Конфедераты* — участники Барской конфедерации 1768 г., выступавшие против усиления русского влияния в Польше при короле Станиславе-Августе Понятовском.

С. 307 *Малыковка* — позднее город Вольск; *Шафгаузен* — поселок немецких колонистов-гернгутеров; *дворцовая и экономическая казна* — казна учреждений, ведавших сборами податей с крестьян дворцового ведомства и так называемых «экономических», вольных, плативших подати непосредственно государству; *кружало* — кабак.

С. 308 *Фузилер* — то же, что мушкетер; *Голицын Петр Михайлович, князь* (1738—1775) — охранял дорогу от Казани к Оренбургу.

С. 309 *Деташамент* — отдельная военная команда, отряд; *Потемкин Павел Сергеевич* (1743—1796) — драматург и переводчик; возглавлял Секретную комиссию во время подавления восстания Емельяна Пугачева.

С. 310 *Панин П. И.* (1721—1789) — брат дипломата и воспитателя наследника Павла Петровича Н. И. Панина; вместе с братом принадлежал к числу дворян, оппозиционно настроенных к Екатерине II.

С. 312 *Около обеден...* — когда в церквях начались обеденные службы.

С. 313 *Любочестие* — честолюбие.

С. 315 *Митрополит Вениамин* (Пуцек-Григорович В. Г., 1706 — 1785) — проповедник и составитель словарей вотского, черемисского и чувашского языков; ...*казнь самозванцу...* — казнь Пугачева состоялась 10 января 1775 г.; ...*торжество Турецкого мира* — празднование заключения Кучук-Кайнарджийского мира началось 10 июля 1775 г.; *Щербатов М. М.* (1733—1790) — историк, собиратель исторических документов.

С. 317 *Палочный краул* — караул при арестантах, занимавшийся также приведением в исполнение телесных наказаний.

С. 318 *Материнское даточное...* — имение, полученное в приданое за женой Н. И. Маслова; распоряжаться таким имением муж мог только по доверенности жены.

С. 320 *Завадовский Петр Васильевич, граф* (1739—1812) — кратковременный фаворит Екатерины II, позднее директор Заемного банка.

С. 322 *Ковалинский Михаил Иванович* (1745—1807) — служил наставником при молодом А. К. Разумовском, друг и ученик украинского писателя и философа Г. С. Сковороды.

ОТДЕЛЕНИЕ IV

*С окончания военной претождеие статской службы
в средних чинах по отставку*

С. 323 *Окунев Александр Гаврилович* (1730—1806) — известен своими переводами; *Урусова Е. С.* (1747 — после 1817) — родственница М. М. Хераскова, в особенности была известна сборником «Ироида, музам посвященные» (1777); *эксекюторское место* — должность, предполагавшая административное и хозяйственное управление сенатским департаментом.

С. 324 *Хвостов А. С.* (1753—1820) — участник литературных полемик 1770-х гг.; особенно сблизился с Державиным в начале XIX в.

С. 325 *Тредиаковский Лев Васильевич* — сын В. К. Тредиаковского, масон; *Козодавлев Осип Петрович* (1754—1819) — поэт; был близок к Е. Р. Дашковой, занимался изданием журчала «Собеседник любителей русского слова» (1783—1784).

С. 328 *...совершен брак...* — По записи в церковной метрической книге свадьба состоялась не 18, а 6 апреля; возможно, Державин перевел дату на принятый в Европе новый стиль.

С. 329 *Елагин И. П.* (1725—1794) — директор Придворного театра, приближенный вельможа Екатерины II.

С. 330 *Конфирмация* — высочайшее утверждение документа или решения.

С. 333 *Табель* — ведомость государственных доходов.

С. 334 *Воронцов Александр Романович*, граф (1741—1805) — президент Коммерц-коллегии, друг и покровитель А. Н. Радищева.

С. 335 *Российская Академия* — литературная организация, созданная для подготовки словаря русского языка, членами которой были многие русские писатели (Державин был в числе ее первых членов). Учредительное собрание Академии состоялось 21 октября 1783 г.; журнал «Собеседник любителей российского слова» начал выходить с мая 1783 г., первый номер открывался «Одой к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице...». Замысел литературного журнала при Академии наук возник у Дашковой сразу же после ее назначения на пост директора Академии 24 января 1783 г.

ОТДЕЛЕНИЕ V

*С определения его в губернаторы до удаления его от оного
звания и возведения в высшие государственные чины
и должности*

С. 337 *Грибовский Адриан Моисеевич* (1766—1833) — впоследствии доверенное лицо фаворитов Зубовых, статс-секретарь Екатерины II; переводчик и мемуарист.

С. 339 *Аверин* — по документам, Аверьянов Игнатий Иванович.

С. 343 *По приезде в Тамбов...* — Державин приехал в Тамбов 4 марта 1786 г.; *Гудович Иван Васильевич*, граф (1741—1824) — генерал-фельдмаршал, в начале XIX в. был главнокомандующим в Москве; *...устроен праздник...* — театрализованное представление перед домом Гудовича; державинское описание праздника было тогда же напечатано в Тамбове — «Торжество восшествия на престол Екатерины Второя, отправленное в Тамбове 1786 года июня 28 дня».

С. 344 *Пролог на открытие театра* — «Пролог на открытие в Тамбове театра и народного училища. Представлен... ноября 24 дня 1786 года»; был напечатан отдельно дважды, в Тамбове и Петербурге (1787); *Нилова Е. К.* (урожд. Бороздина, жена А. М. Нилова) — переводчица романов с французского и немецкого языков, сотрудница московского журнала «Иппокрена, или Утехи любословия» (1799—1801).

С. 345 *Захарьин Петр Михайлович* (ок. 1750—1800) — автор романов «Арфаксад» (т. 1—4, 1793—1795) и «Приключение Клеандра...» (ч. 1—2, 1798); хотя Державин напечатал «Речь» (отд. изд. 1788) в собрании своих сочинений, вопрос об авторстве остается спорным:

скорее всего это текст Захарьица, сильно отредактированный Державиным.

С. 347 *Придворный искусный певец* — Аверьянов, переведшийся с Державиным в Тамбов из Петрозаводска; ...*в нижней расправе...* — в суде низшей инстанции; *писание прекрасное* — чистописание; *Нарышкин* Алексей Васильевич (1742—1800) — поэт, сотрудничал в журналах 1760-х гг.

С. 350 *Мамонов* — Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич, граф (1758—1803) — фаворит императрицы в 1786—1789 гг.

ОТДЕЛЕНИЕ VI

*По отлучении от губернаторства до определения
в статс-секретари, а потом в сенаторы и в разные
министерские должности*

С. 350 *Приехав в Москву...* — Державин прибыл в Москву к 15 января 1788 г.; *Гзгарин* Гаврила Петрович, князь (1745—1807). — Возвышение его относится к царствованию Павла I, когда он, чтобы покрыть связь императора с А. П. Лопухиной, женил на ней своего сына.

С. 352 *Манифест 1762 года.* — Составление манифеста о восшествии Екатерины II на престол с большим основанием приписывается Г. Н. Теплову.

С. 353 *Приехав в Петербург...* — Державин приехал из Москвы в июне 1789 г.

С. 356 *Это было в 1788 году.* — На самом деле — в 1789 г.

С. 358 *...сорок надписей...* — Из числа этих надписей к бюсту В. Я. Чичагова известна лишь одна.

С. 359 *...описание того праздника.* — Сделанное Державиным описание, включавшее и тексты хоров, было напечатано под заглавием «Описание празднества, бывшего по случаю взятия Измаила... 1791 года, апреля 28 дня» (1792).

С. 362 *Мемории* — выдержки из журналов заседаний, поступавшие на просмотр и утверждение императрицы.

С. 363 *Филарет* (Романов Федор Никитич), патриарх российский (1554—1633) — отец Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых; будучи послом в Польше, он отказался подписать невыгодные для России соглашения, несмотря на то, что поляки заключили его в тюрьму; таким образом, Державин причисляет Екатерину II к истинным Романовым; *секретные бумаги* — намек на будто бы существовавшее завещание Екатерины II передать престол вел. кн. Александру Павловичу, отстранив от престолонаследия Павла; современники объясняли милости Павла I к А. А. Безбородко тем, что последний, видимо, передал завещание в его руки, и оно было уничтожено.

С. 364 *Троцинский* Дмитрий Прокофьевич (1754—1829) — служил при А. А. Безбородко в Правлении почт, затем статс-секретарь при императрице.

С. 365 *Шишковский* (Шенцовский) Степан Иванович (ум. 12 мая 1794) — начальник Тайной экспедиции, занимавшийся расследованием политических преступлений.

С. 366 *Самойлов* Александр Николаевич, граф (1744—1814) — официально был назначен генерал-прокурором после смерти А. А. Вяземского в 1793 г.

С. 367 ...занималась сочинением «Российской истории». — Речь идет о сочинении Екатерины II «Записки касательно российской истории», которое начало печататься в 1783 г. в журнале «Собеседник любителей русского слова» и которым она продолжала заниматься до последнего дня жизни.

С. 374 *Ценовые* (ценинные) товары — дорогие; запрещение на ввоз связано с борьбой Екатерины II с роскошью в дворянском быту; ...в коносаментax... — то есть в описях привезенных на корабле товаров, которые представляются портовым властям; *Алексеев* Иван Алексеевич — петербургский вице-губернатор.

С. 375 *Львов* Н. А. (1751—1803) — архитектор, поэт и драматург; *Капнист* В. В. (1758—1823) — поэт и драматург; близкие друзья Державина с конца 1770-х гг., были женаты на родных сестрах второй жены Державина; *Стейнбок* Я. Ф. (ум. 1824) — бригадир, ему посвящено стихотворение Державина «Графу Стейнбоку» (1806).

С. 376 *Дмитриев* Иван Иванович (1760—1837) — поэт, друг Н. М. Карамзина; в записках «Взгляд на мою жизнь» рассказывает о своих близких отношениях с семейством Державина в 1790-е гг.

С. 377 ...уважением друг к другу и крепким союзом дружбы. — Д. А. Дьякова была хозяйственна до крайней скупости, не интересовалась литературными занятиями мужа и даже порицала их, считая, что они вредят его карьере чиновника; *Оленин* А. Н. (1763—1843) — историк и археолог, позднее директор Публичной библиотеки и президент Академии художеств.

С. 378 *Псалом 81-й* — стихотворение Державина «Властителям и судиям»; ...через *Шишковского*... — ошибка памяти Державина: Шишковский (Шешковский) скончался годом раньше.

С. 379 *Нелединский-Мелецкий* Ю. А. (1752—1828) — поэт, добрый знакомый Державина; ...в библиотеку г. Дубровского... — Коллекция рукописей и книг («депо») П. П. Дубровского (1752—1816) поступила в Публичную библиотеку, где ныне и находится подносная рукопись сочинений Державина.

С. 380 *Чесночяж*. (диалект.) — частокол.

ОТДЕЛЕНИЕ VII

Царствование императора Павла

С. 381. *Кутайцев* (Кутайсов) Петр Павлович (1759—1848) — фаворит Павла I, позднее граф.

С. 382. *безынтересный* — то есть человек, не подчиняющийся служебные дела собственному «интересу»; *Стрекалов* С. Ф. (1728—1805) — при Екатерине II был членом Верховного Совета и правителем его канцелярии; ...*день советский*... — день регулярных заседаний Верховного Совета.

С. 383. *Архаров* Николай Петрович (1742—1815) — петербургский генерал-губернатор; уже в 1797 г. подвергся опале и ссылке.

С. 384. *Репнин* Н. В. (1734—1801) — генерал-фельдмаршал; при Екатерине II был отправлен губернатором в Прибалтику, возвращен при Павле I, известный масон.

С. 386. *Куракин* Алексей Борисович, князь (1759—1829) — генерал-прокурор, пользовавшийся особым доверием Павла; «*Что мне, что мне суетиться...*» — строки из стихотворения Державина «К самому себе».

С. 387. *Строганов* Александр Сергеевич, граф (1733—1811) — сенатор, с 1800 г. — президент Академии художеств; ему посвящено стихотворение Державина «Любителю художеств».

С. 389. ...*у генерал-прокурора*... — П. Х. Оболянинова; ...*на откуп еврею Перцу* (Перетцу) Абраму Израилевичу (1771—1833) — известному богачу и откупщику в начале XIX в.; контракт был подтвержден в последний день жизни Павла.

ОТДЕЛЕНИЕ VIII

Царствование императора Александра I

С. 390 *Дворянская грамота* — «Жалованная грамота дворянству» (1785), закреплявшая его права в качестве ведущего и привилегированного сословия России.

С. 391 ...*Екатерина в «Наказе» своем*... — Имеется в виду «Наказ», составленный Екатериной II для Комиссии по составлению нового Уложения (1767), в котором были изложены принципы предполагаемого будущего законодательства России.

С. 392 *Муравьев* М. Н. (1758—1807) — поэт и писатель, в начале XIX в. попечитель Московского университета.

С. 393 *Захаров* Иван Семенович (1754—1816) — литератор и переводчик, с 1811 г., как и Державин, член «Беседы любителей русского слова».

С. 394 *Вязмитинов* Сергей Кузьмич (1744—1819) — позднее был военным губернатором Петербурга; как и Державин, в 1811 г. стал членом «Беседы любителей русского слова»; *Потоцкий* Северин Осипович, граф

(1762—1829) — впоследствии член Государственного Совета; *Черторижский* (Чарторижский) Адам Адамович, князь (1770—1861), *Новосильцов* Николай Николаевич (1761—1836), *Кочубей* Виктор Павлович (1768—1834) и *Строганов* Павел Александрович, граф (1774—1817) — составляли неофициальный комитет при императоре, на заседаниях которого предварительно обсуждались основные государственные вопросы.

С. 396 *...правила третейского совестного суда...* — «Устав третейского совестного суда» (опубликован в изд. Я. К. Грота).

С. 397 *Румянцов* Николай Петрович, граф (1754—1826) — министр коммерции, известный собиратель книг и рукописей; *Лагарп* Фридрих Сезар (1754—1838) — швейцарец, республиканец по убеждениям, с 1874 г. воспитатель Александра I; был выслан из России после воцарения Павла I, при Александре посетил Россию.

С. 398 *...о неудобности указа.* — Возражения Державина на указ о вольных хлебопашцах довольно полно отражают мнение консервативной оппозиции по вопросу о преждевременности освобождения русских крестьян. Буквально совпадающие или очень похожие аргументы приводили в записках, составленных для сведения Александра I, Н. М. Карамзин, Ф. В. Растопчин, В. Н. Карамзин, А. С. Шишков и др.

С. 400 *Голицын* Александр Николаевич, князь (1773—1844) — с октября 1803 г. обер-прокурор Синода, затем министр народного просвещения, известный своим обскурантизмом и гонениями на русские университеты.

УПРАЖНЕНИЯ ЕГО ПОСЛЕ ОТСТАВКИ ОТ СЛУЖБЫ

С. 401 *...сочинял трагедии...* — Упоминаемые далее пьесы Державина (кроме несохранившейся оперы «Женская дружба» и переводов), а также стихотворения, проза и «Рассуждение о лирической поэзии» (частично) вошли в «Сочинения» под ред. Я. К. Грота; *...две записки...* — «Мечты о хозяйственном устройстве военных дел империи» и «Мнение о обороне империи на случай покушения Бонапарта».

С. 402 *Псалом 101-й* — стихотворение Державина «Сетование»; *...из анекдота...* — Анекдот о выговоре А. Н. Голицына неизвестен; *...писал из Новгорода июля 14 дня...* — «Записка о мерах к обороне России во время нашествия французов».

ПИСЬМА

Из сравнительно небольшого числа дошедших до нас писем Державина для публикации избраны лишь те, в которых затрагиваются вопросы литературы и литературной жизни. В подборку вошли тексты, собранные Я. К. Гротом в академическом издании сочинений Державина, Грот пользовался ранними публикациями писем, отпусками (копиями) из бу-

маг Державина и многочисленными автографами, в основном из частных собраний. Из последних далеко не все остались в его бумагах и собранном им архиве поэта; многие были возвращены владельцам и позднее пропали или рассеялись. Поэтому основная часть писем воспроизводится в том виде, как они были напечатаны Гротом; форма оригинала восстановлена лишь в тех из них, источники текста которых сохранились в фондах Державина и Грота (Отдел рукописей и редкой книги ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 247, т. 14, 17; ф. 595, № 142; Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), Р. III, оп. 2, № 386, Р. I, № 94) или известны в догровотских публикациях. Приписки разных лиц к письмам Державина опущены.

1. Я. И. Булгаков у. Рекомендательное письмо, данное И. И. Хемницеру (1745—1784), баснописцу и участнику львовско-державинского литературного кружка, получившему место генерального консула в Смирне. Хемницер вручил его адресату, проезжая через Константинополь, около 8 августа; 31 октября Державин уже благодарил Булгакова за покровительство, оказанное его другу. *Булгаков* (1743—1809) — дипломат, литературно образованный человек; переводил с французского языка, был знаком со многими писателями-современниками (Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков и др.). С мая 1781 г. полномочный посол в Константинополе; «...в нем же льсти нет!» — то есть человек простодушный и честный (Евагелие от Иоанна. 1: 47). *Алексей Иванович и Варвара Сергеевна Васильевы* (1742—1807) — впоследствии министр финансов и его жена (урожд. кн. Урусова).

2. Е. Р. Дашковой. Написано после выхода в свет первого номера журнала «Собеседник любителей российского слова», где была опубликована ода «Фелица». История награждения Державина Екатериной II за оду излагается также в «Записках» (с. 382). *Дашкова* Екатерина Романовна, княгиня (в девичестве — графиня Воронцова, 1743—1810) — в юности подруга Екатерины II, активная участница дворцового переворота 1762 г.; в 1783 г. была назначена директором Академии наук и президентом Российской Академии; писательница, автор записок на французском языке «*Mon histoire*» («Моя история»). *Александр Алексеевич* — Вяземский; ...*предстательством которой*... — текст оды «Фелица» Дашкова получила от О. П. Козодавлева, советника канцелярии Академии наук, не известив автора, напечатала в журнале и поднесла книжку журнала императрице; ...*бешметя я иметь не желал?* — намек на стихи из оды «Не мни, чтоб шапки иль бешметя За них я от тебя желал»; *бешмет* (татар.) — стеганый полукафтан, здесь то же, что «шуба с плеча», царский подарок; *онамеднишнее* — то есть недавнее, письмо Дашковой к Державину утрачено.

3. Е. Р. Дашковой. Письмо вызвано раздражением непосредственного начальника Державина А. А. Вяземского и высших санов-

ников, намеки на которых содержались в оде «Фелица» (см. примеч., с. 448). В разговорах... с Александром Алексеевичем... — Напряженные отношения с Вяземским Дашкова подробно описывает в своих записках; ...много от «Собеседника»... неприятности, которые вливались даже и в... но... — Речь идет о неприятностях в связи с публикацией оды; точки в подлиннике, видимо, заменяют слово «императрицу»; ...о увольнении моем письмо. — Черновик письма опубликован Гротом; об обстоятельствах его подачи Вяземскому см. в «Записках» (с. 334); ...напечатать в газете... — Объявления о продажах печатались в газете «Санкт-Петербургские ведомости», издаваемой при Академии наук; записка-объявление не была помещена в газете, имени Державин не продал.

4. В. В. Капнисту. Письмо связано с опровержением жалобы на Державина наместника Архангельской и Олонецкой губерний Тимофея Ивановича Тутолмина (1739—1809) (см. «Записки», с. 339). Капнист (1758—1823) — поэт и драматург, друг Державина, в это время находился в Петербурге. Николай Александрович Львов (1751—1803) — архитектор и писатель, через которого Державин переслал свое оправдательное письмо к императрице, а также просьбу к А. А. Безбородко довести письмо до ее сведения. Александр Андреевич — граф Безбородко (1747—1799), в это время исполнявший обязанности статс-секретаря; при нем служил и пользовался его расположением Н. А. Львов. ...стихов его... князю Потемкину в Екатеринославле... — Видимо, рукописные, сочиненные в бытность Тутолмина екатеринославским губернатором; начальником южно-русских областей в это время был князь Г. А. Потемкин. Письмо к графу писано от 6 мая... — на самом деле писалось в тот же день 29 апреля (эта дата стоит под отпуском письма); Татищев Иван Андреевич — правитель Казанского наместничества, место которого хотел получить Державин, чтобы уехать из Петрозаводска; передвижение Татищева по службе (обер-егермейстер — придворный чин) открывало бы свободную вакансию.

5. В. В. Капнисту. Список произведений Капниста, переданных Державиным Е. Р. Дашковой, неизвестен. По-видимому, среди них находились «Ода на смерть сына моего» (1784) и «Ода на надежду» (1780), вскоре опубликованные в академическом журнале «Новые ежемесячные сочинения» (1787—1788). ...ода о рабстве. — «Ода на рабство» написана Капнистом в 1783 г. по поводу указа о закреплении малороссийских крестьян и впервые увидела свет только в сборнике Капниста «Лирические стихотворения» (1806).

6. Н. Н. Трубецкому. Деловая часть письма первоначально была адресована Михаилу Матвеевичу Хераскову (1733—1807), писателю, занимавшему пост куратора Московского университета; известный просветитель Николай Иванович Новиков (1744—1818) арендовал университетскую типографию. Князь Трубецкой (1744—1821) — сводный брат Хераскова, был связан с Новиковым по масонской деятельности, а также был его компаньоном по организованной на паях Типографической ком-

папии. ...*новый начальник*... — Еропкин Петр Дмитриевич (1724—1805), московский главнокомандующий. ...*кума моя*... — княжна Е. С. Урусова, которой Державина сватали в мужья; ее стихи «Письмо П. Д. Еропкину», посвященные его мужеству во время эпидемии чумы в Москве, были напечатаны в 1772 г.

7. Е. Р. Д а ш к о в о й. Письмо вызвано разговором Дашковой с Екатериной II о стихах Державина, в котором Дашкова убеждала императрицу, что если бы Державин более упражнялся в стихотворстве, то со временем превзошел бы М. В. Ломоносова как певца императрицы Елизаветы Петровны. Державину о нем сообщил 15 октября 1786 г. Дмитрий Матвеевич Свиштунов, бывший советник Олонекского губернского правления, по протекции Державина взятый Дашковой на службу в канцелярию Академии наук. *Михаил Васильевич — Ломоносов. ...прославлять чрез героя...* — Обращая свои оды к Елизавете Петровне, Ломоносов постоянно напоминал ей о преобразовательной деятельности Петра I и призывал продолжать его дело. ...*в одной своей надписи...* — Далее цитируются два стиха из «Надписи к государыне имп. Елизавете Петровне на маскарады 1751 года»; *проступки править снисхождением...* — строки из оды «Фелица». ...*у Плиния...* — в «Панегирике императору Траяну» (100 г. н. э.) римского писателя Плиния младшего; ...*предстала она сама...* — в стихотворении Державина «Видение мурзы» поэту является Фелица (Екатерина II) и разговаривает с ним; приведенные далее стихи — отрывок из стихотворения; *О. П. Козодавлев* — в эти годы советник при Академии наук и доверенное лицо Дашковой; *А. М. Грибовский* — скомпрометировал себя в Петрозаводске проигрышем казенных денег и, будучи уволен, просился к Державину в Тамбов.

8. В. В. Ка п н и с т у. В письме речь идет о завершении судебного дела, возбужденного против Державина наместником И. В. Гудовичем (подробнее см. в «Записках», с. 353). ...*с новой отраслью...* — то есть с новорожденным; *Катерина Яковлевна* — жена Державина. *Александра Алексеевна* — жена Капниста (урожд. Дьякова).

9. В. В. Ка п н и с т у. Письмо представляет критику на стихотворение В. В. Капниста «Ответ Рафаэла певцу Фелицы», написанное после прочтения стихотворения Державина «Изображение Фелицы», в котором поэт риторически обращался к итальянскому художнику Рафаэлю Санцио (1483—1520). В послании Капниста Державину не понравились иронические замечания о его гиперболической манере восхваления Фелицы (Екатерины II). Н. А. Львов, оставивший собственные замечания на рукописи стихотворения Капниста, неодобрительно отзывался о резких суждениях своего друга: «Гаврила не прав в некоторых своих бурных примечаниях». ...*оды «Надежды»*... — См. примеч. к письму № 5. ...*сатиры...* — «Сатира I», первое из опубликованных на русском языке произведений Капниста; *прослынешь парнасским трубочистом...* — В присланном Державину списке стихотворение имело заглавие «Рапорт лейб-автору от екатеринославских муз трубочиста».

10. Е. Я. Державиной. Письмо рассказывает о первой, неосуществившейся попытке Державина подготовить сборник своих стихотворений. Она была учтена поэтом при подготовке сборника 1795 г., рукопись которого была им поднесена императрице, но также не напечатана (см. «Записки», с. 377). *Разманов* — Рахмадинов Иван Герасимович (ум. 1807), издатель сочинений Вольтера; он же издал (и, видимо, перевел) генеалогический труд историка Г. Ф. Миллера «Известие о дворянах российских» (1790). *Василий Васильевич и Иван Иванович* — Капнист и Дмитриев; они оставили свои пометы на рукописи 1793 г., но, по свидетельству М. А. Дмитриева (сообщено Я. К. Гроту), Державина они рассердили, и поэт прекратил работу, заметив: «Что ж! Вы хотите, чтоб я вновь начал жить!»; *Федор Тимофеевич* — Пospelов, переводчик Тацита, служивший при Державине в Петрозаводске; *Вейдебрехт* — И. Я. Вейтбрехт, с 1784 г. содержатель типографии, обслуживавшей двор; *А. В. Храповицкий* — (1749—1801) — поэт, долгое время статс-секретарь; к нему обращено два послания Державина; гравюрами к предполагаемому сборнику в 1793 г. занимался А. Н. Оденн.

11. И. И. Дмитриеву. Первое из известных писем к И. И. Дмитриеву, который с начала 1790-х гг. был припят в доме Державина; адресовано в Москву. *«Аглая»* — 1-я книжка литературного альманаха, издаваемого Н. М. Карамзиным (1766—1826) и почти полностью составленная из его произведений; *две скороговорки* — видимо, стихотворения «К Меркурию» и «Провидение»; *Самборский Андрей Афанасьевич* (1732—1815) был священником при посольской церкви в Лондоне, вернувшись в Россию, состоял при вел. кн. Александре и Константине Павловичах; *...со стихами своего воспитанника...* — Джужиковского Степана Семеновича (1762—1839), речь идет о его описательной поэме «Александрова, ...сад вел. кн. Александра Павловича» (1794).

12. И. И. Дмитриеву. *Петр Афанасьевич* — Бекетов, дядя И. И. Дмитриева, скончавшийся в 1796 г.; *Ф. М. Дубянский* — советник Государственного Заемного банка, положил на музыку песню Дмитриева «Стонет сизый голубочек»; его гибелью навеяно стихотворение Державина «Потопление», Дмитриев написал стихотворное «Надгробие Ф. М. Д.»; *...приезда шведского короля...* — Густава IV, который был приглашен в Россию в надежде на его брак с вел. кн. Анной Павловной; прибыл в Петербург 14 августа; *Михайло Матвеевич* — Херасков; ода «О клевете» появилась во 2-й книжке альманаха Карамзина «Аонида» (1797) и была ответом на обвинения Н. П. Николева, что Херасков препятствовал изданию его «Творений» в типографии Московского университета; *Николев Николай Петрович* (1758—1815) — московский поэт и драматург, выперенную одическую поэзию которого осмеял Дмитриев в сатире «Чужой толк»; *...наставлению Сираха...* — изречению из «Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова» (23:14); *«Аонида»* — 1-я книжка альманаха Карамзина (1796); *последним стихом* — «Он любил. Он нежной женщины нежнейшим другом был» — из «Послания к женщинам»;

стихи имеют в виду Анастасию Ивановну Плещееву, с которой Карамзина связывала дружба; *...некто: ленился...* — Дмитриев, не участвовавший в «Аонидах»; *«Гремислава»* — стихотворение Державина «На рождение царицы Гремиславы», посланное через Дмитриева Карамзину; *Наумовы громы* — стихи И. М. Наумова (ум. 1833) «Торжественная песнь на покорение крепости Дербента» (1796); *Марфа Ивановна* — Арбенева, жена командира Измайловского полка; ей посвящен «Экспромт» Державина («Ну же, Муза! пу, ну, ну!..»); *стихи Пушкину* — по поводу женитьбы Василия Львовича Пушкина на Капитолине Михайловне Вышеславцевой; Дмитриев стихов не написал.

13. И. И. Д м и т р и е в у. *По первой материи...* — по поводу стихотворения Н. П. Николева «Рондо» (Аониды, 1796, кн. 1), посвященного Петру I: все его строфы начинались и кончались словами — «Петр Велик!..»; *стихи в тексте письма* — эпиграмма самого Державина на Николева; Дмитриеву Я. К. Грот приписывает пародию на «Рондо» — «Пой, кулик, в гнилом болоте...»; *По второй материи...* — См. письмо № 12; *Здесьние праздники...* — Празднества в честь короля Густава IV были прерваны его неожиданным отказом жениться на Анне Павловне и отъездом из Петербурга, что явилось тяжелым ударом по матримониальным и политическим планам Екатерины II, — современники считали, что этот разрыв ускорил ее кончину; *...мою бездельцу...* — Державин на этот случай приготовил стихотворение «Победа красоты»; *...указ о цензуре.* — Указ 16 сентября 1796 г., впервые вводивший цензуру в России как самостоятельный орган надзора за печатными изданиями; *...моя Шмерц-коллегия...* — то есть «несчастливая» Коммерц-коллегия, президентом которой был Державин; упразднена 16 сентября 1796 г.

14. И. И. Ш у в а л о в у. Письмо связано с изданием книги «Сочинения Державина» (ч. 1, М., 1798). И. И. Шувалов в царствование императрицы Елизаветы Петровны поддерживал различные культурные и литературные начинания, покровительствовал М. В. Ломоносову; Державин называет себя его «воспитанником», так как Казанская гимназия, где он учился, находилась в ведении Московского университета во время кураторства Шувалова; эту должность Шувалов сохранял и при Екатерине II; *...эпистола...* — «Эпистола И. И. Шувалову на прибытие его из чужих краев в Санкт-Петербург 1777 года сентября 17 дня».

15. Ф. Н. Г о л и ц ы н у. В дате — описка Державина. *Сохацкий Павел Афанасьевич* (1766—1809) — воспитанник, затем профессор Московского университета; его ода «Памятник другу просвещения отечества» читалась на торжественном акте университета, посвященном памяти Шувалова; *...говорит Вергилий...* — В «Энеиде», поэме римского поэта Вергилия (70—19 до н. э.), именно так описывается времяпрепровождение душ умерших.

16. А. Б. К у р а к и н у. Державин обратился к Куракину с жалобами на цензурное ведомство потому, что по должности генерал-прокурора тот имел право вмешиваться в действия цензоров. Однако Куракин

предпочел прежде доложить о просьбе Державина императору. На письме рукой Куракина записано решение Павла I: «Государь император приказать соизволил внушить господину Державину, что по искусству его в сочинении стихов подчеркнутые бы переменял, чтоб получить дозволение сочинения его напечатать». Книга вышла с исключением стихотворения «Властителям и судиям»; выпущенные в стихотворении «Изображение Фелицы» строки Державин вписывал в экземпляры собственноручно.

17. Ф. Н. Голицыну. Письмо посвящено выходу в свет книги «Сочинения Державина» (1798). *Экземпляр последнего моего сочинения...* — вероятно, ода «На новый, 1798 год»; «*Урна*» — стихотворение, посвященное памяти И. И. Шувалова; *...экземпляры все взять и предать огню.* — На следующий день Державин письмом к Голицыну отменил распоряжение, решив ограничиться списком опечаток к изданию.

18. И. И. Дмитриеву. См. также письмо № 19. *Муравьев Н. Ф.* — член Межевой канцелярии; *Ушаков Аполлон Александрович* — бывший прокурор той же канцелярии, отец писателя В. А. Ушакова (1789—1838); *Михаил Матвеевич* — Херасков; *Брянчанинов* — возможно, Федор Матвеевич, сотрудник карамзинского альманаха «Аонида».

19. И. И. Дмитриеву. *...нашего полку прибыло...* — то есть женатых мужчин; слухи были ошибочны: Дмитриев остался холостяком; *Шишков Александр Семенович* (1754—1841) — писатель, организатор «Беседы любителей русского слова» (1811); в 1803 г. выступил с книгой «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», направленной против языковой реформы Н. М. Карамзина; книга послужила началом длительной полемики между «шишковистами» и «карамзинистами»; *...успеха в истории...* — Указом от 31 октября 1803 г. Карамзин был назначен историографом для «сочинения полной истории отечества нашего».

20. В. В. Капнисту. *Парасковья Петровна и зять ее Козляинов* — лица неустановленные; *Званка* — имение Державина на реке Волхов под Новгородом; *Обуховка* — имение Капнистов под Полтавою; *Сочинения мои из Англии возвращены...* — Недовольный русскими типографиями Державин пытался напечатать собрание своих сочинений с гравюрами за границей (см. письмо № 23); *...приезжего сюда англичанина...* — Иозефа Сандерса (в России с 1794 г.), гравера при Эрмитаже; *Для истории моей...* — Видимо, в это лето Державин начал работу над рукописью «Примечаний на сочинения Державина», затем переданной Евгению Болховитинову; *Николай Васильевич* — Неклюдов (ум. 1839), брат П. В. Неклюдова, приятеля Державина; *...правила третейского суда...* — См. «Записки» (с. 396).

21. И. И. Дмитриеву. *...безделушки...* — сборник Державина «Анакреонтические песни» (М., 1804); *...в своем журнале...* — Граф Д. И. Хвостов вместе с П. И. Голенищевым-Кутузовым и Г. С. Салтыковым с 1804 г. издавал в Москве журнал «Друг просвещения»; стих

Державина появились в июльской книжке журнала; ...*вместо света, которого ожидали*... — намек на литературный и общественный консерватизм взглядов издателей «Друга просвещения»; позднее П. А. Вяземский подчеркнул это в эпиграмме на Голенищева-Кутузова: «Картузов другом просвещения В листках провозгласил себя...»; *Измайлов В. В.* (1773—1830) — издатель журнала «Патриот» (1804), напечатанный в майской книжке рецензию на драму Н. И. Ильина (1777—1823) «Великодушные, или Рекрутский набор»; ...*все стихотворения в переводе*... — Имеются в виду стихотворения английского поэта Т. Грея (1803) и древнегреческого лирика Пиндара (1804) в переводе Голенищева-Кутузова; последние он переводил, не зная греческого языка; эпиграмма в тексте письма принадлежит самому Державину.

22. В. В. Капнисту. ...*для свадебных праздников*... — 22 июля происходило бракосочетание вел. кн. Марии Павловны с герцогом Карлом Фридрихом; *шиканы* — происки; ...*по опеке*... — Державин с 1800 г. наблюдал за управлением взятыми за долги в опеку имениями фаворита Екатерины II С. Г. Зорича (1745—1799); «*Ябеда*» — комедия В. В. Капниста, изданная в 1798 г. и почти сразу же по личному указанию Павла I запрещенная к постановке и продаже, 1211 экземпляров издания были конфискованы и переданы на хранение в канцелярию статс-секретарей; «*Русалка*» — волшебнo-комическая опера австрийского драматурга К. Ф. Генслера «Днепровская русалка» в переложении Н. С. Краснопольского; часть 1-я ставилась в Петербурге с октября 1803 г., часть 2-я — с мая 1804 г.; ...*дондеже вострубит труба ангела*... — то есть до дня страшного суда и конца света; *Анна Петровна* — Квашнина-Самарина, дочь сенатора П. Ф. Квашнина-Самарина (1744—1807); *Олеину говорил о Хемницеровых баснях*. — Можно предположить, что обсуждался замысел новой публикации басен Хемницера; предыдущее издание 1799 г. было подготовлено Н. А. Львовым и Капнистом.

23. В. В. Капнисту. ...*состав третейского суда*. — См. письмо № 20 и «Записки», с. 396; ...*организация Сената*... — Проект преобразования Сената был создан Державиным по поручению Александра I (см. «Записки», с. 393); ...*твою комедию послал*. — См. письмо № 22; ...*моих сочинений*... — то есть сборник «Анакреонтические песни»; ...*в Англии уже были*... — См. письмо № 20; *Анна Петровна* — Квашнина-Самарина; *Брюс* — Мусина-Пушкина-Брюс Екатерина Яковлевна, графиня; Державин оставался попечителем ее расстроенных имений на время ее пребывания за границей (возвратилась в 1804 г.); *ранжировать* — упорядочить, вовремя уплатить проценты по ссуде.

24. А. Н. Оленину. В письме речь идет о первом представлении (23 ноября 1804 г.) трагедии В. А. Озерова (1769—1816) «Эдип в Афинах»; издание трагедии, вышедшее в том же году, Озеров сопровождал посвящением Державину; поэт ответил Озерову благодарственным письмом и стихотворным посланием «Г-ну Озерову на приписанье «Эдипа», однако «маленькие» замечания Державина переросли затем в серьезную

критику трагедии Озерова, и отношения между писателями стали враждебными.

25. И. И. Дмитриеву. ...несколько журналов, на московской почве произрастающих... — Дмитриев подписывал Державина на периодические издания, выходившие в Москве.

26. Д. И. Хвостову. Хвостов (1757—1835) — плодовитый поэт, заслуживший у современников репутацию графомана, мишень огромного количества эпиграмм; член-сотрудник «Беседы любителей русского слова» по 2-му разряду (отделению), председателем которого был Державин; ...журнал ваш... — «Друг просвещения» на 1806 г.; анекдоты отечественные — ряд достопримечательных рассказов о русских исторических и современных деятелях, напечатанных в журнале (в том числе о писателях — Е. И. Кострове, Феофане Прокоповиче и др.).

27. И. И. Дмитриеву. Билеты — квитанции о подписке на журналы; ...письмо мое... к Павлу Ивановичу... — Голенищеву-Кутузову (см. письмо № 21); текст упомянутого письма неизвестен; стерва — дохлятина; манинький Львов — Павел Юрьевич (1770—1825), именовавшийся так в кругу литераторов в отличие от Н. А. Львова; «Храм великих мужей» — историческое сочинение П. Ю. Львова «Храм славы Российских Ироев от Гостомысла до царствования Романовых» (СПб., 1803); Дмитриев на этот «храм славы сгромаждения» написал эпigramму: «Сидящий на мешках славяно-русских слов...»; ...твердят... русского Штерна... — репетируют пьесу А. А. Шаховского «Новый Стерн» (поставлена 31 мая 1805 г.), осмеивавшую писателей-сентименталистов и в том числе Н. М. Карамзина.

28. И. И. Дмитриеву. Письмо относится к периоду подготовки публикации стихотворения «Память другу» в московском журнале «Вестник Европы» (1805, № 4), который в этом году редактировал М. Т. Каченовский; предложенные Дмитриевым и одобренные Державиным поправки были им учтены; ...затычке — то есть междометию «ах!».

29. Д. И. Хвостову. Надпись — анонимная «Надпись к портрету Державина» (ДП. 1805, Ч. 5); ...поздравляю... с переводом Боаловой науки поэзии — первым изданием на русском языке поэмы французского теоретика литературы XVII в. Н. Буало «Наука стихотворства» (1803). Неуклюжий перевод Хвостова был встречен эпigramмой И. А. Крылова: «Ты ль это, Буало? Какой смешной наряд...» (иногда приписывается И. И. Дмитриеву); Волхов — река в Новгородской губернии, на которой располагалась державинская Званка; Кубра — река около города Переславль-Залесский, рядом с именем Хвостова Слободка; в 1804 г. Хвостов напечатал описательную оду «Реке Кубре» и обращенное к Державину с берегов Кубры стихотворение «Барду»; Державин ответил на него посланием «Волхов Кубре» (ДП. 1804, № 9).

30. Д. И. Хвостову. Преосвященный Евгений (в миру Е. А. Болховитинов, 1767—1837) — в это время викарий новгородский, затем — митрополит киевский, составитель «Словаря русских светских писателей»,

собиравший для него материалы; некоторые статьи из «Словаря» были напечатаны в «ДП»; *Мусин-Пушкин* Алексей Иванович, граф (1744—1817) — собиратель рукописей, первый издатель «Слова о полку Иго-реве».

31. Д. И. Х в о с т о в у. *Стихи... в похвалу мою...* — См. письмо № 32; *...друзья мои говорили...* — Следующие стихи представляют перевод французского двустипия В. В. Капниста, обращенного к Державину.

32. И. И. Д м и т р и е в у. *...за похвалу его мне...* — ода «Г. Р. Д.» (ДП. 1805, № 10), в которой Хвостов предлагал Державину ряд тем для поэтической разработки; *...историческое слово...* — сочинение П. Ю. Львова «Пожарский и Минин, спасители отечества» (изд. 1810), написанное для конкурса, объявленного Российской Академией 12 июля 1804 г.; *...дом Шереметева...* — шереметевский дворец в Останкино, где произведения античного искусства соседствовали с поделками крепостных мастеров; *щепетинные* (щепетильные) *товары* — яркие и дешевые мелочные товары; *...тут красота и блеск...* — стих из эпиграммы Державина на Львова «Историческо-хвально слово...»; *Ковчег «Русской Правды»* — видимо, один из списков памятника юридической литературы Древней Руси «Русская правда»; в примечаниях к «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина эта рукопись не упоминается; *...от короны...* — то есть от правительства; *журнал г. Каченовского* — «Вестник Европы» на 1806 г.; «Ученые ведомости» — еженедельный журнал «Московские ученые ведомости», издаваемый профессором Московского университета И. Ф. Буле; представлял собою обозрение разнообразных научных изданий.

33. Д. И. Х в о с т о в у. *На элегантов...* — намек Державина на полемическую басню Хвостова «Госпожа и ткачи» (ДП. 1805, № 11, анонимно). Она кончалась стихом о «пиите-самохвале», который «Кричит: «вот élegance — и я поэт!»; стих целил в В. Л. Пушкина (см. его стихотворение «К любящим Муз», 1804 г.), однако басня в целом задевала и Карамзина, требовавшего от современных писателей «приятности» слога (*фр. élegance*), И. И. Дмитриев сразу же ответил Хвостову эпиграммой: «Без имя Рифмодел глумился, сколько мог...»; *...стихи мои...* — Письмо Хвостова не сохранилось, и неясно, какие стихи имеет в виду Державин; *Заслуги в гробе созревают...* — цитата из стихотворения Державина «Мой истукан»; *апофегмы* — краткие изречения; здесь: удачные поэтические фигуры.

34. И. И. Д м и т р и е в у. Письмо отражает обострившиеся в начале XIX в. споры по вопросу о правомерности использования в поэтической практике белого стиха и связано с публикацией в «Вестнике Европы» державинских переводов кантаты французского поэта Ж. Б. Руссо (1670—1741) «Цирцея» и стихотворения Ф. Шиллера «Дева за клави-нами» (окончательное название «Дева за арфой»). Каченовский внес некоторые изменения в текст «Цирцеи» (ВЕ. 1806, № 3), а вместо сделан-

ного белым стихом перевода Державина напечатал рифмованный перевод А. Ф. Мерзлякова (1778—1830) «К Лауре за клавесином» (там же, № 2). Конфликт был улажен только после публикации державинского стихотворения и заверения Дмитриева, что поправки в «Цирцее» были сделаны с его ведома. *Кантата г. Мерзлякова...* — перевод кантаты английского поэта Дж. Драйдена (1631—1700) «Торжество Александрово, или Сила музыки» (ВЕ. 1806, № 4), сделанный размером подлинника.

35. М. Т. Каченовскому. См. примеч. к письму № 34.

36. И. И. Дмитриеву. *Подарок ваш...* — 3-й том «Сочинений и переводов И(вапа) Д(митриева)» (М., 1805), где были собраны произведения последних лет.

37. И. И. Дмитриеву. *Поздравить с прикрасою...* — орденом св. Анны 1-й степени, который Дмитриев получил вскоре после возвращения на службу в 1806 г.; «*Эстетика*» — по предположению Я. К. Грота, это могли быть «Начальные правила словесности» аббата Ш. Баттё (1713—1780), начавшие выходить в Москве в русском переводе (ч. 1—4, 1806—1807); Державин использовал труд Баттё при работе над «Рассуждением о лирической поэзии, или Об оде»; ...*некоторую драму...* — Какую пьесу имеет в виду Державин, неизвестно, о выступлении Ю. А. Нелединского-Мелецкого в роли драматурга сведений не имеется; *Сандунов* — Сила Николаевич (1756—1820), известный комический актер, или его брат — Николай Николаевич (1769—1832), профессор Московского университета и драматург.

38. И. И. Дмитриеву. *Сенатские... сослуживники...* — С 1797 по 1799 г. Дмитриев служил обер-прокурором в Сенате вместе с Державиным; *Анна Петровна* — Бунина (1774—1829), поэтесса, почетный член «Беседы любителей русского слова»; ходили слухи о намерении Дмитриева жениться на Буниной; ...*племянник мой...* — Леонид (р. 1784) или Александр (р. 1796) Петровичи Львовы.

39. И. И. Дмитриеву. Письмо написано в связи с выходом в свет «Сочинений Державина» (ч. 1—4, 1808) и рассылкой экземпляров друзьям и знакомым; ...*из комиссии...* — по завершении Дмитриевым сенаторской ревизии Костромской губернии; *В. И. Нелидов* (1752—1810) — московский сенатор; ...*трагедию мою «Евпраксию»...* — при жизни Державина не печаталась; «*Ирод и Мариамна*» (1807) была представлена в Петербурге 23 ноября 1808 г., опубликована в 1809 г.

40. Н. И. Гнедичу. *Гнедич Н. И.* (1784—1833) — поэт, переводчик «Илиады» Гомера; современники ценили его также как чтеца-декламатора; «*Федра*». — Перевод одноименной трагедии французского драматурга Ж. Расина был закончен Державиным 27 августа 1809 г. (делался по подстрочному переводу его племянницы, Е. Н. Львовой); ...*Гомера вашего...* — Ок. 1807 г. Гнедич продолжил незавершенный Е. И. Костровым (ок. 1750—1796) перевод «Илиады» и в 1809 г. напечатал 7-ю ее песнь; этот ранний перевод делался еще александрийским стихом, а не гекзаметром.

41. А. И. Тургеневу. *Тургенев Александр Иванович* (1785—1846) — сын известного масона И. П. Тургенева, литератор карамзинского круга; в письме затрагивается вопрос об авторской собственности, который начал приобретать актуальность в России к началу XIX в. Подспудной причиной резкого тона письма послужила, видимо, медленная распродажа «Сочинений Державина» 1808 г.; ...г. *Жуковский*... — Василий Андреевич (1783—1852), в 1810 г. выпустил в Москве первые две части «Собрания русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских», куда вошло около 30 стихотворений Державина. Разрешение автора на включение их в издание было получено Жуковским через посредничество А. И. Тургенева, который заблаговременно представил Державину общий план издания и точный список произведений; ...емещенными между такими авторами... — Возможно, Державина рассердило соседство со стихами Н. И. Гнедича, с которым он в это время резко разошелся; *книгопродавец* — И. П. Глазунов; ...намерен несколько томов напечатать... — В 3—5 части «Собрания» (М., 1811) стихотворения Державина не включены.

42. А. И. Тургеневу. Ответ на обстоятельное письмо А. И. Тургенева от 11 апреля 1811 г., отвергавшее обвинения Державина в адрес Жуковского (см. письмо № 41). Письмо Державина Тургенев переслал Жуковскому в Москву, приписав: «Я не почел за нужное продолжать с Державиным переписку». ...у князя Бориса Владимировича... — Голицына (1769—1813), в доме которого собиралась «Беседа любителей русского слова» и где Державин поссорился с Гнедичем; ...слышали суждение многих... — К этому Тургенев пометил: «Не многих, а князя Бориса Владимировича, ...но ты сам знаешь, может ли он судить о достоинстве русской песни, когда он не может правильно прочесть ее» (Голицын знал родной язык хуже французского).

43. Д. И. Хвостову. *Обжоркин* — под этим условным названием подразумевается стихотворное послание Хвостова к И. И. Дмитриеву, читавшееся в «Беседе любителей русского слова» 26 января 1812 г. По просьбе Дмитриева автор при публикации заменил имя адресата отточием (Чтения в Беседе, 1812, кн. 6). В одном из персонажей послания — Обжоркине слушатели заподозрили насмешку над И. А. Крыловым; в печатном варианте эти намеки, очевидно, были Хвостовым приглушены; ...в частное собрание... — так назывались рабочие заседания разрядов (отделений) «Беседы» в отличие от общих, когда собирались все члены и сотрудники, обычно в присутствии высокопоставленных «попечителей».

44. Д. И. Хвостову. В письме речь идет о предварительном отборе произведений для чтения в общих заседаниях «Беседы любителей русского слова». *Послание*... «К Стамбулову» было направлено против А. С. Хвостова, председателя 3-го разряда «Беседы»; он славился остроумием и был известен серией эпиграмм на своего двоюродного брата Д. И. Хвостова; в последние годы жизни был директором Заемного банка,

до этого — в 1790-е гг. — русский поверенный в Константинополе. Раздраженный тем, что Хвостов поставил его в неловкое положение, Державин на некоторое время порвал с ним отношения. Чтобы оправдаться, Хвостов срочно поправил некоторые стихи и под названием «К Расилову» вручил послание А. С. Хвостову. Этот последний вариант был напечатан в сборнике Д. И. Хвостова «Послания» (СПб., 1814); ...*в первой вашей пиесе...* — «Послание к Дмитриеву» (см. письмо № 43).

45. Д. И. Хвостову. *На письмо мое к вам ссылаюся.* — О послании «К Стамбулову» см. письмо № 44.

46. В. В. Капнисту. *Томара* Василий Степанович (ум. 1819) — сосед Капнистов по имению Обуховка, интересовался литературой; с его помощью Капнист старался устроить служебную карьеру Н. И. Гнедича; *Уваров С. С.* (1786—1855) — в эти годы попечитель петербургского учебного округа; вместе с письмом от 25 ноября 1813 г. Капнист послал Уварову статью «Письмо об экзаметрах»; она представляла собой полемический отклик на обращение Уварова к Гнедичу с советом отказаться при переводе «Илиады» от традиционного александрийского стиха и переводить Гомера гекзаметрами (Чтения в Беседе, 1813, кн. 13). Капнист, в свою очередь, предлагал применить при переводе греческого эпоса размеры русских простонародных песен и привел собственный небольшой пример такого перевода. Полемика Капниста с Уваровым была опубликована в «Чтениях в Беседе» (1815, кн. 17) и окончательно склонила Гнедича в пользу гекзаметров; ...*в рассуждении моем...* — «Рассуждение о лирической поэзии, или Об оде» Державина (Чтения в Беседе, 1811, кн. 2); ...*песня наяд Волховъ и Псла...* — стихотворение С. В. Капниста (Сенюшки, сына В. В. Капниста) «Наяда Псла к Наяде Волхова» (опубликовано: Чтения в Беседе, 1815, кн. 17); «*Каргон*» — поэма Оссиана-Макферсона, переведенная Капнистом; отрывки из перевода появились в «Чтениях в Беседе» (1815, кн. 18); *Сулецкий* — управляющий Гавриловкой, малороссийским именем Державина. *Лобанов* — Лобанов-Ростовский Я. И. (1760—1831) — малороссийский генерал-губернатор, с которым Капнист имел судебное дело.

47. А. Н. Оленину. *Издатель «Сына отечества»* — Греч Николай Иванович (1787—1867), служивший в императорской Публичной библиотеке, директором которой был Оленин; *Галинковский* Яков Андреевич (1777—1816) — родственник Державина по первой жене, писатель, журналист; ...*не скажу раскритикован...* — В «Сыне отечества» (1814, № 50) был напечатан критический отзыв об анонимно изданном Галинковским переводе «Песнь дифирамбическая победоносному Александру на вшествие в Париж» (1814): «Издатель сей книжки поступил бы гораздо лучше, если бы напечатал один французский подлинник, потому что русский перевод вовсе его недостоин. Вольными стихами здесь названы такие, в которых не соблюдено ни числа, ни свойства стоп, ни сочетания рифм, ни грамматики, ни смысла подлинника. Переводчик извиняется тем, что перевел все стихотворение в два, три часа, но это его пимало

не оправдывает, а только показывает, что он пишет дурные стихи с большою легкостью».

48. А. С. Шишкова. Письмо написано в связи с намерением Державина содействовать сближению Шишкова и Карамзина, литературных противников, ставших символами враждебных литературных партий. Карамзин в 1816 г. приехал в Петербург для печатания первых 8-ми томов «Истории Государства Российского». 14 февраля 1816 г. он писал жене: «Нынешний день буду у Державина обедать со всеми моими смешными неприятелями и скажу им: „Есмь един посреди вас и не усташуся!“»; *Подносителю сего письма*... — штабс-капитан В. К. Бриммер (Брюммер), литератор, позднее действительный член Вольного общества любителей российской словесности.

В. Степанов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Г. П. Макогоненко . Поэзия, воссоздающая «истинную картину натуры»	3
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

Бог	29
Властителям и судиям	32
Праведный судия	33
Фелица	34
Благодарность Фелице	40
Видение Мурзы	41
На шведский мир	46
На взятие Измаила	48
Изображение Фелицы	57
На Новый год	69
Решемыслу	70
Памятник герою	73
Ключ	75
На смерть князя Мещерского	76
Осень во время осады Очакова	79
На смерть графини Румянцовой	82
Любителю художеств	85
Меркурию	89
На Счастье	90
На выздоровление Мецената	96
На умеренность	98
К первому соседу	101
К лире («Звонкоприятная лира!..»)	103
Вельможа	104
К Н. А. Львову	109
Водопад	111

На смерть Бибякова	122
Прогулка в Сарском Селе	125
Мой истукан	126
Ласточка	132
Флот	134
Приглашение к обеду	134
Соловей	136
Павлин	138
Горелки	139
На рождение царицы Гремиславы	140
Храповицкому («Товарищ давний, вновь сосед...»)	143
Памятник	144
На щету земной славы	145
Радость о правосудии	146
Урна	147
О удовольствии	150
На ворожбу	152
Похвала сельской жизни	153
Афинейскому витязю	155
На возвращение графа Зубова из Персии	159
Капнисту	163
На победы в Италии	165
На переход Альпийских гор	166
Снегирь	174
Буря	175
Храповицкому («Храповицкий! дружбы знаки...»)	175
Колесница	176
Фонарь	179
Олеину	183
К Скопихину	185
Ко второму соседу	186
Знамя	188
Время	189
Весна	191
Память другу	192
Лето	193
Осень	194
Облако	195
Евгению. Жизнь Званская	198
Лебедь	205
На рождение в Севере порфирородного отрока	206
Хариты	208
К Музе	209
Пришествие Феба	210

Развалины	211
К Апжеляке Кауфман	213
К лире («Петь Румянцова собирался...»)	214
К самому себе («Что мне, что мне суетиться...»)	215
Потопление	215
Крезов Эрот	216
К Эвгерне	216
Пчелка	218
Геркулес	218
Купидон	219
Соловей во сне	220
Рождение Красоты	221
Дар	222
Желание	223
Гостю	223
Другу	224
Богатство	224
Мельник	225
Стрелок	225
Русские девушки	226
Арфа	226
На разлуку	227
Цыганская пляска	228
Цеи	229
Призывание и явление Плеширы	229
Тончию	230
Пикники	231
Разные вина	232
Философы пьяный и трезвый	233
Хмель	235
Мореходец	235
Деревенская жизнь	236
Охотник	237
Объявление любви	237
Пламиде	238
Нине	238
Тишина	239
Гитара	240
Шуточное желание	240
Старик	241
Свобода	241
Невесте	242
Признание	243
Альбаум	243

Задумчивость	245
Надежда. К Федору Петровичу Львову, у коего первая супруга была Надежда	245
Аспазии	247
Царь-девица	248

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПРИЖИЗНЕННОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Вывеска	255
На сороку в защищение кукушек	255
На гроб Бодряги	255
Правило жить	256
На изображение Феофана	256
К портрету Михайла Васильевича Ломоносова	256
Князю Каптемиру, сочинителю сатир	256
Модное остроумие	256
Эпитафия мудрецу нынешнего века	257
Желание Зимы	257
Челобитная о достройке дома	259
На птичку	259
На смерть собачки Милушки, которая при получении известия о смерти Людовика XVI упала с колен хозяйки и убилась до смерти	259
На смерть Катерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня при- ключившуюся	259
Отрывок («Не предавай себя печали...»)	260
Надгробие Шелехову	261
Вид автору «Суворовиды»	261
Автору, осмевшему в комедии стихотворцев и переводившему Апакреона	261
Жуковскому и Родзянке, приславшим с большими похвалами авто- ру перевод его оды «Бог» на французском языке	261
К силуэту И. И. Хемницера	262
К портрету В. В. Капниста	262
На холодного стихотворца	262
На вадорного писателя	262
Эпитафия Н. Е. Струйскому	263
На Скрыплева	263
На Хмельница	263
На смерть графа Александра Васильевича Суворова-Рымникого, князя Италийского, в С.-Петербурге (1800) года	264
«Всторежествовал и усмехнулся...»	264
На гроб N. N.	264

«Каша золотая...»	265
На подъячего, свиставшего в комедии «Коварный»	265
На оппозицию аяглийского парламента о торге невольниками	265
На несправедливую хвалу рецензентом некоторых мест в трагедии «Барды»	266
На журнал «Друг просвещения», переименованный из алого цвета в голубой	266
Крестьянский праздник	266
На прогулку в Грузинском саду	268
Привратнику	268
К Правде	270
На памятник прекрасного пуделя	270
«Тебе в наследие, Жуковский!..»	271
«Уж я стою при мрачном гробе...»	271
«Враги нам лучшие друзья...»	271
Суд о басельниках	272
Суд о трагиках	272
На гробы рода Державиных в Казанской губернии и уезде, в селе Егорьеве	272

ЗАПИСКИ
ИЗ ИЗВЕСТНЫХ ВСЕМ ПРОИСШЕСТВИЕВ
И ПОДЛИННЫХ ДЕЛ,
ЗАКЛЮЧАЮЩИЕ В СЕБЕ ЖИЗНЬ
ГАВРИЛЫ РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА

Отделение I. С рождения его и воспитания по вступление в службу	275
Отделение II. Военная Державина служба до открывшегося в Империи возмущения	280
Отделение III. С упомянутого возмущения по вступление Державина в статскую службу	302
Отделение IV. С окончания военной прехождение статской службы в средних чинах по отставку	323
Отделение V. С определения его в губернаторы до удаления его от оного звания и возведения в высшие государственные чины и должности	336
Отделение VI. По отлучении от губернаторства до определения в статс-секретари, а потом в сенаторы и в разные министерские должности	350
Отделение VII. Царствование императора Павла	381
Отделение VIII. Царствование императора Александра I	390
Упражнения его после отставки от службы	401

ПИСЬМА

1. Я. И. Булгакову. 4 июня 1782 г. Петербург	405
2. Е. Р. Дашковой. Май 1783 г. Петербург	405
3. Е. Р. Дашковой. 25 ноября 1783 г. Петербург	406
4. В. В. Капнисту. 29 апреля 1785 г. Петрозаводск	407
5. В. В. Капнисту. Март 1786 г. Тамбов	409
6. Н. Н. Трубецкому. 24 августа 1786 г. Тамбов	409
7. Е. Р. Дашковой. 16 ноября 1786 г. Тамбов	410
8. В. В. Капнисту. 18 июля 1789 г. Петербург	412
9. В. В. Капнисту. 31 декабря 1789 г. Петербург	413
10. Е. Я. Державиной. 1793 г. Царское Село	414
11. И. И. Дмитриеву. 28 апреля 1794 г. Петербург	415
12. И. И. Дмитриеву. 5 августа 1796 г. Петербург	416
13. И. И. Дмитриеву. 6 октября 1796 г. Петербург	417
14. И. И. Шувалову. Июнь 1797 г. Петербург	418
15. Ф. Н. Голицыну. 9 января 1798 г. Петербург	419
16. А. Б. Куракину. 3 марта 1798 г. Петербург	420
17. Ф. Н. Голицыну. 17 июня 1798 г. Петербург	421
18. И. И. Дмитриеву. 11 февраля 1804 г. Петербург	422
19. И. И. Дмитриеву. 28 февраля 1804 г. Петербург	423
20. В. В. Капнисту. 21 марта 1804 г. Петербург	424
21. И. И. Дмитриеву. 5 июня 1804 г. Имение Званка	425
22. В. В. Капнисту. 30 июля 1804 г. Петербург	426
23. В. В. Капнисту. 3 сентября 1804 г. Имение Званка	427
24. А. Н. Оленину. 29 ноября 1804 г. Петербург	428
25. И. И. Дмитриеву. 21 декабря 1804 г. Петербург	428
26. Д. И. Хвостову. 22 декабря 1804 г. Петербург	429
27. И. И. Дмитриеву. 10 января 1805 г. Петербург	429
28. И. И. Дмитриеву. 23 января 1805 г. Петербург	430
29. Д. И. Хвостову. 16 мая 1805 г. Петербург	431
30. Д. И. Хвостову. 31 мая 1805 г. Имение Званка	432
31. Д. И. Хвостову. 21 ноября 1805 г. Петербург	432
32. И. И. Дмитриеву. 21 ноября 1805 г. Петербург	433
33. Д. И. Хвостову. 11 декабря 1805 г. Петербург	434
34. И. И. Дмитриеву. 2 марта 1806 г. Петербург	435
35. М. Т. Каченовскому. До 20 марта 1806 г. Петербург	435
36. И. И. Дмитриеву. 8 марта 1806 г. Петербург	436
37. И. И. Дмитриеву. 22 ноября 1806 г. Петербург	436
38. И. И. Дмитриеву. 10 ноября 1808 г. Петербург	437
39. И. И. Дмитриеву. 15 февраля 1809 г. Петербург	438
40. Н. И. Гнедичу. 1809—1810(?) гг. Петербург	438
41. А. И. Тургеневу. 18 марта 1811 г. Петербург	439
42. А. И. Тургеневу. 11 апреля 1811 г. Петербург	440
43. Д. И. Хвостову. Январь 1812 г. Петербург	440

44. Д. И. Хвостову. 3 января 1813 г. Петербург	441
45. Д. И. Хвостову. Февраль 1813 г. Петербург	442
46. В. В. Капнисту. 30 декабря 1813 г. Петербург	442
47. А. Н. Оленину. Декабрь 1814 г. Петербург	443
48. А. С. Шишкову. 12 февраля 1816 г. Петербург	444
 Примечания	 446

Державин Г. Р.

Д 36 Сочинения: Стихотворения; Записки; Письма/
Сост. Г. Макогоненко, В. Степанова; Подгот. текста
В. Степанова; Вступ. ст. Г. Макогоненко; Примеч.
В. Степанова. — Л.: Худож. лит., 1987. — 504 с., 1 л.
портр.

Поэзия Г. Р. Державина (1743—1816) на рубеже XVIII—XIX вв. явилась итогом столетнего развития русской литературы. Разрушая каноны классицизма, Державин создал индивидуальный стиль, оказавший воздействие на творчество Пушкина и поэтов-декабристов. В издание вошли оды, гражданская лирика, сатирические стихи, анакреонтические песни, автобиографические «Записки», а также избранные письма поэта к различным литературным деятелям его эпохи, не публиковавшиеся в советское время.

Д 4702010100-059
028(01)-87 29-87

ББК 84.Р1

ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН

СОЧИНЕНИЯ

Составители

Георгий Пантелеймонович Макогоненко

и Владимир Петрович Степанов

Редактор *А. Шелаева*

Художественно-технический редактор

М. Шафрова

Корректоры

А. Борисенкова, М. Зимица

ИБ № 4762

Сдано в набор 26.02.87. Подписано в печать 16.10.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Немам. ЦБК. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 26,46 + вкл. 0,05 = 26,51. Усл. кр.-отт. 26,98. Уч.-пзд. л. 29,19 + 1 вкл. = 29,23. Тираж 200 000 экз. Изд. № ЛП—154. Заказ № 866. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.